

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

«БЕРЕГА АНГРАПЫ» 2'2006

спецвыпуск

ДЕЛО ГЕННАДИЯ РАЗУМНОГО

Редакционная коллегия:
И.В.Ерофеев – главный редактор,
Г.В.Каштанова-Ерофеева –
ответственный секретарь,
Г.И.Ваткеева,
А.К.Гахов,
В.Н. Хабибуллин.

ББК 84Р7 + 63 Клд

Б 48 Берега Анграпы. 2006. №2: Дело Геннадия Разумного: Художественно-публицистический альманах [специальный выпуск]. – Калининград: «Янтарный сказ», 2006. – 320 с.: ил., 4 с. вкл.

По заказу
администрации муниципального образования «Черняховский городской округ»
238150, Россия, Калининградская обл., г.Черняховск, ул.Калинина, 4.
Тел.: 8(40141) 3-21-03; факс: 8(40141) 3-23-82;
e-mail: chernyakhovsk@baltnet.ru; www.chernyakhovsk.su

Составители *И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева*
Макет и оформление: *С.А. Трень*
Компьютерный набор: *И.В. Ерофеев*
Верстка: *Е.Г. Дорофеев*
Корректор *Г.В. Каштанова-Ерофеева*
Перевод предисловия от редактора на немецкий язык: *Л.Н. Комарова*

Материалы для оформления предоставили
Е.В. Разумная, О.С. Разумная, Г.В. Быков, В.Е. Васильев, М.Г. Гусаков, Е.Г. Дорофеев,
И.В. Ерофеев, Г.В. Каштанова-Ерофеева, Е.А. Калашников, А.А. Лобанов, Н.Ю. Никольская,
А.Н. Смирнов, О.А. Солдатов, В.В. Тишкин, И.М. Трень, С.А. Трень, Н.М. Филиппова, И.Д. Чечот.

Благодарим за поддержку, помощь и содействие в издании специального выпуска альманаха «Берега Анграпы», посвященного памяти черняховского краеведа Геннадия Федоровича Разумного, администрацию муниципального образования «Черняховский городской округ» и окружной Совет депутатов, родных и близких Геннадия – Евдокию Васильевну Разумную, Оксану Разумную, дочь Ингу; научного сотрудника Института археологии РАН Михаила Гусакова; заведующую отделом краеведения и иностранной литературы Централизованной библиотечной системы г.Черняховска Наталью Филиппову; переводчицу Любовь Климову, а также всех друзей и знакомых Г.Ф. Разумного, предоставивших материалы для оформления.

На наклейках – фотографии современного Черняховска
1-я страница: 1. Ул.Пионерская (ранее Генеральштрассе). У дома, на котором была установлена памятная доска с информацией о пребывании Наполеона Бонапарта в Инстербурге, в день ее открытия. Автор – скульптор В.А. Суровцев (3-й слева во 2-м ряду). 2. Памятные знаки в честь парада русских войск в Инстербурге 5 сентября 1914г. (пл.Ленина – ул.Горная).
2-я страница: 1. Памятник уланам 12-го Литовского полка (угол улиц Замковой и Л.Толстого). (Восстановлен в соответствии с оригиналом работы Станислауса Кауэра.) 2. Ул.Садовая. Книжный магазин «Янтарный сказ». 3. Ул.Калинина. Памятный знак в честь пребывания Петра I в Инстербурге. 4. Ул.Л.Толстого. Памятный знак в честь 25 безымянных героев, погибших при штурме Инстербурга в январе 1945г.
3-я страница: 1. Жилой дом на ул.Л.Толстого у стен замка Инстербург. 2. Дом на ул.Водопроводной, восстановленный после пожара. 3. Ул.Госпитальная. 4. Ул.Суворова.
4-я страница: 1. Проект памятника М.Б. Барклаю-де-Толли в Черняховске. Скульптор В.А. Суровцев, архитектор В.В. Пасенко. 2. Ул.Тольятти.

© Редколлегия, колл. авторов, 2006

© С. Трень, макет, 2006

К ЧИТАТЕЛЯМ И ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ

С Геннадием Разумным я впервые познакомился в 1989 году. На заре демократии мы вместе баллотировались в местный совет народных депутатов. Его тогда избрали, меня нет. Помню мнение одного из тогдашних достаточно высокопоставленных чиновников горисполкома. Звучало оно приблизительно так: «А у нас в совете есть много интересных людей. Есть Разумный, очень разумный человек». Уже позже, когда мне в начале 1991 года пришлось начинать собственный, непростой путь на стезе предпринимательства, я познакомился с Геннадием ближе. Дело в том, что еще с юности из всех наук я выделял историю и, как следствие, краеведение. Будучи студентом медицинского вуза, окончил полугодовые курсы экскурсоводов и водил группы туристов по местам боев на Курской дуге, к Тургеневу в Спасское-Лутовиново, к Толстому в Ясную Поляну... На этой почве интереса к своей малой и большой родине мы и подружились. Именно в тот момент возникла у Гены и ряда его единомышленников идея издавать газету «Воскресение». А спонсировала выпуск первых номеров этой уникальной для той, теперь уже далекой поры, газеты как раз та фирма, коммерческим директором которой я трудился. Называлось это первое в Черняховске частное предприятие ПТП «Соввест-центр». Располагалось оно, кстати говоря, в холодной мансарде над городской библиотекой. Вот в тех двух крошечных каморках и начиналось то большое дело, у истоков которого стоял Геннадий Разумный. Тогда мы еще это плохо понимали, но именно в том месте воскресала, пробуждалась наша историческая память.

Около 1997 года появилась идея издать отдельной книгой все то, что успел к тому времени написать Разумный. Помню, была предпринята попытка, и не одна, собрать деньги на нее среди местных предпринимателей, но попытка не удалась. То дефолт, то выборы, то еще что-нибудь. А Геннадий все писал, публикуя свои очерки в газете «Полус». Материала прибавлялось. Буквально за несколько месяцев до его смерти я предложил Гене дать необходимую сумму на издание его книги. Он обрадовался, взялся за редактирование, но вскоре его не стало. Казалось, книга так никогда и не увидит свет, но судьба распорядилась по-иному. Я не забыл свое обещание и, став главой муниципалитета, сдержал слово. Поддержали коллеги, депутаты, утвердившие разработанную администрацией программу... Помогло и 670-летие со дня основания Инстербург-Черняховска, города, который он так любил. И вот книга Геннадия Разумного в ваших руках. Читайте, дорогие друзья. А еще посмотрите иллюстрации. Фотографии старого и современного города. Я счастлив, что исторических, интересных для туристов и жителей мест за прошедшие полтора года у нас прибавилось. Мы восстанавливаем фасады исторических зданий, вернули на законное место «свергнутый» в середине 50-х годов со своего пьедестала памятник нашим воинам 12-го Литовского уланского полка; рядом с домом, где останавливался Наполеон, появилась памятная доска; на подходе установка конной статуи героя Бородина и покорителя Парижа М.Б. Барклая-де-Толли. В будущем году мемориальные доски отметят память героя битвы при Гросс-Егерсдорфе фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского, первого георгиевского кавалера Первой мировой барона П.Н. Врангеля... Уверю вас, ничего подобного не случилось бы, если бы изначально не было краеведа Геннадия Разумного, не было газеты «Воскресение», не было его очерков по истории родного города...

Андрей Виноградов,

Глава муниципального образования «Черняховский городской округ».

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогие друзья, уважаемые читатели!

Перед вами сборник материалов о жизни нашего города, в основном еще прежнего города – Инстербурга, имеющего более чем 600-летнюю историю. До Второй мировой войны это был достаточно крупный культурно-промышленный центр, узел железных и автомобильных дорог, с населением почти в 50 тысяч человек, известный своими коневодческими традициями и лучшим в Европе ипподромом. Инстербург жил и развивался по своим жизнеутверждающим законам и, безусловно, стал бы еще краше. Но война не пощадила процветающий город и нанесла ему непоправимый урон, уничтожив исторический центр, заставив покинуть его жителей родные места. В этот город пришли новые

люди, которые справедливо не любили это место, куда их определила судьба. Для них все здесь было чужое и ненавистное. Но нужно было жить, растить своих детей, отстаивать свою правду. Именно эти люди, чьи самолеты и пушки превратили город в руины, его же и восстановили из праха. Восстановили, как умели, может, где-то не так, как надо, но город опять стал жить. Они назвали его именем советского полковника, не бывавшего в Инстербурге, но сражались здесь солдаты 3-го Белорусского фронта, которым он командовал...

Теперь это совершенно другой город, с новым лицом. Он не стал больше, но и не стал от этого хуже, и живут в нем люди не менее интересные и талантливые, любящие его таким, каков он есть. Черняховец Геннадий Разумный одним из первых стал интересоваться всем, что его окружает. Он стал собирать по крупицам любую информацию, хоть как-то приоткрывавшую завесу тайн, которыми так полон был этот город. Идеология страны в те годы, мягко говоря, не приветствовала «нерусское» прошлое своей самой западной области. Именно в эти годы разбирались на кирпич не пощаженные временем замки и кирхи, сносились «ненужные» строения, разбиралась брусчатка дорог.

К счастью, этот разрушительный «процесс» завершился, и сегодня у большинства отношение к истории этой земли совершенно иное. Геннадий Разумный, как полпред истории края, за десятки лет собрал обширную коллекцию материалов, делясь информацией с горожанами посредством статей в различных средствах массовой информации региона.

Спустя три года после его безвременной кончины мы, его единомышленники, систематизировали и подготовили к печати почти все, что было опубликовано им. Сегодня, благодаря позитивной политике администрации в плане сохранения историко-культурного наследия, эти материалы увидели свет. Любознательный читатель может познакомиться с самыми разнообразными страницами жизни города и найдет массу интересных фактов, которые, без сомнения, изменят его прежние представления об этом крае.

Фактически это первое капитальное издание об истории Инстербурга-Черняховска, столь необходимое и так долго ожидаемое. Для учащейся молодежи это бесценный источник для изучения, как сейчас нередко говорят, «регионального компонента». Понятно, что здесь собран далеко не весь материал по истории города, но основные вехи его судьбы прослежены. Выход же цельной летописи Инстербурга-Черняховска, о которой мечтал Разумный, еще ждет своего часа...

Сбор материалов и подготовка их к публикации в этом сборнике велись около трех лет. Личный архив Геннадия Разумного по большей части был утрачен, и мы пользовались только самыми доступными источниками – газетами и журналами, где Разумный и сотоварищи помещали свои переводы статей из немецкой периодики.

Как редактор и составитель, хочу поблагодарить всех оказавших содействие в реализации этого проекта. Труд получил символическое название «Дело Геннадия Разумного» и выходит в свет как специальный выпуск городского художественно-публицистического альманаха «Берега Анграпы». Думаю, что эта работа станет настольной книгой для многих из тех, кто интересуется историей города.

Игорь Ерофеев.

VOM REDAKTEUR

Liebe Freunde, sehr geehrte Leser!

Vor Ihnen liegt eine Sammlung von Materialien über das Leben unserer Stadt, hauptsächlich der ehemaligen Stadt Insterburg, die eine über 600-jährige Geschichte hat. Vor dem Zweiten Weltkrieg war das ein großes Kultur- und Wirtschaftszentrum, ein Eisenbahn- und Autoverkehrsknotenpunkt mit der Einwohnerzahl über 50 000 Menschen, das durch seine Traditionen in der Pferdezucht und die beste Rennbahn in Europa bekannt war. Insterburg lebte und entwickelte sich nach seinen lebensbejahenden Gesetzen und wäre zweifellos noch schöner geworden. Aber der Krieg schonte die gedeihende Stadt nicht und fügte einen unverbesserlichen Schaden zu, zerstörte das historische Zentrum, zwang seine Einwohner die Heimat zu verlassen. In diese Stadt kamen neue Menschen, die gerecht die Gegend, die ihnen das Schicksal bestimmte, nicht liebten. Für sie war hier alles fremd und verhasst. Aber man musste leben, die Wahrheit verteidigen. Nämlich die Menschen, deren Flugzeuge und Kanonen die Stadt in Ruinen verwandelten, bauten sie aus Schutt und Asche wieder auf. Sie nannten die Stadt nach dem Namen des sowjetischen Feldherrn, der in Insterburg nicht war, aber hier kämpften die Soldaten der 3. Belorussischen Front, über die er das Kommando führte...

Jetzt ist das eine völlig andere Stadt mit einem neuen Antlitz. Sie wurde nicht größer, aber dadurch wurde sie auch nicht schlechter, und da leben Menschen, die nicht weniger interessant und begabt sind, die sie so lieben, wie sie ist. Der Einwohner von Tschernjachowsk Gennadi Rasumny begann sich als einer der ersten dafür zu interessieren, was ihn umgibt. Er begann die beliebige Information zu sammeln, die uns auf irgendwelche Weise den Vorhang der Geheimnisse, von denen die Stadt voll war, heben konnte. Die Ideologie des Landes damals begrüßte die „nicht russische“ Vergangenheit seiner westlichen Region nicht. Nämlich in diesen Jahren wurden Schlösser und Kirchen, die die Zeit nicht schonte, für Ziegel abgetragen, die nicht zu gebrauchten Gebäude wurden auch abgetragen, die Wege aus Pflastersteinen wurden auseinander genommen.

Glücklicherweise wurde dieser vernichtende Vorgang beendet und heute verhalten sich die meisten zur Geschichte dieses Landes ganz anders. Gennadi Rasumny als Vertreter der Geschichte unserer Region sammelte in vielen Jahren umfangreiche Materialien auf. Er teilte den Einwohnern die Information in den Artikeln verschiedener Massenmedien mit.

Nach drei Jahren nach seinem frühen Tod wir, seine Gleichgesinnten, systematisierten und bereiteten zum Druck alles vor, was von ihm veröffentlicht wurde. Heutzutage dank der positiven Politik der Stadtadministration im Rahmen der Erhaltung des historisch-kulturellen Nachlasses erblickten die Materialien das Licht der Welt. Der neugierige Leser kann sich mit ganz verschiedenen Seiten des Stadtlebens bekannt machen und findet viele interessante Tatsachen, die zweifellos seine frühere Vorstellungen über dieses Land verändern.

In der Wirklichkeit ist das die erste gründliche Auflage über die Geschichte der Stadt Insterburg-Tschernjachowsk, die so benötigt war und die man so lange erwartete. Für die lernenden und studierenden Jugendlichen ist das eine wertvolle Quelle für das Erlernen der „regionalen Komponente“. Es ist verständlich, dass hier nicht alle Materialien zu der Geschichte der Stadt gesammelt sind, aber die wichtigsten Entwicklungsstufen ihres Schicksals sind verfolgt. Die Auflage der einheitlichen Chronik von Insterburg-Tschernjachowsk, für die Gennadi Rasumny schwärmte, wartet auf ihre Zeiten...

Das Sammeln von Materialien und ihre Vorbereitung zur Veröffentlichung in diesem Sammelband wurde im Laufe von drei Jahren durchgeführt. Der größte Teil der persönlichen Sammlung wurde verloren, und wir benutzten nur die zugänglichen Quellen – Zeitungen und Zeitschriften, wo Rasumny und seine Kollegen ihre Artikelübersetzungen aus der deutschen Presse veröffentlichten.

Als Redakteur und Verfasser möchte ich mich bei allen bedanken, die der Verwirklichung dieses Projekts beistanden und mithalfen. Das Werk bekam einen symbolischen Titel – „Das Werk von Gennadi Rasumny“ und erscheint wie eine spezielle Auflage des schöngeistig-publizistischen Almanachs „Die Ufer der Angerapp“. Hoffe, dass dieses Werk zum Handbuch für viele Menschen wird, die sich für die Geschichte der Stadt interessieren.

Igor Erofeev.

О ДЕЛЕ ГЕННАДИЯ РАЗУМНОГО

Тот выпуск альманаха «Берега Анграпы», что вы держите в руках, – это «коллекция» материалов по истории города, на основе которой Геннадий Разумный хотел написать свою книгу. Он стремился выйти на новый уровень обобщения и синтеза уже известных ему фактов, выстроить их в задуманной последовательности, «вы ткать свой гобелен». Этого сделать не успел. Однако разыскал (и мы при этом ничуть не уменьшаем роли других краеведов) обширное количество материалов по истории города, заронил стойкий интерес к ее изучению у немалого числа своих сограждан (и не только черняховцев). Во всяком случае, не одно поколение горожан уже «заболело» (и продолжает «заражаться») этим интересом благодаря «Воскресению» с Геннадием Разумным», которое многократно копируется и ходит из рук в руки, и почерпнутое из него находит место то в ученическом либо студенческом реферате, то в рассказе экскурсовода, то в приятельской беседе («А знаешь, оказывается, в нашем городе в ... году...»).

Эта «коллекция» включает сведения по истории Инстербурга – города и округа, по большей части переводы заметок, статей, фрагментов немецких публикаций. Разумный не всегда давал «точные координаты» изданий, откуда брал материал: это должно было быть его «тайной», он оставался для многих из нас «первопроходцем берегов острова Инстербург».

В свое время Николай Александрович Белан – талантливый журналист, редактор районной газеты «Коммунист» – написал книгу о Черняховске, то есть о той части истории города, которая начиналась в 1945 году. Книга вышла в 1964-м, а значит, «охвачено», описано было около 20 лет. Город «живет» на земле, история которой не только продолжительна, но и многослойна. И эту историю необходимо вписать в широкий контекст истории государств – Германии, Польши, Литвы, России, – в более масштабное полотно истории Европы и мира в целом.

Теперь сам факт деятельности Геннадия Разумного по изучению истории города – уже тоже есть история. Знакомясь с его «коллекцией», мы можем проследить, как менялись его представления о «биографии» города: поначалу «точечные», «спорадические», они становятся все более объемными, конкретизируются, уточняются со временем, обрастают причинно-следственными связями. А значит, менялись и представления горожан, читателей, они и теперь во многом определяются тем, что собрано им...

В конце 1980-х – начале 1990-х, в «перестройку», появилось гораздо больше возможностей найти материалы по истории города, в особенности на немецком языке. Интерес к ее далеким эпохам требовал насыщения. Тогда и стала выпускаться Ассоциацией представителей культуры и искусства г.Черняховска газета «Воскресение». Определенной периодичности не было. Вышло 8 номеров. Издавать газету самостоятельно было сложно. И тогда краеведческие материалы было решено печатать специальной полосой, именованной так же – «Воскресение», – в газете «Полюс». Немало материалов нашел и перевел Геннадий Гончаров, много работали в этом направлении Владимир Ходюк, Владимир Михейлис, Денис Сечкин, Марина Терехина, Нина Мартыненко, Светлана Недосекина, Светлана Бондаренко, Светлана Дворникова, – каждый из этих людей в свое время внес вклад в «воссоздание» тех или иных страниц истории и культуры Черняховска-Инстербурга.

Разумный же оказался, пожалуй, самым последовательным и самым настойчивым в утолении своего интереса к судьбе города, ставшего его судьбой. Если для других краеведение чаще было делом «попутным», для него оно выросло в дело главное, составившее смысл и счастье его существования. Он неутомимо и непрерывно «выдавал материалы на-гора», стремясь поделиться своими знаниями о далекой прежней жизни города, чтобы те, кто в нем живет теперь, этот город поняли, приняли сердцем и берегли.

Поначалу его рубрики представляли собой «мозаику» из «чужих», переводных материалов, найденных им и другими его земляками. Потом он пишет и сам, обобщая, сопоставляя, анализируя, пытаясь установить взаимосвязи между отдельными фактами. Так количество собранного переходило в качество осмысленного. В последний год своей жизни (никто и предполагать не мог, что тот год для него, сорокавосемилетнего крепкого, энергичного человека, – последний!) он все чаще вел разговор о своей книге. Со мной он говорил об этом в июне 2003-го, когда мы готовили к печати 2-й номер «Надровии». Помню, мы тогда много спорили. Думала, мой педантизм он воспринимает как излишнюю придирчивость. А он вдруг сказал – и не спрашивая, а утверждая: «Будешь делать со мной мою книгу...»

Помимо «Воскресения», Разумный публикуется в рубриках «Былое», «Страницы истории», в журналах «Мой город Черняховск», «Запад России», «Стройинтерьер», молодежной газете «Движение пакетов», с 2002-го начинает издавать

Геннадий Разумный с дочерью Ингой.

(вместе с Игорем Ерофеевым) историко-краеведческий журнал «Надровия». Вот почему в этом выпуске мы расположили материалы «коллекции» «по изданиям и рубрикам». Таким образом, получился своеобразный и обширный «дайджест», вобравший в себя почти все то, что удалось опубликовать Геннадию Разумному из найденного или написанного им. Мы практически не подвергали печатаемое здесь правке. В единичных случаях убрали повторы и внесли небольшие уточнения в собственные наименования – географические названия и имена исторических лиц, выверенные по доступным источникам. Чаще мы добавляли свои варианты на-

писаний, заключив их в квадратные скобки, тем более что иные наименования и поныне употребляются в разных «вариациях». Некоторые материалы он печатал, порой с изменениями и дополнениями, в нескольких изданиях. Мы поместили здесь те из дублирующихся публикаций, которые, на наш взгляд, являются более полными и проработанными.

Заметим, что не все факты в этой уникальной «коллекции» достоверны. Сказались ограничения, обусловленные временем ее «собираения»: это уже сейчас известно больше, чем тогда; к тому же в распоряжении краеведов имелось значительно меньше справочных изданий, позволявших проверить и уточнить те или иные сведения о реалиях и обстоятельствах прошлого.

«Виртуальные истории», своеобразные мистификации (например, про Барби в Инстербурге) – это особая статья в краеведении Геннадия Разумного. Это его особенный, «разумновский» и «разумный» кураж. Он любил слово «кураж» – я о том писала, – любил такую игру: «замотивировать», как говорят психологи, а проще говоря – увлечь, заинтриговать, «обмануть», чтобы побудить искать правду. Из-за чего мы порой и спорили: я утверждала, что главное – достоверность, а потому надо каждую дату, каждое имя проверить-выверить, а он: «Пусть ищут. Пусть покопаются, пусть сами разберутся...» Кстати, в сущности, он не стремился «обманывать» – под заголовком выдуманных «краеведческих повествований» стояло: «Виртуальная история». Правда, почему-то на это далеко не всегда обращалось внимание и все сочиненное принималось за чистую монету...

Так называемые «несовершенства» нисколько не умаляют значения сделанного Разумным, который занялся «собираательством» еще в «подцензурные» годы, сумел накопить и пустить в свет множество любопытнейших материалов, дав им новую жизнь. Да и до сих пор его публикации – едва ли не единственная возможность найти что-то на русском языке по истории нашего города.

И еще одна важная вещь. То, что он делал, утоляя интерес своей любознательной души, имеет практическое значение, которое, думается, в наше время может только возрастать, потому что нам, хозяевам этой земли (если не хотим быть и слыть «временщиками»), надо знать ее, надо знать, как взаимодействовать, уживаться с ней, как органично вписаться в ее уникальный ландшафт. А в собранном Геннадием Разумным и другими краеведами содержатся бесценные сведения о том, как хозяйствовал здесь человек, стремясь оставаться в ладу с природой, как и какой образ жизни вырабатывало человеческое сообщество в этом крае с незапамятных времен. И нам, безусловно, стоит обратиться к опыту прошлого, к опыту успешного хозяйствования, чтобы освоить и усвоить уроки предшествующих эпох, чтобы, предотвращая губительные ошибки, жить в добром мире с родной землей.

Галина Каштанова-Ерофеева.

Газета

ВОЗРОЖДЕНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Перед нами хронология событий истории Инстербурга. Дается она в переводе с немецкого языка из книги «Инстербург в фотографиях». В последующих номерах об этих датах будет рассказано более подробно. Кроме того, предполагаем перепечатывать материалы к юбилеям и памятным датам, рассказывать о событиях, происходивших на территории нашего района.

Все публикации будут иллюстрированы старыми фотографиями, которые дадут представление о прошлом Инстербурга.

1274. Немецкий рыцарский орден (черный крест на белом фоне) завоевывает местность Надрауэн.

1336. Основание Дома Инстербург хохмейстером Ордена Дитрихом фон Альтенбургом.

1365. Герцог Вильгельм II фон Юлих проходит походом на Литву через Инстербург.

1371. Граф Дитрих IV фон Мёрс проходит через Инстербург на Литву и погибает в начале 1372 года.

1410. Немецкий орден терпит поражение под Танненбергом, после этого поражения он не смог оправиться.

1525. Вечный мир заключен в Кракове, после того как мирные переговоры в Торне принесли окончание военных действий. Последний хохмейстер Ордена Альбрехт фон Бранденбург превращает духовное рыцарское государство в светское герцогство и вводит реформуацию. Инстербург с помощью своего капитана Иоганна Пайна становится исходным пунктом для дальнейшего заселения этой местности.

Деревня Шпарге у подножия крепости Ордена насчитывала около 350 жителей и приблизительно 60 дворов.

1541. Деревня становится городком Инстер.

1583. 10 октября маркграф Георг Фридрих фон Ансбах подписывает грамоту и тем самым превращает городок в город Инстербург.

1590. 19 июля над 140 домами стоял «красный петух», и только церковь, школа, дом священника и 9 домов были пощажены огнем.

1605. Строительство Лютеркирхе за счет богатых пожертвований городу.

1643. Мария Элеонора, вдова шведского короля Густава Адольфа, занимает старый замок под свою резиденцию до 1648 года.

1655. Московиты напали на Пруссию и заняли Инстербург, население скрылось.

1656. Татары под предводительством польского полковника Гонсиевского сожгли город и забрали в рабство основную массу молодежи.

1679. Нападение шведов, разоривших замок и город.
1689. Анхен фон Тарау умирает в Инстербурге как вдова Бальштайна.
1690. 24 июля, почти ровно через 100 лет, в Инстербурге опять страшный пожар, сохранилось лишь 24 дома, церковь, школа и дом проповедников.
1709. Чума. Многие дома были пусты.
1711. Саранча полностью уничтожила весь урожай.
1712. От эпидемии погибло три четверти скота. Начало прихода швейцарцев, немцев с Верхнего Рейна, из Пфальца и Зальцбурга.
1757. После битвы под Гросс-Егерсдорфом во время Семилетней войны русские оккупировали город.
1790. Город насчитывает 4274 жителя.
1809. Жители города впервые выбирают уполномоченных городского собрания из 30 человек.
1812. Через город проходит армия Наполеона, который ночует в городе.
1813. Создание народного ополчения. Строительство первого шоссе от Инстербурга до Краупишкена.
1831. Основан Центральный сельскохозяйственный союз.
1839. Первые конные соревнования.
1860. Окончание строительства железной дороги до Кенигсберга.
1864. Начало земельной реформы. На улицах города вводится газовое освещение.
1887. Открытие городской бойни.
1899. Прием в эксплуатацию водопровода и уличной канализации.
1900. Город получает хорошо обученную и оснащенную пожарную команду, строится колокольня для оповещения о пожаре.
1902. Свободный город в районе.
1904. На окраине городского парка строятся городские электрические сети.
1914. С 24 августа по 11 сентября Инстербург оккупирован русскими.
1921. Начало строительства канала.
1926. Открытие порта Инстербург. Начало и окончание крупных строек: спортивный парк, ипподром, бассейн, рынок.
1935. Строительство аэродрома и казарм. Открытие троллейбусных линий (второй город в Германии).
1944. Неоднократные бомбежки наносят городу большой урон.
1945. 21 января после тяжелых боев в Инстербург вошли Советы. Большую часть населения удалось эвакуировать.
1948. Основание Общества города Инстербург, которое до этого называлось «Инстербуржцы – верные Родине».
1953. Шефство над городом и районом берет Крефельд.
1975. Советы взорвали Лютеранскую кирху.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

7 сентября [1990 года], через 45 лет, открылись двери католической кирхи. Празднества начались благотворительным концертом духовного хора Свято-Никольского собора (регент Галина Макеева) и выставкой маленьких художников. За семь дней собрано 1583 рубля 20 копеек пожертвований на реставрацию кирхи.

Государственные вложения в непроизводственную сферу на одного жи-

теля в год составляют в Черняховске и районе 102 рубля, в РСФСР – 164 рубля, в Литовской Республике – 205 рублей. На культуру выделяется из этой суммы 3 копейки на человека в день.

По объему выделенных средств на строительство жилья на каждые 10 тыс. жителей Калининградская область на 57-м месте в РСФСР, по капвложениям на строительство детских садов, больниц (поликлиник) – на 70-м и 73-м местах соответственно.

ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

Эта статья не была напечатана ни в «Калининградской правде», ни в «Калининградском комсомольце». С согласия автора мы публикуем ее в нашей газете.

Хочется продолжить разговор на тему «Имена на карте», поднятый на страницах «Калининградской правды» и «Калининградского комсомольца». Главным образом, обсуждался вопрос о названии города Калининграда (до 1946 года Кенигсберг). Предлагаю посмотреть на эту тему шире.

Вопрос о возвращении старых имен городам и улицам совсем не случайно поставлен в наше время. Идет общий процесс демократизации общества, идет откровенный разговор об истоках нашей Родины. И всем людям становится понятно, как принимались решения определенным кругом людей «от имени народа». Принимались подобные решения и в области топонимики. Недаром ученые называют сложившиеся «святцы» на карте страны культовой моделью топонимики. Проблему возвращения исторических названий городам страны поставил Со-

ветский фонд культуры. В апреле 1989 года был представлен список из 90 городов, которым предлагается вернуть старые наименования и тем самым восстановить справедливость. В этот список вошел и один из городов Калининградской области – Советск (до 1946 года Тильзит).

Предлагаю ненадолго вернуться в 1946 год, в молодую Кенигсбергскую область, вошедшую в состав РСФСР по решению Потсдамской конференции. Идет заселение области переселенцами со всех концов страны. Ехали в Пруссию, как тогда говорили. Расселяли людей в городах и поселках волевыми решениями. Не успели обжиться и привыкнуть к названиям рек, городов и деревень – от администрации поступило «предложение» дать новым советским городам новые советские имена. Совершенно не зная истории края, не зная науки топонимики, переселенцы поддерживают призыв. Да и как было

не поддержать? Кто бы посмел сказать что-то против? Да и ненависть ко всему немецкому была так сильна. Превращение этого мероприятия в средство пропаганды стало географическим вандализмом. Ведь топонимика – это прежде всего памятник истории и культуры.

Лишь единицы названий остались на карте области, но и они трансформировались: Домнау – Домново, Жиллен – Жилино, Таплакен – Талпаки. Такая трансформация – нормальное явление, свойственное всем народам. Говорим же мы «Париж», «Рим» и т.д., хотя на родном языке народов этих стран данные названия звучат, как «Пари», «Рома». Во время Первой мировой войны русские солдаты и офицеры называют города Восточной Пруссии: Эйткунен – «Эйткуны», Велау – «Велава», Гумбиннен – «Гумбины». Такие же наименования, как Кенигсберг, Инстербург и прочие «берги» и «бурги», были привычны для русского слуха и языка. Тому немало примеров на карте России. Такое русское понятие, как «оренбургский платок» происходит от города Оренбурга (в переводе с немецкого – «Ближневосточная крепость»), не говоря уже о Петербурге.

Города нашей области возникли, как правило, из крепостей крестонос-

цев. И это – исторический факт, нравится он нам или не нравится. И в основе наименований этих крепостей, как правило, прусские слова. Пример – Инстербург: «Инстер» – немецкая транскрипция прусского «Инстра», что в переводе – «втекающий, впадающий», и «бург» – по-немецки «крепость». Тильзит: Тильже – наименование реки, впадающей в Неман. И так почти каждое название.

Кенигсберг получил свое имя в честь чешского короля Оттокара II, единственного короля, принимавшего участие в войне против пруссов. Город носил это имя около 700 лет. Известный ганзейский город был славен своим университетом, в котором, кстати, получило образование и известность немало русских ученых. И как бы ни называли его соседи – Крулевец или Каралючюс, в истории он носил, носит и будет носить данное ему при рождении имя – Кенигсберг.

Насилие, совершенное над памятниками культуры – это как мина замедленного действия. Взрыв ее может ударить по людям. Так, может быть, произвести грамотное «разминирование», обсудив с жителями города вопрос о возвращении настоящего имени?

«АНХЕН ИЗ ТАРАУ»

Так называется известная немецкая народная песня, написанная немецким поэтом Симоном Дахом в 1637 году. История создания: в 1637 году в кирхе города Тарау (ныне пос.Владимирово Правдинского района) состоялось венчание дочери местного пастора Анхен Неандер с пастором Иоганном Портациусом. На этих торжествах присутствовал и поэт Симон Дах, который

влюбился в невесту и заговорил о своей любви стихами, уже позднее ставшими популярной народной песней – песней любви. Ее поют в Германии, Швейцарии и Австрии. Ее печатают в немецких песенниках с 1779 года – с года, когда немецкий философ и писатель Гердер издавал известную книгу «Песни народов», где, наряду с песнями разных стран, поместил и песню «Анхен из Тарау».

Симон Дах, автор песни «Анхен из Тарау».

В начале XX столетия на Театральной площади в г.Мемеле (ныне г.Клайпеда) был сооружен памятник Анхен из Тарау и Симону Даху (создан А. Кюнтом). Так, почти что через три столетия, они встретились снова. Почему в Мемеле? Это город, в котором поэт Симон Дах родился в 1605 году. В 1640 году, будучи магистром филологии, он стал ректором Альбертины (университет в Кенигсберге). После Мартина Лютера и Пауля Герхарда это популярнейший автор протестантских песен. Умер в Кенигсберге от туберкулеза.

Судьба же самой Анхен из Тарау закончилась в 1689 году в г.Инстербурге (ныне г.Черняховск) в доме сына, Фридриха Портациуса (1643-1687), пастора в Лютеркирхе. Дом стоял на Прегельштрассе (ныне ул.Прегельная) недалеко от кирхи, находившейся в северной части Альтер Маркт (пл.Ленина). Вот что сообщает Вильгельм Обгартель в книге «Округ Гумбиннен» о смерти Анхен: «Она захоронена на старом кладби-

ще в районе Гольдапских ворот (перекресток улиц Ленина и Калинина). При застройке этого места ее останки были перенесены на кладбище, расположенное на так называемой горе Крушкенберг. Но и здесь ее прах не нашел покоя, так как это кладбище было снесено в 1883 году и земля использована для плотины на реке Ангерапп».

Сегодня это место известно как старое немецкое кладбище по улице 22 января, полностью разоренное и в ужасном состоянии.

Кстати сказать, на месте, где стоит капелла, когда-то было захоронение капитана Пайна, который долгое время был комендантом замка Инстербург. Очень странное использование здания капеллы получило в советское время – убойный цех (что это – Вандализм, Атеизм или Большевизм с большой буквы?).

История Анхен из Тарау на этом не закончилась. В субботний день 18 ноября 1989 года в Клайпеде состоялось торжественное открытие памятника поэту Симону Даху. Это скульптура героини стихотворения Анхен с барельефом поэта и фонтаном. Разрушенный в годы Второй мировой войны памятник вернулся на Театральную площадь. Это совместная культурная акция клайпедчан и партнеров из ФРГ – из общества «Анхен из Тарау», участвовавших в восстановлении памятника.

И последний небезыңтересный факт. На призыв о восстановлении памятника отозвалась 92-летняя Герда Шивек из-под Ольденбурга, – живя в Мемеле, она 13-летней девочкой была натурщицей и позировала Альфреду Кюнту для скульптуры.

P.S. Во время праздника никто не вспомнил о том, что захоронена Анхен из Тарау, одна из известнейших женщин Германии, в г.Черняховске. А может, наши соседи просто не верят в нас?

ОБ ЭТОМ НЕ МОГ МЕЧТАТЬ ШИНКЕЛЬ...

...что построенная по его проекту тюрьма вызовет и через 150 лет международный резонанс. Доктор Рудольф Радтке сообщает об этом. Американские психиатры в марте 1989 года в Инстербурге.

В этом номере нашей газеты мы публикуем материал о пребывании в г. Черняховске группы американских инспекторов-психиатров весной 1989 года. Материал взят из журнала «Инстербургский дневник» (1990, №3-4), издающегося в Германии бывшими жителями Инстербурга.

В прошлом году об этом писала «Калининградская правда», правда, до смешного коротко и «хорошо». Публикуем также рисунок тюрьмы, показывающий, как она выглядела в прошлом веке, когда была построена по проекту немецкого архитектора К.Ф. Шинкеля. Кстати, все памятники и архитектурные сооружения, созданные К.Ф. Шинкелем и дошедшие до наших дней, охраняются законом как произведения искусства. Все, кроме тюрьмы в Черняховске.*

В 1983 году Советский Союз ушел от исключения из Всемирного общества психиатров лишь потому, что он отказался от членства в этой организации. СССР обвинили в том, что в его психиатрических заведениях содержатся люди за их религиозные и политические убеждения. Их объявили психически больными и «обрабатывали» наркотиками с высокой дозой. Их содержание среди душевнобольных, уголовников и других продолжалось много лет. Участие советских психиатров, вплоть до высших слоев своего «общества», было налицо.

Чтобы добиться возвращения во Всемирное общество, Советский Союз согласился на инспекцию. Против такой инспекции выступили Союз психиатров СССР и Министерство здравоохранения*, в то же время «за» высказывалось Министерство иностранных дел, и оно же оказывало давление.

В феврале и марте 1989 года в СССР побывали 25 американских психиатров, среди них 5 эмигрантов из Советского Союза, юристы, эксперты по правам человека, психологи и шесть переводчиков. Было создано четыре группы, из которых три в основном занимались с бывшими пациентами

таких заведений, в то время как одна группа посещала последние. Она посетила Казань, Вильнюс, Каунас и Черняховск. В Казани, видимо, самое ужасное заведение. Психиатрические заведения Вильнюса и Каунаса можно признать нормальными.

Из Каунаса группа была доставлена к границе Калининградской области на автобусе, затем пересажена в легковые автомобили и доставлена в Инстербург. Жили американцы в одном из домов для советских официальных лиц. Уехали они из Инстербурга поездом в московском направлении. Вопрос о психиатрической больнице Инстербурга появился в связи с высокопоставленным диссидентом, генералом Григоренко, которого здесь содержали и «лечили». Количество заведений с психиатрической обработкой в СССР установить невозможно.

Американцы, находившиеся в Инстербурге, хотели получить ответы на следующие вопросы:

- Где находятся изолированные отделения?
- Где похоронены умершие?
- Встречи с ответственными от администрации за психиатрический режим.
- Посещение мест для прогулок.

– Использование заключенных в качестве санитаров.

– Изменение условий по сравнению с прошлым.

По специальному психиатрическому госпиталю г.Черняховска сообщается следующее.

Построенная немцами в Восточной Пруссии тюрьма* стала в 1965 году госпиталем. В январе 1989 года его ведение перешло от МВД к Минздраву. Наибольшее число «пациентов» госпиталь имел в 1978 году – 740 человек.

На время посещения в госпитале находилось 446 «пациентов». Из них 338 находилось с диагнозом «шизофрения». Работает 16 психиатров и почти столько же врачей, исключая стоматолога и т.д. Имеется 6 отделений и 96 санитаров. В основном санитары набираются из вольнонаемных, число пациентов, используемых в качестве санитаров, уменьшается. Около 16 человек составляет администрация, 90 охранников, солдат МВД. Охранники работают в две смены по 12 часов. Они подчиняются не главному врачу, а офицеру КГБ (майор). Годовой бюджет составляет 1296000 рублей. В докладе сообщается, что с переводом тюрьмы в госпиталь он не потерял свою тюремную атмосферу. Сторожевые вышки, ограждение, стальные двери перед палатами и отделениями подчеркивают контроль. Строятся отдельные центры для отдыха, но только для администрации. Здания старые, оборудование бедное, но все было покрашено свежей краской... везде пахнет краской. Кровати тесно придвинуты друг к другу, между ними нет места. Помещения для умывания очень примитивные. Палаты пациентов запираются, и они могут выйти в туалет или умыться только по разрешению. Это происходит по световому сигналу. Лаборатории, аптека и помещения для посетителей при таком количестве заключенных слишком малы. Пациентам разрешается делать ежедневные 2-3-часовые прогулки. Зи-

Карл Фридрих Шинкель (1781–1841).

мой это зависит от погоды. Среди пациентов 75% имеют диагноз «шизофрения». Есть алкоголики, эпилептики, душевнобольные, а также 63 уголовника, которые осуждены за хищения государственной собственности, нарушения общественного порядка. Можно встретить и лиц, осужденных за другие преступления.

Начальник госпиталя доктор Фукалов занимает этот пост три месяца. Его предшественник доктор Б... несколько месяцев как на пенсии, но еще работает в одном из отделений. В беседе с ним выясняются фамилии врачей, на которых жалуются заключенные*.

В 1981 году в госпитале были серьезные волнения. В одном из отделений было применено большое количество медикаментов. Пациенты забаррикадировались, а врача и санитарку захватили в качестве заложников. Те же самые лекарства они ввели заложникам. Была использована часть особого назначения. Людей выбрасывали в окна, было много раненых. Многих отравили

в другие заведения. Свидетеля, который все это видел, отправили в карцер. Фамилия этого свидетеля – Сиденко. С начальником обсуждается вопрос, почему пациенты не получают судебные решения и не имеют права на жалобы. Начальник настроен оптимистически. Если бы год назад кто-нибудь сказал, что в этих помещениях будет звучать английская речь, никто бы в это не поверил. Все врачи, включая охрану, отвечали на вопросы. Вопрос о генерале Григоренко и докторе Боблове, который его «обрабатывал», выяснить не удалось, так как Боблов в настоящее время на пенсии.

Некоторые из врачей дали знать, что они знали и помнят генерала Григоренко.

Перевод в Минздрав они считают прогрессом, так как под ведомством МВД можно было уйти на пенсию после 25 лет службы, а теперь только при достижении 60-летнего возраста. И, кроме того, МВД, служба КГБ давали значительные привилегии. Много можно было купить за 25% от розничной цены. КГБ имел хорошие дома отдыха и санатории. Начальник госпиталя, который говорит это, никогда не пользовался возможностью льготного отпуска, так как он ездил к своей семье на Урал. На вопрос о своей фамилии майор замешкался с ответом, но затем назвал ее. Просьбу осмотреть одну из сторожевых вышек он отклонил, сославшись на то, что они используются лишь при волнениях или попытках к бегству. На вопрос, интересна ли его работа, он после некоторой паузы ответил: «Служба есть служба».

Коротко обсуждался и вопрос о строительстве новых объектов с привлечением пациентов. В столярной мастерской американцы застали пациентов за работой. Все охотно называют свои фамилии и согласны на личные беседы. В столовой отделения №1 пациенты говорят, чтобы американцы приезжали почаще, так как с недавнего времени

Психиатрическая лечебница.
Внутренний двор.

кормить стали лучше. После обеда пациенты забирали с собой остатки пищи в алюминиевых чашках.

Заклученный, который здесь работает, получает один рубль в месяц. Были также названы имена некоторых диссидентов. После обеда состоялась беседа с Еленой Константиновной Потенко. Она ответственна за делопроизводство, но только пациентов и заключенных. Она работает здесь 21 год. Переход из ведомства МВД в Минздрав прошел для нее без трудностей. Как и прежде, она делает доклады, документы и т.д. Вопрос, почему заключенные не получают почту, не входит в ее компетенцию. И с другими вопросами, касающимися этого ведомства, и не встречала ли она родственников генерала Григоренко, она не связана.

Помещения для свиданий пациентов с посетителями очень маленькие. Здесь может находиться не более 20 человек. Свидания с пациентами не ограничиваются, за исключением субботы и воскресенья. Посетителям, прибыв-

шим издалека, свидания разрешаются и по выходным дням. За всеми наблюдает санитарка, в определенное время разрешается приводить детей. Не разрешается приносить пищу, приготовленную в домашних условиях, из-за того, что могут быть попытки подмешать яд или наркотики. Не разрешена передача табачных изделий, кофе и т.д. Директор надеется, что Минздрав выделит средства, чтобы улучшить условия.

Осмотр лабораторий показал, что хотя в помещениях чисто, но их не хватает для больницы такого ранга. Здесь имеется возможность проводить анализы крови, урины, желудочного сока и другие биомедицинские анализы. Осмотр аптеки показал, что полно медикаментов, но вопрос о сульфацинах остался открытым. Видимо, используется и как наказание. Один из диссидентов рассказал, что мальчику, который был уличен в воровстве, во все пальцы сделаны инъекции. Сильные боли должны были удержать его от дальнейших попыток воровства.

Библиотека насчитывает 12 тыс. книг. Многие из них были на руках. Американцам сообщили, что некоторые книги из-за частого употребления пришлось отдать в переплетную мастерскую.

Посещение столовой вызвало ряд сомнений. Меню было действительно хорошим: был рыбный суп, мясо... «Сомнительно, чтобы это меню давало настоящую картину питания».

Работа в мастерских: швейной, электромастерской и столярной – дает доход в 339 тыс. рублей, и расходы на них составляют 320 тыс. рублей, таким образом, доход составляет 19 тыс. рублей.

Протоколы допросов отдельных пациентов очень объемны. Врачи не имели ничего против того, что американцы беседовали с пациентами индивидуально. Врачи бывают разные. На доктора Подрядчикова, за его жестокость по отношению к пациентам,

указывали не только пациенты, но и врачи. Он агрессивен и усиленно кусает свои ногти. Высокий мужчина, седой, с бородой и одним глазом. Другого врача обвиняют в том, что во время отпуска врача отделения он заставлял санитаров избивать пациентов в камере №41. Одна из женщин-врачей, которая работала здесь более 15 лет, отвечает на вопросы кратко и отрывисто. Но иногда сквозь улыбку она показывает два золотых зуба. Доктора Безерова понять трудно. Он говорит, что пациентов с душевной преступностью нужно сломать. Как правило, на это нужно 5 лет. После этого пациента можно вывести на новую духовную ступень, но эти люди очень различны, как и мы. Они очень опасны. Если мы выпустили кого-то слишком рано, он будет опять убивать. До 1981 года инструкции по обслуживанию пациентов были очень жесткими. Но сейчас стало посвободнее, с тех пор как инструкции приходят из Минздрава.

Касаясь вопроса о самоубийствах, доктор Безеров ответил, что такие попытки предпринимаются два-три раза в год, не всегда успешно.

Касаясь вопроса об использовании собак, пациенты ответили, что оно прекратилось за три дня до прибытия комиссии. По другим сведениям, эта практика была прекращена год назад. У охранников нет теперь автоматов. На вопрос о том, почему врачи не носят под белыми халатами офицерскую форму, последовал уклончивый ответ.

Гимантаса Стасио Чеканавичуса, родившегося в Каунасе в 1959 году, одного из немногих, кто носит очки, обрабатывали медикаментами. Как литовец, он в 1977 году не хотел служить в армии. Он симулировал, употреблял наркотики и пил. Сначала его отправили в психиатрическую больницу г.Каунаса. И здесь его обрабатывали медикаментами. Он попал в ловушку КГБ, который занимается и лицами, уклоняющимися от воинской службы.

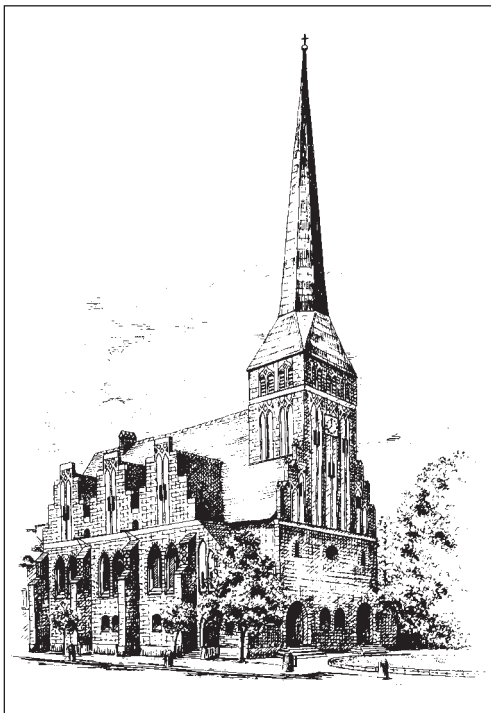
Его выпустили, он украл одеяло и попал в Инстербург на 3 года. «Знаете, что такое права человека в империи дьявола? Они обращаются с тобой, как с рабом или кроликом. Здесь вы видите истинное лицо советской империи, они ни перед чем не останавливаются». Он называет имена диссидентов, которые умерли здесь, а может, были убиты. Фамилии врачей он тоже называет.

Другой рассказывает, что в этой больнице содержатся лица 19 национальностей и никто не говорит на своем родном языке. Во время свиданий разрешается говорить только на русском.

Еще одного содержат здесь потому, что он хотел получить загранич-

ный паспорт. Его отправили в психиатрическую больницу в Калининград, а затем в Инстербург. Он инженер по образованию, служил в армии, был командиром и хорошим студентом. В течение 20 месяцев он находится в Инстербурге. Его посетило много комиссий, коротко они задают простые вопросы. Он хотел бы опровергнуть поставленный ему диагноз. О врачах он отзывается по-разному.

На VIII конгрессе Всемирного Союза психиатров в Афинах в октябре 1989 года Союз психиатров СССР добился своего восстановления. На этом конгрессе снова всплыло имя Григоренко и название Инстербурга.

МЕЛАНХТОНКИРХЕ

Меланхтонкирхе сооружена в орденском стиле в 1911 году на Цигельштрассе, 7 (ныне ул.Победы). Своеобразна башня, похожая на башни кирх, которые находятся в кантоне Берн (Швейцария). Открытие кирхи состоялось 27 июня 1911 года. Вместимость зала – 800 мест.

Сейчас то, что осталось от Меланхтонкирхе и дома пастора, находится на территории завода «Техмаш». В настоящее время она не используется.

Меланхтон Филипп (1497-1560) – немецкий гуманист, теолог и педагог, друг и сподвижник Лютера. Возглавил лютеранское движение после смерти Лютера. В историю вошел как признанный «учитель» Германии.

КАНТ И ЮДШЕН

(Гумбиннен – Билефельд, 1979. Юбилейный выпуск общества)

Наверняка не нуждается в комментариях имя великого немецкого философа Иммануила Канта – родоначальника немецкой классической философии. Однако, несмотря на то что о жизни и деятельности И. Канта написано много книг и научных исследований, практически неизученным остается небольшой период времени, когда еще молодой ученый работал домашним учителем в Юдшене [Юдчене] (ныне пос. Веселовка Черняховского района) по приглашению местного пастора. Этому периоду жизни И. Канта и посвящена статья-исследование Петера Верстера «Кант и Юдшен», где автор пытается выяснить причины, обстоятельства и итоги пребывания Канта в Юдшене.

1. ВВЕДЕНИЕ

То, что Кант почти никогда не покидал своего родного города Кенигсберга, уже стало притчей во языцех. Кроме Кенигсберга в Восточной Пруссии могут быть прославлены только немногие места, которые на короткое время дали великому философу приют.

К этим немногим местам относится Юдшен в округе Гумбиннен. Дом тот с 1938 года официально называется домом Канта. В связи с этим хотелось бы вспомнить о местопребывании там Канта. Местопребывание Канта в Юдшене относится к тому времени, когда Кант, кроме работы в Кенигсберге, трудился там в качестве придворного мастера, как тогда говорили, то есть домашним учителем. Об этом отрезке жизни Канта до сегодняшнего дня все еще мало что известно. Как старые, так и новые биографы трактуют это время очень скрупулезно. При этом до сегодняшнего дня существует неуверенность в том, сколько мест домашнего учителя он имел в те годы. Юдшен, наверняка, является началом. И об этом времени имеется подробное описание Бернхарда Хагена (1911), которое, к сожалению, осталось без внимания. Хаген, очевидно, использовал все тогда имеющиеся источники в секретном государственном архиве в Берлине, в государственном архиве Кенигсберга и в пасторском архиве в Юдшене. Точно

так же ему удалось увидеть рисунки из частной коллекции семьи Андерш. Одновременно Хаген увидел в них только начало, побуждение, которое дало толчок к совершенно новой деятельности Канта в Юдшене. В связи с событиями 1914 года, но прежде всего из-за разрушений и потерь во Второй мировой войне, едва ли можно еще найти новые источники отрезка жизни Канта в Юдшене. Поэтому вполне понятно, что автор этого исследования радовался бы, если бы оно дало стимул к возвращению к вопросам времени школьного учителя Канта. На этом месте хотелось бы оформить результаты исследований

Хагена своими собственными наблюдениями.

Кант был домашним учителем в семье Хюльзен в поместье Арнсдорф, которое находилось между Заальфельдом и Морунгеном в Верхней (Северной) Пруссии. Остается вопрос, действительно ли Кант работал домашним учителем у графа Кейзерлинга в замке Раутенбург в Тильзитской низменности или Капустигалле под Вальдбургом, что под Кенигсбергом. Жена графа, богатая графиня Шарлотта Амалия, урожденная Трухзес-Вальдбург, была членом Академии художеств в Берлине: ей принадлежит самый старый сохранившийся портрет Канта. В Кенигсбергском дворце семьи Кейзерлингов Кант позднее часто бывал в гостях.

2. ОТ СТУДЕНТА ДО ДОМАШНЕГО УЧИТЕЛЯ

После окончания государственной гимназии – «коллегии Фридриха» – Кант в 1740 году поступил в Кенигсбергский университет. В 1746 году он покинул университет, причем точно не известно, закончил ли он занятия к этому времени с формальными экзаменами. Почему Кант, кроме Кенигсберга, работал еще в качестве домашнего учителя, об этом новейшая литература не дает убедительного разъяснения. Таким образом, Хаген в 1911 году все еще обдумывал некоторые спорные вопросы. После смерти отца у Канта были финансовые затруднения, поэтому, кроме Кенигсберга, он должен был работать домашним учителем. Бедность Кант узнал еще раньше, поэтому он давал уроки на дому. После смерти отца и преждевременного окончания занятий перед Кантом стал вопрос будущего жизненного пути. Кроме того, Кант обдумывал, как напечатать свое первое произведение «Мысли об истинной оценке живых сил», при этом он должен был нести расходы по печатанию книги. Для финансирования этого предприятия требовалось много средств, тогда как у него

в то время не было возможности даже заработать на свое существование. Исходя из этих причин, он как раз и должен был работать в деревне домашним учителем.

3. ПОЧЕМУ В ЮДШЕН?

Поднимается вопрос – почему Кант поехал в Юдшен? Было ли первое место случайным, первым, какое предложили? Может быть, это было посредничеством Анны Ефразиной Кант, которая была дочерью Давида Канта, – и она была названа в регистре скорби реформатской церкви в Юдшене в 1731 году? Нельзя исключать предположения, что она могла быть родственницей Иммануила Канта. Может быть, Кант поехал в Юдшен потому, что его притягивало разноязычное население этих мест: литовское, немецкое, французское – и которое, конечно, имело свою религию и культуру. Все это покрыто мраком времени, и об этом можно только догадываться.

4. ПОДЛИННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Бернхарду Хагену удалось разыскать в пасторском архиве Юдшена самые ранние вещественные доказательства, свидетельствующие о пребывании там Канта. Это были до сих пор не принятые во внимание метрические свидетельства в церковных книгах:

а) «27 октября 1748 года домашний учитель Якоб Чаллет из Юдшена крестит своего сыночка по имени Самуэль. Мать зовут Блаттин. Свидетелями крещения были Иммануил Кант, студент филологии, и госпожа Предигер Андершин из Юдшена»;

б) «8 декабря 1748 года. Давид. Отца зовут Давид Перноуд, мать – Сара, урожденная Хюртген. Свидетели крещения: господин Иммануил Кант, господин Пауль Бенъямин Андерш, Абрагим Тиз, Петер Момбрн, Исаак Гросан, Мария Мюллерин, Элизабет Хюртген».

Эти вещественные доказательства, где Кант фигурирует в качестве крестного отца, свидетельствуют о близости его к семьям Якоба Чаллета, родом из французской Швейцарии, и проповедника Андерша. Они дают повод предположить, что Кант уже долгое время был в Юдшене и находился в силу этого в тесной связи с некоторыми семьями. Кроме этих свидетельств о крещении, имеется также письмо Канта, написанное в Юдшене 23 августа 1749 года, которое раскрывает причину его пребывания там. Кант направил письмо в Кенигсберг своему знакомому, который мог бы огласить и рецензировать его первый труд «Мысли об истинной оценке живых сил»; из письма можно узнать, что Кант занят доработкой этой рукописи. О своем пребывании в Юдшене он не сообщает. Но то, что имя Канта фигурирует в книге регистрации новорожденных, уже доказывает его пребывание в Юдшене. Правда, Хаген не установил достоверность использованных им источников, да и у Александра Хорна они упоминаются неопределенно в книге «Портреты культуры из Старой Пруссии» (Лейпциг, 1886, с. 232). Хорн ссылался при этом на сообщение пастора Роге (Генрих Фридрих Адольф Роге умер в 1886 году в Даркмене). Он сообщил, что Кант писал одной даме – это и послужило доказательством его пребывания в Юдшене. Поэтому, если это свидетельство не было Хагеном достоверно установлено, то мы хотели бы – больше, чем Хаген, – верить в правдивое содержание этого сообщения, так как оно не является здесь точкой опоры; очевидно, это не сознательное заблуждение.

5. КОГО ОБУЧАЛ КАНТ В ЮДШЕНЕ?

Самые первые биографы, которые едва ли знали о пребывании Канта в Юдшене, знали намного меньше, чем реформатский пастор-проповедник Даниэль

Андерш, который родился в 1701 году в г.Лиса (Позен), в 1721 году он посещал Франкфуртский университет и после окончания курса теологии работал в Берлине. Хаген, собрав все тогда доступные ему источники, к которым также принадлежит рассказ, передаваемый из поколения в поколение в семье Андерш, сделал вывод о том, что, вполне вероятно, Кант в пасторском доме в Юдшене преподавал сыновьям этого реформатского проповедника. После последующих размышлений Хагену удалось прийти к убеждению, что в середине 1747 года Кант стал преемником известного кандидата теологии Роххольца в качестве школьного учителя у Андерша. Роххольц обучал обоих старших сыновей пастора – Эрнста Даниэля (1731) и Карла Самуэля (1732) – и подготовил их к поступлению в Еахимстальскую гимназию в Берлине, куда оба в 1747 году были зачислены. Кант после этого должен был обучать трех младших сыновей Андерша: Пауля Беньямина (1734), Тимотойса (1736) и Кристиана Эберхарда (1739). Ссылаясь на Хагена, можно предположить, что Кант до середины 1750 года оставался в Юдшене, когда старший из его воспитанников, Пауль Беньямин, был принят в Еахимстальскую гимназию. В общей сложности Кант, должно быть, провел в Юдшене три года. Его последователем мог быть некий Болен, который в 1751 году был упомянут в регистре крещения как студент теологии. Против этого предположения, что Кант был домашним учителем, со своей точкой зрения выступил в свое время Фриц Шуц в небольшой статье в газете «Кенигсбергер Альгемайне Цайтунг» (существует вырезка без даты), позднее он представлял свои тезисы немного подробнее в сборнике «Кантовские чтения» за 1932 год.

Шуц полагает, что Кант не был домашним учителем у Андерша, а был «школьным учителем» в школе Якоба Чаллета, который родился в 1696 году в Швейцарии. Шуц ссылается на то, что ни пастор Андерш, ни его сыновья ни-

Дом, возведённый на фундаменте дома пастора Андерша в Юдшене
(в 1938-45 гг. – Кантхаузен; ныне пос. Веселовка).

когда не упоминались Кантом, когда он работал в то время домашним учителем. Кроме того, Андерш сообщил в своем дневнике, в котором содержалась разнообразнейшая информация о Канте в 1748 году. Но 1748 год – это год, когда Кант впервые в Юдшене стал преподавать – и это как раз при Чаллете. Вскоре Шуц, противореча себе, утверждает, что Кант был домашним учителем у Андерша, так как Андерш был здесь единственным человеком с академическим образованием: никто другой не смог бы дать в Юдшене Канту место учителя, потому что там не было ни дворян, ни крупных землевладельцев, кто смог бы дать ему работу. Как видно, тезисы, высказанные Шуцем, противоречивы, так как отсутствовали точные доказательства пребывания Канта в Юдшене. Здесь речь шла о некоторых интересных свидетельствах, которые, однако, не свидетельствуют, что из-за отсутствия источников они определяют время пребывания Канта в качестве школьного учителя.

6. ЧТО ИЗВЕСТНО О ПОСЛЕДУЮЩЕМ ПРЕБЫВАНИИ КАНТА В ЮДШЕНЕ?

Какое воздействие имело на Канта и на его дальнейшую жизнь и труд то время, когда он был школьным учителем между 1747 и 1754 годами, как изменились его взгляды и представления, можно было только догадываться, так как он сам, а также его друзья об этом ничего не сообщают. Для его более позднего кенигсбергского времени жизни связь с семьей Кейзерлингов имела огромное значение.

а) Кроме того, в отношении трехлетнего пребывания Канта в Юдшене было несколько соображений Хагена. Известен живой интерес Канта к другим народам, его особое внимание к обычаям, путевым очеркам и др. Хаген хотел из этого заключить, что Кант своими путешествиями по соседним деревням-

колониям (Юдшен и его окрестности) внимательно наблюдал за пестрой смесью представителей разных наций и пытался их сравнивать друг с другом, подчеркнуть своеобразие каждой. След таких впечатлений Хаген сможет доказать позднее в различимом интересе к литовскому народу. Так, Кант незадолго до своей смерти написал рекомендательное послесловие к литовскому словарю Милькеса. Друг Канта Хайльсберг опубликовал эти замечания, где философ признал в литовцах большую склонность к сатире, исходя из своего опыта. Хаген, наверное, предполагает, что этим самым имеются в виду личные впечатления и наблюдения, которые Кант мог сделать и получить в округе Гумбиннен у литовцев. Это еще больше дает основания полагать, что пребывание Канта в замке Раутенбург было непродолжительным, если оно вообще состоялось.

б) Кроме того, в Юдшене и его окрестностях Кант мог бы познакомиться с положением крестьян, что позднее дало бы ему право развивать свои представления об освобождении крестьян. Многие ученики Канта еще до официального издания государственного закона о земельной реформе в Пруссии дали своим крестьянам свободу. Кант изучал положение крестьян не только в Юдшене и его окрестностях, но и, по-видимому, в предместьях Кенигсберга. Специфично для Юдшена было то, что здесь жили колонисты из Швейцарии, со свободными и правыми формами взаимоотношений, что контрастировало с жившими здесь литовскими и немецкими крестьянами. Колонистов привлекало то, что их права свободных людей гарантировались на длительное время прусским королем. В Юдшене и его окрестностях создавалась возможность изучения свободного крестьянства.

в) Наконец, нужно обратиться к географическим наблюдениям, которые

Кант мог добывать во время работы домашним учителем, и прежде всего в окрестностях Юдшена. Герберт Кирринис доказал это в своем докладе «Кант, Гердер и география», который он сделал 28 апреля 1974 года в Билефельде. Путешествия Канта привели его в Морунгенскую местность – в деревню Арнсдорф, которая находится между Инстербургом и Гумбинненом, а также в местность Гольдап, где он, может быть, видел Гольдапскую гору, может быть, и в графство Кейзерлингов Раутенбург в Мемельской низменности. Итак, он знает восточнопруссские равнинные почвы, течение реки Прегель, далее дельту Мемеля, вероятно, северный берег залива и полосу моря. Он также побывал на Прегеле и Ангеррапп, что между Даркеменом и Юдшеном. Может быть, эти факты являются воспоминаниями о его пребывании в Юдшене.

ОКОНЧАНИЕ

Время между 1747 и 1751 годами, когда Кант в качестве домашнего учителя покинул границы своего города, является прямым доказательством как оригинальных свидетельств, так и устных источников. Это должно было быть для Канта важным временем – временем его внутреннего становления. Если мы даже не знаем ничего о его лекциях в те годы, а в его письме 1749 года из Юдшена содержится только упоминание, что он готовил продолжение только что напечатанной первой работы, то одно ясно несомненно, что Кант должен был в то время получить ясность хотя бы в отношении частного руководства к жизни, имеется в виду его научный труд – дело всей его жизни. В 1755 году, сразу же после оставления своего последнего места домашнего учителя, конечно же у Кейзерлингов, – Кант выступает уже со своей второй публикацией. Может быть, будущие биографы смогут заняться изучением его жизни в эти годы.

ЗАМОК ИНСТЕРБУРГ

В 1273 году военный отряд под предводительством орденского наместника Замланда Дитриха фон Лиделау предпринял крестовый поход на восток, следуя по долине реки Прегель до слияния Инстера с Ангерапп. Недалеко от разветвления рек они завоевали языческую крепость народа Надрауэн, которая была расположена на горе Камсвикус. Ее название было Каминис Вике, что переводится как «Каменное Жилище». Другая крепость пруссов была завоевана выше по течению Ангерапп и стала передовым постом на границе с дикой и глухой местностью, в ней был расположен небольшой отряд Ордена. Так возникли поселения Таммоу и Валькау, которые были заняты Орденом только временами. В это время войско Ордена опиралось на завоеванную крепость Неттинен, которая была расположена севернее слияния рек Инстер и Ангерапп.

Вновь завоеванную местность было трудно удержать из-за плохих дорог и сложности в снабжении. Поэтому

уже в 1325 году хохмейстером Вернером фон Орзельном было дано указание строить прочные оборонительные сооружения на границе с дикой и глухой местностью. Эти крепости должны были самостоятельно выдерживать длительные осады. За сооруженной им целой цепью крепостей в районе реки Алле – Гердауэн, Бартенштайн, Растенбург и Лойненбург – последовало, уже при его наследнике Дитрихе фон Альтенбурге, около 1335 [?] года, сооружение крепостей Лётцен, Ангербург и Инстербург.

Крепость Инстербург построена около 1335 [?] года сначала как деревянное сооружение. Уже во время строительства литовцы неоднократно нападали на еще недостроенную крепость и хотели помешать закреплению Ордена на этом месте. Между крепостями Ордена Тапиау, Велау и Инстербург вдоль берега Прегеля на расстоянии около 50 км была построена целая цепь служебных хозяйств, которые должны были осуществлять связь и снабжение опорных пунктов.

Избранное для строительства крепости место на берегу Ангерашп, недалеко от слияния с Инстером, было безопасным из-за наличия обеих рек и узкой, болотистой долины речушки Чернуппе. Последняя была запружена и превращалась юго-восточнее крепости в пруд, который вместе со своими двумя стоками был дополнительной защитой с флангов. Видимо, в первое время крепость окружали палисады, которые позднее были заменены тяжелой крепостной стеной из полевых камней. Они видны на внешней кладке основного здания.

Скорее всего, только в 1380 году крепость стала каменной. А массивный форбург (хоздвор) пристроен в конце XIV века. Сообщения о многочисленных осадах и поджогах крепости, ее неоднократном восстановлении около 1377 года делает вероятным это предположение. Около 1369 года литовский князь Кейстут (Кястутис) неожиданно напал на Инстербург, гарнизону которого еле удалось поднять мост. Но уже в 1370 году ему удалось занять крепость. Через шесть лет его сын Свидригайло вновь сжег крепость. Из старых хроник мы узнаем: восста-

новленная крепость становится более мощной.

Итак, можно сделать вывод, что сохранившееся до наших дней основное здание (сейчас руины) крепости построено из камня около 1380 года. Четыре различных крыла, образовавших квадрат, видимо, возникли одно за другим, но все же составляли единство.

Отчетливо выделяется, как основное, юго-восточное крыло, длиной 44 метра. Оно превосходит все другие по ширине, и, видимо, в нем были размещены основные помещения и капелла. Вероятно, это крыло было построено первым и пережило набеги литовцев и их поджоги.

Бросается в глаза широкое применение полевых камней в сооружении наружных стен до высоты человеческого роста, а выше использованы простые кирпичи в готической связке.

На наружных стенах, выдвинутый на ширину кирпича, проходил оборонительный ход на верхнем этаже с прилегающими друг к другу люками. Все крылья имели бойницы и на внутреннем направлении.

Как обычно, в середине большого двора, площадью более 500 кв.метров, был расположен колодец, воду из которого доставали с большой глубины при помощи колеса и цепи. Примыкающее перпендикулярно востоку крыло было наиболее узким, и, по всей видимости, в нем были размещены покои зрителя и помещения для гостей. На высоте основного здания находятся остатки сооружения, которые, по видимому, были ходом, относившимся к выдвинутому к пруду данцкеру. К сожалению, из-за многочисленных перепланировок внутренних помещений трудно определить их первоначальное предназначение.

У северо-восточного крыла виден еще остаток фасада, который раньше замыкался островерхими крышами, и старый подвал с глиняным потолком и своим выходом во двор. По всей вероятности, в этом крыле были спальные помещения для гарнизона крепости. Из форбурга можно было попасть через ворота северо-западного крыла во двор крепости. Крыло-вход было очень узким, и в нем было мало внутренних помещений.

Гостей и военный люд Инстербурга приходилось принимать довольно часто. Всегда, когда зима была особенно холодной, многие рыцари предпринимали поход на Литву. Эти военные походы через дикую и глухую местность в бездорожные Шалауэн и Жемайтию были возможны лишь тогда, когда болота и водные преграды замерзали. Многие известные рыцари и князья были среди гостей крепости, которая была начальным пунктом их походов. Французские, богемские, венгерские и голландские дворяне принимали участие в походах против языческой Литвы, чтобы завоевать

христианскую часть и стать почетным гостем хохмейстера Немецкого ордена. Так, в 1390 году в Инстербурге гостил граф Дерби – позднее английский король Генрих IV.

Форбург, который примыкал к основному зданию как вытянутая трапеция в северо-западном направлении, служил своими просторными зданиями и большим двором сборным пунктом для войск. Северо-восточная сторона форбурга ограничивалась двумя башнями. От восьмиугольной башни, имеющей схожесть с башней Рагнит, сохранилось только основание. Башня Пайнтурм, выдвинутая на северо-запад, сохранилась [снесена после войны]. Ее основание круглое и кладка очень толстая. Вход на уровне первого этажа. В стене была бойница для арбалетов, откуда можно было вести обстрел всей северной части прилегающей территории. Три тонкостенных этажа и шатровая крыша построены около 1500 года. В башне Пайнтурм находились часы с боем. Большой колокол имел надпись «Отлито в Нюрнберге в 1612 году». Вход в крепость был с юга через ворота, расположенные в юго-западной части форбурга. На восточной стороне за запрудой была расположена старая мельница Ордена.

Крепость Инстербург в 1643 году занимает вдова шведского короля Густава Адольфа под свою резиденцию во время Тридцатилетней войны – до 1648 года.

Город и крепость Инстербург имели богатую историю. Это подтверждает использование старой орденской крепости в качестве солевого склада, зернохранилища, казармы для улан, земельного суда и краеведческого музея.

Фридрих Борхерт.
(«Остпрройссенблатт», 1985, 2 марта.)

Во время войны замок сильно пострадал. Более-менее сохранилось западное крыло форбурга. Сам замок находится в руинном состоянии. В нем сейчас расположено ремонтно-строительное управление №1. По решению горисполкома после ухода из замка РСУ №1 в нем будет организован городской музей.

ИНСТЕРБУРГ И... АНХЕН ИЗ ТАРАУ

Если войти в дом на Прегельштрассе, 17 (ныне ул.Прегельная), – это был жилой дом рядом с Вильгельм-Иордан-шуле (школа) около Лютеркирхе, – то можно было увидеть памятную доску, посвященную Анхен из Тарау. Знаменитая Анхен... и Инстербург?

Но это так! Из ее жизни: в 18 лет дочь священника Андреаса Неандера из Тарау вышла замуж за священника Ганса Портациуса и переехала с ним в Тремпен под Инстербург, позднее в Лаукишкен (пос.Саранское). После его смерти она стала женой преемника поста своего мужа, священника Груббера. И этот умер. И Анхен вновь вышла замуж за преемника этого – священника Бальштайна. Она овдовела в третий раз и переехала к своему старшему сыну, священнику Портациусу, в Инстербург.

В этих трех браках Анхен родила якобы 13 детей.

Она пережила своего сына. После этого за ней ухаживала ее невестка, пока она не умерла в 1689 году в Инстербурге. Ее могила находилась на старом кладбище, известном старым жителям Инстербурга под названием Крушкенберг (близ улиц Речной и 22-го января) на берегу Ангерапп.

Песня Симона Даха и соборного органиста Генриха Альберта, ставшая народной и любимая до сегодняшнего дня, была исполнена ее подругами и друзьями в первый день свадьбы. Песня была забыта и лишь через сто лет переведена на литературный язык Гердером*, а Зильхер написал новую мелодию.

Памятник Симону Даху, автору песни «Анхен из Тарау», в Клайпедо.

НОВОЕ О КИРХЕ

Пока медленно, но уверенно идет реставрация шпилья нашей кирхи, параллельно проводится исследовательская работа и сбор сведений о ней. Из Эрмланд-хауз-Архива (г. Мюнстер) поступили следующие данные.

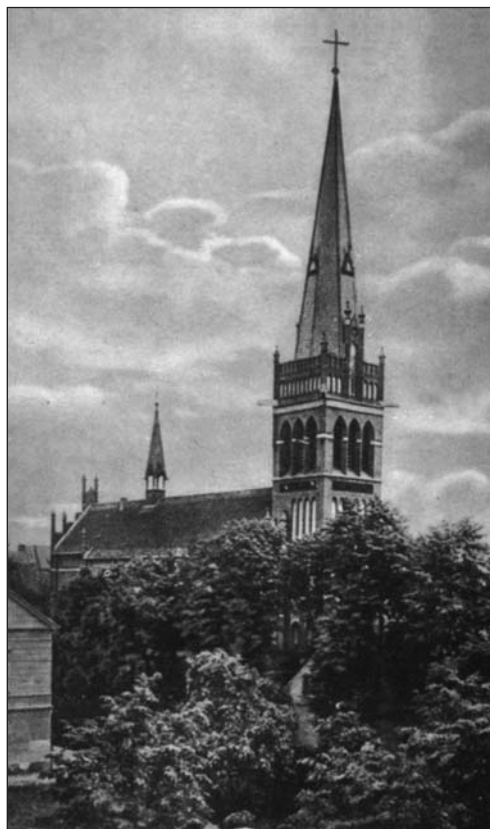
Католическая кирха Святого Бруно (16.10) – деканат в Тильзите, приход 1800 душ – строилась с 1902 по 1904 год в строгом готическом стиле с высокой башней. Внутренний вид кирхи также был выдержан в строгом готическом стиле. Особого внимания заслуживают витражи (сохранились два фрагмента). Известны две картины из кирхи художника Иоханнеса Олеша, умершего в Констанце (Швейцария) в 1964 году. Это «Путь на Голгофу» и «Приговор Иисуса к смерти Понтием Пилатом».

Орган построен в 1902 году фирмой «Бруно Гебель и сыновья» (Кенигсберг, 20 регистров, трактура пневматическая).

Архитектор кирхи, Фридрих Хайтман, родился в 1853 году в городе Ален (Сев. Рейн-Вестфалия), умер в Кенигсберге в 1921 году, похоронен на католическом кладбище в Кенигсберге (район Ратсхоф; ныне ул.Энгельса в Калининграде). После получения диплома архитектора в 1875 году руководит строительством зданий почты в Гумбиннене и Пиллау (1886). Далее обосновывается в Кенигсберге, где становится одним из самых знаменитых архитекторов Восточной Пруссии. Им построены:

1) Паласта Альбертина (1896), дворец спорта (сейчас спортивный клуб ДКБФ, Калининград);

2) Католическая кирха Святого Семейства (1907) (сейчас Концертный

зал (органный) филармонии в Калининграде);

3) Луизенкирхе (1901) (сейчас кукольный театр в Калининграде);

4) Лютеркирхе (1910) (не сохранилась).

Затем он построил много церквей, больниц, а также основал район вилл Амалиенау (в Калининграде этот район называют «Дворянское гнездо»).

22 ЯНВАРЯ, 1945 ГОД

В ночь с 21 на 22 января 1945 года город Инстербург был взят штурмом войсками Красной Армии. Жители нашего города знают об этих событиях по книгам и рассказам ветеранов, непосредственных участников штурма.

Сегодня мы предоставляем возможность узнать об этом времени как бы с другой стороны – из рассказов тех людей, которые были жителями Инстербурга до 1945 года. Статья была написана в 1970 году и называется «Страшный юбилей».

Четверть века прошла с тех пор, когда по нашему городу прошел призрак разложения. Советы перешагнули границы Восточной Пруссии уже в последнюю четверть 1944 года и приступили к захвату нашей родины с большим количеством войск и техники, при этом мы не должны забывать, что во многом помощь оказала Америка. С последними надеждами «царапались когтями» гренадеры, с большим трудом образованные и вооруженные народные ополчения, чтобы защитить родную землю. Немецким бронетанковым войскам не хватало амуниции и горючего, и лишь ценой невероятных усилий им удалось привести в боевую готовность интендантские силы. Там, где они наступали, у солдат снова появлялась надежда.

Но все это было напрасно. Слишком долго никому не нужные партбюрократы пытались отделаться от военной службы, приходили бессмысленные приказы гауляйтеров. И если бы не было такого человека, как бургомистр Инстербурга доктор Герт Вандер, катастрофа была бы неминуемой. Он рисковал как «пораженец», осуществляя акт, который, без сомнения, привел бы его к виселице, и спланировал эвакуацию города по всем его частям в то время, когда из Кенигсберга еще говорилось на высоких нотах о том, что бы никогда не отказываться от Родины; по крайней мере, большинство из жителей были спасены.

13 января 1945 года послышался глухой грохот. Он звучал не очень далеко. Советы начали свое наступление адским артиллерийским огнем, длив-

шимся два часа. Несмотря на это, они продвинулись вперед незначительно. Только 17 января им удалось прорывы в защитной полосе фронта с помощью массированного бронетанкового удара.

У Жиллена и Грюнхайде 18 января они перешли железнодорожную линию Инстербург – Тильзит и атаковали старый дубовый бор, в котором давно расположились их передовые команды в немецкой униформе.

19 января Советы перешли границы округа Инстербург.

«Доктор Вандер получил от окружного руководства приказ об эвакуации государственного оборонительного комиссариата, – рассказывает гауляйтер Эрих Кох, – ждали остановки городских заводов и других промышленных предприятий. Сигнал к эвакуации с помощью сирен и звона колоколов не был дан. При помощи громкоговорителей населению было объявлено о стихийном бедствии и предложено покинуть город».

Благодаря эвакуационным планам, составленным доктором Вандером, эвакуация города была спокойной, неторопливой. В результате 19-го и в ночь на 20 января город покинуло две трети населения. Утром 20 января, около 9.30, началась воздушная атака, длившаяся три часа над нашим несчастным городом. На больших территориях возникли пожары и разрушения, особенно на Гинденбургштрассе, Вильгельмштрассе, на площади Альтер Маркт, у каралененского шлюза. Наша пожарная полиция прикладывала нечеловеческие усилия для борьбы с огнем и спасения пострадавших.

Инстербург в день штурма.

Во время беспорядочного положения на фронте было возможным неожиданное появления Советов. В 16 часов переполненный пассажирский поезд отъехал от главного вокзала, около 19 часов были еще погружены беженцы с хуторов. Между тем был обстрелян артиллерией и бомбардирован и главный вокзал. В первые полчаса 21 января отправился последний пассажирский поезд с персоналом главного вокзала.

Генерал Догмаген был военным комендантом Инстербургского округа. В воскресенье 21 января Советы достигли городского поселка Шприндт и продвинулись на севере к границе города. Их артиллерия усилила пожар на главном вокзале и особенно на Зирштрассе. Отдельные советские танки уже сделали шоссе Инстербург – Кенигсберг небезопасным. Инстербург казался вымершим. Только некоторое количество солдат, служащих полиции, пожарных, санитаров и служащих частей технической помощи, а также командование городского управления находились в черте города. От нескольких граждан – ста-

рых людей, которые не хотели покидать свой родной город и прятались, отказались. Части инстербургского народного ополчения, которые засели перед этим в дубовом бору, готовились к защите Альтхофа. Советы достигли Георгенбурга и заняли продовольственное ведомство. Теперь они обстреливали центр города гранатометами. Сопротивление последних остатков военных соединений было значительным, иначе Советы заняли бы город еще в воскресенье. Но первые советские солдаты только в ночь на понедельник проникли к площади Альтер Маркт, они перешли через арочный мост к Лютеранской церкви. Официально последними инстербургскими гражданами, покинувшими город, были полицейские из участка на Шпритценштрассе. Когда они отошли, Советы уже прошли через площадь Альтер Маркт. Плотными облаками трепещущего пламени город сигнализировал последним инстербуржцам, которые уходили по направлению на Енихен со слезами на глазах, еще раз оглядываясь на свой город. Это было уже более 25

ИСРУТИС – ИНСТЕРБУРГ – ЧЕРНЯХОВСК

Город основан на берегу реки Унгурупе. Немного западнее впадает Истра, и река получает общее название Преглюс.

Исрутис – древний населенный пункт надрувов (прусское племя). Разрушив небольшой замок, стоявший здесь, крестоносцы построили свой – деревянный. Литовцы его скоро уничтожили. В 1336 году крестоносцы построили новый – из камней и кирпича, с четырьмя башнями. Замок стал центром комтурии. В 1347 году литовцы опять его уничтожили. Восстановленный замок в 1370 году захватил Альгирдас [Ольгерд], великий литовский князь. В 1409 году Витаутас [Витовт], также литовский князь, посылал в Пруссию своего брата Жигимантаса, который опустошил окрестности Исрутиса, забрал много пленных. В 1457 году в Исрутис вторглись поляки.

В 1525 году Исрутис стал центром деза. В 1583 году получил права города и герб. 30 мая 1530 года по приглашению князя Альбрехта в Исрутис прибыл священник Ионас Тартила [Иоганн Тортиловиус фон Батоки], преследуемый в Великой Литве за реформистские взгляды. В 1537 году усилиями Тартилы была построена кирха, в которой он служил мессу на литовском языке. Это так называемая кирха Лютера. После ее разрушения в 1610-1612 годах построена новая. В 1912 году башня кирхи получила вид барокко. В начале XX века литовская месса еще служилась 2 раза в год. После пожара в 1976 году (там был склад) кирха совсем снесена. До тех пор была в хорошем состоянии, только без башни.

Еще в XVI веке в Исрутисе начала проявляться литовская деятельность. Тут родились и проживали многие деятели культуры.

Около 1624 года родился талантливый литовский поэт Мельхиорас Швоба, который учился в Кенигсбергском

университете. Сведений о нем осталось очень мало.

В 1625-1653 годах служил пастором В. Фойерштокас, сотрудничавший с М. Резой при издании псалмов Давида, которые переводил Бреткунас. Позже вместе с другим пастором Исрутиса готовил литовский песенник (религиозный). Фойерштокас читал проповеди на литовском языке.

11 марта 1831 года здесь родился немецкий писатель Эрнст Вихерт, кроме прочего автор «Литовских историй».

18 января 1667 года родился создатель религиозных сочинений и переводчик на литовский язык Ионас Берендас. В 1719 году был избран евангелическим епископом. Умер и похоронен здесь же в 1737 году. Главный его труд – перевод Библии И. Квандта и предисловие к ней.

Около 1700 года исрутский епископ Екубас Перкунас (род. в 1668 году в Ишдагай, умер в 1711 в Исрутисе) составил литовско-немецкий словарь.

В 1727 году в Исрутис переселился переводчик религиозных песен А.Х. Пимиримас (1702-1757), служил пастором здесь до самой смерти. Здесь и похоронен.

В 1852-1862 годах служил проповедником Литовского уланского полка В. Марлецкерис. Он перевел и издал несколько литовских религиозных песен.

С 1869 года в Исрутисе работал в школе публицист, поэт, переводчик Людвиг Пассарге – большой поклонник творчества К. Донелайтиса. Он написал и издал несколько книг о Малой Литве, например «Из края балтов» (1878). В 1894 году перевел на немецкий язык и издал вместе с пояснениями «Времена года» К. Донелайтиса. Основы знаний получил у Ф. Куршайтиса. Переселившись в Кенигсберг, занимался юридической работой.

Литовская деятельность активизировалась накануне Первой мировой

Памятник уланам 12-го полка.
Скульптор С. Кауэр.

войны. Проживающие здесь литовцы читали издававшуюся в Тильзите (Тильже) и других местах литовскую печать, сюда приезжали литовские деятели.

После Первой мировой войны ислутский литовец Ф. Божелайтис вместе с другими учредил «Общество литовцев (Малой Литвы)» и руководил им. На собраниях пели и разговаривали политовски. Здесь действовало и «Объединение прусских литовцев».

У замка Исрутис, возле дороги, стоит памятник с надписью на постаменте: «Литовский уланский полк №12. Павшим товарищам» (павшим в Первой мировой войне). История полка такова: в 1717 году был создан литовский драгунский полк №1, шефом которого стал принц Альберт. Эскадроны полка стояли в Тильзите (г.Советск), Рагайне (г.Неман), Пилкальнисе (пос. Добровольск), Сталупенае (г.Нестеров), Гелдапе (г.Голдап, Польша), Исрутисе – везде звучали литовские песни всадников.

В 1782 году в Исрутисе было 4582 жителя, в 1939 – 48714, в 1970 – 34111.

В одно время местные литовцы добились литовской школы, которая, к сожалению, не начала работать. 22 января 1945 года в город вступили подразделения Красной Армии под руководством И. Черняховского. Его именем в 1946 году назван город.

На восточной окраине города находилось селение Камсвикас. Известно, что в 1275 году крестоносцы на берегу реки Унгурупе захватили самый крепкий замок надрувов Каменисвике. Так была окончательно захвачена Надрува. Только немногие надрувы сдались крестоносцам, многие из них переселились в Великое княжество Литовское. Подходящего места для замка в Камсвике нет, но, поднимаясь против течения Унгурупе, в 2 км на правом берегу в Тамовишки, недалеко от реки Писса, находится городище, названное немцами языческой крепостью. Можно верить, что здесь стояла знаменитая крепость Камсвикас.

В 1404 году упоминается находившееся там поместье. В 1409 году литовцы опустошили эти края, а в источниках 1413 и 1420 годов находим, что Орден требует у Витаутаса вернуть пленных, захваченных в поместье Тамовишкяй. Сохранилось такое сказание предков Тамовишкяй о замке Камсвикас.

На правом берегу Унгурупе, на крутой горе Камсвикальнис, стоял замок. Его владыка был жестоким. Однажды приказала его жена своим подчиненным связать владыку и замуровать живого в замке. Но сама была еще жестче. Бог пожалел людей, и замок утонул. Проклятая владычица превратилась в черную корову. Одни говорят, что ее гоняет черная кошка, другие – что муж ее, превращенный во всадника. А сын владычицы часто заступался за людей. Эти люди долго его не забывали. Большой камень у подножия городища указывает на место его могилы.

**Из книги В. Шиласа и Г. Самборы
«По Малой Литве»
(«Самиздат», 1983).**

ЗАБЫТЫЙ ПОСТАМЕНТ

ОН стоит у руин замка Инс-тербург, на углу улиц За-мковой и Льва Толстого. На нем еще и сегодня можно прочесть надпись: «Памятник павшим в бою уланам полка №12. Товарищи».

Он открыт после Первой мировой войны. Поставлен здесь, потому что в

замке в прошлом веке были казармы этого полка. Об открытии памятника очень интересно написала Эльза Гётце-Кукорус, немецкая поэтесса, в своем стихотворении «Искусство в развитии». В нем она как бы предвидела день сегодняшней, когда от памятника остался лишь постамент.

ИСКУССТВО В РАЗВИТИИ

В старые времена, когда ставили памятники,
У их героев все было на месте – снаряжение, оружие.
А улан у старого замка смущал зрителей –
Гордо сидел на лошади, обнаженный и только с копьем!
Могу себе представить лица, которые видели открытие памятника
И чувствовали себя оскорбленными, не верили своим глазам,
Что голый улан скачет на лошади.
Конечно, все устали от старого стиля,
Но это обрушилось на нас так неожиданно – и в этом объяснение.
А между тем в искусстве продвинулись намного дальше.
Если сейчас открывают «всадника» и смотрят на него,
То видят только фрагменты.
А вот наш улан все же был настоящим мужчиной.
Конечно, путь искусства долог, но постепенно мы опасаемся,
Что по истечении какого-то времени
От памятника останется один постамент.
Поэтому мы с сочувствием вспоминаем то первое открытие,
Потому что время примирило нас и наши недоумения.

(Стихотворение дано в дословном переводе.)

Мы будем не совсем справедливы, говоря, что памятник забыт. Все литовские туристы останавливаются около него и говорят, что этот полк был литовским. Это не совсем так. Полк был основан в 1860 году, хотя уланы (конные воины) существовали и раньше, и не только у немцев. Они были и в России. Просто Гумбинненский округ

имел неофициальное название «Литва». Кстати, народ называл уланский полк «Инстеркозакен», то есть «Инстерские казаки».

После войны памятник еще стоял, и даже русские называли пивную напротив «Конек». Старожилы хорошо это помнят. Затем кому-то он помешал, и его снесли в 50-х годах.

ТРОЛЛЕЙБУСЫ В ИНСТЕРБУРГЕ

Еще в 1927 году была пущена первая линия троллейбусов в нашем городе.

Можем ли мы себе представить, постоянно сталкиваясь с проблемой городского транспорта, что в нашем городе Черняховске (до 1946 года Инстербург) еще в 1927 году была пущена первая линия троллейбусов. В те далекие времена это событие получило резонанс во всей Европе. Вот перевод маленькой статьи из бельгийского журнала того времени.

ТРИУМФ ТРОЛЛЕЙБУСОВ В ГЕРМАНИИ

«Город Инстербург заслужил того, чтобы его особо отметили среди городов земного шара из-за решения, которое только что приняли его отцы. Инстербург насчитывает 40 тысяч жителей, но до настоящего времени не имел достаточно развитой сети городского транспорта. Нужно было принимать решение. Отцы города должны были сделать выбор между автобусом и трамваем. В подобных случаях 99 процентов голосов из 100 были бы отданы трамваю, который одержал бы победу как традиция. Но в Инстербурге победил троллейбус, и инстербуржцы никогда не узнают “счастья” малых дорожных про-

исшествий, связанных с трамваями. Счастливые инстербуржцы».

«Совсем независимыми от контактного провода мы, инстербуржцы, с нашим новым транспортом не были после того, как на смену автобусам пришли троллейбусы. Но у них было бесспорное преимущество. Они без шума и запаха ехали по нашим улицам. Инстербург был первым городом в Германии, который их ввел».

Это уже сами жители о своем новом транспорте. Как было сказано выше, первая линия была пущена в 1927 году. Вплоть до 1940 года вводились новые линии. Центром всех маршрутов была площадь Альтер Маркт (сейчас пл.Ленина). Отсюда отходило 7 маршрутов троллейбусов цвета слоновой кости в разных направлениях и еще два небольших ответвления.

1-й маршрут – в Шприндт, по сегодняшнему автобусному маршруту №1;

2-й маршрут – в Георгенбург (пос. Маёвка);

3-й маршрут – также в Шприндт, по сегодняшнему маршруту №3;

4-й маршрут – к кладбищу, по маршруту №3 на ул.Гагарина;

5-й маршрут – в Вальдгартен, по маршруту №5 в пос.Железнодорожный;

6-й маршрут – к аэродрому, по маршруту №2;

7-й маршрут – по маршруту №4, от пл.Ленина к ул.Победы.

Как видим, маршруты троллейбусов почти повторяют наши сегодняшние автобусные, вернее, наоборот. Один из

маршрутов проходил и по ул.Садовой (Гартенштрассе). Сохранилось даже наименование улицы. Старые жители нашего города помнят, что там когда-то ходила «двойка».

Интересен был и билет для проезда – раза в два больше наших талонов. Правая сторона билета была заполнена пятью рядами чисел, которые прокалывал кондуктор в соответствии с кодом. Кроме того, там был напечатан номер билета. На левой стороне билета изображена схема маршрутов с наименованиями остановок. Стоимость билета – 1 марка. На оборотной стороне – правила пользования.

Решение проблемы городского транспорта в городе Черняховске и сейчас актуально. Не последовать ли этому примеру и нашим «отцам» города?

НАША СПРАВКА

Вихерт Эрнст Георг родился в Инстербурге 11 марта 1831 года в семье служащего. Он был шестым ребенком в семье. Детские годы Эрнста прошли в Инстербурге. Гимназию закончил в Кенигсберге, куда был переведен его отец. С 1860 по 1863 год работал в городе Прекулс (г.Прекуле, Литовская Республика) вначале городским, а затем областным судьей. Затем 15 лет он работал в Кенигсберге. Кроме вышеназванных произведений, Эрнст Вихерт написал комедии – «Дурак счастья», «Шаг от дороги», – драму на историческую тему, о пруссах, «Витинг Самбии» (1860). Действие его исторических романов «Великий курфюрст Пруссии» (1887), «Тилеман на дороге» также происходит на родной земле. Свою биографию он написал в 1899 году в книге под заголовком

«Судья и писатель». По праву его называли старопрусским Вальтером Скоттом.

Дом на Обермюленштрассе, 1 (Верхнемельничная улица, угол улиц Садовой и Калининградской), в котором родился писатель, не сохранился. Известно только, что на первом этаже

этого дома находилось кафе «Мюле» (в переводе «Мельница»), известное своими кондитерскими изделиями. В честь знаменитого земляка одна из улиц Инстербурга была названа Эрнст-Вихерт-штрассе. Сейчас это улица Советская.

ПРУССКИЕ ЛИТОВЦЫ

«Прусские литовцы живут в числе 1118 тыс. человек (1890) в пределах Восточной Пруссии. Литовскими уездами считаются: Мемель, Хайдекруг, Нидерунг, Тильзит, Лабиау, Пилькаллен, Велау, Инстербург, Гумбиннен, Столупяны, Даркемен, Гольдап. В XIII веке прусская Литва была сосредоточена в Надровии и Шелавии [Шалавия, Скаловия], в Судовии (Гольдап), Даркемене и Столупянах жили судавы-ятвяги. Завоевание Орденом Надровии кончилось в 1275 году, Шелавии – в 1276 году. Главным городом Надровии (Недрова) был Велава, в котором находилось «жеглище» и священная роща Ромове и жил знаменитый Криве. В Шелавии были три укрепленных города, или пилисы: Рагнит, Сарека и Сасава. Миндовг в 1253 году подарил Немецкому ордену Недрове, в 1254 году – Шаловен. По Дюсбургу, хронисту Ордена до 1326 года, когда в остальных частях Пруссии древние святые места были уничтожены и горевшие в них огни потушены, только в Ромове свободно горел священный огонь, поддерживаемый жрецом Криве. В Галиндии жила областная жрица, какая-то домина-профетиса – женщина-гадательница знатного рода. В XV-XVI веках в Пруссии еще различают языки литовский и прусский. Реформация имела для пруссов и литовцев Пруссии высокое культурное значение. При маркграфе Георге Фридрихе плодovitым переводчиком и писателем явля-

ся Иоанн Бреткунас (1602), с 1587 года пастор в Кенигсберге. В Восточной Пруссии издается 8 литовских (большей частью еженедельных) газет. Все они религиозно-консервативного направления. В Кенигсберге для будущих пасторов литовских учреждена литовская семинария и литовский язык преподается на факультетах богословия и философском двумя профессорами. В Тильзите и Мемеле литовский язык преподается как в реальном училище, так и в гимназиях. Литовец, получивший высшее образование, делается вполне немцем. Известны тильзитские драгуны, почти исключительно литовцы. Страсть литовцев к верховой езде лишает их благоразумия и чувства меры в обхождении с лошадьми. Ходить пешком к соседу, в церковь и самые близкие места в своей деревне литовец считает неприличным. С малых лет дети возятся возле лошади. Литовец Пруссии родится с уздой в руке. Когда Фридрих Вильгельм IV был в Мемеле, его встретил кортеж из 24 литвинок в национальных костюмах, верхом на лошадях и препроводил его в город. Национальная одежда сохранилась гораздо больше, чем у русских литовцев. Литвинка из Тильзита и Рагнита выделяется головным убором, особым способом плести косу, юбкою-мартме и вышитыми лифами. Мужчины при работе носят клумпы – деревянную обувь».

Статья из русской энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» (т.50, с.623).

ЕПИСКОП ИЗ ИНСТЕРБУРГА

4 октября 1636 года родился Бернхард фон Занден Благородный, сын инстербуржца Генриха фон Зандена, регента латинской школы, члена Инстербургского муниципалитета. Его матерью была дочь пастора Матиаса Вальдека из Заалау (пос.Каменское Черняховского района).

Род Занденов принадлежал к числу старых кенигсбергских патрициев, приехавших в Восточную Пруссию из Тюрингии. Благодаря воспитанию в родительском доме и влиянию дедушки, Матиаса Вальдека, Бернхард очень рано заинтересовался церковью и религией.

После окончания инстербургской школы он шесть лет учился в Кенигсберге и получил затем в Лейпциге звание магистра. После ознакомительной поездки по Германии, Швейцарии, Голландии, Франции и Англии Занден вернулся в Кенигсберг, где стал дьяконом в соборе. В 1667 году перешел в старгородскую церковь, а через 21 год, после смерти верховного проповедника Кристиана Драйера, был провозглашен верховным проповедником. В 1688 году Занден стал и первым профессором теологии, и ректором университета в Кенигсберге. В 1690 году курфюрст передал ему руководство местными церквями в Восточной Пруссии, а в 1701 году возвел, согласно королевскому

решению, в сан епископа. При коронации курфюрста Фридриха III Бранденбургского (король Фридрих I Прусский) [после коронации Фридрих I, «король в Пруссии»] 18 января 1701 года Бернхард фон Занден Благородный присутствовал как первое духовное лицо Пруссии и помазал его на королевство.

Бернхард фон Занден принадлежал к православному направлению евангелистской церкви и писал полемические сочинения против так называемых синкретистов и схизматиков. Его «Учебник катехизиса» был переведен на польский и литовский языки, а в 1702 году вышел другой его учебник – «Позитивная теология». Сын Зандена издал в 1707 году отцовские «Инструкции для священника».

Занден был хорошим церковным оратором и неустанно воспитывал прусских духовников. 19 апреля 1703 года Бернхард фон Занден умер в Кенигсберге. Его старший сын тоже посвятил себя религии – стал доктором теологии, профессором Кенигсбергского университета, а с 1709 по 1721 год так же, как и его отец, был верховным проповедником.

Бруно Эверт.
(Из «Insterburger Brief»).
Перевод М. Терехиной.

ВОСТОЧНОПРУССКИЕ СКАЗАНИЯ

ЭЛЬФ

В старину говорили, что крылатый эльф приносит богатство, что нужно только суметь поймать его. А это не так-то просто. Чаще всего он встречается глупым людям и всегда уходит от них. Выглядит эльф, как серый ястреб, но когда сбрасывает свое невзрачное оперение, то становится похожим на яркую звезду, за которой тянется длинный огненный хвост. В таком образе видел его один пастух. Эльф взлетал на высоту человеческого роста, парил над землей и улетал в сторону самого дальнего луга. Пастух всегда наблюдал за ним до тех пор, пока сказочное существо не скрывалось за горизонтом. Но из-за суеверного страха он никогда не пытался выследить эльфа.

Некогда один эльф покровительствовал женщине из селения Покалкштайн (ныне пос. Богатое Зеленоградского района. – *Здесь и далее в скобках прим. переводчиков*) и сделал ее очень богатой. По этому поводу долго не смолкали споры – некоторые говорили, что это гномы натаскали ей столько золота.

...Давным-давно, во времена наших дедов, жил один гончар в Лабиау (г. Полесск). Однажды он поймал в лесу эльфа. Прекрасное создание умоляло отпустить его на волю. И гончар согласился освободить эльфа, если тот принесет ему столько золота, сколько сможет вместить сапог гончара. Эльф согласился и улетел за драгоценным металлом.

Тем временем гончар взял старый сапог, оторвал от него подошву и подвесил его в трубе своего дома так, чтобы маленький волшебник не смог заметить подвоха.

Эльф принес много золота, высыпал его в сапог, но сапог не наполнялся. Тогда он вернулся и вновь принес золота, но опять желтый металл никак

не показывался из-за голенища сапога. Эльф улетал и прилетал с золотом снова и снова до тех пор, пока от усталости не стал совсем бледным. Тогда он робко спросил:

– Неужели еще не полный?

– Нет, – ответил хитрый гончар, сгребая кучу золота из-под печки.

Никогда еще эльфу не приходилось нарушать данного человеку слова. Но здесь он понял, что попался в сети к ненасытному гончару и теперь бессилен что-либо сделать. От отчаянья он взлетел в воздух и превратился в пыль. А гончар зажил с тех пор припеваючи.

УДАЧНАЯ ОПЛОШНОСТЬ

Давно это было. Власть короля только начала распространяться по стране. Один раз король изъявил желание лично посетить Нойнишкен (ныне пос. Привольное Черняховского района. – *Прим. переводчиков*), так как этой деревушке по каким-то неизвестным причинам он придавал большое значение.

Узнав об этом, местные жители стали готовиться к встрече. Но особенно много хлопот доставляла эта подготовка старосте Нойнишкена.

Прежде всего, он заказал у портного новый фрак. Затем с помощью местного учителя составил длинную приветственную речь, которую учитель аккуратно записал ему на чистый лист бумаги. И теперь староста усиленно учил эту речь. Нужно сказать, что он был настоящим нойнишкенцем и, конечно же, к назначенному дню не доучил ее до конца. Собираясь на встречу с Его Величеством, староста сунул лист во внутренний карман фрака, чтобы еще раз по дороге перечитать его.

Когда король приехал, староста предстал перед ним и начал свою при-

ветственную речь. Но, произнеся несколько слов, он запнулся и никак не мог вспомнить, что же он должен говорить дальше. Так и стоял он перед королем и односельчанами, смущенный и покрасневший, и пытался выйти из довольно неловкого положения. Но очень скоро ему пришла в голову хорошая мысль. Староста вынул из кармана листок с приветствием и, поклонившись, вручил его королю. «Теперь, – подумал он, – Его Величество по достоинству сможет оценить, насколько предусмотрительны нойнишкенцы».

Король благосклонно принял испанский лист, прочитал его и со смехом передал своему адъютанту.

С того времени прошло около трех недель. И вот в один прекрасный день почтовая лодка (тогда почту в Нойнишкен перевозили по воде) доставила старосте перевод на 150 марок, отправителем которых, к огромному изумлению всех, было финансовое управление короля в Берлине. На почтовой карточке для получения денег сверху было аккуратно выведено: «В соответствии со счетом портного за сшитый фрак». Только сейчас удивленный староста соизволил заглянуть в карман своего фрака и с досадой обнаружил там... Что бы вы думали? Свою приветственную речь. Вместо нее он отдал королю счет, выписанный портным за изготовление великолепного фрака.

КРАСНЫЙ ПЕТУХ

Когда-то в Инстербурге существовала артель вольных каменщиков. Далеко не каждый мог стать членом этого тайного общества. Люди относились к нему с недоверием и говорили, что каменщики продают свои души дьяволу.

Однажды молодой человек пришел в артель с тем, чтобы вступить в нее. Позднее он рассказывал, что, как только вошел в специально отведен-

ный для церемонии посвящения зал, к нему сразу же подбежал красный петух и стал клевать его в левую руку, в то место, где проходила венозная артерия. Вскоре из раны хлынула кровь. Этой кровью юноша и подписал договор о продаже своей души дьяволу, а взамен получил право самостоятельно определять продолжительность своей жизни.

Долго ли прожил молодой человек – неизвестно, но только говорят, что свыше ста лет жить вольным каменщикам запрещалось.

КАМСВИКУС

Близ Инстербурга, на правом берегу реки Ангерапп, которая чуть дальше соединяется с Инстером, величественно возвышалась гора Камсвикус (район Краснофлотских дач. – *Прим. переводчика*). Верхняя часть ее состояла из камня, а нижнюю широкой лентой опоясывал густой кустарник. Останки старых укреплений сохранились долго, и до сих пор время хранило старую легенду этой горы.

Эта история произошла еще задолго до прихода Ордена на земли восточных пруссов. На этой самой горе владелец местных земель Камсвикус выстроил крепость, которая получила его имя. Позднее это же имя люди дали и горе. Каменная вершина хорошо гармонировала с жестоким нравом хозяина замка. Имя Камсвикуса приводило в трепет не только всех крестьян, живших в округе, но и его подданных. Даже супругу Камсвикуса ужасали деяния злого и распутного мужа. Однажды в порыве гнева он приказал заковать жену в цепи и живьем замуровать в подземелье крепости. После ее страшной смерти в замке стали происходить вещи, представления о природе которых не имеет ни один смертный.

Камсвикус истязал своих подданных столь изощренными методами, на которые не были способны даже хищ-

ники. Казалось, разгневанные боги должны были разрушить всю эту проклятую крепость. Но замок стоял, а бесчинства Камсвикуса продолжались. Даже умершая жена не могла найти покоя. В свое время муж проклял ее, и теперь она ходила по ночам вокруг замка в образе черной коровы. А Камсвикус, знавшийся с нечистой силой, приходил к ней в виде дикой кошки.

После его смерти (рано или поздно это должно было произойти), как рассказывали крестьяне, он преследовал их в образе черного рыцаря, постоянно щелкавшего бичом над их головами. Далеко за полночь многие из них видали призраки черных коровы и всадника, не нашедших успокоения, бродивших вокруг крепости в густых зарослях. Все это приводило местных жителей в ужас.

Перед сыном Камсвикуса стояла нелегкая, если вообще выполняемая, задача – он должен был как-то защитить

народ от кошмаров, связанных с именем отца. Каким образом молодой Камсвикус избавился от пугающих призраков родителей – неизвестно. Только после его смерти благодарные подданные воздвигли ему памятник и похоронили его у подножья горы под огромным камнем, на который еще сам хозяин указал при жизни. Недалеко от этого места по ночам выходили феи горы Камсвикус и шли к реке стирать свое белье. Но не дано было смертному видеть фей за этим прозаическим занятием. Как только кто-нибудь пытался приблизиться к ним, они сразу убегали обратно в гору, где скрывались от людей в великолепных подземных палатах.

Христа Хинце, Ульф Дидерихс.

**(Восточнопрусские сказания.
Кельн, 1983.)**

Перевод Светланы Недосекиной.

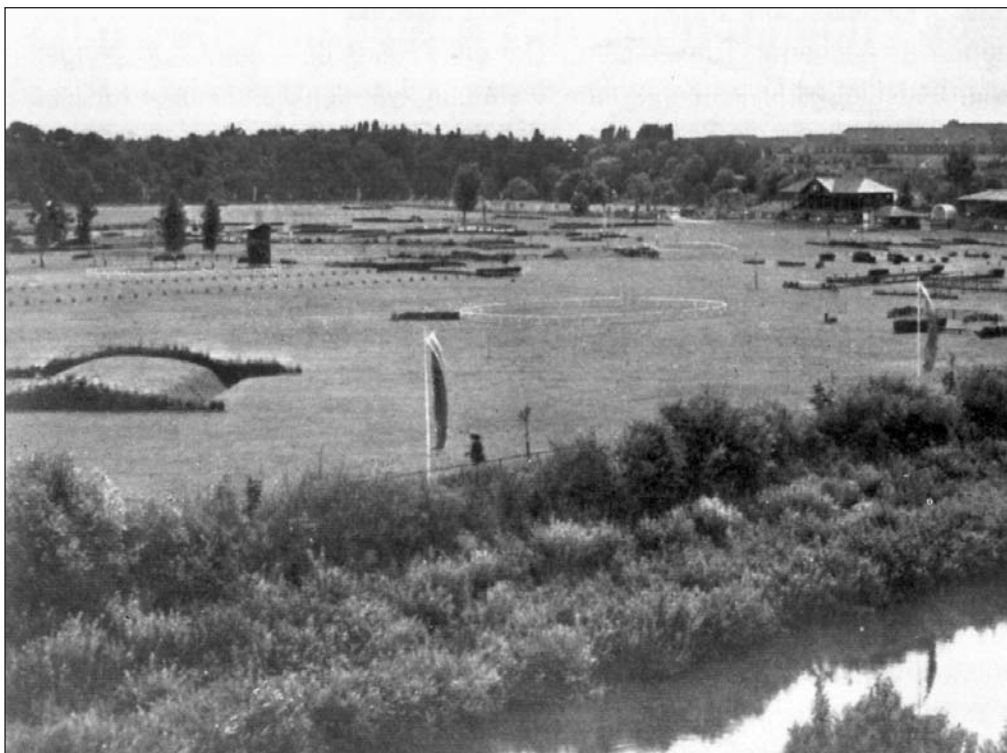
Подготовил Андрей Козлов.

И ПОВТОРИТСЯ ВСЕ, КАК ВСТАРЕ?..

Инстербургский ипподром считался одним из лучших спортивных сооружений в мире. Место, где он находился, со всех точек зрения подходило для создания здесь ипподрома. Во-первых, Инстербург был центром коневодческой отрасли Восточной Пруссии. Во-вторых, ипподром ландшафтно примыкал к инстербургскому спортивному парку, а излучина реки Анграпп делала его положение особенно живописным. Сама почва в этом месте располагала к созданию здесь ипподрома – ее девственный слой лежал на толстой подушке из гравия. Поэтому грунт не раскисал во время дождей и не растрескивался в жару.

У восточнопрусских коневодов издавна было желание показать, чего на самом деле стоят их лошади. Поэтому еще в 1833 году первые лица коневодства и лучшие спортсмены объединились в «Союз конников и коннозаводчиков Пруссии». В дальнейшем возникла необходимость проводить конные испытания в форме турниров, которые с 1913 года стали регулярными.

Проигранная немцами мировая война и снизившийся спрос на лошадей для кавалерийских частей рейхсвера заставили восточнопрусских коневодов перестроить свою работу. Успех такого поворота был наглядно продемонстрирован на инстербургских турнирах.

Инстербургский ипподром.

К счастью для города и для конного спорта, здесь жил отставной оберлейтенант Эрих Вельки, который и стал творцом ипподрома в Инстербурге (забавный повтор – организатор этапа турнира «Вольво» Юрий Антонов уволился в свое время из армии также в звании старшего лейтенанта...). В излучине Ангерап, на землях бывшего прусского поместья Ленкенингкен, позже переименованного в Георгенхорст, возникло это сооружение, одно из лучших в своем роде. Образцом для препятствий были препятствия знаменитых Пардубице и Ливерпуля. Для выступления на турнирах Инстербурга требовалась изрядная доля мужества и удачливости, однако всякий, кто желал иметь имя в конном спорте, должен был здесь выступить.

Спортсмены из Латвии, Финляндии, Польши, Швеции, Норвегии, Венгрии, Румынии, из соседней Литвы приезжали на турниры в Инстербург.

В тесной связи с турнирами в городе шло широкое спортивное воспитание молодежи. В 1937 году в Георгенхорсте Э. Вельки создал и возглавил конноспортивную школу. Четырьмя годами ранее он выпустил книгу, посвященную строительству конноспортивных препятствий. Э. Вельки и граф К. Шпонек стояли у истоков правил проведения конных турниров, действующих поныне в Германии.

Э. Вельки посвятил конному спорту всю жизнь, начав с самого малого, он довел свое дело до триумфального завершения. Он создал место, где лошади блистали во всей своей красе, воспитал плеяду учеников, прославивших свою школу, родной город и страну.

Эрих Вельки покинул свое творение зимой 1945 года. Вместе с ним, как и он, верхом уехали из Георгенхорста его дочь Рената и несколько учеников. Смерть от холода настигла Э. Вельки в Данциге.

Подготовил Д. Сечкин.

ИЗ ЛЕГЕНДЫ В БЫЛЬ

Языческая Пруссия. Живописные дали, зеленые холмы, полноводные реки, несущие свои воды в море. Поистине благодатная земля, где никто не бранил судьбу, не говорил, что забыт богами. В то время множество богов правило миром, и каждый отвечал за свое ремесло. Народ брал от природы то, что умел, и благодарил за это своего создателя. Поклонение богам, благодарение за благодать было неотъемлемой частью жизни древних пруссов.

Королевский замок еще спал. Мощный ветер гнал серые тучи с запада на восток. Этот год выдался необыкновенно тяжелым. Большая часть урожая была уничтожена сначала поздними морозами, затем летнее солнце высушило землю так, что не осталось никакой надежды сохранить скот и выжить самим. Давно было замечено, что, если рождался человек, которому предопределено было стать великим, боги посылали на землю лишения и подвергали народ такому испытанию, какое выдерживали только сильнейшие.

В предутренний час небеса разверзлись, хлынул дождь, образующий сплошную водяную завесу, земля пузырилась и дыбилась потоками воды, несущимися в разные стороны. Острые молнии сопровождалась такими раскатами грома, что рисовалась картина всемирного потопа, предвещавшего всеобщий конец. К концу подходила и жизнь короля, лежавшего в предсмертных муках. Двенадцать сыновей окружили отца. Их судьба была уже решена, каждый наследовал определенную часть прусской земли. Четвертый, Надроо, унаследовал земли, ограниченные устьями [истоками] рек Инстер и Ангерапп и верховья[ми] реки Прегель, образующейся при их слиянии. По воле отца и божьему року Надроо стал правителем земель, являвших собой самый центр владений старой Пруссии. Надроо правил своими землями в ок-

ружении братьев. Все было по-братски, никаких споров, разногласий, каждый получил то, что заслужил. Тем более, каждый выполнял волю отца, а у некоторых народов и до сих пор нет более крепкого закона, чем веление старших.

Но не могла Надровия, как позже была названа эта земля, находиться в состоянии покоя долгое время. Загадочный клочок привлек внимание Тевтонского ордена, и в 1274 году крестоносцы вторглись в прусские владения. Одной из целей этого вторжения было насаждение христианства. Поклонявшиеся многие века своим богам пруссы воспротивились такому насилию, для них считалось невозможным предательство богов и принятие другой веры. Жестоко и упорно сопротивлялись они, но были побеждены. Кроме новой веры, Орден принес цивилизацию своего времени – появились безопасные дороги, свободные от разбойников, проходившие преимущественно вдоль рек и необходимых для лучшего снабжения населения, стала развиваться торговля. В 1336 году великий магистр Ордена основывает рыцарский «Инстербургский Дом». И там, где Инстер впадал в Ангерапп, было положено начало новому городу Инстербургу.

В 1590 году по крышам пронесся «красный петух» – это был самый крупный пожар в истории города. На средние века выпал расцвет Лютеранской Церкви. Началось строительство кирх и молельных домов. Христианство вселяло веру в единобожие, но люди сохранили страх перед явлениями природы.

В XVII столетии наступило освобождение от польского господства. В начале XVIII начался бурный прирост населения Пруссии за счет французов, голландцев, австрийцев. Многие из них выбирали своей новой родиной Инстербург. Рост населения повлек за собой строительство жилых и хозяйственных зданий, очертания города

Главные боги древних пруссов: Патолс, Перкунс, Потримпс.

ушли далеко от своих прежних границ. Прусский король Фридрих Вильгельм и кронпринц Фридрих, названный впоследствии Великим, дважды выезжали в Инстербург, чтобы убедиться в ускоренном заселении. Последний написал об Инстербурге в своем письме Вольтеру, в котором восхищался городом.

В середине XVIII века Прусское королевство не обошла война, которая вошла в историю под названием Семилетней. Она принесла разорение жителям Пруссии. Любая разруха порождает новый толчок во всех сферах жизни общества. И после понесенных потерь народ с удвоенной энергией восстанавливал разрушенное.

Не осталась Пруссия в стороне и во время нашествия Наполеона на Россию. Инстербург явился одним из этапов великого, но бесславного для французов похода. Прошедшие войны очень часто затрагивали непосредственные интересы России, и поэтому русский солдат неоднократно ступал на прусскую землю.

...Инстербург продолжил свой рост и развитие. Население города росло, и

требовались новые формы хозяйствования. Уже в 1864 году в Инстербурге было введено газовое освещение. В 1904 году на Прегеле построена электростанция, обеспечивавшая не только город, но и близлежащие районы. После Первой мировой войны экономику сковала все возраставшая инфляция, последствием экономического спада явилась безработица. Так как основой всей экономики Инстербурга было сельское хозяйство, главную роль в подъеме хозяйства в целом сыграли товарищества, имевшие в городе многочисленные банки.

После Второй мировой войны Инстербурга не стало. Как и многие другие, красивый и уютный город был разбит советскими войсками. Кто знает, не приди в Германии к власти нацисты, как бы сейчас выглядел город?

...Прошло полвека, на этой земле сегодня живем мы и, уверен, будем жить. И праздновать каждый День города...

С праздником, Черняховск!

Сергей Пронин.

ХУДОЖНИКИ ИЗ ИНСТЕРБУРГА

(По материалам газеты «Остпрройссенблатт»)

ПАУЛЬ ШМОЛЛИНГ, УЧИТЕЛЬ РИСОВАНИЯ

Шмоллинг приехал в Инстербург в 1920 году. Был учителем эстетического воспитания и рисования сначала в средней школе для мальчиков (сейчас школа №6), позднее в Высшем лицее имени Гинденбурга (главное здание лицея не сохранилось; на этом месте сейчас стоит педагогический колледж, однако музыкальный корпус на ул.Крупской и сейчас музыкальный).

Пауль Шмоллинг известен своими работами: настенная фреска в актовом зале Высшего лицея и прекрасно выполненные витражи в ресторане «Ратскеллер» (сейчас подвал под магазином «Детский мир»).

Художник Пауль Шмоллинг.

После Второй мировой войны Шмоллинг основал Музей землячества Инстербурга (города и округа) в Крефельде.

В Инстербурге в мае 1924 года у Шмоллинга родилась дочь Уте. До 1944 года она училась в Кенигсбергской Академии искусств у профессора Бишоффа. Так же, как и другие, Уте уехала в Западную Германию, где вышла замуж за скульптора Хельмута Бринкмана. К 70-летию в 1994 году Уте Бринкман-Шмоллинг организовала свою юбилейную выставку в галерее городка Редермарк.

ОТТО РОЗЕ

Нежные, как будто благоухающие, ландшафты – Тоскана, Прованс, Крит, – южные внутренние дворики, тихие улочки, растрепанные ветром деревья, виды городов Германии, впечатления от путешествий, которые напоминают моментальную съемку, укрощают его полотна. Созданы эти произведения Отто Розе, который в июле этого года отметил в Гамбурге свое 70-летие.

Родился он 2 июля 1925 года в Инстербурге. Вырос Отто в Гумбиннене (Гусев), посещал там Фридрихшуле (сегодня здание сельхозтехникума). Следующий этап становления – округ Тильзит – Рагнит (Советск – Неман). Там он по желанию отца обучался на почте. Но только несколько месяцев провел там инстербуржец. Искусство звало, и Розе последовал этому зову. «Я рисовал много, преимущественно карандашом и иногда мелом, – вспоминает он о своей молодости. – Я ходил по окрестностям. Необычные формы сосен, корни, поля и облака. На школьных каникулах я рисовал

Настенная роспись в Гинденбург-обер-шULE. Художник Пауль Шмоллинг.

животных, людей, дворы и прежде всего много фотографировал. Все это позже нашло выражение в моих работах».

В Кенигсберге Отто Розе посещал Академию искусств и был учеником Альфреда Партикеля. Вот что говорил Розе об этом времени (1943 год): «Этот кенигсбергский летний семестр был для меня очень важным. Партикель был тогда самым значительным человеком искусства в Кенигсберге, и Академия была почти пуста – нас было только 12 учеников».

После службы во время войны и лагеря военнопленных Отто Розе продолжил учебу в Гамбурге. Побыв свободным художником, Розе основал в 1962 году типографию «Отто Розе – Прессе» и до сегодняшнего дня издает там библиографические ценности. «Мне самому необходимо видеть, как появляются выбранные для одного текста одновременно иллюстрации, шрифт, формат книги, цвет бумаги. Только этот

способ вызывает у меня чувство сохранения живой связи с текстом, и, занимаясь всеми этапами работы, я надеюсь создать неделимое целое», – говорит Розе.

К наиболее распространенным работам графика Отто Розе относятся серии почтовых марок, которые он создал для государственной почты Германии. Например, серии «Памятники архитектуры Европы» и «Немецкие издания XII столетия», между прочим выгравированные в размер оригинала!

«Розе абстрагируется далеко, – написал Гюнтер Отт о художнике из Инстербурга. – Его изображения содержат что-то орнаментальное, декоративное. Он думает о черно-белом цвете, позволяет материалу и инструменту руководить собой и никогда не остается беспредметным. Точкой отсчета для него являются наблюдаемая действительность, произведения литературы, но в итоге его работы становятся своеобразными произведениями искусства».

Художница Герда Зойтер-Калау.

ГЕРДА ЗОЙТЕР-КАЛАУ, КАРТОГРАФ

Герда Зойтер-Калау родилась в Инстербурге в старой части города. Отец был владельцем старейшего трактира «Зеленая кошка» (не сохранился) на углу улиц Замковой и Герихтштрассе (сейчас ул. Дачная).

Юные годы Герда провела в Тильзите. Ее первые акварели появились еще в Восточной Пруссии. С 1947 года по 1951 она училась в Берлине, получила диплом инженера-картографа. Частным образом обучалась у художника Сикоры.

С 1953 года Герда Зойтер-Калау живет в Штутгарте, работает со строительными материалами, пишет акварели.

В 1967 году она окончила курсы в Берлине по работе с керамикой, посудой и эмалью. С 1968 года снова Штутгарт, работа над школьным атласом «Александр». Проведено две выставки в различной технике: масло, акварель, пастель, акварель на шелке.

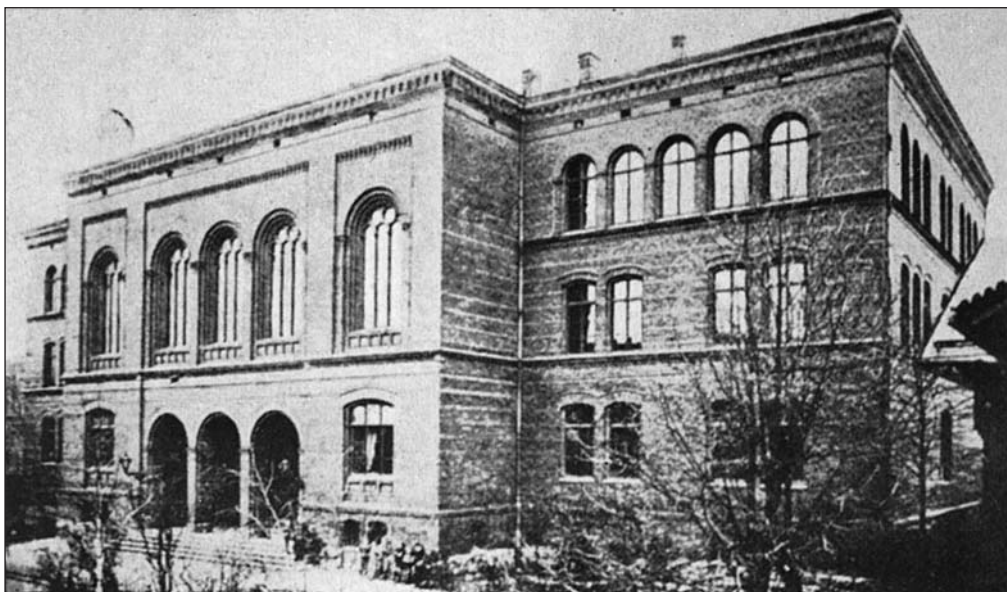
С 1981 года Герда Зойтер-Калау – свободная художница.

МАРИЯ ТИРФЕЛЬД И ЕЕ КОВРЫ

Владелицей и руководителем Инстербургского цеха художественного ткачества была Мария (или Мюри, как она сама себя называла) Тирфельд, пруссачка родом из Ланде. По предложению Шароуна (см. «Полнос» №1-3 за 1995 г.) она получила техническое образование в «Баухаузе» в Веймаре (высшая школа строительства и художественного конструирования). Затем она поселилась в Инстербурге. Ее первым рабочим помещением стал барак вблизи тюрьмы. Потом она взяла в аренду магазин на углу Вильгельмштрассе и Маркграфенплац (ул. Пионерская и Церковная пл.). Тут стояли ручные ткацкие станки и довольно много молодых девушек обучалось у мастерицы ткачеству, пока другие работали над узорами. Госпожа Тирфельд поставила себе задачу спасти старые традиции восточнопрусского качества. Но появился и собственный стиль в ее работах над коврами. Тирфельд впоследствии продолжила свою работу в Кенигсберге и Гамбурге.

Над этим ковром из приданого крестьянки работала Мария Тирфельд.

120 ЛЕТ ГИМНАЗИИ ИНСТЕРБУРГА

Гимназия Инстербурга была открыта еще в 1593 году, в здании, где до этого находилась школа для мальчиков, появившаяся при содействии церкви десятью годами раньше.

Окончание гимназии давало право поступления в открытый в 1544 году Кенигсбергский университет. Решением Инстербургского магистрата от 11 июня 1858 года и решением городских депутатов от 24 января 1860 года ее преобразовали в гимназию с реальными классами. 15 октября 1860 года состоялось открытие. В день открытия учреждение насчитывало 335 учеников, которых в 13 классах обучали 18 педагогов. Оно располагалось в здании рядом с Лютеранской церковью на Прегельштрассе (сейчас пустырь от площади до милиции).

В 1873 году был заложен первый камень нового здания. В 1875 году гимназия открылась на Райтбанштрассе (сейчас ул.Калинина, д.7).

В этом же году три художника из Кенигсбергской Академии искусств – Иоганн Хайдек, Эмиль Найде и Макс Шмидт – украсили актовый зал настенной живописью по мотивам «Одиссеи» Гомера. Это были семь больших картин, написанных маслом, а также четыре картины среднего размера над четырьмя входами.

В 1942 году, 16 января, произошел пожар и, увы, все сгорело. После войны коробка гимназии стояла долгое время, а потом была восстановлена для нужд города – под горисполком. Теперь здесь располагается администрация района.

«...ПЕЧАЛЬНО ЗА СТОЛОМ СИДЕЛА...»

*В нынешнем году исполнилось 130 лет
со дня рождения восточнопрусской поэтессы Фриды Юнг.*

Фрида Юнг родилась 4 июня 1865 года в Киаулкемене (округ Гумбиннен), в учительской семье. Ранняя смерть родителей лишила маленькую девочку радостей счастливого детства, и она «...печально за столом сидела», как писала сама Фрида в одном из стихотворений, посвященном крестьянской поэтессе из Восточной Пруссии Иоханне Амбросиус.

Горьким разочарованием для женщины, которой едва исполнилось 20 лет, стал несчастливый брак, длившийся около года, и смерть новорожденного ребенка.

Отчаявшись от болезни и глубокой душевной раны, молодая женщина нашла утешение в вере в Бога.

Снова и снова она пыталась найти работу. Она писала об этом: «Для

работы на производстве я была физически слаба, для другой – недостаточно образованна. Наконец, я нашла место в детском саду, и с тех пор в течение 12 лет у меня была работа. Очевидно, наш мир устроен так, что у Бога среди людей есть свои перелетные птицы. Я не принадлежу к таким людям. Моя душа упрямо цепляется за каждый дом, и мне доставляет почти физическую боль расставание с детской ручкой, тепло и нежность которой я ощущала».

Эта внутренняя связь с людьми ее родины определила поэтическое восприятие мира. Первые же ее стихотворения, опубликованные в 1900 году, отличались глубокой правдивостью. Мысли и песни с присущей им простотой наполняли существо и жизнь Фриды Юнг, которая сказала по этому поводу: «Несколько моих слов ветер развеет по миру. И потом произойдет непостижимое – что-то остановится и прислушается. Покажется, будто ясным, теплым осенним вечером из далекой деревни доносятся звуки гармони, тихие, тоскующие».

Фрида Юнг видела и описывала окружающий ее мир с сердечной добротой и часто с тонким юмором. Жившая в Инстербурге поэтесса стала в первом десятилетии нашего века известной в Восточной Пруссии благодаря своим чтениям и сборникам стихов. В 1912 году она даже смогла на доходы от своей работы купить маленький дом в поселке Буддерн округа Ангербург (сейчас территория Польши).

Но судьба снова не пощадила Фриду Юнг. Она была вынуждена бежать со своими земляками от русской армии в 1914 году. Эти события нанесли тяжелый удар сентиментальной женщине. Она стала воспевать красоту Восточной Пруссии и любовь к родине.

В СНЕГУ

Вот то, о чем я память берегу:
 Моя деревня – вся
 в искрящемся снегу!
 Снежинки белые ложатся
 на кусты!
 Над крышами – дымок
 волшебной красоты!

А в окнах, красных,
 как гранат,
 Последние отсветы вечера
 блестят!
 И я иду по снегу через поле,
 Не веря в то, что в мире
 есть грехи и горе!

Геннадий Разумный.

Перевод Геннадия Гончарова.

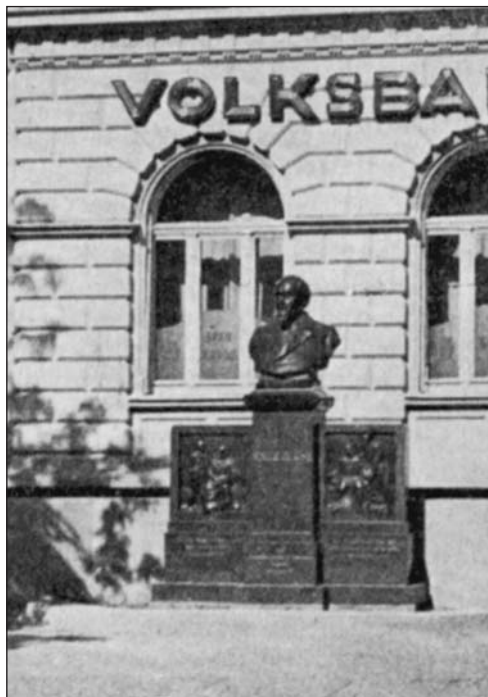
Перевод стихов Марины Терехиной.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

«Настоящие граждане создают настоящее государство, а не наоборот. Если что-то ты не можешь сделать в одиночку, то свяжись с другими, которые хотят того же самого». Эти слова выбиты на пьедестале от бывшего памятника Герману Шульце-Делитчу. Пьедестал находится на улице Пионерской у аптеки. Где находится сам памятник, одному Богу известно. Герман Шульце-Делитч был основателем Кредитного объединения Инстербурга, крупнейшего объединения немецкого Востока. Говорят, оно существует в Германии до сих пор.

В июне 1911 года был открыт этот памятник на углу Форхештрассе и Вильгельмштрассе (сейчас угол улиц Калинина и Пионерской, там, где стоит газетный киоск). Создатель – скульптор Ханс Арнольди, который соорудил ему же памятник и в Берлине. Конечно, лучшим памятником является само Кредитное объединение.

Он стоял на углу школьного двора Фрида-Юнг-шULE (школа для девочек; сейчас почта) до начала 30-х годов. Учащиеся проявляли мало уважения к это-

му памяtnому месту. Они использовали низкую ступень постамента для сокращения пути в школу и играли около него в прятки. Поэтому памятник был поставлен перед Народным банком, который полностью обновил свой фасад.

ЛЮТЕРАНСКАЯ КИРХА В ИНСТЕРБУРГЕ

ИЗ ХРОНИКИ

1612. Построена Лютеранская кирха (башня из дерева).

1646. Первые в городе часы на башне кирхи.

1686-1687. Пастор Фридрих Портацциус (род. в 1643), сын Анхен из Тарау (умерла в 1689 в Инстербурге).

1727. Башня кирхи перестроена в стиле ренессанс.

1763. Новый орган кенигсбергского мастера Пройса; скульптор фигур на органе – Гедофски из Кенигсберга.

1776. На шпиль башни водружен флюгер в виде прусского орла на позолоченном шаре диаметром 1 метр, часы диаметром 3 метра.

1832. Башня перестроена в стиле немецкой готики.

1912. Последняя перестройка башни – снова в стиле ренессанс.

1952. Один колокол из кирхи, после нахождения на складе колоколов (под переплавку) в Гамбурге, был размещен в кирхе Святого Николая (700 лет) в Ганновере-Ботфельдере (ФРГ).

1976. Кирха взорвана после пожара, до этого была помещением мебельной фабрики и складом.

Точная дата возведения кирхи не известна, но она издавна находилась если не в деревне Шпарге, то, уж, во всяком случае, в городе Инстербурге. Лео не упоминает ее среди католических кирх, в то время как Теппен называет кирхи в Инстербурге, Норкиттене, Гумбиннене, Георгенбурге, Заалау, основанные Орденом.

В качестве первого евангелического священника в 1537 году упоминается Тортиловитц фон Батоцки [Тортиловиус фон Батоки]. В 1590 году, во время первого большого пожара в городе, кирха, вместе с домом священника и школой, очевидно, не слишком пострадала. На ее фундаменте в 1610-1612 годах и была построена из кирпича Лютеранская пфарркирха чуть в

стороне от главной площади города. Этот фундамент на северной и восточной сторонах был сложен из глыб неотесанного камня, оставшегося от первой церкви.

Коробчатая, лишенная хоров постройка зального типа возведена из кирпича с цепной перевязкой швов в стиле орденских церквей. Основной объем кирпичи под высокой двухскатной крышей размером 38,22x18,63 метра имеет пять поперечных осей. На западной стене продольного нефа выложен ромбовидный узор из спекшегося кирпича на известковом растворе.

В 1646 году на башне появились первые в городе часы. Во время Тридцатилетней войны кирха получила богатое внутреннее убранство. В 1644-1652 годах Михаэль Цайгерман создал потолочные изображения. По традиции художник отобразил себя в одной из фигур росписи – Иуда среди сыновей Якова на северных хорах. В 1622 году Фреднер расписал дорогой алтарь. Настоящими произведениями искусства резьбы по дереву стали образы апостолов, изготовленные в 1638 году. В церкви стоял отличный орган, цоколь был также украшен резьбой по дереву.

Стены и колонны церкви украшали эпитафии. О трагических для города годах чумы рассказывала картина, выполненная клеевыми красками на эпитафии проповедника Николаи (1627). Эпитафия гауптмана фон Добенека (1583-1645) была выполнена из алебаstra. Интересна была и картина о захвате Инстербурга татарами, которая находилась в эпитафии пастора Педануса, умершего в 1657 году.

В 1686-1687 годах в церкви служит пастор Фридрих Поргациус (род. в 1643), сын Анхен из Тарау (умерла в 1689 в Инстербурге). В 1727 году башня кирпичи перестроена в стиле ренессанс. В 1763 году установлен новый орган кенигсбергского мастера Пройса, скульптор фигур на органе – Гедофски из Кенигсберга. В 1776 году на шпиль башни водружен флюгер в виде прусского орла на позолоченном шаре диаметром 1 метр, часы диаметром 3 метра. В 1832 году башня перестроена

на в стиле немецкой готики. В 1912 году предпринята последняя перестройка башни, снова в стиле ренессанс.

Изящная купольная крыша с изогнутым абрисом и фонарем, служившая верхней смотровой площадкой, была отреставрирована в 1912 году по старинным чертежам. Немногочисленные декоративные элементы башни сохраняют готическую форму арок и относятся к первому этапу строительства. На западной стороне – две небольшие башенки с лестницами, стены которых выдаются вперед в виде четвертей круга. Окна и двери стрельчатые, причем заложённая профилированная дверь на северной стороне относится к строительству 1610-1612 годов, а остальные двери обновлены.

Согласно рукописям Хеннинга, при строительстве кирпичи были израсходованы 361 тысяча кирпичей и 2920 тонн извести. Учитывая несколько увеличенные, по сравнению с современными, размеры кирпичей, это вполне соответствует объемам выполненной кладки. В 1724 году в кирхе был пожар, но ее удалось спасти. В 1727 и 1757 годах башня подвергалась частичной перестройке, а в 1832 году был надстроен новый ярус.

При решении внутреннего пространства церкви строители отказались от средневекового арочного членения в пользу пространственной целостности. Учитывая, что этот регион с точки зрения искусства стал развиваться сравнительно поздно, убранство церкви можно признать даже богатым. Два ряда очень изящных восьмигранных деревянных колонн, покрытых резьбой, выполненной скульптором из Кенигсберга Исааком Авальдом, несут плоское перекрытие, расписанное Михаэлем Цайгерманом из Инстербурга и его помощником Хансом Менио в 1644-1653 годах. Художники производили роспись потолка, начиная с восточной его части, а по окончании работ подписали свое произведение. Идея живописной росписи принадлежит священнику Матиасу Зетусу, умершему в 1654 году, который «изобрел живопись

на потолке церкви и свершения творения, искупления и вознесения распорядился искусно изобразить и объясняет таковые изображения библейскими и иными изречениями отцов церкви». Его портрет висел позади алтаря справа.

Роспись потолка разделялась на три части – центральный неф, северный и южный приделы.

В центральном неф, в свою очередь, выделялось пять основных сюжетов, окруженных меньшими по размеру композициями.

1. Над алтарем изображен Бог Отец с земным шаром. Вокруг него – головки херувимов и только что созданные звери. Эту картину окружают дополнительные сюжеты: сотворение Адама, сотворение Евы, горящий Содом и Лот с ангелом.

2. Грехопадение (Лот со своими дочерьми, Сарра возвращается к Аврааму от Авимелеха. Книга Моисеева, 20).

3. Ноев ковчег (подготовка к строительству ковчега, жертвоприношение Ноя под радугой, сон Иакова о лестнице на небо).

4. Вавилонское столпотворение (спящий Даниил лежит в зале, и ему видится образ четырех царств – Африки, Персии, Греции и Рима; ужинающий Валтасар).

5. Завоевание Земли обетованной (стены Иерихона падают от звуков труб; Голиаф и Давид; молящийся под деревом).

Картины в южном приделе, начиная от алтаря.

1. Рождество Христово с молящимися ангелами (Авраам с Саррой за дверью и три ангела; Моисей с зеленеющей палкой Аарона. Книга Моисеева, 17).

2. Распятие (Моисей с железным змием; Ангел).

3. Воскресение Христово (Самсон со львом; Иона выходит из чрева кита на землю).

4. Вознесение Христово (ангел будит пленного св. Петра; св. Илия в огненной колеснице).

5. Страшный суд (Преображение Господне с Моисеем и Илией; Ангел с ключом от преисподней угрожает сатане. Откровение Иоанна, 20).

Картины в северном приделе, начиная от алтаря.

1. Симеон с Христом-младенцем (Симеон и Анна; избивание младенцев в Вифлееме).

2. Крещение Христа (фараон спасается из Красного моря; Нееман очищается от проказы в Иордане. 4-я Книга Царств, 5).

3. Иаков борется с ангелом; трое бородатых мужчин с ангелом.

4. Тайная вечеря (старик-нищий с тремя ангелами; пасхальная трапеза).

5. Праздник Троицы (Никодим и Христос; обращение Савла).

Между этими картинами – богатый и хорошо выписанный орнамент в виде вьющихся растений и выписанные маслом латинские изречения.

Михаэлем Цайгерманом написаны также многочисленные картины на вместительных хорах, огражденных искусно выполненными перилами.

Западные хоры: 13 апостолов (включая Иуду Искариота).

Северные хоры: к 1895 году сохранились изображения 9 из 12 сыновей Иакова, а также двух внуков сыновей Иосифа. Затем следует череда портретов бранденбургско-пруссских правителей. За ними – женщина с мечом и женщина со столпом.

На южных хорах: Абадиас [?], Эбедмелех [Авимелех], Сарра, Ревекка, Рахиль, Иаиль, Юдифь, Эсфирь, Богобоязненность, Благочестие, Познание, Мудрость. Затем следуют 15 гербов; под ним – ангелы, играющие на музыкальных инструментах.

А. Горн в 1888 году сделал меткое замечание в отношении живописи в этой кирхе: «Мы можем предположить, что, исходя из внутренней жизненной правды, возникшей не из фантазии, а из реальной жизни, – в образах Рувима, Симео-

на и других видим лишь людей, живших здесь в середине XVII века. Их крупные массивные лица, их взгляд, покрой их платья, стиль ношения шарфа, меха, шляпы, напоминают времена существования института старейшин в Восточной Пруссии после секуляризации. Такая композиция не случайна, но хорошо продумана. Напротив каждого оказывалась та фигура, которая ему ближе всего. Пивовары и купцы, взирая с южных хоров на указанных выше персонажей из Ветхого Завета, видят персонажей из своей среды: официальные писари, располагающиеся рядом с органом, взирают на сотников – на Корнелиуса из Цезареи, на сотника из Капернауа, вероятно видя в них своих собственных начальников. Рядом с официальными писарями на северных хорах сидели ремесленники, смотревшие на изображенных напротив них женщин из их среды, на осанистых персонажей с эмблемами их ремесла – весами, посохом в виде змеи, ключами, на Эсфирь целомудренную с диадемой и скипетром (ювелиры), на Юдифь воздержанную с мечом и окровавленной головой Олоферна (оружейники), на Иаиль красноречивую с молотком и зубилом (слесари), на Рахиль прелестную с садовыми ножницами и фруктами (садовники) и т.д. Во всех этих персонажах нет ничего идеального, напротив, они изображают дородных жен ремесленников в воскресном наряде, подобном тому, который можно видеть и ныне (имеется в виду XIX век).

Старейшина, совет и суд, занимавшие почетные места под хорами учеников кафедры, видели напротив себя изображения герцогов, курфюрстов и королей, изображения которых последовательно добавлялись, вплоть до современных».

Любопытно, что в образе Иуды был изображен художник Цайгерман, на посохе Иуды имелась надпись: «М. Цайгерман, 1652».

«Наряду с портретами всех властителей, – продолжает А. Горн, – появля-

ются три идеальные женские фигуры – Вера, Справедливость, Постоянство, – в образах которых художник, вероятно, изобразил собственных дочерей».

На эмпорах органа помещены фигуры музицирующих с 32 гербами предков А. Фридриха фон Добенека и его жены; в качестве образцов служили гравюры Гольццуса, Заделера и Шпрангера, а для портретов курфюрстов – галерея Кенигсбергского замка. Среди сыновей Иакова находим автопортрет художника с монограммой и полным именем автора. Еще один мужской портрет датируется 1664 годом.

Алтарь, сооруженный в 1622-1624 годах, обнаруживает ларь с богатым скульптурным убранством. Это поздняя работа мастера алтаря Альтштадтской кирхи в Кенигсберге (1606).

Богатый и красивый запрестольный киот датирован 1622 годом и подарен церкви купцом Христофом Фреднером. Слева – небольшая картина Тайной вечери, справа – омовение ног св. Петром. В центре, в нише, украшенной раковинами, установлен крест, обвитый змеей. Слева, в цоколе колонны, – Моисей, справа – Иоанн Креститель.

В первом ярусе, на наружных крыльях, – четыре картины маслом: Христос в Гефсиманском саду; поцелуй Иуды; св. Петр и петух; страсти Господни. На внутренних крыльях – разные изображения четырех евангелистов. Центральное распятие, расположенное между двумя коринфскими колоннами с богатым орнаментом, представляет собой скульптурную группу: Христос на кресте, Божья Матерь с Марией Магдалиной и св. Иоанном; рядом с ними – мироносица. Рядом с Христом – три ангела с чашами, между двух меньших по размеру, покрытых орнаментом коринфских колонн – разные изображения: слева – св. Петра, справа – св. Павла с молотком и книгой. Под каждым в картуше указано имя дарителя: «Христоф Фреднер». Слева и справа расположены украшенные раковинами ниши со стоя-

Лютеранская кирха. Внутренний вид.

щими в них детскими фигурками в окружении женских фигур и ангелочков.

Над ними проходит высоко расположенный, покрытый орнаментом главный антаблемент и карниз, украшенные четырьмя выступающими скульптурными головами-масками. На карнизе, в свою очередь, расположены: слева – св. Иеремия с ярмом на шее, справа – св. Давид с арфой и две фигуры пророков или апостолов.

Далее следует второй ярус: между двух стройных коринфских колонн – картина маслом: положение Христа во гроб (свет на этой картине означает знамение), наверху завершенная полукружием и находящаяся между двух пилястров со львиными головами, расположенными в дуговых нишах, над последними – два ангелочка. Рядом, на пилястрах и нишах, стоят: слева – фигура в доспехах с книгой и пальмой, справа – Юстиция. Рядом – всевозможные плоды и детские фигурки. Позади пророков, выше их – ангел, еще выше расположен прямой антаблемент.

В третьем, завершающем ярусе, над коринфскими колоннами, стоят ангелы: слева – с крестом, справа – с посохом. Между ними – агнец со знаменем побе-

ды, над ними – воскресший Христос, а рядом с ними – по ангелочку. Все это – резьба по дереву.

На обратной стороне запрестольного киота – два портрета маслом: Лютера и Меланхтона, первоначально написанные Михаэлем Цайгерманом в 1644-1658 годах для уже не существовавшей в конце XIX века кафедры, в деревянных рамах в стиле барокко. Выше – в технике гризайль – изображения Христа, св. Марии и двух апостолов.

Прекрасна кафедра с волнующей небольшой картиной нидерландской работы. Кафедра создана Филиппом Вестфалем – часто упоминаемым в это время в Восточной Пруссии мастером алтарей.

Резная кафедра шестиугольной формы относится к 1618 году. По ее углам расположены щедро украшенные орнаментом коринфские колонны на цоколях. На полях в картушах размещены четыре скульптурные фигуры евангелистов в стиле барокко, над ними украшенный орнаментом фриз; внизу он сходится в виде виноградной грозди. Все это исполнено из разноцветной бронзы на темно-корич-

Лютеранская кирха до реконструкции 1912 г.

невом фоне. Лица евангелистов покрыты живописным слоем.

Балдахин над кафедрой шестиугольный; под ним располагается скульптурное изображение голубя среди барельефных ангельских головок. Над шестиугольником волути смыкаются кверху и венчаются пеликаном, разгрызающим себе грудь.

Дверь лестницы, ведущей к кафедре, расположена между двумя чешуйчатыми коринфскими колоннами на цоколях, несущими антаблемент с латинской надписью. Завершается эта композиция двумя скульптурами ангелочков, в центре – более крупная голова ангела в картуше. Дверь также украшена двумя картушами. На верхнем надпись: «Х. Иоганн Нейман вместе со своей женой Анной Рёкерлинген [Рюкерлинг] распорядились оборудовать это произведение в году 1644».

Две большие гермы с изображениями атлантов (около 1620), якобы снятые со старого органа (созданного в 1589 году, многократно реставрированного в пери-

од между 1639 и 1646 годами), в довоенное время лежали в качестве подпятных камней лестницы, имели стилистическое сходство как с южными хорами, так и с кафедрой, заполнены орнаментом из вьющихся растений и головами ангелов. Наверху – карниз с иониками, внизу – фриз со связками фруктов.

Великолепная крестильная капелла после завершения была подписана Исааком Арентцем из Кенигсберга. Первоначально она имела открытое расположение колонн, в промежутках между которыми, а также на антаблементе были ряды великолепных фигур, выполненных, по крайней мере, двумя мастерами. Лица этих статуй, обнаруживающие черты славянских крестыян, а также великолепные орнаменты обладают признаками влияния нидерландского искусства. Предположительно также Арентцем выполнена и резьба по дереву в капителях колонн.

Над крестильной капеллой в центре высится фигура Спасителя, вокруг него расположены апостолы и праведники. Над дверью надпись с именем: «Клара Нагелин, 1638».

Старый орган изготовлен Иоганном Циккерманом из Каммина (Померания) в 1589 году. Этот инструмент, дарованный городским писарем Бухнером, был установлен в 1664 году. В 1764 году построен новый орган – Пройсом из Кенигсберга. Он был украшен кенигсбергским скульптором Гедофски резным орнаментом в стиле рококо. В 1776 году на шпиль башни водружен флигель в виде прусского орла на позолоченном шаре диаметром 1 метр, часы диаметром 3 метра. В 1832 году башня перестроена в стиле немецкой готики. В 1912 году предпринята последняя перестройка башни в стиле ренессанс.

На южной стороне сохранились ряды стульев (1637) с инкрустациями, выполненными в 1644 году Михаэлем Цайгерманом. Там же портреты священников в полный рост: М. Зетхуса (середина XVII века), приписываемый кисти М. Цайгермана, и преподобного Себастиана Мюллера (умер в 1674). Эпитафии свя-

щенников Петра Николаи и Кристофа фон Штайна, относящиеся к 1627 году, были отреставрированы Цайгерманом в 1643 году. Обе эти эпитафии алтарного типа с великолепной картиной, изображающей эпидемию чумы. В середине Смерть мечет стрелами в толпу, которая под знаменем суеты устремляется на нее. Король и нищий падают под ее стрелами. На левой стороне Харон машет своим серпом над записками, палитрой, книгами, колотушкой, резцом для гравирования и шкатулкой с панацеей. На заднем плане изображены животные в лесистой местности, также павшие от стрел смерти. Под изображением нанесены латинские двустишия. Картина присущ нидерландский колорит, в рисунке ощущается влияние Питера Брейгеля старшего.

Большая гипсовая эпитафия Адама Фридриха фон Добенека (умер в 1645) и его жены Розины (умерла в 1663) отличается холодной архитектурной нидерландской школы и расположена возле южной стены близ алтаря. В полуциркулярной нише коленопреклоненные супруги стоят перед распятием, по сторонам которого установлены гербы обеих фамилий. Затем следует низкий верхний ярус с гербами Добенеков и Киттлицев.

Под коленопреклоненным супругом надпись: «Высокоблагородный строгий и непреклонный господин Адам Фридрих фон Добенек, являвшийся в свое время прусским советником курфюрстской земли Бранденбург и старейшиной Инстербурга, родился в году 1582 3 мая и умер в 1645 23 апреля. Лежит похороненный здесь и ожидает светлого воскресения».

Под коленопреклоненной супругой надпись: «Высокоблагородная госпожа Розина, урожденная баронесса фон Киттлиц, оставшаяся вдовой покойного высокоблагородного господина Адама Фридриха фон Добенека, прусского советника курфюрстской земли Бранденбург и старейшины Инстербурга, наследника Пирагинен, Крапицкен, родилась в году 1589 30 декабря на этот свет и 31 марта 1663 года в Кенигсберге почил

в Бозе, там же 25 апреля в присутствии высококняжеских и знатных лиц была предана земле в кирхе Трагхайм и, наконец, в соответствии с ее волей 5 мая была перенесена в их фамильный склеп в Инстербурге».

На эпитафии архиеерея М. Иоганнеса Педануса, умершего в 1657 году, представляющей собой деревянный столб в южной стороне кирхи, покойный изображен коленопреклоненным рядом со своей супругой. Эту оригинальную композицию украшает картина с изображением татарского набега, наблюдавшегося художником с Башни пыток Инстербургского замка.

На других могильных камнях можно было прочесть пространные панегирики в стихах и прозе: «Года 1650 8 августа почил в Бозе благородный и мужественный господин Фридрих Дёнхоф, Его императорского величества в Польше знатный камергер и воинский начальник, староста в Августово, арендатор курфюрстской административной палаты Юргайтшен, оставивший в наследство Попелькен и Биалла, в возрасте 50 лет; пусть же Господь даст ему вечный покой в земле, а в судный день – светлое воскресение».

В кирхе имелось еще много надгробий знатных лиц, надписи на которых прочесть было уже невозможно.

Освещалась церковь старинными люстрами, которые, как и все остальные достопримечательности, тщательно перечислены ревнителями немецкой старины: малая латунная люстра на восемь рожков с венчающим ее орлом и надписью «Ганс Кюдель, Элизабета Вернерин. Год 1641»; латунная люстра средней величины, подвешенная в средней части кирхи, на восемь рожков (ее венчает пеликан, раздирающий свою грудь); самая большая латунная люстра перед алтарем на двенадцать рожков, увенчанная благословляющим ангелом, с именами дарителей: «Ганс Нейман и Анна Рокерлинген [Рюкерлинг]. Год 1648».

**Геннадий Разумный,
Владимир Михайлис.**

КУРС – ИНСТЕРБУРГ

Рассказ военного летчика В.В. Калашикова

Мне посчастливилось выполнять 9 июля 1944 года необычное боевое задание. Геббельсовская пропаганда делала все, чтобы замолчать стремительное наступление советских войск на запад и неудачи немецких войск. Немцы в тылу не знали действительного положения дел, они были убеждены, что линия фронта проходит где-то под Москвой.

Чтобы разоблачить эту ложь, надо было на факте показать населению Восточной Пруссии, где находится линия боевого соприкосновения.

В субботу 8 июля 1944 года перед нами была поставлена задача: на истребителях «Як-7» нанести штурмовой удар по городу Инстербургу с целью морального воздействия на противника.

В воскресенье четверка наших «яков» вылетела на выполнение задания по маршруту Сморгонь – Вильно – Каунас – Инстербург на высоте 8000 метров. Погода была ясной. Появление советских истребителей в Восточной Пруссии было настолько внезапным для противника, что ни одна зенитная батарея не открыла огня.

Видим свою цель. Идем со снижением, набираем скорость. Заходим с запада. Первую атаку решаем нанести по окрестностям города, где скопилась техника. С высоты 1000 метров перево-

дим самолеты в атаку – пикируем, ведем прицельный ураганный огонь из всех точек. Видим сильные взрывы, костры пожаров.

Атаки следуют одна за другой. На бреющем полете с ревом проносимся над городом, показывая его жителям яркие красные звезды советских истребителей. В городе началась страшная паника, такая, которой веками не видывали чванливые прусские юнкеры. Закончив атаку, мы на бреющем полете благополучно вернулись домой.

Налет истребителей на Инстербург вконец развеял миф гитлеровской пропаганды о военной недосыгаемости собственной имперской территории.

Инженер полка Мерцхулава написал в этот день злободневную эпиграмму, которая понравилась летчикам:

Инстербург объят тревогой.
Что случилось? «Ради бога,
Помогите, ка – ра – ул!»
Русских «яков» грозный гул
Немцев вывел из терпенья,
Началось столпотворенье.
Говорят и строчат пушки,
Недопито пиво в кружке.
И на камнях мостовой
Фриц лежит полуживой.

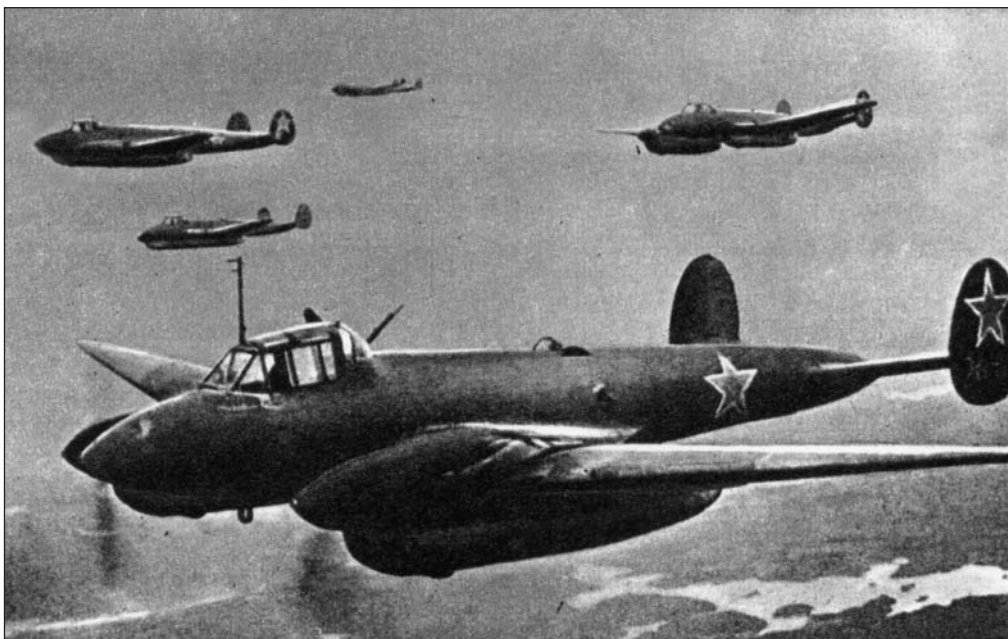
Об этом налете 17 июля 1944 года писала «Правда».

НАЧАЛО

*Рассказ Федора Распоркина о начале наступления в Восточной Пруссии
(Из книги «Северный бастион»)*

Перед наступлением 13 января перед солдатами и офицерами выступил генерал Черняховский: «Товарищи! Нам предстоит

сокрушить Восточную Пруссию. Это все одно, что выбить почти все свай из-под гитлеровского рейха. И я не далек от того, чтобы, поддавшись

Советские бомбардировщики над вражескими позициями.

эмоциям, крикнуть, что мы выбьем их, эти свай! Но мне, как комфронтом, было бы преступно смягчить и облегчить нашу задачу. Ведь на оборону этих свай, короче Пруссии, брошена 41-я дивизия, фольксштурм, отряды «СС» и другие войска. Есть тысяча дотов, надолбов, фортов «королевских» и каких угодно! Все неприступное и аспидно опасное для наступающих. Можно положить армии – и не взять».

И вот поступил приказ командующего фронтом: «Главный удар наносится на Инстербург, Велау, ударная группировка: 39-я армия, 5-я, 28-я, 11-я гвардейская армии, 1-й и 2-й танковые корпуса, 2-я гвардейская наносит удар на Даркемен...»

Уже одиннадцатый день над Пруссией неистовствовала пурга. В ночь на 13 января вдруг все стихло, сугробы осели, со снегов стал подниматься туман, густой и плотный.

Посмотрев на часы, Черняховский махнул рукой начальнику артиллерии Барсукову: «Начнем».

Небо Пруссии взорвал могучий залп. Дрогнула земля. В эфире бешено затрещала морзянка. Одновременно заговорили все станции, включая испуганный Берлин.

На десятый день наступления, в ночь на 22 января, гвардейцы Галицкого и соединения 5-й армии Крылова заняли Инстербург.

На дорогах рядом с войсками появились тысячи гражданских фургонов. Война подняла с мест обывателей. На обочинах дорог валялись выпотрошенные перины, изломанные колеса телег, чемоданы и мешки. Хаос и неразбериха. Наши бойцы все чаще сталкивались с работой карателей. Сожженные усадьбы, кругом расстрелянные и повешенные. На груди казненных таблички: «Предатель», «Враги нации».

**Выпуск подготовлен
отделом
иностранной литературы
и краеведения
городской библиотеки.**

Одна из улиц довоенного Шприндта (ныне пос. имени Кирова).

ИЗ ШПРИНДТА В КЕНИГСБЕРГ И ОБРАТНО...

О событиях своей жизни во время последней фазы войны и сразу после нее рассказывает жительница Инстербурга Герда Енихен.

Шел октябрь 1944 года. Холодные ветры дули над нашей землей. Приближающийся грохот был слышен с фронта. Русские заняли Гумбиннен. В воздухе постоянно кружились вражеские штурмовики. Моя мать, моя сестра с двухлетним ребенком, двое моих детей, годовалый и двухлетний, и я жили в бункере в саду рядом с домом моих родителей в Шприндте. Ночью шоссе на Каралене было полно военных автомобилей, направляющихся в Кенигсберг.

Эвакуация с маленькими детьми нам казалась невозможной. Солдаты рассказывали, насколько жестоко был занят Гумбиннен. Гром орудий и удары артиллерии подходили все ближе. Мы этим были тоже перепуганы и в спешке упаковали некоторое белье и несколько предметов одежды, погрузили все в

детские коляски и были готовы к эвакуации. Потом нам повезло. Солдаты из пехоты взяли нас в грузовик. Так медленно началась наша поездка, потому что дороги были почти полностью забиты едущими военными автомобилями и упряжками лошадей.

По пути мы увидели перевернутые машины, которые не могли больше ехать дальше, разбитую после налета самолетов упряжку, погибших, чьих родственники вынуждены были оставить, много стариков, тащивших свое добро в руках и не имевших больше сил идти дальше. Мы еще были спасены в грузовике от этих трудностей.

Вечером мы прибыли в Есау. От близости фронта на первое время мы были спасены. Есау – небольшое местечко с аэродромом. Тут нам был предоставлен кров. Там мы жили до

конца января, затем фронт настиг нас и здесь.

Однажды утром мы получили предписание бургомистра, в котором сообщалось, что мы должны вылететь с 20 фунтами багажа в 21 час с аэродрома. Мы заново упаковали самое важное. Я еще раз пошла в деревню за молоком и продуктами. Но все магазины были закрыты. Все было заколочено, никого не было, ни продавцов, ни бургомистра. И офицеры с аэродрома, которые до сих пор здесь жили, тоже исчезли вместе со своими семьями ночью. Во всей деревне остались вместе с ними только несколько беженцев. В снег мы отправились с нашим небольшим багажом и с детьми на руках в путь к аэродрому, потому что мы должны были вылетать в 21 час. Звучки советской артиллерии слышны были уже совсем близко. Когда мы дошли до аэродрома, здесь было все закрыто. Только несколько человек из наземного персонала были еще здесь. Они спешно отослали нас, потому что у них был приказ взорвать аэродром. В сомнениях мы двинулись в обратный путь.

Обессиленные и полностью промерзшие, мы, наконец, дошли до нашего пристанища. Перед домом стояли одиннадцать танков. Солдаты искали прибежище на ночь, и в нашем доме тоже. Но ночь их не была спокойной. Уже через короткое время они получили приказ отправиться дальше, так как русские находились в двух километрах. Танкисты решили взять нас в свои машины. Моя сестра со своим ребенком разместились в одном танке, там же и моя мать. Молодая девушка с Мазурских озер взяла мою двухлетнюю дочь и поднялась в другой танк. Мою коляску укрепили на «Осе», это был танк с прицепом, на котором должно было быть сооружено укрытие, но оно не сохранилось. Коляску и меня укутали одеялами и брезентом, а багаж поставили на гусеничное покрытие.

Теперь в темноте мы отправились в направлении Кенигсберга. Мы четыре

ночи были в пути. На день мы находили место для проживания в одном из пустых домов.

Так мы приехали в Кенигсберг. Хафенбекен, южная пожарная охрана. Мы вселились в барак на морском вокзале и занялись делами, в то время как солдаты готовили еду.

Между тем Кенигсберг закрывался. На наши продуктовые карточки мы не получили ничего. Напротив, причал был переполнен всевозможными продуктами, но и они были закрыты. Недолго думая, наши танкисты забрались через вентилятор и на свой страх и риск обеспечили население продуктами.

Каждый вечер около 19 часов прилетал русский самолет – солдаты называли его «Железная ворона» или «Швейная машина», – разбрасывая там и тут бомбы. То, что мы привыкли к его пунктуальности, ничуть не успокаивало. Один раз бомба упала недалеко от нас.

Пришло предписание, что все женщины и дети должны быть доставлены кораблем из Кенигсберга в Пиллау и затем оттуда дальше на запад. Были доставлены большие баржи. Женщин и детей накрыли одеялами и оставили ждать на баржах до темноты, чтобы затем отправить в Пиллау.

Наши танкисты получали информацию и указания из Пиллау, они знали о хаотическом состоянии. Ничего удивительного, поток беженцев в Пиллау был таким сильным, что множество людей должно было ждать под открытым небом.

И мы должны были разместиться на этих баржах. Но мы сомневались, потому что дамы, которые несли здесь службу, были по-настоящему радикальными и не остановились бы перед применением силы. Но наши солдаты-танкисты знали выход, они пригласили нас в автомобиль с радиорубкой, опломбировали его и отвезли нас в часть города под названием Нассер Гартен. Там

они спрятали нас в пустую квартиру, которая до этого использовалась военными как оружейный склад. Наши солдаты повесили на дверь табличку с надписью: «Склад оружия – вход воспрещен!» Нам между тем стало ясно, что в Пиллау нам пришлось бы страдать больше, чем здесь. В то время Пиллау ежедневно подвергался бомбардировкам.

Проходили дни томительного ожидания. Каждый день мы слышали, как русские кричали в громкоговоритель: «Женщинам и детям предлагаем покинуть город, перейти на нашу сторону, Кенигсберг будет разрушен дотла!» Прекрасная перспектива!

И наступил обещанный день. Русская артиллерия стреляла по городу, и войска вошли в ту часть, где мы жили. Пришлось пробираться под обстрелом в центр города без багажа. Когда становилось особенно опасно, я прикрывала собой детей. Осколки, куски черепицы и кирпичей носились по воздуху. Вокруг все грохотало и трещало.

В центре нас остановили служащие гражданской обороны и отослали в нежилой дом, где уже были две женщины и мальчик, беженцы с Мазурских озер.

Днем я поняла, что мы не спасемся в разрушенном низеньком домике от бомб и гранат. Неподалеку находилась большая школа. Вместе с Эмми я хотела посмотреть, можем ли мы расположиться там. Когда мы уже почти дошли до здания, зазвучала сирена воздушной тревоги, на которую мы совсем не обратили внимания, потому что часто случалось так, что сирены звучали, но ничего не происходило. Но вдруг началось... Падало бесчисленное количество бомб. Я стояла, почти ничего не осознавая, неспособная даже думать. Взрывной волной меня отбросило к двери, однако боли не почувствовала. Солдаты затащили меня внутрь. Все случилось так быстро, что я не смогла поверить. Единственной моей мыслью была мысль о детях. Я хотела выйти

к ним, но мужские руки крепко меня держали. Кто-то кричал и ругался на меня. Голоса людей тонули в грохоте и треске. Солдаты прижались к железной двери, чтобы удержать ее закрытой. Целый час бомбили город.

Этот час был для меня вечностью. Санитар сделал мне укол, чтобы я успокоилась. Когда пришла в себя, налет закончился.

Я выбежала, но не знала, с какой стороны я пришла. Улицы были неузнаваемы, только горы развалин. Несколько солдат, видевших, как я пришла, помогали мне искать маленький дом. Они вместе со мной бродили среди развалин до тех пор, пока мы его не нашли.

Оконные рамы торчали в стороны, за ними лежали кучи кирпичей.

Без надежды я искала вход в подвал, он оказался засыпанным. Но тут я нашла узкое подвальное окно, которое перекрывали железные перегородки. За грязным стеклом двигалась рука. Это была рука моей матери, она была жива и показала мне в окно ребенка. Я заплакала от радости. Но как же освободить их из развалин? Опять мне помогли наши солдаты – они вытащили решетки. Сначала мама передала мне детей, а затем через узкое окно с большим трудом вылезла сама вместе с моей сестрой.

По развалинам мы забрались в школьный подвал. Здесь расположился госпиталь. Один-единственный санитар ухаживал за ранеными. Врач был вызван в главный лазарет и не вернулся. Казалось, все идет кувырком. Санитар позаботился о том, чтобы моя мать и дети получили надежное место, а я могла помочь ему. Без передышки накладывались повязки, удалялись осколки, накладывались шины на переломы... Столько страданий, сколько было в этом подвале, я не видела больше нигде.

Снова и снова, когда снаружи стихали выстрелы, я высовывала голову из двери, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Ночное небо было окрашено в лиловый цвет. Пожары пылали, насколько хватало взгляда. Дни, полные неизвестности и страха, ждали нас.

Потом пришли русские. Сначала два офицера. Они приказали, чтобы оружие и патроны были собраны в кучу на улице. В четыре часа утра немецкие солдаты и остальные мужчины были увезены.

Наш путь начался с рассветом. Только теперь мы увидели полную картину разрушений. Почти через час постоянного карабка через завалы мы добрались до улицы. Там, где остались стоять дома, еще дымились крыши. Плотный дым стелился клубами по улице. Когда мы приблизились к окраине города, то увидели, что все немцы направлялись сюда. Колонной по четыре человека, охраняемые вооруженными русскими солдатами, мы шли в Замланд (Поленнен; ныне пос. Круглово Зеленоградского района). Несколько дней мы ничего не ели. Из строя никто не мог выйти. Чтобы избавить детей от жажды, я взяла с обочины дороги пустую консервную банку, набрала из отпечатков лошадиных копыт талой воды и дала ее детям. Добрый ангел хранил нас, никто не заболел от этого «бульона».

Навстречу нам двигалась колонна немецких военнопленных. Один из мужчин бросил мне в коляску кусок пересохшего хлеба. Еще неделю назад я бы побрезговала таким хлебом. Теперь я была благодарна от всего сердца. Я разжевала его и дала детям. Другой бросил мне свеклу. В Поленнене нас загнали в большой зал, который не освещался. Мы цеплялись друг за друга, как репейники, чтобы не потеряться. Темнота была кромешной. Вскоре поползли слухи, что помещение хотят взорвать вместе с нами. Но пока мы слышали голоса русских, нам казалось, что опасаться нечего. Через несколько окон зала можно было иногда видеть, как бомбили Пиллау.

Эта ночь была ужасно длинной. Когда стало светло, нас снова выгнали наружу. Опять, как и день до этого, нас построили в четыре ряда, но теперь мы двигались назад, в Кенигсберг. Почему нас гоняли туда и обратно, никто не мог объяснить.

Из города нас привели на огороженный колючей проволокой луг. Там мы нашли мою бабушку – это было печальное свидание. Появились несколько русских и отправили матерей с детьми в один угол, стариков туда же, одиноких женщин – в другой угол, а мужчины были тоже отделены.

Вдруг один из русских крикнул: «Женщины с детьми и старики – домой!» Две мои тети были без детей. Мама надрывно плакала о своих сестрах. Эмми, которая мне до сих пор помогала, держала на руках одного из моих детей и могла бы выйти из лагеря, но она отдала ребенка моей тете, чтобы та не разлучалась с нами... Это было очень благородно с ее стороны. Моя старшая тетя и бабушка уже вышли из ограждения, вслед за ними шла и я с мамой и ребенком. Нам нужно было искать дорогу на Инстербург.

Мы приближались к Тапиау и нашли упоминавшуюся арку. Размещавшиеся там русские смотрели на нас недоверчиво. И в самом деле мы выглядели ужасно: грязные и замученные. Увидев солдат, я потеряла всякие силы, чтобы идти дальше. Моя тетя Иоганна придала мне мужества, и мы пошли дальше. Со смешанным чувством я спросила, можем ли мы остаться здесь на ночь, потому что мы возвращаемся домой – в Инстербург. Сразу нас окружили солдаты, они все говорили сразу. Понять их было невозможно. Я показала на детей и на мою бабушку, положила голову на руки, как бы изображая тем самым сон, и услышала в ответ на это общее: «Ах!»

Один солдат взял меня за руку и повел за собой. С бьющимся сердцем я взяла за руку свою тетю и потянула

ее за собой. Солдат повел нас к зданию, где был кто-то, кто говорил по-немецки. Это, должно быть, был командир. Помещение было оборудовано под бюро. Я повторила ему свою просьбу, он спросил, откуда мы идем и куда мы хотим. Около двери стоял солдат с оружием в руках. Говорящий по-немецки человек удалился, и мы долго ждали его, пока он не вернется снова. Затем он проводил нас к дому, где располагались солдаты старшего возраста. Он объяснил, что мы будем ночевать в пустом помещении. Один из солдат должен принести солому. Такой неожиданной встречей мы были успокоены. С радостью и облегчением позвала я ожидавших меня на улице. Помещение, которое нам предоставили, было кухней с кафельной плиткой. Вскоре нам доставили солому и дрова. Русские солдаты (они оба носили бороды) были добрыми людьми. Знаками пригласили нас в свою теплую комнату. Это была бедно обставленная комната. Во всех углах стояли кровати, застеленные только матрацами. В центре стоял вручную сколоченный стол и с обеих сторон его скамьи. В кафельной печи горел большой пень, который постоянно продвигали вперед в огонь до тех пор, пока он не сгорел окончательно. Но в каморке было все-таки очень тепло.

После того как мы немного отдохнули и согрелись, мы разложили огонь в нашей комнате и расположились на ночлег. Наши дети быстро подружались с русскими. Они сидели у них на коленях, и солдаты кормили их. Один из русских дал нам понять, что дома в России у него шесть детей. При этом слезы потекли по его заросшим щекам.

Мы воспользовались возможностью и выкупали детей. Все кастрюли и ведра, которые нам дали русские, мы наполнили водой и поставили на плиту. Мы получили от русских относительно большую ванну и даже кусок мыла.

Неописуемо большим было счастье, когда мы наконец смыли с себя

грязь многих недель. И наконец для нас наступила спокойная ночь, когда мы могли спокойно, без страха спать. С детьми нас было одиннадцать человек, а кухня была такая маленькая, что мы могли спать только в одной позе – вытянувшись. Ну и что? Детские коляски взяли русские в свою комнату. На ужин нам дали белый хлеб с маслом, сладкий чай, сушеные фрукты и овсяную кашу. Все происходило, как в чудесном сне. Нужно ли говорить, что мы хорошо спали?

Когда я на следующее утро забирала коляску из комнаты русских, там находились еще два солдата, более молодые, они чистили оружие. В коляске лежал большой пакет. Подумав, что его кто-то просто положил, я его взяла, положила на стол и хотела выйти, но один из солдат снова положил его в мою коляску и что-то пробурчал очень грозно, как мне показалось. Я не до конца понимала в чем дело – стала недоверчивой, думала о взрывчатке. Может, они хотели причинить нам зло? С трясущимися коленями я толкнула коляску к двери. Никто из нас не ожидал от пакета ничего хорошего. Солдат заметил это, подошел к коляске и грозно спросил: «Почему ты боишься? – он разорвал угол пакета. – Тут еда для твоих детей! Не бомба! Мы не фашисты! Только фашисты убивают детей!» Я смутилась за свои ужасные мысли. Как будто мысли можно прочесть... Хлеб, немецкий маргарин и искусственный мед, сало, яичный порошок, к тому же ложки и вилки были содержимым пакета, который упаковали нам приветливые пожилые русские. К сожалению, мы не смогли их отблагодарить.

Снова мы оказались на проселочной дороге. Нет таких слов, чтобы описать чувство, которое я испытала, увидев потупленные глаза старой женщины, вынужденной на обочине дороги ожидать свою смерть. Мы прошли мимо сотен старых людей, сделавших свой последний вздох на обочине дороги.

Инстербург после боев.

По главной дороге на Инстербург нам нельзя было идти. Еще шла война, и по дороге двигалась русская техника. На каждом перекрестке стояли посты. Нас отправляли назад, когда мы должны были пересекать дорогу слева направо и наоборот. На ощупь мы продвигались вперед, в сторону Инстербурга.

Часто нам приходилось идти целый день, но мы всего на несколько километров продвинулись к нашей цели.

От Велау нас отвели в лесок. Русский еврей выдавал себя за коменданта города. Он сказал, что расстреляет нас. Целый день нам пришлось находиться в пустом сарае под замком. Когда дверь была открыта, никто из нас не осмелился выйти на улицу в темноте. Мы все собрались в одном углу. Детей я держала, тесно прижав к себе. Постоянный страх лишал нас рассудка. Нас охватывал ужас от любого шороха. Без бабушки и детей мы бы отправились дальше, но с ними это было невозможно. Итак, мы остались, думая, что нас убьют. Час за часом проходило время. Все было спокойно, иногда только

плакал кто-то из наших детей. Только тогда, когда рассвело, мы заметили, что были одни. Нигде не было видно ни одного русского. Мы собрали наше имущество и быстро, как только могли, покинули это ужасное место.

Проходя мимо небольшого леса, мы увидели русских в гражданской одежде, которые пытались развести огонь. Большое стадо немецких коров бродило по сухой прошлогодней траве. Русские нас заметили и отозвали к себе. Мы испугались и хотели убежать. Мальчик, примерно лет двенадцати, прибежал к нам и сказал на ломаном немецком: «Фрау, ты понимаешь, ты делать молоко с коровы, потом ты помогать. Ты мочь много пить, и дети тоже!» При нашей нищете такая мысль отвлекла от мыслей о страхе. Если мы действительно получим молоко для наших детей, то мы попробуем им помочь. На повозке лежали недавно родившиеся телята. Другая повозка была нагружена бидонами для молока. На большой сковородке на костре жарилась картошка. С мальчиком мы могли относительно хорошо общаться. Мы взяли ведра и подоили коров. Когда мы закончили, молока оказалось так много, что мы могли пить, сколько хотели. Также нам досталось немного хлеба и картофеля. Бутылки и кастрюли, а также другую посуду, которая была у нас с собой, мы тоже смогли наполнить молоком, за что были очень благодарны. Четверо русских тоже не имели ничего съестного, кроме молока и картофеля. Хлеб, часть которого они отдали нам, они получали от военных. У них было задание отогнать наших коров в качестве трофея в Россию. После такой бессонной ужасной ночи и после того, как мы сытно поели, мы почувствовали себя такими утомленными, что охотнее всего прилегли бы, но нужно было идти дальше...

К вечеру мы добрались до небольшого поселка. Издалека были видны светящиеся окна, а также деревянные перегородки ворот – знак того, что здесь

расположилась какая-то часть. Вход был украшен даже флажками, и в центре находился портрет Сталина. Как я уже сообщала, доброжелательный русский посоветовал нам на ночь располагаться вблизи воинских частей, потому что таким образом мы были бы лучше защищены. И мы думали, что останемся здесь на ночь. Но здесь было все по-другому, навстречу нам вышли вооруженные солдаты и прогнали нас обратно на дорогу. Наконец, мы расположились в сарае, в котором было уже несколько немецких женщин и детей. Одна стена у сарая отсутствовала, и ее заменяли кучи соломы в человеческий рост.

Мы были рады увидеть немцев и, наконец, нашли место в соломе, где предполагали отдохнуть, но скоро заметили, насколько грозно и ненавистно были настроены против нас наши соотечественники. Никто не хотел иметь поблизости от себя нас, молодых немецких женщин. «Уходите... Здесь нет для вас места... Вы только привлечете к нам русских!» Такие выражения раздавались постоянно. Мы испугались и не могли понять, чем мы можем привлечь русских. Мы сами дрожали перед ними. Чтобы замаскироваться под старых и страшных, мы опустили волосы на лица, повязали платки на головы, измазали лица, сморщили до складок лбы и даже «приделали» горбы. Мы сделали все, чтобы стать страшными и непривлекательными. Но и это не успокоило наших соотечественников. В сумерках я накормила детей и легла рядом с ними. С каждой стороны по ребенку — я думала, что так они смогут уснуть. Но когда стало по-настоящему темно, начался ужас. Мы были здесь дичью для русских. С помощью фонариков они выбирали себе молодых женщин. Убежать было нельзя, потому что один из них сторожил на входе. И тогда моя бабушка придумала следующее: она притянула меня к себе, и под ее длинной юбкой я свернулась между ног, а бабушка накрылась найденным на до-

роге одеялом. Рядом лежали и двое моих детей. Таким образом, я была спасена на время оставшейся ночи.

Дети мои почти все время спали. Иногда я спрашивала себя, сколько они еще продержатся. Дорожная пыль и дорожки от слез покрывали заскорузлые лица. Вода была большой редкостью. Давно уже не было водопроводной воды. В канавах, где еще оставалась вода, часто лежали туши коров, лошадей, собак и даже трупы людей, которые русские убрали с дороги. Питьевую воду мы могли взять только у русских. Голод доставлял неудобства, но жажда была еще хуже. Положение наше было безнадежно. Нет для матери ничего страшнее, чем наблюдать, как от истощения ее дети погружаются в непробудный сон.

И чтобы дети не очень страдали, мы были вынуждены искать пристанище в домах, заселенных русскими. Иногда нам везло, и мы находились среди хороших русских людей, некоторые ругали нас и прогоняли, не дав ни единой капли воды. Особенно злы на нас были монголы и татары. Они нападали на нас почти всегда, когда наши пути пересекались. То, как они с нами обращались, настолько ужасно, что здесь не место об этом рассказывать. Эти люди несказанно опозорили нас. Иногда уже пропадало желание жить, но вид детей спасал нас от самоубийства.

В Норкиттене (Междуречье) на небольшом расстоянии увидели большое стадо коров. Нам хотелось, чтобы были с ним те самые русские, которые уже однажды снабдили нас молоком. Чтобы подойти ближе, нам пришлось немного идти в обход. Да, это были именно те русские, которых встретили до этого. Мы опять помогли им доить коров и за это получили достаточно молока, немного масла и хлеба для детей. Молоденький русский объяснил, где они на следующий день будут делать привал. Мы должны были сделать так, чтобы снова встретиться, ведь им тоже надо

было идти с коровами через Инстербург. Затем наши пути пересекались еще дважды.

В Норкиттене жили еще несколько немецких семей. Жили они бедно, но все-таки взяли нас на одну ночь. В поселке было много русских. Периодически они появлялись рядом с немцами. Мы были удивлены, насколько спокойно там было, и это обнадежило нас на будущее.

Офицер, говорящий на немецком, рассказал, что русские солдаты три дня могли делать с немецкими женщинами все, что захотят, но теперь это было запрещено. Нам не нужно бояться, и мы могли громко звать на помощь. Если начальник это увидит, то человек, который нам наносит оскорбления, будет наказан. Я рассказала о той ночи, когда мы расположились на ночлег недалеко от воинской части, думая о том, что так будет безопаснее, но и тогда русские поступили с нами грубо. Офицер ответил на это: «Русские нехорошие... Сталин запретил насилие!» Он хотел выяснить, кто был командиром части, а затем он собирался доложить об этом. Для нас это не было утешением, и мы хотели надеяться, что с нами будут обращаться человечнее в будущем. Нам снова дали муки и крупы. Они пахли, правда, бензином, но и их мы взяли с благодарностью.

Расстояния, которые мы проходили, становились все меньше и меньше, нужно было все чаще отдыхать. Усталые и обессиленные, продвигались мы вперед километр за километром. Нам не попадались пустующие дома. А если и попадались, то в них было так много мусора и грязи, что мы не могли там остановиться.

Приближаясь к родному городу Инстербургу, мы все время задавали себе вопрос: что нас там ждет? Не заняты ли наши дома русскими? Впустят ли нас вообще туда? Издалека была видна башня Меланхтонской кирхи. Нас переполнило чувство радости. Мы невольно

пошли быстрее. Никто не приносил ни слова. Наконец мы были в Инстербурге. При виде разрушенного города и чужих людей в нем в сердце появилось тягостное чувство. Очень скоро мы поняли, что в Инстербурге нам негде будет остановиться. Все было занято русскими. Очень много военных было в городе. С надеждой на то, что дом моих родителей свободен, мы пошли в Шприндт. Казармы на Караленер штрассе (сейчас ул. Ленинградская) не были разрушены. Длинная улица выглядела, как и раньше, только на солдатах была другая униформа и вели они себя по-другому. Дойдя до дома моих родителей, увидели, что и тут расположились русские с семьями. Они не впустили нас в дом. Мы попытались объяснить русской женщине, что этот дом принадлежал моей матери. Когда она это поняла, то стала грозить нам кулаком и кричала: «Ду фашист... Ду капиталист... Иди к черту!» Моя мама заплакала. В саду начали цвести первые подснежники. Через забор я сорвала несколько штук и вложила их в руку моей матери. С тяжелым сердцем мы пошли дальше. В Каралене (пос. Зеленый Бор) были земли моих дедушки и бабушки. Тем самым наш путь продлился на 12 километров. Только с наступлением темноты дошли мы до Каралене, где я родилась. Дом не был занят. Вокруг все выглядело ужасно. Мертвая, воняющая лошадь лежала во дворе. Разграбленные пчелиные домики моего деда – их было почти сто – лежали по всей округе. В доме Хайнemannов расположились три старые бабушки, но об этом мы узнали позже.

Начался новый период нашей жизни. Прежде всего, при помощи примитивного инструмента мы навели вокруг дома порядок. Облазили рядом стоящие дома и собрали там все, что нам могло пригодиться. Чего-нибудь неповрежденного не было. Нашли мы ведра, горшки, посуду, оконные стекла, щетки, метлы, мельницу для кофе и мебель. При помощи песка и кирпичей

все было вычищено. Мылись мы при помощи золы.

В одном подвале нашли картофель. Эта находка особенно нас обрадовала, так как теперь у нас была горячая пища каждый день. В одном из углов сада мы нашли яму для гашения извести. Это помогло нам выбелить все стены в белый цвет. Кистей у нас не было, и мы использовали обыкновенную щетку. Наше жильё снова засияло чистотой. Тетя Ганна еще до ухода закопала посуду. Нашли мы ее целой и невредимой.

Ревень, крапива и молодая лебеда росли везде, поэтому имелась возможность разнообразить наш стол. На одном поле нашлась свекла. Перетаскав ее домой, мы создали продовольственный запас на некоторое время. Из этой свеклы, которая раньше была кормом для скота, теперь мы делали все.

Почти все русские, проходившие мимо нашего дома, заходили к нам. Наш прежний страх появился вновь, так как все, что мы имели, у нас могли забрать. Рядом с кухней была большая кладовая, из которой вела незаметная дверь в подвал. Там мы прятались, когда была угроза для женщин. Как-то раз просидели целый час в нашем убежище.

Ежедневно мимо нашего дома проезжала повозка с молоком. Однажды она остановилась, и к нам на кухню зашел солдат с ведром. Мы не хотели брать у него это ведро. Он громко засмеялся и объяснил, что ищет питьевую воду. Я несказанно удивилась, когда он принес нам целое ведро молока. Однако мы испытывали недоверие – а вдруг молоко отравлено? Сначала его попробовала бабушка, затем я. Молоко оказалось безукоризненным, свежим. Так, на протяжении некоторого времени у нас было молоко и даже иногда сливки. Один раз этот же солдат пришел после обеда, он хотел показать мне, где он спрятал мешок пшеницы. В благодарность я предложила ему что-нибудь постирать. Однако он приложил руки к

сердцу, что должно было означать: не стоит благодарности. После того как он показал, где спрятал мешок, мы с тетей Ганной привезли его на санках домой. Днем позже наш знакомый привез нам мешок ячменя. Мы очень нуждались в соли, и наш тайный друг помог и в этом, принеся в полотенце большой кусок соли, весом в три фунта. Мы замочили его в воде и пользовались соляным раствором. Правда, она была с маленькими камушками, но они оставались на дне.

Наш поставщик молока рассказал нам, что он расположился в Тракенене и что там живет одна старая женщина, приставленная работать маляром. Из этого следовало, что она работала у моего дяди Отто, который был единственным мастером-маляром в Тракенене. Русские оставили старика, однако он был еще не так стар. Он загримовался, и его не отправили в лагерь. У него были волосы до плеч, длинная борода и сутулая фигура. Ходил он постоянно с палкой.

В Каралене и в округе было много русских. К нам по ночам постоянно стучались в двери и окна, чем очень нас пугали. Они приходили снова и снова, проверяя все помещения. Задавали обычные вопросы, например: «Находятся ли у вас немецкие солдаты?» От этих приходов не было покоя, и наш русский друг предложил охранять нас. Организовали ему спальное место около двери. Он приходил каждый вечер со своим карабином. Когда приходили другие русские, он говорил им, что имеет приказ коменданта дежурить у нас. Думается, мы были в лучшем положении, чем другие.

Между тем война закончилась. После этого отношения русских и немцев нормализовались. Наша жизнь еженедельно улучшалась. При помощи мельницы для кофе перемалывали пшеницу. Из грубой муки готовили кашу и лепешки, которые пекли прямо на плите. Вкус походил на хлеб. Из лучшей

муки делали молочный суп с клецками, когда было молоко. Дядя Отто переехал к нам и сделал терку из кровельного железа. Теперь мы могли натереть картофель, а также изготовить сироп из сахарной свеклы.

Основной нашей работой были стирка и глажка солдатского обмундирования и белья. Как-то заехал один майор и предложил работать на охрану в лагере военнопленных. Мы переехали на другую сторону реки.

На бывших огородах и в садах было много овощей и фруктов. Во время сбора грибов нам попадалось очень много убитых немецких солдат. Похоронить их мы не могли, но зато собирали памятные жетоны. Осенью приехали жены русских офицеров. От них было много заказов на шитье одежды. Следующей весной стали прибывать гражданские лица, и нам пришлось переехать в Шприндт к старой знакомой, но и оттуда нас выгнали. Покой мы нашли только в подвале разрушенной почты. Для освещения использовали гильзы с керосином. Большим спросом на базаре пользовалась униформа, поэтому я шила ежедневно от одного до трех кителей. Стоила такая одежда 30 рублей, хлеб – от 40 до 60, стакан муки – 15-30, стакан сахара – 40 рублей. На месте ипподрома расположились танки, а в помещении трибун – пекарня. Иногда русский повар помогал нам хлебом. Кирха в Шприндте использовалась русскими как лесопилка. Работали там немецкие военнопленные. Охраняли их четыре солдата. В котельной кирхи я стала стирать, а в доме священника готовила еду для всех. Когда умерла моя бабушка, нам сделали гроб и помогли похоронить ее. В цокольном этаже Герберт-Норкус-шULE (сейчас школа №5. – Прим. переводчика) открылся магазин.

Каждый день там собиралась огромная очередь, место в которой люди занимали с пяти часов утра. Гражданские русские, которые приезжали в Восточную Пруссию, были не в лучшем положении, чем мы. Они имели пустое жилье, один вещевой мешок, немецкую корову и много детей. Кто имел хлеб, молоко и чай, уже были довольны. К этому времени мы уже работали за рубли и сносно понимали друг друга. В один из вечеров я и наш русский друг поехали в Тильзит на рынок. Там было все дешево. На вокзале в Инстербурге пришлось ждать поезда почти 3 часа. В зале ожидания все сидели или на полу, или на своих вещах. Незадолго до полуночи приехали в Тильзит. Рынок открывался рано утром. Ночь провели в кафе у моста Луизы. До трех ночи два музыканта играли не только русскую музыку, но и немецкую.

И наконец в октябре 1948 года, полетному теплом месяце, было объявлено об отъезде 3000 немцев в Германию. Это были женщины, дети и немного стариков. После почти 12-часового ожидания на вокзале были поданы товарные вагоны. Сидели прямо на полу. В Кенигсберге нас высадили и устроили проверку нашего багажа. Искали золотые украшения, отнимали сигареты и некоторые продукты. Особое внимание уделяли проверке бумаг, от документов до книг. Во время обыска русский офицер говорил в основном с моей дочерью. К тому времени она довольно хорошо говорила по-русски. На другом перроне нас посадили в пассажирские вагоны, которые были тут же опломбированы. Поехали мы в сторону Магдур. Было очень душно, воды не было. И только после пересечения польской границы нам разрешили набрать воды. Через 10 дней мы прибыли в Берлин...

Демонстрация на площади Ленина. Конец 1940-х – начало 1950-х годов.

1946-Й. ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЖИЗНЬ...

На военно-топографической карте, висевшей в гражданском управлении, каждый день появлялись все новые и новые пометки. Под названиями населенных пунктов: Гросс-Бубайнен, Обелишкен, Грюнхайде и других – пестрели карандашные записи, пока никому не понятные столбики цифр: 25, 5, 300, 400, 200 и т.д. Заведующий сельским хозяйством, землеустроитель и другие члены гражданского управления, возвратившись вечером из поездок по будущему району, поставили такие цифры на карте в новых местах.

Смысл этих цифр стал ясен весной 1946 года, когда гражданское управление получило известие из Курской области об отправке в Инстербург первых двух эшелонов поселенцев-колхозников.

Все население нового района, состоявшее из 16 человек служащих гражданского управления, собралось на экстренное совещание. Нужно было

распределить прибывающих переселенцев по населенным пунктам.

И вот первые цифры под населенными пунктами ожили. Гросс-Бубайнен: 25 домов, 5 скотных помещений, 300га полезной пашни, 400га сенокоса, 200га выпасов. Сюда можно на первых порах поселить тридцать семейств.

Так были расшифрованы цифры всех населенных пунктов.

С большим нетерпением ждали управленцы прибытия переселенцев. Понравится ли им здесь? Большинство селений пустыми глазницами окон глядело на заросшие бурьяном поля, на скрюченные предсмертными судорогами сгоревшие немецкие танки и разбитые пушки. Смердом войны веяло от разбросанных снарядных гильз, от незапыленных траншей и воронок.

Эшелоны неожиданно прибыли ночью. Разгрузку людей и имущества отложили до утра. А пока на разгрузочной площадке около элеватора вспыхнули костры.

При колеблющемся красноватом отсвете камней из вагонов выходили вчерашние солдаты, такие близкие, родные в выцветших гимнастерках с темными полосами вместо погон. Многие из них участвовали в боях за эти земли, о чем убедительно доказывали правительственные награды, горевшие на груди у многих переселенцев.

До самого рассвета работники гражданского управления отвечали на многочисленные вопросы вновь прибывших. А утром многие новоселы пожелали проехать в некоторые населенные пункты и осмотреть все своими глазами.

Запустение поселков не испугало никого.

– Вот это дома! – изумлялись женщины.

– По четыре комнаты.

– Да куда нам такие?

– Ничего, пообвыкнете! – смеялись бывалые воины. – Это после землянок так кажется. Мы приехали сюда не в гости, а навсегда. И эти дома скоро станут для нас тесными, так разрастемся.

О том, что во многих домах нет рам, дверей, никто и не вспомнил. Руки есть – все сделаем в два дня.

– А вот то, что здесь много лесов, хорошая земля и богатый выпас для скота,

это нас радует, – говорили колхозники, возвращаясь к своим эшелонам.

К вечеру семьи переселенцев со своим имуществом и скотом были перевезены на новое место жительства. И вот на небольшой территории будущего Черняховского района от села к селу зазвучала родная речь... Ожил край.

Новоселы обходили поля, луга, устанавливали места для выпаса скота, для приусадебных участков, осматривали сады.

А вечером в разных местах района все новоселы, не сговариваясь, собрались на собрание. Неизвестно теперь, кто первый произнес эти слова, потому что все думали об этом:

– Товарищи, нам нужно организовать в колхоз.

– А как же по-другому? Без колхоза мы жить не можем, – ответили все.

На другой день над колонками цифр на карте появились жирные надписи красным карандашом: колхоз им. Тельмана, колхоз «Заря», колхоз им. Молотова, колхоз «4-я пятилетка», колхоз им. Черняховского, колхоз «Парижская коммуна». Так начиналась новая жизнь на освобожденной земле.

Н. Яковлев.

ПЕРВЫЙ КОМЕНДАНТ

Видавший виды «студебеккер», в кузов которого набилось десятка два офицеров и сержантов, выбравшись на окраину Каунаса, помчался по шоссе в направлении на юго-запад. Подполковник достал из внутреннего кармана шинели врученный ему генералом листок, развернул его: «Отдел кадров 3-го Белорусского фронта №2805/х. Удостоверение. Предъяви-

тель сего подполковник Иванов Гавриил Алексеевич является военным комендантом г.Инстербурга. Начальник отдела кадров 3-го Белорусского фронта генерал-майор инженерных войск Алексеев».

«Студебеккер» катил уже по прусским дорогам. Везде, куда ни кинь взгляд, следы недавних боев: разрушенные здания, разбитая вражеская

техника, воронки от бомб и снарядов. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Но ничто не могло остановить наступательный порыв наших войск.

Под комендатуру выбрали здание рядом со стадионом. Здесь уже навели порядок прибывшие чуть раньше помощник коменданта подполковник Лященко, веселый подвижный одессит, и начальник штаба майор Коробейников. Вскоре подъехал майор Пантелеев, назначенный замполитом. Комендатуре придали восемьдесят автоматчиков.

Иванов собрал весь состав комендатуры:

– Работы предстоит много... Военные трофеи, брошенное бежавшими немцами имущество нужно собрать, учесть и сохранить. Около города бро-

дят крупные стада недоенных коров, другой скот. Позаботиться об этом – также наша задача. Надо решить вопрос с кормами и прочее... На днях будут созданы военные комендатуры в окружающих Инстербург поселках, тогда часть забот они возьмут на себя... И последнее – снабжение госпиталей.

К тому времени в городе обособилось свыше сорока армейских госпиталей самого различного ранга. Надо было обеспечить их необходимой мебелью, оборудованием, наладить питание раненых. И комендатура отлично справилась с этой задачей.

Здесь, в Инстербурге, и встретил первый его комендант День Победы.

А. Зимин.

НАША БИОГРАФИЯ

1945 ГОД

Мясокомбинат начал свою работу.

1946 ГОД

Из приказа областного управления по гражданским делам о торговом обслуживании населения в районах области:

«...1. Возложить торговое обслуживание населения в районах Кенигсбергской области с 1 июля 1946 года:

а) по районам... б) ...в Инстербургском ...на универсальный торг.

...переход магазинов и столовых районных комендатур во владение предприятий торговли в пятидневный срок».

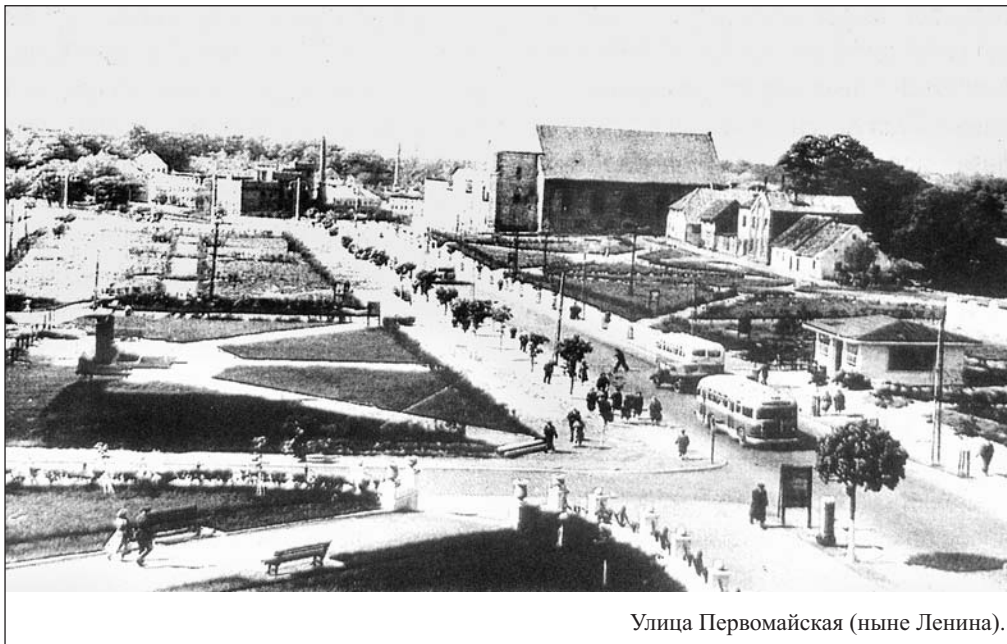
Из приказа областного управления по гражданским делам о подготовке к приему колхозников-переселенцев от 1 августа 1946 года:

«...Инстербургский район – 900 семей...»

В августе 1946 года начали создавать горпрокомбинат. Рабочие своими силами ремонтировали здания, восстанавливали машины.

7 сентября 1946 года Указом Президиума Верховного Совета об административно-территориальном устройстве Калининградской области городу было присвоено имя дважды Героя Советского Союза И.Д. Черняховского.

В пасмурный сентябрьский день 1946 года на станцию Инстербург прибыл поезд с переселенцами. Обживать

Улица Первомайская (ныне Ленина).

новый край приехали колхозники и рабочие Рязанской, Смоленской, Брянской и других областей. Их встретили пустынные улицы города с коробками полуразрушенных и сожженных зданий. Тротуары, шоссе завалены битым кирпичом и щебнем.

В октябре 1946 года вступили в строй швейная, сапожная и слесарные мастерские.

Осенью 1946 года в Черняховске был смонтирован радиоузел.

К концу 1946 года стал действовать городской водопровод общей протяженностью в 20 км. Приступили к работе первые культурные учреждения – кинотеатр «Ударник» и городская библиотека. Была открыта начальная школа, в которой с осени 1946 года обучалось свыше 1300 детей. Школа ФЗО также организована в 1946 году. За прошедший год выпущено продукции на 38 тысяч рублей.

1947 ГОД

В марте 1947 года был образован Калининградский областной комитет партии, а в городах и районах – горко-

мы и райкомы ВКП(б). В октябре-ноябре 1947 года прошли отчеты и выборы во всех городских и районных парторганизациях.

В мае 1947 года постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР взамен управлений по гражданским делам, выполнившим свою задачу, были созданы дополнительные комитеты областного, городских и районных Советов депутатов трудящихся. 21 декабря 1947 года прошли выборы в местные Советы.

В 1947 году для горпромкомбината было предоставлено здание на ул.Прегельной (Лютеранская кирха). Было пущено пять новых предприятий – пивоваренный, кожевенный заводы, хлебокомбинат, пищекомбинат, артель «Звезда». Была сдана в эксплуатацию городская гостиница. Просветительные учреждения пополнились Домом культуры и кинотеатром «Салют», читальным залом городской библиотеки. Начало работать дошкольное отделение Черняховского педагогического училища.

В 1947 году было посажено 300 деревьев и кустарников, вывезено на

свалку более 7 тысяч кубометров строительного мусора, заложено 800 кв.м проемов (окон, дверей) в руинах.

Сведения облсельхозуправления о количестве колхозов, совхозов и МТС в районах области на 30 августа 1947 года:

Черняховский: колхозов – 23, совхозов – 4, МТС – 2...

Газета «Калининградская правда» от 16 декабря 1947 года:

«По постановлению ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР...отмена карточной системы...»

1948 ГОД

7 апреля. Заседание в городском театре. К новому расцвету Калининградской области (2 года Калининградской области).

«В молодую Калининградскую область переселились сотни тысяч советских людей. На месте бывших помещичьих и кулацких хозяйств организованы колхозы и совхозы МТС. На месте разрушенных фабрик и заводов, ранее принадлежавших немецким ка-

питалистам, восстановлены и работают 146 промышленных предприятий, транспорт и связь.

С каким успехом идет хозяйственное и культурное развитие нашей области, можно видеть на примере города Черняховска.

За короткий срок коренным образом изменились хозяйственная политика и культурный облик города. Сейчас у нас два кинотеатра, Дом культуры, городская библиотека, средняя школа, вечерняя школа рабочей молодежи, начальная и семилетняя школы, школа нерусской национальности. Открыта также железнодорожная школа, педучилище с дошкольным отделением.

В городе работают 3 садика на 150 детей, Дом пионеров и школьников с детской библиотекой. Имеются инфекционная больница, тубдиспансер, станция скорой помощи, поликлиника и больница, санитарно-бактериологическая лаборатория. Восстановлены водопровод, канализация, налажено электроснабжение».

18 апреля. Воскресник по благоустройству начался с вокзала. Зияющие провалы оконных проемов здания быв-

шего вокзала неприветливо встречали приезжающих. Донельзя замусорены были пути и перроны вокзала. За три трудовых воскресенья картина резко изменилась.

20 апреля. В ближайшее время городская автотранспортная контора открывает новую пассажирскую линию. Автобусы будут курсировать между центром и восточной окраиной города по Крестьянской улице. Автобус Черняховск – Шприндт будет делать рейсы до 24.00.

22 апреля. Вступил в эксплуатацию после двухмесячного капремонта основной цех фруктовых вод пивзавода.

Коллектив мясокомбината приступил к оборудованию цеха для изготовления мороженого.

7 мая. Начал курсировать пригородный автобус между Черняховском и Норкитеном (Междуречье).

10 мая. На Привокзальной площади начнется закладка фундамента памятника генералу армии Черняховскому. Памятник будет иметь мраморную облицовку с выгравированным портретом героя. Вокруг разбивается сквер.

27 мая. Из Калининграда в Черняховский речной порт прибыл пароход «Красная звезда». Рейс совершен за 10 часов. С июня начнется регулярное движение грузовых пароходов.

25 июня. В городском театре открылся новый, хорошо оборудованный ресторан.

1 июля. Закончены противомаларийные мероприятия в городском парке. Очищены два водоема площадью в 4га.

Закончено восстановление гвоздильного завода. Рабочие и служащие вокзала станции Инстербург решили досрочно завершить подготовку к зиме: ремонтируют багажное отделение, зал ожидания пассажиров.

4 августа. Любовь Орлова выступила с тремя концертами и с одним для

детей. 2,5 тысячи зрителей побывали на концертах.

15 августа. В городском театре состоялся творческий вечер народного артиста Николая Симонова.

27 октября. К 31-й годовщине Великого Октября наш город покроется сетью новых электрических лампочек. Будут освещены все центральные улицы города.

15 ноября. Коллектив горпромкомбината приступил к изготовлению полумягких дубовых стульев, предназначенных для продажи населению. Первая партия в количестве 30-40 штук, в ноябре-декабре – 200 штук. Кожзавод наладил пошив новой обуви и изготовление столярного клея.

За 1948 год посажено 14000 деревьев и кустарников, отремонтировано 17 жилых домов.

1949 ГОД

Черняховск за три года

Неизмеримо улучшились за это время условия жизни трудящихся, поднялся культурный уровень. В городе открыто 120 организаций, среди которых столовые, магазины, ларьки, 5 подсобных хозяйств, в которых создана прочная база для городской промышленности. После отмены карточной системы и проведения денежной реформы (1947) значительно поднялась покупательная способность рубля. Продажа кондитерских изделий в городе возросла на 70%, обуви на 146%, хлопчатобумажных тканей на 157%, шерсти на 327%, шелков на 667%. Более чем в два раза расширилась колхозная торговля. За последний год городские кинотеатры посетило полмиллиона зрителей. На капитальный ремонт Дома пионеров отпущено 100 тысяч рублей. Фонды городской и детской библиотек достигли 156 тысяч книг. Дети получили за год 5,5 тысячи учебников. Работает 15 медицинских учреждений.

Январь

Горпромкомбинат освоил производство гончарных изделий: молочных крынок, макитр, кувшинов, цветочных горшков и др.

Утильцех мясокомбината в прошлом месяце освоил выпуск хозяйственного мыла. После анализа пробной продукции комбинат приступил к массовой выработке мыла.

Март

28 марта открылся Дом культуры железнодорожников.

Апрель

В промартели «Путь к коммунизму» работает скульптурная мастерская. К 1 мая мастерская выпустит свою первую продукцию. Особого внимания заслуживает выполнение бюста Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина.

Железнодорожное расписание:

– пригородный поезд «Черняховск – Каунас»;

– 2 пригородных поезда «Черняховск – Гумбиннен»;

– скорый «Калининград – Москва»;

– скорый «Вильнюс – Калининград»;

– поезд «Радвилишкис – Гердауэн»;

– по нечетным «Рига – Калининград».

Июнь

Вступил в строй действующих предприятий восстановленный маслозавод. Первая партия изготовленного здесь сливочного масла – высшего сорта.

Октябрь

В этом месяце в Черняховске открылась детская музыкальная школа. По классу фортепиано здесь будет заниматься 50 детей.

Ноябрь

В Черняховске работают легковые такси «Победа». Работают также грузовые такси. Стоянки такси – на площади у вокзала и у автостанции.

РАССКАЗ КОЛХОЗНИКА И. ТЮРИНА ИЗ СЕЛА КАМЕНСКОЕ

В числе первой партии переселенцев мы прибыли в поселок. Это было в 1947 году. Встретили нас новое место жительства не приветливо. Разбитые дома, воронки на дорогах, исковерканные машины напоминали о недавних ожесточенных боях Красной Армии с немецко-фашистскими захватчиками, о героизме и мужестве советских воинов-богатырей.

– Возможно, домой возвратимся, – раздался чей-то неуверенный голос.

– Нет, – возразил коммунист Александр Константинович Мелешкин. –

Здесь мы будем устанавливать нашу Советскую власть, колхоз организуем. Возвращаются только трусы.

И началась для нас жизнь на новой, политой солдатской кровью земле. Трудновато нам было поначалу. Нет света, воды, дома дырами зияли. Да и хозяйство не ахти каким было: 10 коров, 8 лошадей и 4 овцы.

Принялись мы за дело дружно. Плотницкая бригада начала восстанавливать дома, животноводческие фермы, кузница отремонтировала сельхозинвентарь, повозки, сбрую и т.д.

178 ЛЕТ НАЗАД УМЕР М.Б. БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ

25 мая 1818 года, поместье Жилляйтшен (ныне пос.Нагорное близ Черняховска). Карета Барклая-де-Толли, выдающегося полководца, государственного деятеля России XIX века, сделала вынужденную остановку. Михаил Богданович направлялся в Германию на лечение, однако здесь здоровье фельдмаршала сдало окончательно. Он жаловался на сильные боли в груди. Барклая отнесли в ближайший дом, и в тот же вечер он скончался.

В 13-м томе церковных книг регистрации евангелическо-лютеранской общины Георгенбурга (ныне пос.Маевка) отмечено следующее: «Жилляйтшен. Блестяще проявивший себя в освободительной борьбе Европы русский фельдмаршал князь Барклай-де-Толли умер 25 мая 1818 года по пути в Висбаден на шестидесятом году жизни от мочекаменной болезни желчного пузыря и печени». Похоронен князь в имении Бекгоф в Эстонии.

Прусский король Фридрих Вильгельм III отреагировал на эту смерть мгновенно. Он выслал в Жилляйтшен почетный караул, и пруссаки сопровождали гроб с телом Барклая до самой русской границы.

На месте смерти М.Б. Барклая-де-Толли на деньги короля Фридриха Вильгельма III был сооружен четырехметровый памятник, который сохранился до наших дней. Автор его –

знаменитый немецкий архитектор и художник Карл Фридрих Шинкель.

На обелиске две надписи, на немецком и русском языках: «Достойному полководцу, проложившему себе стезю славы мужеством и храбростью во многих боях и ознаменовавшемся победами, предводительствуя союзными войсками в войне, освободившей народы в 1813, 1814 и 1815 годах».

**Выпуск подготовили Г. Разумный
и М. Терехина (отдел краеведения
городской библиотеки).**

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ. ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

(Отрывок из письма Фридриха Великого Вольтеру)

Наконец-то мы прибыли сюда, дорогой друг. Мы были три недели в пути и именно в той стране, которую я считаю верхом совершенства цивилизованного мира. Это малоизвестная в Европе провинция, которая, однако, заслуживает большей известности, так как может считаться творением короля, моего отца.

Прусская Литва – это государство 30 миль в длину и 20 в ширину, хотя в направлении Самогитиен [Самайтен?] оно сужается. Провинция в начале века была опустошена чумой, эпидемия и нужда унесли свыше 300000 жителей.

Представители придворной власти, которые мало знали о бедствии, не оказали повторной помощи богатой плодородной провинции, в которой было много жителей и изобилие всякого рода продукции. Болезнь уносила жизни людей. Поля оставались незасеянными и покрывались сорняками. Скот тоже пропадал во время общего бедствия. Одним словом, наша цветущая провинция превратилась в страшную пустыню. Между тем скончался Фридрих I и был похоронен вместе со своим мнимым величием. Его интересовали только тщеславная роскошь и помпезное выставление напоказ никчемных церемоний.

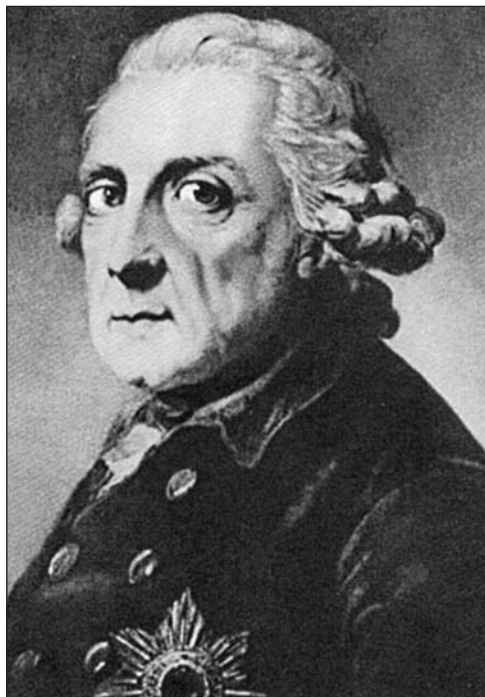
Мой отец, который стал его преемником, был тронут народным горем. Он отправился на место бедствия и увидел обширные опустошенные районы вместе со страшными следами, которые оставила чума, голод и грязная жадность министров. От 12 до 15 обезлюдивших городов, от 400 до 500 нежилых опустевших деревень представили его глазам безрадостную картину. Это его не испугало, напротив, он решил заново заселить страну, которая превратилась в пустыню, и снова оживить деловую жизнь. С тех пор король не жалел никаких затрат, чтобы осуществить свои благотворные намерения. Он издавал мудрые указы, восстанавливал все, что разру-

шила чума, и разрешал приезжать тысячам семей из всех концов Европы. Поля снова стали засеиваться, местность заселялась, торговля расцветала, и в настоящее время в этой плодородной местности больше изобилия, чем когда-либо.

В Прусской Литве больше полумиллиона жителей. В ней больше городов и стад скота, чем прежде. В ней выше уровень жизни и плодородие, чем в любой другой местности Германии. И все это только благодаря королю, который лично распорядился об исполнении и руководил им. Он разрабатывал планы и сам выполнял их. Он приложил много трудов и забот. Он не скупился на большие затраты, обещания и вознаграждения, чтобы обеспечить полумиллиону людей счастье и жизнь.

Ему одному они обязаны своим благосостоянием и обеспечением.

Инстербург, 27 июня 1739 года.

Прусский король Фридрих II.

ЗАМКУ ИНСТЕРБУРГ – 660 ЛЕТ

В 1883 году, в год 300-летия города, на торжественном собрании Общества древностей Инстербурга, посвященном этой дате, был сделан доклад. Президент окружного суда Барен начал свое выступление со слов:

«Прошло 600 лет с того момента, когда Немецкий орден завершил завоевание старой Прусской земли до Мемеля (1283). В то время местность, в которой лежит сегодня Инстербург, край Надрауэн, была глухой: непроходимые девственные леса, еще заселенные тураами, оленями, медведями, дикими кабанами, прерываемые болотами, озерами и водотоками, на берегах которых находились редкие поселения коренных жителей. Дорог через дикую местность не было; лишь широкие долины рек, с их богатыми лугами, и холмистые берега создавали естественные дороги через непроходимый край. В Надрауэне в основном были три речные долины.

1. С юга на север река Ангерапп, называемая в те времена Арзе, которая связывала озерную область (Мазуры) с долиной Прегеля и Янтарным побережьем.

2. Мелкое русло реки Инстер, в то время Инструд, которое образовывало сообщение земли Надрауэн по направлению к северу с местностями Шалауэн, Самайтен и далее с Курляндией.

3. Долина реки Писсы (Вис), которая вела в Литву.

По этим трем дорогам продвигался Немецкий орден с захватническими целями с юга на север и захватил Надрауэн и Шалауэн на севере и Зудауэн на востоке, достигнув границ могущественной Литвы, где властью храбрых и воинственных князей Ордену было противопоставлено сопротивление сильнее и организованнее, чем сражавшимися прусскими народностями.

До середины XIII столетия Немецкий орден жил с литовским князем Миндовгом в мире и дружбе. Орден

склонил его к христианству и заставил даже передать в собственность Ордену земли Надрауэн и Шалауэн. Но едва эти земли были заняты, поменялись карты: литовский князь отрекся от христианства и начал войну против Немецкого ордена, которую продолжили его сыновья Ольгерд и Кейстут.

К этому времени относится основание Инстербурга, а первые страницы его истории – это ведение войны Орденом против языческих литовцев.

В свое первое вторжение в Надрауэн, в 1270 году, Орден нашел землю, укрепленную кольцом крепостей, в большинстве своем полностью из дерева, построенных на крутых берегах рек и озер, как правило на правом берегу. Ангерраппскую линию обороняли крепости: Ангетете (позже Ангербург), Цтем (западнее Краупишкемена), Каминивики (позже Таммов); Прегельскую линию – крепости Гарзовен (сегодня замок Георгенбург), Нервекиттен (сегодня Норкиттен) и Велау. Все эти крепости и поселения Пруссии рыцари сжигали, убивали гарнизоны и все мужское население. Оставшихся жителей принуждали обрабатывать землю или уходить дальше на восток, в глушь. Захваченные области Орден защищал, уничтожая население и опустошая их. В результате Орден отделил Надрауэн от Литвы глухой местностью, как естественным оборонительным барьером, на несколько миль.

Где леса не закрывали доступ врагам, закладывались засеки (загородки срубленными деревьями) и живые изгороди, которые сначала должны были проламываться врагами. Прошло почти полвека, прежде чем глушь превратилась в управляемую землю Надрауэн, заселенную и обрабатываемую населением и нуждающуюся теперь в другой защите.

Теперь Орден начал возводить пограничные укрепления. Это были либо только временные, называемые «Байтен» или «Байчен», либо настоящие укрепления, выступавшие в роли первой

преграды, – «Дома», «Замки». Меньшие «Дома» представляли собой голые срубы или охотничьи домики, большие сооружались в основном вместо разрушенных прусских крепостей сначала из дерева, позже из камня.

Так появились в начале XIV века Ангербург, Таммов на месте Камсвикусбурга, Георгенбург, Леттинен, Свайгрубе (Швегерау), Норкиттен и Велау. Некоторые замки, лежащие по ту сторону пограничных рек Ангеррапп и Прегеля, не могли сдержать наступления литовцев и вскоре были разрушены. Возникла необходимость заложить в центре Надрауэн более мощную крепость. Так в 1336 году возник замок Инстербург.

Орден намеревался основать здесь комтурство. Было выбрано место для замка в середине естественных дорог через глухую местность. Это было место, на котором стоял разрушенный в 1256 году языческий город Унзетрапис. Кроме того, здесь был крутой холм на берегу Ангеррапп, возвышающийся над широкой долиной реки, которая после своего слияния с рекой Инстер имеет название Прегель (раньше Липц или Прегора). На этом месте, глубоко в глуши, в 1336 году была развита грандиозная деятельность.

Предприимчивый полководец и сведущий в архитектуре хохмайстер (магистр) Немецкого ордена Дитрих фон Альтенбург посылает отряд воинственных рыцарей в белых плащах с черным крестом со своими оруженосцами на берега Ангеррапп. Отряд разбивает лагерь. Сотни голубоглазых, светловолосых пруссов были согнаны в одно место для того, чтобы в тяжелом барщинном труде, лишь с киркой, лопатой и топором возводить огромные насыпи. В лесах, достигающих реки Ангеррапп, рубили они мощные дубы, ставили их прямо в землю вокруг возвышающегося на речном берегу холма, укрепляли бревнами вал и ров с внешней стороны. Внутри этого мощного вала рыцари возвели силами тех пруссов, кому они

могли доверять, крепкий просторный дом из дубовых бревен и назвали его замок Инстербург, несмотря на то что он стоял на берегу Ангерапп. Год назад на этой же реке, но в другом месте был построен замок Ангербург, названный по имени реки Ангерапп, а новый замок получил название от реки Инстер.

Кольцом вокруг замка текла вода: на востоке Ангерапп, на юге Чернуппе, маленький ручей, который с сильным напором вытекает из Верхнего Мельничного пруда через Долину стрелков мимо замка и впадает в Ангерапп, на западе и севере вода Чернуппе была направлена в замковый ров.

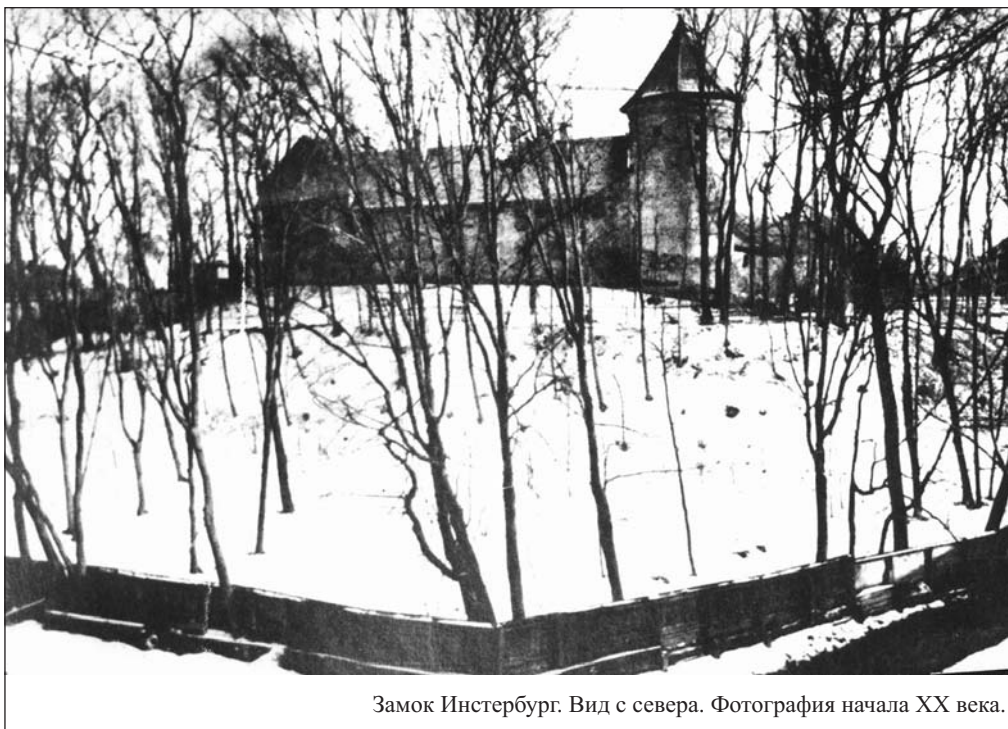
Отсутствуют сведения о времени превращения деревянного замка в каменный. В том виде, в котором замок Инстербург был первоначально построен из камня, он не сохранился, так как дважды был разрушен и сожжен – в 1376 году литовским князем Свердейком, в 1457 году поляками во время повстанческой войны прусских городов. Но сооруженная из больших полевых камней кладка перенесла пожары и разрушения.

Замок Инстербург был построен. Следовательно, назначенный Орденом комтур (комендант) со своими подчиненными должен был достаточно серьезно выполнять двойное назначение замка: быть бастионом против вражеских нападений литовцев и одновременно воротами для вылазок в военных походах Ордена. С этим трудным назначением замок Инстербург и его гарнизон сначала не справились. Хохмайстером (магистром) Хайнрихом фон Дусмером был высказан упрек в том, что они в 1347 году недостаточно стойко отбивали нападение литовцев. Кроме того, при определении доходов замка Инстербург оказалось, что в глуши не может содержаться такой большой гарнизон, как комтурство. Таким образом, в 1347 году Инстербург был понижен в чине и стал пфлегеамтом. Комтура, навлекшего этот позор на Инстербург, звали

Экхард Кульбург или Куллинг. До него в двух документах 1339 и 1340 годов упоминается имя комтура Херольдуса. Однако больше ничего не известно об именах первых жителей Инстербурга. В 1348 году командующий замком Конрад Тетенег уже назван пфлегером (попечителем). Пфлегеры (по-другому префекты) находились под надзором комтуров, должны были управлять крепостью и небольшим земельным округом и не имели рядом с собой монастыря. Следовательно, пфлегеамтам не требовались такие большие гарнизоны, как комтурствам.

Ведение войны Немецкого ордена против языческих литовцев заключалось в захватах вражеской территории, которые назывались «кригсрайзе» (военные походы), и в отражении нашествия литовцев на территорию Ордена. И с той, и с другой сторон пытались ослабить противника и по возможности избежать столкновения с более мощными военными группами. Вражеская земля опустошалась огнем и мечом. Захваченные крепости и поселки сжигались и разрушались, население убивалось или уводилось в плен. Забирались как можно большие трофеи в виде скота и запасов продуктов. Так эта война принимала характер жестокости, мести, жадности и корыстолюбия, что в истории редко имело место. Когда противник был достаточно ослаблен, наступали долгие передышки.

Военные походы были большие и небольшие, в зависимости от того, кем они предпринимались: комтуром, магистром Ордена или лишь пфлегером. Таким образом, военные походы были долгом рыцарей перед Орденом, как поступок служения Богу в орденском замке, повелеваемый по правилам Ордена. Сложился официальный обычай предпринимать ежегодно два военных похода на Литву, правда с предпочтением зимой, так как реки и болота замерзали и становились легко проходимыми. Небольшие походы, предпринимаемые

Замок Инстербург. Вид с севера. Фотография начала XX века.

пфлегером Инстербурга, были либо разведывательные, либо носили характер добычания трофеев. Мы имеем об этих походах многочисленные, хотя лишь короткие отрывочные сведения в заключительной хронике Виганда фон Марбурга.

Этот летописец сообщает о новых вторжениях литовцев в область Инстербургского пфлегеамта и об одиннадцати военных походах последнего в течение XIV столетия.

Вторжения литовцев, первое из которых упоминается уже в 1347 году, следовали в основном через большой лес Грауденвальд, между рекой Мемель и рекой Инстер. Для походов рыцарей в орденских крепостях имелись специальные проводники, хорошо знакомые с дорогами и местами для размещения обычного лагеря, местами для отдыха постовых, о которых известно из литовских дорожных отчетов XIV-XV веков, содержащих официальные инструкции со сведениями о каждом ночном лагере. Во время своих походов рыцари наносили удары, глубоко заходя в глубь

Литвы до самого Ковно, до резиденции литовских князей в Вильно и Тракае. Хотя также случалось, что свои же проводники сбивали их с дороги, и рыцари были вынуждены возвращаться домой ни с чем, не нанеся удара по врагу.

Теперь сообщим о каждом походе, который имеет отношение к замку Инстербург. Вместе с тем приведем имена отдельных пфлегеров замка, которые собрал исследователь истории Ордена Иоханнес Фойгт в своей книге «Namens-codex». Это 35 имен из поколений дворян.

Храбрый и знаменитый маршал Ордена Хеннинг Шиндекопф встретился в 1366 году со своим опаснейшим противником, литовским князем Кейстутом, в замке Рагнит на передовой линии с целью заключения договора. Из Кенигсберга маршал выехал с небольшим отрядом, взяв с собой из замка Инстербург пфлегера Хайнриха фон Шеннингена. Кейстут между тем вступил в переговоры для того, чтобы предательски завладеть замком Инстербург. Он, незаметно пройдя со своим отрядом

восточнее сторожевого поста на реке Писса, где стояли часовые, скача день и ночь, так неожиданно появился перед замком Инстербург, что беспечно сидящие братья Ордена лишь успели поднять мост. Кейстут довольствовался захваченными лошадьми с пастбища, 50 пленными и поскакал на похищенных лошадях как ни в чем не бывало в Рагнит на переговоры с маршалом. Летописец повествует даже о разговоре пораженного инстербургского настоятеля с литовским князем. Настоятель сказал при встрече, что он не ожидал такой наглой кражи, на что Кейстут отвечал: «Да, такие уж теперь времена!»

Еще в этом же году обозленный настоятель Инстербурга отправился в литовские леса, чтобы устроить литовцам засаду. Но восемь высланных вперед разведчиков подверглись нападению превосходящего отряда литовцев и были почти все схвачены. Так закончился этот военный поход. Большой успех сопутствовал Виганду фон Бальдерсхайму, который с 1370 по 1379 год был настоятелем Инстербурга и по воинственности, дерзости и храбрости превосходил всех своих предшественников и последователей, поэтому о его походах и сохранилось больше описаний. Едва вступив в должность, он созвал своих подчиненных к ответному походу в Литву, так как Кейстут вторгся в другую область. Он пересек на челнах Мемель и по ту сторону углубился далеко в литовские владения, напал на большое селение, убил местного начальника и много литовцев, захватил 50 пленных и с большими трофеями возвратился в Инстербург.

В 1372 году настоятель Виганд фон Бальдерсхайм два раза вступает в военные действия, чтобы захватить трофеи и побеспокоить язычников. Первый раз он дошел с сотней всадников до Зуппе (сегодня р.Шешупе), где была сделана остановка, затем они пересекли Мемель (р.Неман) и напали на жителей четырех литовских деревень. Они уби-

ли всех жителей, даже женщин и детей, захватили много трофеев, а затем все подожгли. Подобным же образом проходил второй поход осенью того же года, когда была разграблена и подожжена деревня Крайстекайма по ту сторону реки Вильны.

Во время захватнического похода в 1376 году с 60 добровольцами настоятель довольствовался угоном вражеских лошадей, которых обнаружил на лугу около Мемеля.

В 1374 году Виганд фон Бальдерсхайм соединился с Вернером фон Теттингеном, членом Ордена из Замланда, для военного похода в Литву. Увеличившийся таким образом отряд Ордена напал на поселок Вейгов (Виекуны), опустошил его огнем и мечом и отошел с 60 пленными, большим количеством трофеев, а также с тяжелораненым Вернером фон Теттингеном домой в Инстербург.

После того как в следующем, 1375 году Виганд предпринял два подобных похода в Дарсуницки, крепость главаря Дирсуне, и в Деведишкен в лесу Грауден и захватил 40 лошадей, ему самому пришлось отражать наступление литовцев, жертвой которого в результате штурма и поджога стал Дом Инстербург.

Литовцы намечали в этом году главный удар против Ордена. Сильная армия под личным руководством князей Ольгерда и Кейстута и их сыновей Свердейка и Витовта вторглась в местность Надрауэн, разделенная у моста через Прегель в Норкиттене (пос. Междуречье) на три части. Одна часть под предводительством Кейстута пошла вниз по течению Прегеля на Велу (пос.Знаменск), вторая часть, руководимая Ольгердом, – в центр Надрауэнской местности, и третья, руководимая Свердейком, напала на Инстербург. Он взял его штурмом и поджег. Вместе с ним был взят Таплакен (пос.Талпаки), находящийся под управлением Инстербурга, взят в плен управляющий там рыцарь, захвачены там и в Альтхофе

под Инстербургом конезаводы. Затем Свердейк разрушил крепость Таммов, пробил заграждение при Вайкенове и по Ангерапп возвратился назад. Правда, гарнизон Таммова преследовал литовцев «с криками», но смог отобрать только 16 лошадей и несколько плененных христиан. Спустя три недели часть армии князя Витовта вторглась в окрестности Таммова и Инстербурга, было убито 50 человек, убиравших урожай, и снова похищено много лошадей. При этом двойном вторжении литовцев было пленено и погибло около 900 христиан – доказательство того, как сильно увеличилось к тому времени население местности Надрауэн.

Но эта неудача мало обеспокоила настоятеля Инстербурга. Уже в том же году он предпринимает новые походы на Литву. Осенью 1376 года он принял участие в большом походе наместника Замланда. Рыцари пересекли залив, поднялись на челнах вверх по Мемелю, по описанию, дошли до района Бука, где они без особого успеха осаждали языческую крепость и должны были уйти.

В 1377 году Виганд фон Бальдерсхайм совершил объединенный поход с комтуром, главой округа духовно-рыцарского ордена в Рагните (г.Неман). Оба вступили с 600 рыцарями в Литву и одержали убедительную победу против 500 наступавших язычников.

Наконец, Виганд фон Бальдерсхайм предпринял в 1379 году вместе с настоятелем Растенбурга по поручению комтура Бальги разведывательный поход против расположенной на Мемеле литовской крепости.

В предместье Пршелома они одержали убедительную победу над гарнизоном, в то время как другое большое войско комтура, направленное по ложному пути, не нашло врага.

В 1377 году умер великий литовский князь Ольгерд, а его сын и наследник Ягель (Ягелло) заключил 29 сентября 1379 года с Орденом десятилетний мир,

к которому присоединился постаревший князь Кейстут. Этот мир распространялся только на отдельные местности Ордена и Литвы, к которым не относились Надрауэн и Самайтен. Значит, здесь продолжалась война со всеми ее ужасами. Но в Инстербурге начальником был уже не Виганд фон Бальдерсхайм, смелый воинственный настоятель. Он удостоился в 1379 году высших почестей Ордена и получил комтурство Рагнит, где в 1384 году при возвращении из литовского похода подвергся нападению на привале и был убит.

Между тем в самой Литве произошли важные изменения. Ягелло, сын и последователь Ольгерда, стал великим князем Литвы. Но его тщеславию этого было уже мало, Из своей столицы Вильно он открыто и посредством интриг вел враждебные действия против своего дяди Кейстута и его сыновей, резиденция которых была в Троках, завязывал секретные переговоры с руководителями Ордена и парализовал действия Кейстута. Это сказалось и на военных походах рыцарей, которые имели все меньше успехов и превращались в обыкновенные грабежи. Летописцы, не скрывая, пишут, что настоятель Инстербурга послал отряд рыцарей, которые убили всех, кто не был христианином, всех язычников, мужчин, женщин и детей, все сожгли и опустошили и привезли с собой много награбленного.

В 1386 году великий литовский князь Ягелло вступил на польский трон под именем Владислава II и принял христианство. Его примеру после смерти Кейстута последовали литовские князья Витовт и Скиргайл. Военные походы рыцарей Ордена уже не могли называться «языческими походами» и постепенно прекратились в конце XIV – начале XV веков.

Король Ягелло сохранил ненависть к Ордену. К счастью для Ордена, он не мог свободно распоряжаться литовскими войсками, потому что пол-

ное объединение Польши и Литвы еще не произошло. Герцог Литвы Витовт, обозленный тем, что великокняжеский титул достался не ему, а брату Ягелло Скиргайлу, повел войну против короля и вступил в связь с Немецким орденом. 1392 год принес удивительное явление, когда большое войско Ордена (в котором был и настоятель Инстербурга) было послано на помощь Витовту против короля Польши. В 1402 году Дом Инстербург удостоился визита литовского герцога Витовта, который встретился здесь с магистром Ордена Конрадом фон Юнгингеном. Однако союз с литовцами принес Ордену мало хорошего: два раза его предавал Витовт, а после третьего предательства руководители Ордена сами должны были отражать вторжение Витовта в район Инстербурга (1403 год).

Витовт в конце концов добился от Ягелло своей цели – литовского великокняжеского титула, а последствия заключения мира между ними стали роковыми для Ордена, потому что теперь король мог всей своей мощью обрушиться на Орден, который потерпел поражение от этого наступления. От удара, нанесенного ему 15 июня 1410 года в битве под Танненбергом (польское название – Грюнвальд, литовское – Жальгирис), Немецкий орден уже не смог оправиться. С этого времени начинается его распад.

С этого момента уменьшается и военное значение Дома Инстербург. Он исчерпал свою роль заградительного форта против литовцев и служил в XV–XVI столетиях просто опорным пунктом приходящего в упадок рыцарства против восстаний в собственной стране.

Во время польских войн Немецкого ордена название Дома Инстербург упоминается только один раз. Прусские города взбунтовались в 1453 году против Ордена и объединились с Польшей. На протяжении 13 лет Пруссия была ареной опустошительной жестокой войны. В ходе этой войны Дом Инстербург был

взят штурмом и сожжен (1457). Точные сведения об этом пожаре до нас не дошли. В королевском государственном архиве в Кенигсберге найдено одно письмо главного маршала магистру Ордена, к сожалению без имени и даты, в котором главный маршал свидетельствует, что «Дом Инстербург сгорел весь от этого пожара». Далее следует: «Больше ущерба не было причинено ни людям, ни имуществу», – и главный маршал спрашивает, где ему оставить людей, живущих перед Домом.

Торнский мирный договор от 19 октября 1466 года оставил Ордену, наряду с другими городами и замками, также замок Инстербург при условии, что магистр Ордена принесет присягу на верность королю Польши.

Замок Инстербург состоял из двух частей: теперешней казармы (на 1883 год) и королевского ландгерихта (окружного суда), каждая часть с внутренним двором, который полностью замыкался окружающими его зданиями. Во времена рыцарей стояла только казарма. Она образовывала крепость Ордена, Дом Инстербург. Дом состоял из высоких двухэтажных зданий, которые прямоугольным квадратом окружали внутренний двор. Вокруг Дома тянулась высокая, толстая, построенная для обороны стена. На четырех углах стены стояли крепкие башни, которые не были связаны со зданиями и также были построены для обороны. Только одна из них, северо-западная, еще сохранилась. Когда рушились другие, узнать невозможно. Однако еще на рубеже XVI–XVII столетий они стояли. Это видно на гравюре в книге Харткноха 1684 года издания. Юго-восточная башня была больше и выше, чем остальные, потому что в ее конструкцию входили главные ворота с подвесным (разводным) мостом, через который можно было попасть на улицу, ведущую в Кенигсберг (сегодня улица Замковая и далее Дачная).

В середине внутреннего замкового двора находился глубокий, выложен-

ный камнем колодец, из которого с помощью огромного ступенчатого колеса на железных цепях подавалась вода для гарнизона. Когда позднее была построена замковая мельница, ручей Чернуппе был запружен дамбой. Так образовался Замковый пруд. Через ров у мельницы также был построен мост с подъемным приспособлением. И далее по дамбе дорога вела в поселение Шпарге, теперешний город Инстербург.

Первый этаж Дома, со своими стенами из булыжника толщиной 6-12 футов, покоился на сводчатых погребках. Входы на первый этаж, в котором располагался гарнизон, были только из внутреннего двора. Снаружи в стенах были только маленькие отверстия для обороны. Над первым этажом на двух этажах находились квартиры братьев Ордена – маленькие, низкие, подобные монашеским кельям, соединенные внутренними круглыми ходами. Только в обоих северных фронтонах находились большие, занимающие два этажа помещения с высокими, узкими, остроконечными, дугообразными окнами, а именно комната для собраний, общие спальные комнаты рыцарей и капелла Дома.

В башнях находились тюремные камеры, а под ними крепостные темницы. Из северной башни вел подземный ход под крепостным рвом наружу, чтобы, в крайнем случае, гарнизон мог добраться до берега реки и спастись на челнах. Так как в соседнем замке Георгенбург в колодце было также найдено начало такого подземного хода, то возникла легенда, что обе крепости Ордена были соединены проходящим под руслом реки Прегель подземным ходом.

Во время строительства Дома Инстербург он был предназначен для резиденции комтура, поэтому в нем размещался, кроме нее, конвент братьев Ордена, а это примерно от 15 до 20 рыцарей, далее двойное число сводных братьев (серых плащей), сам гарнизон и обслуживающие братья, всего около 200 человек, в число которых входили

иногда надежные коренные жители благородного происхождения, так называемые витинги. Если учесть, что эта крепость располагалась в самой глуши, то, естественно, напрашивается вопрос: как было организовано питание гарнизона Инстербурга? Питание Дома основывалось, как и весь бюджет Немецкого ордена, на натуральном хозяйстве. Там, где Орден обнаруживал поселения пруссов и официально признавал их или основывал таковые, последние должны были, кроме поденных работ на строительстве крепостей и во время военных действий, отдавать натуральный налог Дома Ордена, в зависимости от потребления последних и от числа гуфов (гуф – 7-15 га) обрабатываемой земли. В натуральный налог входили: зерно, рыба, мед, лен, масло, сыр, яйца, гуси, куры, утки и дичь. То, что члены Ордена не могли сразу съесть, хранилось в кладовых и погребках. В инвентарных книгах Дома Инстербург конца XV столетия приводятся сведения о значительных запасах зерна, сушеной рыбы, сала и так далее. Во время колонизации земель Ордена наделы земли раздавались членам Ордена и коренным жителям, ни в одной жалованной грамоте не забыто определить натуральный налог, который пожалованный чином (леном) должен был отдавать из своей собственности Дому Ордена. Так, например, еще в 1516 году магистр маркграф Альбрехт фон Бранденбург наложил на своего «друга, дорогого верноподданного Мартина Камсвига», при жаловании его новым трактиром рядом с замком, обязательно отдавать ежегодно шесть марок и трех откормленных гусей Дому Инстербург. Эта повинность сохранялась и в жалованных грамотах на остальные трактиры перед замком.

Древние пруссы и литовцы не знали денег и монет. Когда они постепенно научились обращению с деньгами у крестоносцев, то последние наряду с натуральным налогом заставляли пла-

тить их и денежный налог. Позднее эти налоги, особенно на земельные наделы, на занятие ремеслом составляли доходы Ордена. Наряду с этим они покупали или обменивали излишние запасы и вообще не пренебрегали доходной торговлей местными товарами, а именно древесиной, воском, зерном, мехами и т.п. Весь описанный способ снабжения продовольствием формировался вместе с колонизацией и заселением местности Надрауэн.

В первое время после основания Дома Инстербург его жители должны были сами заботиться о пропитании. Они не могли положиться на взимание с пруссов налогов, потому что местность вокруг Инстербурга на многие мили была превращена в глушь: языческие поселения разрушены, а жители убиты или изгнаны. Как же добывали себе продовольствие рыцари в первое время? Дичи было в достатке в подходящих к самому замку лесах; еще Харткнох (1684) на своей иллюстрации замка Инстербург изображает сцену охоты. Но занятия охотой, по правилам Ордена, были запрещены рыцарям, они должны были заставлять охотить-

ся слуг или местных жителей, которые для ловли дичи использовали силки. В упомянутых ранее «инвентарных записях» есть отметки о силках для зайцев, косуль, оленей, арбалетах, стрелах и других охотничьих снастях, которые хранились в оружейной камере Дома. Лесничий был одним из самых уважаемых чиновников Дома.

Жители Инстербурга также занимались рыболовством. В тех же записях отмечены челны, наборы рыболовных снастей. Распоряжающийся рыбной ловлей жил в замке. Кроме этого, для пропитания гарнизона крепости нужны были хлеб и напитки, сено для лошадей. Все это могло дать только занятие сельским хозяйством. Поэтому сразу при строительстве Дома Инстербург рядом был построен фольварк (хутор), который назывался Альтхоф-Инстербург («Старый Двор», сегодня пос. Школьный). Альтхоф расположился на берегу Прегеля, имел богатые луга и плодородные пашни. Управляющий Домом Ордена мог легко удовлетворить с его помощью все потребности гарнизона. Необходимый для этого инвентарь: плуги, лемеха, подковы – и

другая утварь хранились в «караван-сараяе» в Альтхофе.

Луга прекрасно подходили для коневодства. После того как налоговые поставки зерна стали обильнее и производство его своими силами стало излишним, весь фольварк стали использовать исключительно для коневодства. Уже в 1374 году в источниках упоминается конезавод в Инстербурге, который находился под начальством надсмотрщика, в 1376 году он попал в руки литовцев. Шестью годами позже в Альтхофе было только 17 породистых кобыл. Уже тогда выращивали две породы лошадей, «большую» (немецкую) и «маленькую» (прусскую). В Альтхофе выращивали также быков, коров, свиней и овец.

Напитками рыцарей были вода, мед и пиво. Вино им пить не разрешалось. Мед и пиво они готовила себе сами в Доме Ордена. Пчеловодство и добывание меда в лесах, которое было особенно доходно, играло большую роль в бюджете рыцарей. Пчеловоды образовали особый класс землевладельцев и должны были сначала сдавать свою продукцию Ордену в виде налога, а остатки продавать.

Пивоварение быстро развилось в одну из значительных отраслей торговли и монополию. Сначала рыцари варили пиво только для собственных нужд. Затем они возложили обязательство на трактирщиков, которые поселились перед Домом, брать пиво из Дома. Когда позднее право на пивоварение было пожаловано трактирщикам и отдельным общинам, то пожалованные грамоты всегда содержали оговорку, сколько пива нужно было сначала взять из Дома, прежде чем получившие право на производство пива могли варить его сами. Запасы пива, принадлежавшие Дому, находились в больших сводчатых подвалах. Пивоварение стало со временем значительной статьей доходов рыцарей. Полностью свободное право на пивоварение было пожаловано сначала кур-

фюрстом Георгом Вильгельмом городу Инстербургу.

Дом Инстербург, который был оборудован только для нужд гарнизона, не мог принимать гостей и иностранцев. Их приходилось размещать вне стен крепости. Для этой цели уже в первое время, когда вокруг еще была глушь, были построены трактиры, в которых принимали приезжих. Поэтому трактирщики были важными людьми для Ордена. Они обеспечивали сообщение Ордена с внешним миром, покупали необходимое для жизни, чего нельзя было достать рядом, покупали и обменивали излишние запасы у рыцарей, а именно пиво и зерно, и стали, таким образом, купцами и экспедиторами Ордена. Источники почтовой связи тоже связываются с трактирщиками, потому что в их всегда точно и тщательно отредактированных привилегиях и жалованных грамотах большей частью встречается и обязательство обеспечивать доставку «господ» во время путешествий до определенного места соседних поселений лошадьми и телегами. Так, например, владельцы Местного трактира и Инстербургского трактира должны были совершать поездки до Краупишкена (пос. Ульяново) и до Таплакена (пос. Талпаки) на лошадях и телегах, а также помогать при совершении таковых, а во время военных событий держать и снаряжать четвертую часть повозок с изображением герба. Видимо, в описываемое время существовали только два трактира перед Домом – Инстербургский трактир и Новый трактир. Первый, теперешний (на 1883 год) Пангервиц (район проходной ДОКа), – бесспорно старейший. Он был пожалован маршалом Хеннингом Шиндекопфом Паулю фон Ведериху и располагался по ту сторону Ангерапп у моста. Новый трактир, теперешняя (на 1883 год) «Зеленая кошка», был построен рядом с Домом. Точно не установле-

но, были ли трактиры в так называемом Хакельверке, поселке напротив Инстербурга, который для защиты от вражеских нападений был окружен частоколом, валом и рвом. Позднее он образовал деревню Шпарге, так как содержащиеся в Белой книге города Инстербурга жалованные грамоты на Селедочный трактир и Журавлиный трактир относятся к XVI столетию.

Как и при всех крепостях Ордена, совсем рядом с замком Инстербург, кроме Хакельверка, образовалось еще одно поселение на склоне горы Капеллен – так называемый Фрайхайт (в пер. с нем. «Свобода»), в котором свободные ремесленники имели свои дома.

Характеру и цели Дома Инстербург соответствовали и его первые гости. Это были военные. Этот факт имеет совершенно определенное историческое значение. Со времени крестовых походов борьба против язычников стала рыцарским долгом и делом веры. Войны в Священной стране против мусульман закончились, значит, надо было искать войну против язычников где-то в другом месте.

С 1229 года Немецкий орден находился в состоянии войны с языческими пруссами, литовцами и лифляндцами. Дела его шли плохо, его жестоко теснили. Поэтому Папа неоднократно призывал к крестовым походам против Пруссии, и туда предпринимались многочисленные крестовые походы. Постепенно само слово о кресте потеряло свою воодушевляющую силу. Количество походов в Пруссию уменьшилось, и только изредка короли и рыцари, движимые верой и боевым задором, отправлялись в Пруссию, чтобы принять участие в военных походах Немецкого ордена – иногда сами, иногда с сопровождением, а часто с настоящими армиями. Эти воинственные визиты именовались Орденом «военными гостями».

Стало модным сражаться на поле боя с язычниками и принимать участие

в военных походах против литовцев. Неоднократно имел место тот факт, что литовские походы предпринимались только потому, чтобы дать иностранным военным гостям возможность добыть себе военную славу. Если военный гость был важной персоной, князем или королем, то большой военный поход предпринимался из Кенигсберга. Этим походом руководили магистр, начальник крупной области или комтур Ордена. Менее значительные гости передавались попечительскому отделу. Таким образом, преимущественно у Дома Инстербург появилось много военных гостей потому, что он был выгодными воротами в войне против литовцев.

Летописец Петер Зухенвирт повествует, что в 1377 году герцог Альбрехт III Австрийский во время своей поездки в Пруссию был военным гостем в Инстербурге. В 1390 году граф Генри Дерби, позднее король Англии Генрих IV, остановился во время похода в Литву в Инстербурге и оставил там свои вещи до возвращения из похода. Сохранилась даже запись, что прусс, охранявший так долго вещи, получил за это вознаграждение – одну прусскую марку.

С английскими и французскими военными гостями, имена которых не упоминаются, магистр Генрих Дусемер уже в 1346 году отправился в Литву. Но продолжения поездки не было, она закончилась в Инстербурге, где магистр и остался. Можно предположить, что короли Иоганн Богемский и Людвиг Великий Венгерский, маркграф Карл фон Мэрин, граф Вильгельм IV Голландский, граф Гюнтер Шварцбургский, герцоги Бургундский и Бурбонский, которые в 1344 году с магистром Рудольфом Кенигом предприняли из Кенигсберга неудачный поход в Вильну, проезжали через Инстербург и там останавливались.

На протяжении всего XIV столетия продолжался приток иностранных важных гостей. К сожалению, уже не-

льзя узнать, какие из них были военными гостями Дома Инстербург. То, что магистры Ордена часто были гостями Дома, само собой разумеется и особо не упоминается. С другой стороны, летописец Виганд фон Марбург упоминает о необычном госте, который нашел там действительно радушный прием. Это был литовский принц Витовт, сын Кейстута, который бежал с родственником Томасом Сурвиллем, чтобы перейти в христианство, и был принят настоятелем Инстербурга в 1367 году. Их крещение состоялось в Кенигсберге. Литовский принц был принят немецким кайзером, который сделал его герцогом. Сурвилль вступил в Немецкий орден, оказывал ему добрые услуги, а именно как переводчик, и позднее стал настоятелем Растенбурга. Нападение Кейстута на инстербургские владения в 1376 году было мстью за этот прием его сына.

Мы вновь возвращаемся к этому отрезку истории Дома Инстербург, когда был заключен Торнский мир (1466). Примечательно, что здесь впервые упоминается город Инстербург. Но, несмотря на это, городом он еще не был. Хакельверк (слобода) и деревушка Шпарге постепенно превратились в цветущее поселение, в котором жители занимались земледелием и торговлей. Настоящие городские права деревушка получила только столетие спустя.

Благодаря колонизации, развитию земледелия, животноводства и торговли, влияние отдела настоятелей так выросло, что магистр Иоганн фон Тиффен для получения денег на турецкий поход в 1497 году отдал пожизненно в залог этот отдел настоятелю Адаму фон Галле, который достал деньги. Правда, это было сделано при условии, что настоятель не будет вести беспорядочную жизнь.

В 1500 году произошло расширение замка благодаря тому, что к крепости с северной стороны, вдоль внутренней стороны кольцевой стены до обеих

северных угловых башен, была построена группа одноэтажных хозяйственных домов, которые образовали второй внутренний двор, соединенный с двором крепости проездом. Они сохранились до настоящего времени (на 1883 год), только изменили свой облик из-за перестроек и добавления этажей.

Для защиты замка набирались отряды народного ополчения, так называемые «выбранцы». Но они прибывали не для выполнения своей работы, так как задача последних настоятелей Дома Инстербург состояла только в управлении и колонизации. Правда, глушь все так же подходила к самым воротам замка, а дороги по ней все еще проходили только вдоль водных потоков, но и маленькие речки и ручьи помогали прокормиться поселкам в их долинах. А под защитой крепостей расцветали преимущественно фольварки Ордена. Но настоятели заботились не только о местности и своих подданных. Они не забывали и о своей выгоде. Существуют свидетельства того времени о том, как нагло злоупотребляли властью настоятели. О последнем настоятеле Дома Инстербург известно, что он доводил своих подданных в шорных мастерских до изнеможения и они жаловались магистру, который приходил на помощь.

Филипп фон Кройц сам оставил запись об «измене в Пруссии» (как он называл превращение владений Ордена в герцогство), в которой признает, что имел в своем учреждении большую сумму денег, чем любой другой брат Ордена. И только мысль об этом заставила его после долгого сопротивления принести присягу на верность герцогу Альбрехту.

Таким образом, он, по-видимому, кроме должности настоятеля в Инстербурге и Таплакене, которая была дана ему пожизненно за уплату 500 марок и сдачу куниц, имел еще собственное имение, хотя рыцари Ордена обязаны были давать обет бедности.

Когда магистр маркграф Альбрехт фон Бранденбург по совету Лютера превратил в 1525 году владения Ордена в светское герцогство Пруссия, управление настоятелей Инстербурга было превращено в главное управление Инстербурга. Это главное управление было одним из самых больших в герцогстве, и в числе его членов состоял ряд важных особ благородного происхождения. Многие из них перешли на более высокие посты. Так, второй член управления Альбрехт Фрайгерр фон Китлиц [Китлиц] (1575) стал управляющим округом, пятый член управления граф Фабиан цу Дона (1604) стал обер-графом крепости. Члены управления были высшими чиновниками области и подчинялись непосредственно герцогу. Все управление, которое, как при Ордене, распалось на разные отделы, все правосудие, полиция, военное дело находились в их подчинении, и их авторитет был большим, чем при Ордене. Но вместо военного стиля жизни, царившего до этого в Доме Ордена, наступил подобный канцелярскому, потому что вместе с управляющим в замке располагалась и его канцелярия. Вместо одетых в белые плащи рыцарей с мечами по длинным коридорам замка бегали деловитые писари с перьями за ушами, и подтянутое бранденбургское чиновничество заменило нежизнеспособных ненавистных чиновников Ордена.

Иоганн Пайн, первый управляющий Инстербурга, был очень уважаемым, близко стоящим к герцогу Альбрехту человеком. В 1526 году он упоминается среди посланников, отправленных в Копенгаген для сватовства принцессы Доротеи Датской для герцога Альбрехта. В том же году ему был поручен присмотр за Гансом Герике, который участвовал в крестьянском восстании в Замланде и теперь был сослан в Инстербург. Позднее он стал даже моряком и был послан с флотом из 12 кораблей в Зунд. В своем управлении он построил 11 церквей.

За заслуги перед герцогом и основанным герцогством он был пожалован 29 августа 1538 года именными в Каршау, Зейдельгуте, Першине, Випенингкене, Воммене и Копенхагене.

Благодаря стараниям и влиянию Иоганна Пайна цветущая «площадь за замком, называвшаяся деревней Шпарге», по жалованной грамоте герцога Альбрехта от 12 марта 1541 года получила права городского поселения с заверением, что «заложное городское поселение превратится в городок», а «наши дорогие подданные этого городка будут наделены городскими правами и другими привилегиями».

Вследствие этого указа население нового городка Инстербург так выросло, что до 1565 года нужно было построить ещё пять новых трактиров. Самое большое значение имел самый старый трактир, Пангервиц, который вследствие своего положения у моста через Ангерапп стал центром торгового и судоходного сообщения из Кенигсберга на Прегеле и из-за своей непринадлежности к городу вследствие беспошлинной и безналоговой закупки товаров и обложения моста пошлиной наносил новому городу значительный ущерб. После того как последователем герцога Альбрехта были изданы многочисленные «королевские постановления» по поводу городских свобод, Инстербург получил 10 октября 1583 года привилегию города, название «город Инстербург», герб города и городскую печать. Даровал эти грамоты маркграф Георг Фридрих фон Ансбах.

Тогда (1583) в замке Инстербург жил окружной начальник Ганс фон Теттау, о котором сообщается, что он устраивал четыре раза в год заседания земельного суда для Инстербурга под управлением судьи провинции Эргарда Трухзеса. Тогдашним клиентам не надо было ходить в городской трактир, потому что в другой части города продолжали варить «свое пиво», как во времена рыцарей.

В 1590 году новый город Инстербург почти полностью сгорел. Из 149 домов осталось только 9, а также церковь, школа и дом проповедника. Но город, по-видимому, скоро был восстановлен, потому что уже в 1600 году построен пригород, получивший собственную привилегию.

Расцвет Инстербурга в XVI столетии можно проследить по многочисленным хорошо сохранившимся жалованным грамотам, предписаниям и привилегиям. К сожалению, более подробные известия о царящих в замке порядках того времени отсутствуют. Те же источники говорят о добросовестной заботе правящих в замке окружных начальников о колонизации своих округов.

Сдаваемые гражданами, купцами, трактирщиками и помещиками денежные и натуральные подати служат теперь уже не для поддержания жизни обитателей замка, а принимают все больше форму налогов, оброка и пошлин, управление которыми становится все упорядоченнее и обширнее.

Из окружных начальников XVII столетия, которые жили в замке Инстербург, следует прежде всего упомянуть графа Фабиана цу Дона, который в 1604 году перешел в реформатскую церковь. Прусские чиновники считали такую смену конфессий несовместимой с высоким государственным положением и направили в 1609 году жалобу курфюрсту Иоганну Сигизмунду, но он сам имел кальвинистские симпатии. Он, правда, отозвал графа цу Дона из Инстербурга, но сделал его управляющим Тапиау (г.Гвардейск), а позже обербургграфом Пруссии. Граф цу Дона создал в Инстербурге гильдию стрелков, которая была организована совсем по-военному. С городским советом он был, по-видимому, не в лучших отношениях. Курфюрст разрешил спор в пользу управляющего. Ему последовал Вольф Генрих Эрб-Трухзес и граф Вальдбургский, при котором было завершено то-

пографическое измерение земель главного управления и города Инстербурга. Результаты этих измерений уже содержат оценки качества земли, и по ним можно судить, что «глушь» уже рассматривалась не как препятствие для передвижения населения, а как ценная сокровищница для торговли лесом и что для ее защиты уже были изданы указы против опустошения лесов. Следить за лесами было поручено лесникам, которых называли «берейторами глуши».

При этом управляющем спустя долгое время замок Инстербург снова принял в своих стенах важного гостя, а именно самого курфюрста Иоганна Сигизмунда, который принес здесь присягу на верность наследству. Его преемники тоже гостили в замке Инстербург: курфюрст Георг Вильгельм в 1632 году, герцог Георг Фридрих фон Ансбах в 1639 году, Фридрих Вильгельм, Великий курфюрст, посещал замок неоднократно.

Тридцатилетняя война с ее ужасами и опустошениями не дошла до самого отдаленного уголка Пруссии, в котором начинал расти и процветать Инстербург. Видимо, тишина и безопасность во время этой войны были причиной, заставившей королеву Марию Элеонору Шведскую в 1642 году найти убежище в замке Инстербург и жить там до своей смерти в 1654 или в 1655 году в качестве гостя. Мария Элеонора, супруга короля Швеции Густава Адольфа, была бранденбургской принцессой, дочерью курфюрста Георга Вильгельма и сестрой Великого курфюрста. После того как она была вынуждена покинуть Швецию вследствие влияния регентства королевы Кристины на ее чудаковатую эксцентричную дочь, она отправилась сначала в Кенигсберг, где, однако, ее пребывание омрачили религиозные распри среди духовенства. Поэтому она выбрала для своего убежища еще более уединенный замок Инстербург. По-видимому, она поддерживала дру-

жеские отношения с многочисленными семьями прусской аристократии, жившими тогда в Инстербурге. В архиве Штайнорта находится письмо королевы от 14 августа 1637 года из Кенигсберга, в котором она выражает соболезнование вдове управляющего Растенбургом, Майнхард фон Лендорф, по поводу смерти ее супруга и просит ее дать ей заместителя на время похорон. Тогдашний управляющий Инстербургом Адам Фридрих фон Добенек устроил королеве апартаменты в южном здании замка и снабдил их большими четырехугольными окнами на внутренний двор. Большая угловая башня с подъемным мостом тогда ещё стояла.

Замковые часы, механизм которых и оба колокола еще сохранились в последней башне замка и действуют, располагались в то время, по-видимому, в главной башне. Тогда же была отремонтирована часовня на теперешнем церковном дворе (1641), и там был похоронен управляющий Добенек. Он был богатым человеком. Кроме главного управления Инстербурга, он владел еще имениями Пирагинен и Краупишкемен и такой большой суммой денег, что был в состоянии одолжить своему курфюрсту, находившемуся в финансовом затруднении, 10000 марок, за что был пожалован имением Тарпупёнен. Имение Пирагинен, которое до этого было связано с трактиром Пангервиц, он купил в 1636 году у семьи Энтцебек, обедневшей из-за затяжного процесса с городом. Потомки этой семьи и сейчас еще живут в Инстербурге под фамилией Панкратиус [Панкрициус].

Нет ничего удивительного в том, что внимание пришедшего в 1640 году к власти Великого курфюрста Фридриха Вильгельма, несмотря на его обширную и многочисленную военную и административную деятельность, было приковано к Инстербургу. Дело в том, что в 1639 году он задержался здесь на длительное время и предоста-

вил в этом месте убежище своей сестре, овдовевшей королеве Швеции Марии Элеоноре. Своим ясным умом он сразу определил плодородность здешних земель и поэтому предоставил в 1645 году вотчину Альтхоф-Инстербург с известным уже нам из рыцарских времен конезаводом и хутором Цауперн своему любимцу, ранее французскому, а теперь прусскому полковнику лейб-гвардии Пьеру де ля Каву* в пожизненное владение.

Де ля Кав, по-видимому, активно занимался в замке Инстербург и военной деятельностью, так как ему был доверен надзор за вновь введенным ландвером (ополчением). Он командовал этим ополчением во время шведско-русско-польской войны, когда русские вторглись в 1655 году в Пруссию, заняли город Инстербург и вынудили жителей к бегству. Польские и шведские войска во время этой войны также неоднократно вторгались в город, грабили население и опустошали местность. У закрытых ворот в то время еще защищенного валом, рвом, стенами, башнями и подвесным мостом замка разбивались зачастую вражеские атаки, и только один раз, 1 января 1679 года, они открылись под натиском шведов. Шведы находились здесь 14 дней, запасаясь продовольствием. А молодой гарнизон, его рядовой состав, был взят в плен.

Следствием этой вражеской оккупации замка Инстербург было то, что Великий курфюрст не захотел больше доверять защиту страны и своих замков местному ополчению и поэтому сохранил ранее набранные только для войны новые полки также и для мирного времени. Таким образом, он положил начало регулярной армии, которую дислоцировал в городах. В Инстербург прибыли пешим порядком половина авангарда и 62 человека Дёнхофского полка. Город настолько обнищал вследствие многочисленных вражеских нападений, повторной эпидемии чумы

и происшедшего 24 июля 1690 года пожара, что должен был продать приобретенный наследниками Энтцебека такой важный трактир, как Пангервиц. Позднее капитан Теофилус фон Левальд приобрел этот трактир из вторых рук и снова объединил его с Пирагиненом.

Неизвестно, распространялся ли пожар 1690 года и на замок Инстербург. В 1684 году он еще стоял с зубцами и башнями, стенами и подвесным мостом – так, как изображен на рисунке Харткноха. В XIX веке он был уже только с одной башней, без стен, без подвесного моста – такой, какой он стоит сейчас (на 1883 год). Когда и по какой причине он потерял стены и башни, узнать до сих пор не удалось.

Последняя еще сохранившаяся башня называлась Пайнтурм («Башня пыток»), потому что в ней находилась тюрьма, где применялись пытки. Последний инструмент для пыток, железная клетка, был продан на металлолом только при перестройке северного крыла замка в 1879 году.

XVIII столетие принесло герцогству Пруссия королевские почести. При коронации первого короля в Кенигсберге 18 января 1701 года он назначил своего канцлера Иоганна Вильгельма фон Теттау капитаном Инстербурга. Но, как канцлер короля, он большей частью находился в Берлине и не имел в замке Инстербург постоянного кабинета. Заведовать управлением он поручил регенту Эрнсту фон Валленродту. Последний предоставил возникшей в 1702 году в Инстербурге реформатской общине длинную комнату в замке для богослужений до тех пор, пока в 1735 году она не построила свою церковь. Эта община состояла в основном из беглых французов и швейцарцев, которым бранденбургские короли охотно предоставляли убежище в обезлюдевшей после чумы Восточной Пруссии. В Инстербурге и округе умерли от чумы около 66000 человек, среди них и капитан фон Теттау.

Управляющие становились все более самовольными и бесцеремонными. Они жили уже не в замках, а в своих имениях, запустили дела, которые большей частью передавали своим писарям, извлекали из своих имений большие доходы, в которых никому не отчитывались, устраивали большие банкеты и наносили ущерб государственному бюджету. В Инстербурге в это время (1680-1731) властвовал писарь и хаусфогт, позже придворный советник, Девиц.

Еще курфюрст Иоганн Сигизмунд издал серьезное предупреждение: «Чтобы управители лучше хозяйствовали в своих владениях», – но от этого отеческого предупреждения стало не лучше, а хуже. Король Фридрих I издал 5 октября 1710 года повинный эдикт, в котором приказывал правителям (капитанам) постоянно находиться в своих имениях. В это время в Инстербург возвратился и капитан фон Теттау.

Между тем его отсутствие явилось причиной появления в замке благородного гостя. Король Чарторыжский, богатый польский воевода, приехал в 1704 году со своей семьей и придворными в замок Инстербург. Неизвестно, сколько он там пользовался предоставленным ему королем гостеприимством. Ему пришлось бежать от короля Швеции Карла XII.

В 1713 и повторно в 1722 годах король Фридрих Вильгельм I посетил замок Инстербург и с тех пор заинтересовался этой местностью. Так, он побудил князя Леопольда фон Анхальт-Дессау купить имения Норкиттен, Швегерау, Бубайнен, Шлоссберг, Мангарбен, Войнотен (пос. Междуречье, Заовражное, Бережковское) и другие. В 1718 году король ввел в Инстербург первый кавалерийский гарнизон. Из знаменитого драгунского полка, который польский король Август подарил Фридриху Вильгельму I в качестве эквивалента ценного фарфорово-янтарного кабинета, в город прибыли три

с половиной роты, половина штаба и 30 лошадей. Командир полка, генерал-лейтенант фон Вутенов, жил не в замке, а в доме №1 на Альтер Маркт (пл.Ленина). В Инстербурге, кроме того, располагался и пехотный гарнизон.

Амтсгауптман Иоганн Дитрих фон Кунхайм в 1724 году стал первым президентом «литовского» придворного суда в Инстербурге с сохранением своей квартиры в замке и оклада в 1000 талеров. Квартира президента была по-новому оборудована в 1729 году в восточном крыле новой пристройки, где основал свою резиденцию и придворный суд. Старая крепость в 1727 году стала складом фуража, после того как много раньше орденская церковь в замке была снабжена промежуточным настилом и использовалась в качестве склада для муки и зерна. В 1740 году пивоварня была переведена из замка в управление Альтхоф (пос.Школьный). К башне Пайнтурум примкнули новые конюшни и склад сена для драгунских лошадей, построенные из валунов. Конезавод Альтхоф в то же время был переведен в Тракенен.

7 июня 1726 года президента Кунхайма посетил король, которого сопровождали в этот раз кронпринц (позднее король Фридрих Великий) и старый фон Дессау со своими сыновьями. Они с удовольствием пообедали в березовой беседке в Альтхофе. Десять лет спустя король повторил свой визит с той же свитой. Кронпринц в 1735 и 1736 годах также объезжал «литовские» города, посетил Инстербург и принял в замке 7 октября барона фон Бюлова.

В это время упоминается заложенный в 1731 году и расширенный в 1741 году замковый сад с находящейся в нем ледяной ямой. Сад в то время располагался с восточной стороны замка и занимал ту часть города, где сейчас расположена Театерштрассе (ул.Льва Толстого). Король охотно прогуливался по его террасам, дорожкам и отдыхал в сводчатых прохладных беседках.

Важное изменение было предпринято в 1723 году в отношении русла реки Ангерапп. При выходе из своей узкой долины она поворачивала от горы Капеллен (немецкое кладбище на ул.22 Января) резко вправо, огибала гору, на которой сейчас располагается тюрьма, текла в Георгенбург (пос.Мавка) и соединялась там с Инстером, образуя Прегель. С целью создания лучшей коммуникации был прорыт новый канал глубиной 5-8 футов от горы Капеллен до Инстера, при этом Ангерапп соединилась с Инстером на 2км западнее прежнего места слияния.

В ходе Семилетней войны город и замок стали русскими. Еще перед битвой при Гросс-Егерсдорфе (30 августа 1757 года) медленно наступающая русская армия под командованием Апраксина вынудила жителей Инстербурга дать русской царице обет поклонения и включить ее в церковную молитву. В следующем году (4 февраля 1758 года) обет был повторен, а после смерти царицы Елизаветы должна была читаться проповедь, посвященная ее памяти. Магистрат и жители должны были также дать обет поклонения ее преемнику Петру III. Королевские чиновники при этом бежали в Кенигсберг.

Король Фридрих Великий никогда не забывал о недостойном поведении жителей Восточной Пруссии в Семилетней войне и никогда больше не посещал ее. Впоследствии, отказав населению в создании кредитных касс, он писал: «Господа в Семилетней войне вели себя не так, чтобы о них надо было заботиться. Они плохие хозяева и разгильдяи, а в армии служат только немногие».

Для замка Семилетняя война имела последствия. Склады, заложенные в ходе войны в крепости, остались там и в мирное время. Большие окна, сделанные для визитов высоких гостей, были заложены и устроены складские люки. Нижние помещения использовались для хранения соли. Внешняя красота за-

мка после сноса основной башни и двух угловых была полностью утрачена.

Замковый сад тоже не оправился от опустошения военного времени. В то время он был открыт и не огорожен. Проходящие маршем русские и прусские войска разбивали на ровных его участках свои лагеря. Сад стал общественным местом, о котором никто не заботился.

Директор юстиции фон Авейден с 1769 года проживал не в служебной квартире в замке, а в своем имении в Юкеллене. По просьбе тогдашнего полковника, позднее генерал-фельдмаршала, графа Калькройта он в 1780 году сдал ему внаем эту квартиру (замок) на три года, а также предоставил ему в пользование замковый сад. Граф привел за свой счет замок и сад в порядок и пожелал также владеть манежем неподалеку. Он получил разрешение на устройство манежа в месте, примыкавшем к Замковой площади. Старое здание манежа располагалось не на фундаменте, а на сваях и построено было из дерева, которое пришло в негодность. Генерал-лейтенант фон Браузен, ставший командиром инстербургского кавалерийского полка с 1787 года, восстановил манеж с фундаментом из валунов, с фахверковыми стенами и черепичной крышей.

В той части замкового сада, которая образует Театерштрассе (ул. Льва Толстого), были также построены три казармы (1780), образуя западный ряд улиц.

Самого «опасного гостя» в виде порохового склада замок Инстербург принял в конце XVIII столетия. Он размещался в подвале под тюремными камерами Пайнтурм («Башни пыток»). Там также располагались запасы пороха драгунского полка фон Барделебена и некоторых купцов. Понадобились многочисленные жалобы королю, прежде чем этот «опасный гость» был удален из замка.

Время наполеоновских войн не прошло бесследно для замка Инстербург. 18 июня 1807 года французский армейский корпус маршала Нея вошел в город. Расквартировка в замке привела к остановке работы придворного суда. Сам император Наполеон, проезжая 17 июня 1812 года через Инстербург в Россию, жил не в замке, а в доме №3 на Генеральштрассе (ул. Пионерская). Сам замок во время прохождения армии в Россию и обратно был оборудован под лазарет. Все его помещения, даже трактир, ставший в 1808 году верховным земельным придворным судом, были освобождены для размещения 200 коек для раненых. Первые раненые французы рокового похода прибыли в замок Инстербург 12 августа 1812 года. Последней отступила гвардия, а уже 23 декабря появились первые казаки – 50 человек во главе с офицером. В это время в городе и в округе было похоронено 4087 французов.

После похода 1812 года в Инстербург прибыл драгунский полк, который принимал участие в составе корпуса Макдональда в походе против России. В 1860 году прибыли два эскадрона Литовского уланского полка №12 и после реконструкции замкового склада в 1878 году расквартировались в старом замке.

Северная часть замка также пертерпела многочисленные изменения в течение XIX столетия. Окружающие второй двор здания постепенно обветшали. Деловых помещений уже не хватало для высшего земельного суда и тюрьмы, поэтому служебная квартира президента суда была перенесена из восточного в западное крыло, где уже с 1782 года была устроена служебная квартира председателя совета. Комнаты сторожей, сбора податей, обмена денег и арестантская слева от въезда и тюрьмы в северном поперечном здании были упразднены и перенесены в новую тюрьму, построенную в 1855 году в пригороде. Прежние жилые помещения в восточном крыле были переделаны в деловые и благодаря реконструкции крыши подняты на несколько

футов. В 1856 году расположенное в северо-восточном углу замкового двора здание стало залом суда присяжных, а примыкающее к нему второе восточное здание было переделано в деловые помещения. Кроме президента, в замке получили служебные квартиры 4 младших чиновника апелляционного суда. Почтовый курьер получил маленькое, построенное в 1700 году на Замковой площади так называемое здание замкового вахмистра. Наконец, и северное поперечное здание при преобразовании апелляционного суда в действующий сейчас (на 1883 год) в замке земельный суд подверглось целесообразной пере-

стройке. Неизменной осталась только свидетельница многочисленных исторических событий Пайнтурм.

Среди выдающихся личностей, которые посетили замок в XIX столетии, следует упомянуть таких, как кронпринц, позже король Фридрих Вильгельм IV, генерал фон Мольтке, принц Альбрехт Прусский, королевский министр юстиции доктор Фрайберг.

Недавний житель замка Инстербург составил вышеизложенные сведения об истории замка из доступных ему источников, чтобы познакомить с ними широкий круг читателей».

На этом был закончен доклад президента окружного суда фон Барена, посвященный празднику 300-летия города Инстербурга и прочитанный 15 января 1883 года перед Обществом древностей Инстербурга.

Закончен доклад, но не закончена история замка Инстербург. До Первой мировой войны в замке находились земельный суд и казарма 12-го полка уланов. После окончания войны в период инфляции часть казармы была передана полиции охраны. В основных же помещениях крепости расположился краеведческий музей Общества древностей. Вход в музей был со стороны Театерштрассе за памятником уланов, цоколь которого мы можем видеть и сегодня. В музее было 12 экспозиций:

- 1) богатейшая коллекция каменного и бронзового веков;
- 2) многочисленные предметы раннего железного времени;
- 3) собрание могильников;
- 4) собрание европейской старины;
- 5) 248 ценных предметов XVIII-XIX веков;
- 6) коллекция военных трофеев;
- 7) коллекция церковных предметов;
- 8) интерьер крестьянской комнаты;
- 9) собрание по истории Инстербурга;
- 10) природоведческая коллекция;
- 11) нумизматическая коллекция;
- 12) коллекция гербов и флагов.

Осенью 1944 года все экспонаты музея были подготовлены к эвакуации в глубь Германии. Неизвестно доподлинно, где сейчас находятся эти экспонаты. И только археологическая коллекция нашлась в запасниках университета города Лейпцига, что дает надежду отыскать и другие экспонаты.

Сам же замок во время штурма города горел. Потом он был занят воинской частью, и, наконец, в нем расположилось ремонтно-строительное управление. Были разрушены башня Пайнтурм и северное крыло замка с воротами. Территория загажена так, что понадобятся сотни рейсов для самосвалов, чтобы очистить замок от мусора.

**Перевод Геннадия Гончарова
(отдел краеведения и иностранной литературы Дома книги).**

«ОТЕЦ АИСТОВ»

Доктор Фридрих Хорнбергер, орнитолог, родился в Германии 17 августа 1891 года. После защиты диссертации он приехал в Восточную Пруссию, в Инстербург. С 1922 года – преподаватель биологии. С 1924 года – член научного совета гимназии Инстербурга.

На новом месте жительства на доктора Хорнбергера очень сильное впечатление произвели аисты. Он полюбил их всей душой. Пожалуй, аисты были и на берегах Рейна, на родине доктора, но там они были не в таком количестве и не производили такого впечатления на людей, как в Восточной Пруссии. Эти прекрасные птицы, находившиеся поблизости с людьми, оказали большое влияние на жизнь Хорнбергера. В 1927 году он сделал опись занятых аистами гнезд, вступил в общество орнитологов Росситтен (пос.Рыбачий, Куршская коса), с 1934 года стал представителем охраны природы во всем правительственном округе Гумбиннен.

Каждой колонии птиц уделялось большое внимание для создания картотеки. Ведь нужно было выяснить такие вопросы, как перелет птиц на юг, возвращение к старым гнездам, особенности того, что аисты живут парами, воспитание выводка.

Учащиеся гимназии часто видели Хорнбергера одетым в форму лесничего – в школе и вне ее, в школьном саду и кабинете биологии. Он делал все ловко, искусно, умело. Когда доктор Хорнбергер отправлялся за пределы Инстербурга в деревни, то сначала его встречали настороженно, но потом местные жители всегда были рады встречи с ним. Он по-настоящему заиграл интерес к себе у людей с помощью своих опытов. Его жена, которая с пониманием и заботой относилась к нему, часто оставалась одна с тремя детьми. Доктор

Хорнбергер был всегда благодарен ей, своим сотрудникам и помощникам. Особенно много ему помогали жандармерия Инстербурга, гимназисты, крестьяне, архитектор города.

Во время получения первых результатов его работы началась война. В 1942 году он ушел со школьной службы, потому что был призван на военную. В 1944 году перебазировал документы и приборы на запад Германии. В этом же году, в апреле, Хорнбергер попадает в советский плен. Лишь через три года находит он свою семью в Тюбингене и продолжает свои исследования жизни аистов, занимается литературной деятельностью. В одной из своих статей доктор Хорнбергер делает вывод: «Они (аисты), вероятно, способны судить». В книге Фритца Гаузе «Восточная Пруссия» (1960, т.4) напечатана его великолепная статья «Мир животных» с превосходными снимками.

Последние годы его жизни были полны страданий. Он не способен был сам передвигаться. Умер «отец аистов», как его называли земляки, в доме престарелых недалеко от Гейдельберга 30 ноября 1970 года.

ПРОФЕССОР МУЗЫКИ ГЕРБЕРТ ВИЛЬГЕЛЬМИ

4 ноября 1895 года в Инстербурге родился Герберт Вильгельми. Детские и юношеские годы он провел в Кенигсберге, где семь лет учился игре на скрипке у профессора Макса Броде. Теорию музыки получил у королевского директора музыки Отто Фибаха. После студенческих лет, с 1920 года по 1924, Герберт Вильгельми был органистом в Берлине. Позднее приглашен на должность музыкального директора в Тильзит. Руководил лютеранским хором и был организатором местного праздника музыки.

В 1937 году вернулся в Кенигсберг, где занял место органиста в Домском соборе. Помимо этой работы был доцентом музыки Кенигсбергского университета, руководителем хора и организатором праздника песни. После бомбежки английской авиацией города

в 1944 году уехал в Западную Германию. Сначала обосновался в городе Грайсвальд органистом в Николайкирхе, а с мая 1946 года стал доцентом музыки в Геттингене и, наконец, профессором в высшей школе города Вупперталя.

Композитор Герберт Вильгельми в послевоенные годы много работал в землячестве «Восточная Пруссия». Собрал большую коллекцию слайдов (более 2000) с изображением произведений восточнопрусских художников. Выпустил несколько сборников песен, например «Пришли мне свое сердце», где собраны песни Восточной Пруссии, «Восточные песни» для мужского хора, а также сборник народных песен немецкого востока «Моя песня, моя страна».

19 сентября 1983 года в возрасте 88 лет Герберт Вильгельми скончался.

БАРБИ СНОВА В ИНСТЕРБУРГЕ

Виртуальная история

Я хочу рассказать одну необычную историю, связанную с нашим городом. История эта еще не окончена. Во всяком случае, есть люди, которые продолжают распутывать ее дальше, и, если это произойдет, даже страшно подумать, что станет с нашим миром.

С людьми, рассказавшими мне эту историю, я познакомился, в общем-то, случайно. Последовало предложение прогуляться с двумя туристами. Встретился я с ними прямо на улице по предварительной договоренности. Была уже осень, шел дождь – наш, прибалтийский,

мелкий и нудный. Однако надо было идти и рассказывать про наш город, какой он был, какой он сейчас. Туристами оказались двое молодых людей – парень и девушка. Приехали они из Америки, то есть Соединенных Штатов. То, откуда они приехали, и их возраст было немало необычно, ведь в основном к нам приезжают пожилые немцы. Вначале я подумал, что их бабушка или дедушка родом из наших мест, но оказалось, что нет, они настоящие американцы. Тем более было удивительно, что сразу же при встрече они спросили о роддоме. Надо сказать, однако, что девушка до-

вольно хорошо говорила по-немецки. Таким образом, я, русский, при помощи немецкого языка смог общаться с гостями из-за океана. Объяснив, что у нас роддом закрыт и мы вряд ли попадем в это здание, я спросил, зачем, собственно, это нужно. Барби – так звали девушку – объяснила, что в роддоме до войны работал один профессор, судьба которого их интересует. Звали этого профессора Пауль-Вилли Зигель, полное его звание было профессор, доктор медицины, родом он из города Дрездена, и по приглашению он принял женскую клинику в нашем Инстербурге, который сейчас называется Черняховск.

Коротко об этой клинике. Она располагалась в здании, которое среди военных носит название «Пентагон» и находится на улице Курчатова. Проще говоря, это штаб одной из воинских частей. Однако вплоть до 44-го года там находилась женская клиника, одна из лучших в Восточной Пруссии. Клиника была рассчитана на 260 коек, из них 60 для детей плюс к тому 36 платных. В этой клинике не только рожали, но и обучали акушерок. Родовой отпуск начинался за месяц до родов. Кроме того, в клинике лечили женские болезни. Как оказалось, дальше это было основное занятие нашего героя – профессора господина Зигеля. Как и сейчас, так и тогда были дети, которые рождались раньше своего срока, и приходилось их выхаживать в особых условиях.

В начале тридцатых годов поступила женщина, уроженка города Инстербурга. Родился долгожданный ребенок, семи месяцев. Звали эту немку Барбара Вайс. На немецком языке ее фамилия обозначает белый цвет. И действительно, это была красивая блондинка лет двадцати. К сожалению, ребенок не выжил. Барбара была в отчаянии. Муж сразу же развелся, потому что второго ребенка она родить не могла в силу последствий от первых родов. Надо было спасать человека. И профессор делает предложение...

Здесь я должен сделать маленькое отступление. Дело в том, что, как я уже сказал выше, профессор Зигель был не просто врачом, а ученым и в мировых кругах медиков был достаточно известен тем, что работал над проблемой долголетия. Ведь ни для кого не секрет, что в женщине заложено на уровне генетического кода продолжение человеческого рода. Над этой проблемой и работал доктор наук господин Зигель. У него были хорошие результаты, но не было главного – научного опыта. И он предложил Барбаре участие в его эксперименте. Смысл опыта состоял в том, что Барбара должна сохранить состояние своего организма и внешности на протяжении многих лет. Как долго? Это и следовало выяснить.

Все это я узнал от наших гостей, американцев. Дальнейшие события еще более неправдоподобны. 1939 год, год начала Второй мировой войны, в Германии фашизм со своей идеей мирового господства. За месяц до начала войны в Инстербург приезжают два американца (мистика какая-то, их и тогда было двое, и также мужчина и женщина), оба – медики. Состоялась встреча с профессором Зигелем. Гости были в курсе его научных работ по теме долголетия. Но то, что они узнали и увидели, вызвало у них шок. Госпожа Барбара Вайс выглядела точно так же, как и восемь лет назад. В подтверждение этого были показаны фотоснимки и кукла, выполненная в полный рост и сделанная в начале эксперимента для контроля чистоты опыта. По просьбе профессора американцы увезли с собой куклу в Америку. Дело в том, что к работе профессора стала проявлять интерес новая власть в лице гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха, прозванного в немецком народе «Э.К. – первый». Доподлинно неизвестно, какие отношения сложились у профессора с ним, но известно, что Эрих Кох прожил долгую жизнь в тюрьме в Польше. Известно также, что был казнен доктор Шойер, ассистент Зигеля, а сам профес-

сор отстранен от дел, несмотря на то что он был довольно известной личностью. Гостями его дома были такие известные люди, как Томас Манн, Борис Фрайхер фон Мюнхгаузен (потомок того самого Мюнхгаузена), Франк Тисс, Мари Вигман и Грета Палючча, все достаточно известные люди того времени. В начале января 1945 года профессор вынужден был уехать в Гамбург, где имел дальнейшую практику. Умер он в 1957 году от инфаркта.

Эта история получила продолжение после войны в Америке. В доме, где хранилась кукла, родилась девочка, которая попросила своего папу сделать

ей маленькую куклу, копию большой из Германии. Назвали ее американским вариантом имени – Барби. Эта игрушка перешагнула все границы.

Американцы, с которыми я работал, задались целью разыскать труды профессора Зигеля. Это будет переворот в науке, да и во всей истории человечества. Кстати, моя новая знакомая, американка Барби, названа в честь куклы, модель которой хранится у них дома. Судьба же женщины Барбары Вайс трагична. Она погибла во время перехода Вислинского залива в 1945 году. Очевидцы утверждают, что выглядела она на двадцать лет.

СВЯТО-МИХАЙЛОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ, БЫВШАЯ РЕФОРМАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДА ИНСТЕРБУРГА

Рассказ архитектора Фридриха Адлера

Реформатская община, которая была образована Великим курфюрстом из переселившихся шотландских купцов, получила свою первую церковь в 1735 году. Эта церковь простояла 150 лет. Из-за осадки фундамента в стенах появились трещины, и в 1885 году она должна была закрыться. Между тем был подготовлен проект нового церковного здания.

С согласия городских властей было предоставлено место для строительства – расположенная в новом городском квартале площадь Маркграфа (Маркграфенплатц). Этот квартал, длиной 108 метров и 74 метра шириной, образованный четырьмя улицами, представлял собой прекрасное место для здания церкви.

Исходя из расположения на местности и из необходимости размещения 1500 сидячих и около 500 стоячих мест (число прихожан доходило до 4000) появился проект полуциркулярной, с тремя нефами, церкви с залом, с хорами, которые из-за экономии средств не должны были быть слишком высокими, но могли получить внешнее живописное украшение с подвижными линиями. Она была оборудована тремя башнями: колокольной на западной стороне высотой 65,8 метра и двумя небольшими башнями с лестницами на востоке высотой 33 метра. Вокруг выступающих ниш хоров расположились полукруглой формы колонны и крестильня с небольшими хорами с двух сторон в расположенных рядом лестничных пролетах с прихожей. Хоры вместе с прилегаю-

щими частями нефа церкви находятся в подвальном помещении. Там находятся также оба котла для отопления паром низкого давления, от которых расходятся по многим каналам трубы для отвода пара под основанием среднего и крайних нефов.

Система внутреннего строения представляет собой чередование круглых оградных опорных колонн для наилучшего просмотра со стороны боковых нефов. Рядом с крайней круглой колонной из кирпича возвышаются верхние части вкопанных столбов из шведского гранита с шестигранной капителью. Из того же материала то же исполнение получили столбы под находящимся на западной стороне возвышением для органа. В соответствии с чередованием колонн средний неф был покрыт куполообразным крестовым сводом и прямоугольным крестовым сводом над органом возвышением. Все стены и потолки были оштукатурены и декорированы, главным образом, в соответствии со стилем. В противо-

вес этому главные структурные балки остаются неотделанными.

Внешняя часть выполнена из обожженного кирпича темно-коричневого с красноватым оттенком цвета с богатым применением гранита для перекрытий. Фундаменты состоят из выступающих гранитных камней, которыми в достаточной мере снабжает долина реки Инстер. Весь цоколь отделан рельефными гранитными квадратами, которые выступают из фундамента и предназначены для укрепления стен. Ажурный орнамент окон и затемненные столбы портала выполнены из обожженного кирпича. Крыша покрыта природным шифером.

Нижние части центральных окон выполнены из кафедрального стекла с простыми пестрыми фризами, розами из гризайли и мозаичных образцов. Только среднее окно хора содержит более богатое украшение в виде образа благословляющего Христа, в то время как боковые окна содержат ковровые рисунки.

Церковная кафедра, алтарь и крестильный камень выполнены из горного песчаника, крышка из дуба. То же самое исполнение и у органа, который содержит 45 звучащих тонов. Башня имеет часы, а также железную балку для колокола с тремя колоколами общим весом 35 центнеров. Дневного освещения достаточно. Для вечерних богослужений предназначены газовый светильник с выполненными в усовершенствованном стиле люстрами и кронштейнами. Прекрасная акустика как для произнесения речей, так и для пения.

Из-за сурового климата строительство продолжалось четыре года. Закладка фундамента произошла в 1886 году, летом 1889 года были возведены своды, после чего были проведены внутренние работы, и 24 апреля 1890 года строение церкви в неороманском стиле было освящено.

При распределении объемов работ предпочтение отдавалось местным

ремесленникам. Однако привлекались и другие фирмы для проведения специфических работ. Так, облицовочные и фасонные камни производились черепичной фабрикой в Растенбурге, а фигурный орнамент для окон и богатые изразцы – заводами Зигесдорфа. Гранитные столбы и перекрытия произвела фирма «Кессель и Рель» из Берлина. Там же каменотесы «Виммель и К.» выполнили кафедру, алтарь и крестильный камень. Орган поставил из Кенигсберга М. Терлецки. Отопление паром – Кенигсбергская машиностроительная фабрика. Витражи выполнены

в мастерской Ц. Тюрке в Циттау, а роспись церкви была доверена художнику Я. Борновски из Эльбинга.

Руководство строительством находилось в руках Зира, королевского советника по архитектуре в Инстербурге, вместе с ним работал правительственный архитектор Ц. Вальтер. Из-за ограничений структуры имел место ряд особых трудностей. Однако благодаря любви и верности обоих господ коллег постройка выполнена очень доброкачественно и стала, как мне написал проповедник Хундертмарк, «все большей радостью для всех нас».

УЛИЦЫ, АЛЛЕИ, ПЛОЩАДИ...

Знают ли жители Черняховска, премника Инстербурга, что 49 городов Германии имеют улицы, названные в его честь? Посещая Германию, легко в этом можно убедиться, побывав в одном из перечисленных ниже городов. Сам я, побывав в городе Хамельне, известном своей сказкой о крысолове, не удержался и сходил на улицу Инстербургскую.

Инстербургская улица есть, кроме того, в Аурихе, Билефельде, Бохуме, Бонне, Бремене, Бремерсхафене, Везеле, Вольфсбурге, Гамбурге, Гельзенкирхене, Глаубахе, Дортмунде, Карлсруэ, Киле, Кельне, Мюнхене, Нюрнберге, Ольденбурге, Хильдесхайме и некоторых других городах.

Второе по распространенности название – Инстербургское шоссе. Оно есть в Гамбурге, Гейдельберге, Геттингене, Дюссельдорфе, Дуйсбурге, Манхайме, Оснабрюкене и других.

Дважды встречаются такие наименования, как улица Инстербург (в Аугсбурге и Брауншвейге) и Инстербургская площадь (в Вуппертале и Крефельде).

И, наконец, самые редкие – аллея Инстербург (Берлин) и шоссе Инстербург (Арсберг).

Аллея Инстербург в Берлине.

ИСТОРИЯ НА ЭТИКЕТКАХ

В нашем городе сейчас продается много сортов пива. И немецкое, и голландское, и из других стран. В том числе и чешское. Особое внимание обращают на себя два сорта чешского пива. Это «Свитовьяк» и «Бруно».

На этикетке первого изображен король Богемский Оттокар II Прже-

мыслович, внук кайзера (императора) Фридриха Барбароссы. Оттокар участвовал в крестовом походе крестоносцев против пруссов в 1254-1255 годах, был назначен главнокомандующим всеми войсками. Крепость Кенигсберг, построенная на месте разрушенной прусской крепости Твангесте, названа в честь короля Оттокара II, который считается официальным основателем Кенигсберга.

На этикетках другого сорта пива изображен святой мученик Бруно, епископ, который был родом из знатной немецкой семьи. Родился около 970 года, был монахом в Риме. Папа Римский Сильвестр II послал его во главе миссии в Пруссию, куда он и прибыл в 1008 году. В следующем году, 9 марта, Бруно принял мученическую смерть с 18 товарищами в земле ятвягов. Объявлен святым, его день 12 июля. В начале нашего века в Инстербурге была построена католическая кирха Святого Бруно. Таким образом, история нашего края нашла отражение в пивоварении.

ИСКУСНЫЙ РЕМЕСЛЕННИК

27 февраля исполнился 71 год резчику из слоновой кости Ульриху Зайденбергу. 30 лет назад он основал единственный в своем роде частный музей изделий из слоновой кости в городе Михельштадт в Германии. Сам резчик Ульрих Зайденберг является одним из знатоков этого драгоценного материала – слоновой кости. Десятилетиями он имел дело с произведениями искусства из кости, вырезал фигуры, украшения и другие изделия.

Родился Зайденберг 27 февраля 1926 года в восточнопрусской деревне Блюхерсдорф в округе Инстербург, изучал строительное дело. После войны в возрасте 21 года приехал в город Эрбах, что на юге Германии, где зарабатывал на жизнь, вырезая поделки из слоновой кости. Мечта стать архитектором в той ситуации оказалась несбыточной. В 1946 году он поступает во вновь открытую профессиональную школу и изучает ремесло резьбы по слоновой кости. Двумя годами позже Зайденберг открывает

собственное дело. В 1953 году сдает экзамен на мастера и после нескольких лет напряженного труда проводит выставки в Германии и за рубежом, получает при-

зы и почетные грамоты за свои работы. В 1967 году Ульрих Зайденберг открывает музей изделий из слоновой кости на Кирхплац, 5, в Михельштадте.

«ЗЕЛЁНАЯ КОШКА»

Так назывался один из самых старых трактиров города Инстербурга. В 1516 году магистр Ордена маркграф Альбрехт фон Бранденбург пожаловал своего верноподданного Мартина Камсвига трактиром перед замком с обязательством ежегодно отдавать шесть марок и трех откормленных гусей Дому Инстербург. Трактир был построен у моста через замковый ров и сначала назывался «Новый». Грамота была подписана в 5-й день святого Якоба, 1 мая, и предписывала также брать пиво на продажу из замка. При вселении в трактир Мартин Камсвиг со своей женой не забыл старой традиции –

первой через порог дома впустить кошку. Для этого была поймана бездомная кошка черного цвета. Она сразу же заняла свое место в зале рядом с очагом.

В те далекие времена трактиры использовались как постоянные дворы, поэтому его посещали многочисленные гости замка. Кроме того, трактирщик был обязан заниматься почтовыми отправлениями. Новый трактир всегда был полон народа, особенно в вечернее время после закрытия городских ворот. Вскоре хозяин заметил, что если гость бывал нечестным и хотел обмануть его, то кошка вставала со своего

Трактир «Зеленая кошка».

места и набрасывалась на такого гостя, шипя и царапаясь. При этом шерсть ее в свете от очага становилась зеленоватого оттенка. Очень скоро это стало известно всем завсегдатаям, и трактир стали называть «Зеленая кошка». Хозяин Мартин Камсвиг души не чаял в своей кошке, ведь очень скоро недобрые люди стали обходить стороной его трактир. Однако кошачий век недолог, и однажды она исчезла. Долго еще

в округе поговаривали о том, что видели зеленую кошку то там, то тут, а одну из тропинок в районе трактира так и называли – Кошачья тропа. Название это пережило века, и еще в 1945 году можно было услышать его от жителей города Инстербурга.

К сожалению, дом, в котором был трактир «Зеленая кошка», был разрушен после войны. В памяти людей осталась только легенда.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАХОДКИ

В книге «Приключения славянских витязей», изданной в Москве в 1988 году, представлена «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче», написанная русским писателем Василием Алексеевичем Лёвиным (1746-1826). Произведения В. Лёвина опираются на традиции русского и западноевропейского фольклора, новеллистики эпохи Возрождения, на легенды и подлинные факты русской истории. В них сплав старинных мотивов рыцарских романов, волшебных сказок и былин. Василия Лёвина очень ценил А.С. Пушкин. В «Евгении Онегине» он называет дворян, весной отправляющихся в деревню: «Вы, школы Лёвина птенцы».

Для нас, русских жителей бывшей Пруссии, вышеназванная повесть имеет несомненный интерес. Ведь действие происходит буквально в тех местах, где мы живем. Предлагаем нашим читателям сокращенный вариант повести.

ПОВЕСТЬ О СИЛЬНОМ БОГАТЫРЕ ЧУРИЛЕ ПЛЕНКОВИЧЕ

Во времена князя Владимира сын кожевенника Пленко Чурило, победив змия, просит у князя посмотреть света и испытать руки своей над богатырями чуждыми. Леса прусские проехал он уже до половины, но прохладное утро пригласило его взять отдохновение при истоках реки Пригоры (р.Прегель) [Прегора]. Здесь встретил он девицу, плачущую о том, что отдают ее в объятия ненавистному Кривиду. Девица рассказывает богатырю: «Кто бы ты ни был, великодушный богатырь, довольно, если приемлешь участие в моей напасти.

Я дочь Вайдевута, мужа почтеннейшего в стане сем, имя мне Прилепа [Прелепа], я сестра 12 братьев. Семь лет еще посвящена я родителем Ишамбрату [Ишвамбрато], божеству, поклоняемому пруссами в бессмертном огне, горящем перед сим дубом, на коем, по уверованию предков наших, обитает сам Ишамбрат. Всякое утро долженствую я воспалить огонь на сем месте и жертвовать повержением в оный семь волосов из косы моей с горстью янтаря, извергаемого на берега нашим морем. Я должна окончить дни мои жрицею в целомудрии. В селах тех обитает мудрец Кривид... Выходя для собирания трав, увидел меня и в то мгновение ко мне воспылал жестокою любовью... Должно описать вам, с какими прелестьми предстал мне сей любовник. Голова

с кулак, украшенная только одним глазом, выглядывала из плеч. Рыжая, по земле волочащаяся борода закрывала передний горб его, но тем явственнее казался таковой же остроконечный горб сзади. Ноги в четверть и покрытые сивою шерстью руки довершали его пригожества».

Далее Прилепа рассказала, что сей Кривид намерен жениться на ней силой и что у него есть сильная вода, которая помогла трем его племянникам расправиться с ее 12 братьями. Чурило сразился с ними. Победив всех трех племянников Кривида, отправились к его жилищу. Путь их утомил, и по наступлению темноты они спали вместе. Расправившись с Кривидом, Чурило Пленкович отправился далее на запад,

при этом Прилепа лила слезы, теряя своего избавителя.

А через девять месяцев у нее родился сын Алеса Попоевич, объявленный сыном бога страны пруссов Попоензою или Прекуном. Шалостям его не было предела, и после его проделки, лишившей жреца Вайдевута бороды (а в Пруссии без бороды ходили одни только палачи), он был изгнан из храма Попоензова и Пруссии. Прилепа открыла ему истину, кто был его прямой отец, и велела шествовать в Киев.

Был он уже богатырем, и ждала его слава большая, и был он хитрый и насмешник большой, и имя на Руси его было Алеша Попович.

АВТОР ПАМЯТНИКА ИНСТЕРБУРГСКИМ УЛАНАМ

Скульптор Станислаус Кауэр родился 18 октября 1867 года в Кройцнахе, умер 3 марта 1943 года в Кенигсберге, похоронен на кладбище у Юдиттенкирхе (сейчас Свято-Никольский собор; Тенистая аллея в Калининграде).

В 1882 году Станислаус Кауэр начал учиться скульптурному ремеслу у своего отца, скульптора Роберта Кауэра, в Риме. Он был добросовестным учеником, изучал и выучился ремеслу так, что его учение у отца заменило ему академию.

В 1905-1907 годах работает в Берлине. В 1907-м приглашен на достойное его место профессора в Кенигсбергской Академии искусств в качестве руководителя класса скульпторов. Здесь с 10 марта 1907 года он начал свою преподавательскую деятельность, создал и подготовил многочисленную школу

Скульптор Станислаус Кауэр.

скульпторов. Его любимое высказывание – «Работа с глиной – это любовь, гипсовый слепок – мертв, бронзовая отливка – это его воскресение». В 1933 году он оставил свою преподавательскую деятельность. В 1942 году получил золотую медаль.

Его любовь к работе огромна. В провинции Восточная Пруссия много его работ, в особенности многочисленные воинские памятники...

Конная скульптура улана в Инстербурге, 1926 год. В отеле «Дессауэр Хоф» в Инстербурге была и другая его работа – бронзовый бюст Пауля фон Гинденбурга (1915), дальнейшая судьба которого неизвестна. Здание отеля разрушено в военное время.

Станислаус Кауэр создал более ста работ. Вот некоторые из них, сохранившиеся в Кенигсберге-Калининграде:

1) мраморная фигура «После купания» (1907), находящаяся сейчас во дворе Дома художника;

2) фонтан из ракушечника «Пути» (1908); находится на ул. Больничной;

3) бронзовый памятник Фридриху Шиллеру (1910); с 1936 года находится напротив драматического театра.

В Инстербурге-Черняховске на углу улиц Замковой и Льва Толстого стоит постамент от памятника инстербургским уланам.

Последняя работа мастера – «Спящая обнаженная натура» (1942).

АУЛОВЁНЕН – АУЛЕНБАХ – КАЛИНОВКА

Точная дата основания поселка неизвестна. Но в католическое время, до начала Реформации, он подчинялся Замландскому капитулу, располагался на правом берегу реки Ауле, от которой и получил название Ауловёнен.

В 1622 году здесь была построена первая церковь, сгоревшая в 1709 году, в 1720-30 годах – новая церковь из очищенных полевых камней, простой заальной постройки. На шпиле в 1813 году установили флюгер в виде всадника. Некоторые фигуры из церкви Ауловёнена находились в замке Кенигсберг: Матерь Божия с ребенком (дерево), 115 см высотой; стоящий святой (дерево), 115 см (обе фигуры датировались 2-й четвертью XV века); два апостола и три ангела (1670); ангелы при крещении (1720) год.

Угловой камень с северо-восточной стороны церкви имел дату «1622 год».

В 1807 году французские войска уничтожили эту новую церковь, цер-

ковные книги были сожжены, а предметы для крещения похищены. Вскоре, однако, она была отстроена заново. В 1949 году уничтожена окончательно.

До начала Второй мировой войны поселок насчитывал 348 жителей и был церковным приходом, к которому приписывались жители близлежащих деревень и хуторов – всего 4700 душ. До войны в Ауловёнене находились молочный и кирпичный заводы, а также паровая мельница. В поселке работали аптека, типография, магазины: промтоварный, скобяных товаров, галантерейный, обувной и ликеро-водочный. Были здесь постоянный двор, народная и частная школы, булочная, жил врач.

В окрестностях Ауловёнена находился грязевой курорт Вальдфриден, где больные проходили курс лечения радиоактивными гязями. Применялась также электротерапия. Лечили здесь больных ревматизмом, а также некоторые женские болезни. В 100-комнатном

пансионате было 150 коек и даже небольшой зверинец.

16 июня 1938 года поселок получил новое имя – Ауленбах. Перед войной многие города и поселки Восточной Пруссии были переименованы по приказу Гитлера.

После войны была демонтирована узкоколейная железная дорога, проходившая через Калиновку из Инстербурга-Черняховска на Большаково. В конце сороковых в Калиновке размещался детский дом для немецких детей. С ними была немецкая учительница.

Из литовских источников известно, что в прошлом веке пастором в церкви Ауловёнена был Ионас Фридрих Гертелис, автор нескольких литературных произведений и переводов. Он перевел на литовский язык произведения популярного прусского национального

поэта Х.-Ф. Геллерта. Около 1890 года в Ауловёнене гостил народный литовский писатель Вилюс Калвайтис. Здесь он записал несколько литовских песен и притчу о привидении. Учитель Вилкас рассказывал ему, что по ночам в школе кто-то ходит, поэтому педагоги долго не задерживаются в этом поселке.

Нашелся один смелый учитель, не веривший в привидения. В первую же ночь он лег спать в школе и стал ждать. После одиннадцати часов около кровати появился призрак мужчины. Он опустился и остался стоять. Возник второй и встал рядом с кроватью. Точно так же пришли еще пять духов и опустились в ряд с двумя первыми. Говорят, это были 7 учителей, работавших в этой школе раньше. Регент передал об этом случае в правительство провинции, и школу перевели в другое место, где привидения не появлялись.

ПАМЯТНИК КОРНУ

Обер-бургомистр Корн был единственным главой города, которому инстербургцы поставили памятник, скромный обелиск из коричневого мрамора, на одной стороне которого изображен его барельеф. Город был обязан ему созданием стадиона и реконс-

трукцией городского парка. Памятник разместили в той части парка, где началась лестница, переходившая в улицу, названную в честь обер-бургомистра – Корнштрассе. Сейчас это улица Тольятти, сохранившаяся только наполовину. Памятник не сохранился.

ПАМЯТНИК МИХЕЛЮ

Эта скульптура была отлита в 20-х годах, однако не известно, кем. Самое странное, никто не хотел иметь этот памятник у себя, и Инстербург тоже. Стадиону он не подходил, так как не выражал ничего спортивного. Встал вопрос: куда же ее девать – эту бронзовую фигуру выше человеческого роста, да к тому же еще и обнаженную? И только в 1933 году Михель (немецкий аналог русского Иванушки-

дурачка) нашел себе место ниже моста над слиянием Гавенштайх и Шлосштайх (парковые озера). Его левая рука сжимала кепку, а правую он держал, сжав кулак, готовый к драке: только попробуй подойди! Только вышло одно недоразумение. Он смотрел на запад со своего постамент, а они (русские) пришли с востока. Так же, как и другие памятники, Михель не сохранился. Он ведь был бронзовый.

ИНСТЕРБУРГ ПОСЛЕ БИТВЫ

14 июня – 190 лет со дня битвы под Фридландом

Вследствие войны с Францией, с 1806 года для города начались несчастливые времена. События тех далеких лет можно проиллюстрировать рассказом суперинтенданта Августа Хайдемана, бывшего в то время верховным духовным лицом округа Инстербург. Его рассказ, записанный в летописи Лютеранской кирхи, днем за днем повествует о тяжелых днях для города Инстербурга.

«После поражения в битве под Ауэрштедтом в 1806 году здесь (в Инстербурге) собралось много разбитых полков прусской армии, а после битвы под Пройсиш-Эйлау (г.Багратионовск) 5 февраля 1807 года город стал местом сбора для русских войск. Под лазарет были заняты все частные дома, замок, школы и реформатская кирха. Все занято русскими ранеными. Общее количество их насчитывало 6000 солдат и унтер-офицеров, в том числе 870 офицеров. Большая часть умерла и была похоронена за городом. Число умерших от ран не может быть названо точно, так как у русских не велась регистрация смерти. После этих событий в городе появилась чума и в каждом доме были умершие от этой болезни.

17 июня 1807 года, после битвы под Фридландом (г.Правдинск), хлынул поток русских в большом количестве, минимум 4000. Однако через некоторое время они оставили город.

18 июня после обеда прибыли первые французы (гусары) на разведку, хотя в городе еще были русские, которые стреляли из окон домов. Вечером депутаты города под руководством суперинтенданта Хайдемана и бургомистра отправились в Бубайнен (пос. Бережковское) к французскому генералу Бемону просить пощады для города, при этом один француз отобрал часы у суперинтенданта. В 11 часов вечера в город вошли 200 гусаров генерала Камбасера. 100 человек остались стоять на рыночной площади. Остальные разошлись по домам, где ели и пили про запас, а также реквизировали у населения

белье, полотно и другое имущество. В эту ночь с 18 на 19 июня город «потерял» еще и деньги. Различные товары, реквизированные из магазинов и лавок, стоили городу 2329 имперских талеров, проживание и пропитание французов стоило 9652 талера. Много денег было реквизировано французами у населения. Вся сумма реквизиции составила 63650 имперских талеров.

19 июня пришел маршал Ней с 12000 человек. 1000 осталась в Инстербурге, остальные разбили лагерь за городом. При этом из королевской солевой кассы было взято 1868 талеров 21 грош и 4,5 пфеннига. На саму соль в количестве 560 тонн был наложен арест, а позднее она была продана. Были также изъяты деньги из касс судов, церкви и госпиталя. Было забито и съедено более 1000 голов различного скота. Потеря была бы больше, но основная часть денег еще до этих событий была отправлена в Мемель, где располагалась резиденция прусского королевского двора. Через депутатов город передал прошение французскому интенданту Дару в Кенигсберг о расписках в получении денег и товаров. Он обещал «смелым» депутатам, но слово не сдержал. Позже, после подписания Парижского мира, деньги вернули.

Основные силы французов прошли дальше. 1000 человек из корпуса Бернадота разбили бивак на холме, около трактира Пангервиц (сейчас район ДОКа), и находились там до 28 июня. Жители города и ближайших деревень, жившие рядом с лагерем, очень пострадали от этого соседства. Французы забирали все: двери, окна, скамьи, столы,

стулья, кровати и домашнюю утварь. Поставленный за несколько часов лагерь был похож на красивый, чистый городок. Порядок в нем соблюдался намного лучше, чем позднее в 1812 году,

когда появились союзники. Ничего хорошего не было и при их отступлении в декабре 1812 года. Они были очень жестокими. Всего же через город Инстербург прошло 30000 французов.

СУДЬБА ПОСТАМЕНТА

Кто в нашем городе не знает памятника Ленину в сквере на углу улиц Калинина и того же Ленина рядом с судом? Ранее в здании суда располагался горком партии, и соседство с Лениным было даже очень ничего себе. Но вот постамент-то у бабушки Ленина чужой. А история его такова.

В 1871 году в результате датской войны 1864 года, австро-прусской войны 1866 года и франко-прусской войны 1870-1871 годов завершилось объединение Германии под руководством Бисмарка. По всей стране про-

катился бум установки памятников в честь этого события. Не остался в стороне и Инстербург. Так, в 1885 году был открыт памятник, посвященный объединению Германии и погибшим в этих войнах. Назывался он «Kriegerdenkmal», что в переводе означает «Памятник воинам». Было у него еще одно имя – «Мать Германия», – видимо, оттого, что изображал он образ Германии в виде женщины, которая держала в руке меч, обрамленный лавровым венком. Памятник был поставлен на высоком склоне, в парке, ря-

«Памятник воинам», или «Мать Германия». Скульптор Берта Цитман. 1885 г.

дом с электрокомбинатом и вокзалом узкоколейной железной дороги (ул. Железнодорожная и ЮЭС). Моделью и скульптором была инстербургская художница по фамилии Цитман. Памятник был отлит из бронзы. В 20-х годах при проведении реконструкции парка перед памятником сделали красивый сквер в виде террас.

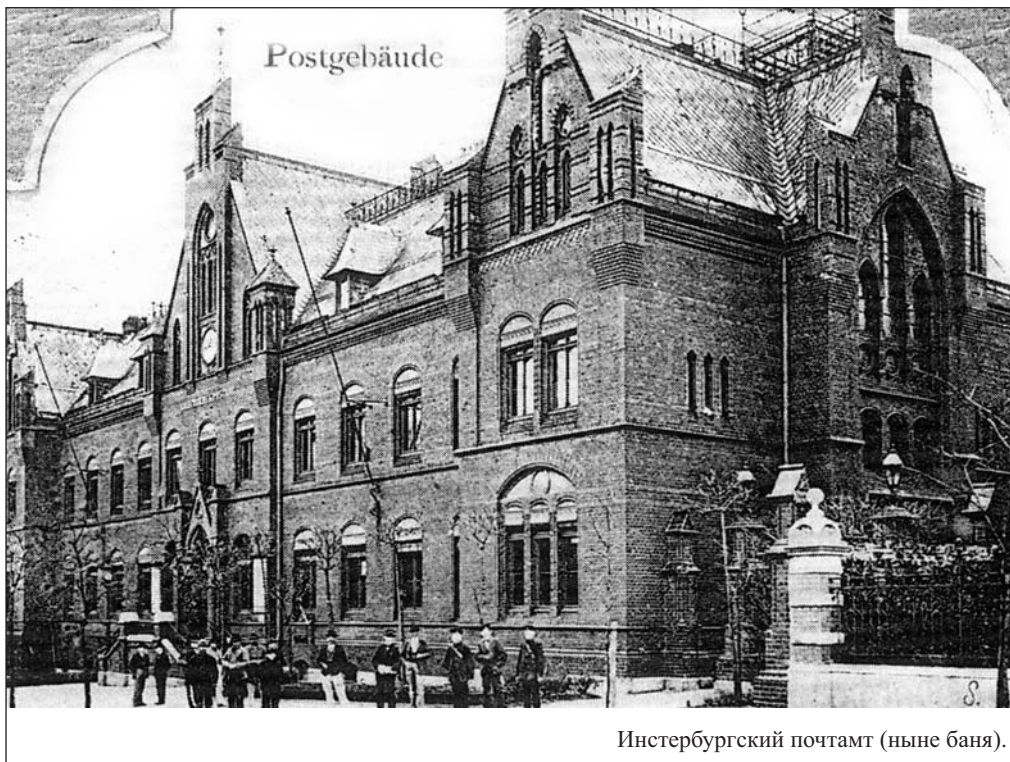
После Второй мировой войны памятник был демонтирован и, по всей видимости, переплавлен. Постамент был перенесен в сквер, разбитый на месте развалин, и на нем был установлен бюст Ленина. Помнится, в середине 60-х годов нас, школьников, гоняли туда с молотками на воскресники. Подъезжал грузовик с битым кирпичом, который мы должны были измельчать и посыпать им дорожки сквера. Тогда наш город называли городом красного кирпича.

ИСТОРИЯ ПОЧТЫ В ИНСТЕРБУРГЕ

Первые почтовые курьеры в Пруссии появились еще во времена Немецкого ордена. Они скакали с сообщениями на лошадках прусской породы (швайке). В Инстербурге центром для них был трактир Пангервиц. На этом месте сейчас располагается проходная ДОКа. В жалованной грамоте трактирщику вменялось обеспечивать доставку господ во время путешествий до определенного места, снабдив путешественника лошадьми или телегой. 10 октября 1583 года Инстербург получил права города от маркграфа Георга Фридриха. В жалованной грамоте говорилось и о почтовых отправлениях. Однако только через 116 лет – 1 октября 1699 года – было организовано почтовое сообщение из Кенигсберга через Тапиау

(г.Гвардейск), Велау (пос.Знаменск), Инстербург в Тильзит (г.Советск) и Рагнит (г.Неман). Это расстояние преодолевалось за 24 часа. Около 1700 года в провинции появились первые дилижансы. Примерно в это же время в Инстербурге образовалось первое почтовое отделение. О первом городском почтамте впервые упоминается в 1722 году. В одном из атласов за 1729 год указан почтовый маршрут Инстербург – Тильзит – Вильно – Москва.

В 1830 году было построено первое шоссе Кенигсберг – Инстербург, что способствовало более четкому расписанию почтовых отправлений. 6 июня 1860 года в городе Инстербурге открылось железнодорожное сообщение с Кенигсбергом, а 16 июня 1865 года –

Инстербургский почтамт (ныне баня).

с Тильзитом. Открывал железную дорогу принц Вильгельм Прусский. Железнодорожный Инстербургский почтамт №33 был открыт 15 августа 1873 года. На рубеже веков через станцию Инстербург проходили в день 33 поездов с почтовыми отправлениями, кроме этого еще 7 поездов по узкоколейной железной дороге.

В 1722 году была открыта почта на площади Альтер Маркт (ныне пл.Ленина), а 1837 году ее перевели на Герихтштрассе (ул.Дачная, напротив магазина, называемого в народе «гестапо»), в 1861 году – на теперешнюю улицу Ленина, и, наконец, 22 марта 1890 года было построено новое двухэтажное здание почтамта на Вильгельмштрассе (сейчас баня на

ул.Пионерской). В 1918 году надстроен третий этаж. 1 ноября 1863 года был открыт телеграф. 1 октября 1891 года в Инстербурге зазвонил первый телефон. В 1938 году из-за удара молнии на почтамте Инстербурга возник пожар.

В 1908 году в городе было 39 почтовых ящиков, из которых 5-8 раз вынималась почта. В 1929 году почта была моторизована: на улицах города и на проселочных дорогах появились почтовые автомобили желтого цвета.

После войны почтамт был демонтирован и перенесен в нынешнее здание, которое до войны было школой. С позиции логики и здравого смысла сегодня очень трудно объяснить подобные действия.

ЛОШАДИ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА

Еще во времена Немецкого ордена разведению лошадей придавалось особое значение. Оно и понятно: рыцарям нужны были крепкие, выносливые лошади. В те далекие времена разводились две породы – местная прусская лошадка швайке и большая, сильная «рыцарская». В 1400 году Немецкий орден имел примерно 14000 лошадей этих двух пород. Уже тогда за здоровьем этих животных наблюдали ветеринары. В разведении лошадей отразились климатические и природные условия Восточной Пруссии. Большое наличие болот и лесов требовало выносливых, неприхотливых лошадей.

Каждый замок Ордена имел так называемый хозяйственный двор, по сути дела поместье, где не только были домашние животные для пропитания, но и разводили лошадей для нужд рыцарей. В 1400 году таких конных заводов насчитывалось 31. Среди них был также и Альтхоф (сейчас поселки Портовый и Школьный, г.Черняховск), который относился к замку Инстербург. В отличие от соседних Польши и Литвы, где лошадей разводили неорганизованно, в Пруссии Орден делал это в соответствии с прави-

лами Немецкого ордена. Владения рыцарей были поделены на комтурства (районы [округа]), в каждом из которых стоял замок, где находился конвент (совет), состоявший из 12 братьев-рыцарей. Один из них отвечал за лошадей и подчинялся в этом вопросе маршалу Ордена, ведавшему исключительно вопросами разведения лошадей. На этих конезаводах разводились и другие породы лошадей – для работы в поле, для транспорта, для гонцов и др. Каждый такой завод имел от 10 до 30 жеребцов-производителей и от 100 до 300 кобыл. Интересно и то, что один из братьев персонально отвечал за изготовление и наличие достаточного количества подков, поэтому кузнец в замке был уважаемым человеком.

На примере цен 1400 года можно увидеть, какое значение Немецкий орден придавал разведению лошадей. Один очень хороший рыцарский конь стоил 15-18 марок; один хороший конь – 12-15 марок; один конь швайке – 3-6 марок; кобыла – 6 марок; буйвол – 1,5 марки; дойная корова – 3/4 марки; свинья – 1-1/2 марки; овца – 1/8 марки.

Впервые конный турнир состоялся в Кенигсберге в 1499 году.

«НЕТ ПРЕПЯТСТВИЙ ПОМЕРЯТЬСЯ СИЛАМИ...»

«Друзья уже в седле, – стало быть, нет препятствий померяться силами...» – это строчка из известной песни наездников поэтессы Гертруды Папендик была слышна везде, где они собирались вместе. «Нет препятствий померяться силами» – это имело значение особенно для мужчин, которые на своих лошадях преодолевали препятствия на ипподроме в Инстербурге. Именно здесь находилась часть сердца коневодства, где сдавался экзамен на высшее качество породы лошадей, выводимой на конных заводах Восточной Пруссии.

Помимо больших конных заводов, таких как в Тракенене и Георгенбурге, было много маленьких, с одним-двумя жеребцами-производителями. Все они съезжались на проводившиеся аукционы по продаже лошадей. Там собирались коннозаводчики не только из Германии, но и из других стран, в том числе из России. Аукцион в Георгенбурге вел Хуго Штайнберг. Любимец публики, весельчак, ласково называемый «дядюшка Хуго», проводил продажу лошадей весело, с шутками.

В 1900 году 12 уланов из инстербургского полка стартовали на дистанции Инстербург – Страсбург (тогда еще немецкий

город, сейчас во Франции) – Берлин, чтобы доказать преимущество тракененской породы. В пути (а это 2500 км) лошади показали себя с самой лучшей стороны, а Германия еще раз убедилась в том, что Восточная Пруссия – поистине страна лошадей и наездников.

Более чем за 100 лет до 1844 года (год проведения первого организованного турнира) на лугах Альтхофа стал проводиться конный турнир по пересеченной местности. Это был старейший в Германии турнир, называвшийся еще «охотничьи скачки».

Конный турнир в Инстербурге стал регулярно проводиться с 1913 года на территории поместья Ленкенингкен, позже переименованного в Георгенхорст, в излучине реки Ангерапп. В 1933 году ипподром был расширен и считался одним из лучших подобных сооружений в Европе. Спортсмены из Латвии, Финляндии, Польши, Швеции, Норвегии, Венгрии, Румынии, Литвы и Германии приезжали на турниры в Инстербург. Творцом и душой турнира был отставной обер-лейтенант Эрих Вёльки.

Последний турнир состоялся в 1941 году, незадолго до начала войны с Советским Союзом.

На ипподроме в Инстербурге.

КОННЫЙ ЗАВОД В ГЕОРГЕНБУРГЕ

В сердце древней прусской земли Надровия, в том месте, где Анграпп соединяется с Инстером, образуя реку Прегель, примерно в 1350 году рыцарями Немецкого ордена была построена крепость замландского епископа. Посвящена она была святому рыцарю Георгу, покровителю крестоносцев и немецких рыцарей: Георгенбург.

На протяжении многих веков крепость находилась в разных руках в качестве королевского дара, и, наконец, в 1828 году ее приобрел Иоганн Вильгельм Симпсон, потомок шотландского рода, приехавший в город Мемель (г.Клайпеда) и занимавшийся торговлей. Симпсон, купив Георгенбург, начал разводить лошадей. В 1875 году его сын приобрел поместье Цвион, тем самым расширив владения до 2000 гектаров. Его отец Иоганн Вильгельм, привезя с собой лошадей английской породы, скрестил их с местной прусской лошадкой, основав породу, которая вскоре стала известна далеко за пределами Пруссии и Германии. Конный завод Георгенбург по праву стал считаться лучшим частным предприятием в своей отрасли не только в Пруссии, но и далеко за ее пределами, где с большим успехом занимались разведением лошадей чистокровной породы и полукровок.

Воспитание лошадей осуществлялось с большим мастерством. В зимних квартирах двухлетние жеребцы обьезжались вместе с кобылами без седла.

Через три месяца они привыкали к упряжи, обьезжались, и из них составляли упряжки по парам в соответствии с мастью и ростом.

Характерной мастью для конезавода Георгенбург считалась светло-гнедая с черными ногами с нюансами от светло-коричневой до черно-бурой. Направлением и целью работы Симпсона являлась благородная верховая лошадь среднего веса с соответствующими формами. Продукт конезавода Георгенбург считался рывком в развитии коневодства. Это был хороший пример сильной благородной верховой лошади.

Наездничество считалось в Георгенбурге не самоцелью, а было важным фактором в разведении лошадей. Жокее Георгенбурга, частично англичане, в темно-синих костюмах с белыми рукавами, были известны на всех ипподромах в Германии и за ее пределами. Они завоевывали дорогие призы для своего конезавода. Часто представители Симпсона посещали выставки и скачки в Кенигсберге, Данциге, Бромберге, Бреслау, Целле, Доберане и Инстербурге, при этом завоевывали призовые места.

Преимущественная часть породы ремонтных лошадей поступала в кавалерийские полки гвардии, что уже само по себе говорит о качестве продукции конезавода. Частное производство ежегодно поставляло государству 80 ремонтных лошадей и 10 жеребцов для случки. Так, например, с 1875 года по 1899 Симпсона продали 2450 ремонтных лоша-

дей и 225 жеребцов. Продажа лошадей проводилась только для государственных предприятий Германии и России. В 1872 году конезавод Георгенбург продал легендарного жеребца Бахуса за 32000 марок. При продаже частным лицам животные кастрировались.

Среди наиболее известных представителей георгенбургской породы были Гомес, жеребцы-полукровки Веритабле, Капитан. Хорошо известны были также Байярд, Вальдмайстер и Трубадур, который в 1898 году стоил 4366 марок. Клеймо конезавода Георгенбург представляло собой три расположенных друг за другом полумесяца, касающихся остриями и открытых сверху. Около 1890 года порода была записана в книгу Восточной Пруссии по разведению благородных полукровок, и с тех пор лошади Георгенбурга получили клеймо всех тракенов – «Двойной лосиный рог». Два выдающихся знатока лошадей того времени, генерал фон Розенберг и граф Лендорф, неоднократно высказывали свое восхищение породой Симпсонов, где наряду с владельцами

Руины крепостной башни замка Георгенбург.

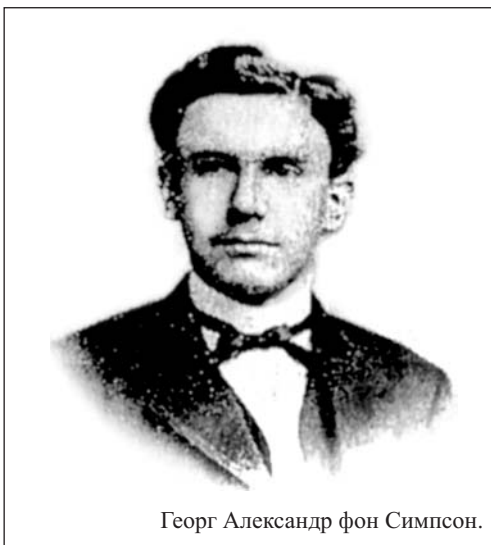
на протяжении 45 лет тренер Фиск с успехом руководил воспитанием и дрессировкой лошадей.

СЕМЬЯ СИМПСОНОВ

Как уже было сказано выше, Симпсоны, приобретя замок Георгенбург, основали конный завод. В 1840 году за выдающиеся заслуги в развитии коневодства Симпсон получил дворянское звание. После смерти в 1899 году последнего владельца Георгенбурга, Георга фон Симпсона, имение купило Прусское государство за 3 миллиона марок.

Сам конезавод представлял собой определенную ценность в редкостном сочетании строений, относящихся к разным стилям. Серый от старости лестничный фронтон замковой трапезной времен рыцарского Ордена уживался

с достроенным позже корпусом дома главного конюха. Фривольные фигуры в стиле ренессанс на лестнице парковых ворот и полукруглых нишах фронтонов кавалерийского домика придавали старому замку вид дворца. Позади так называемого двора замка был расположен великолепный парк, окруженный двухметровой кирпичной стеной, с красивыми клумбами, двумя прудами, фонтаном и старыми лиственными деревьями. На восток от парка широкая аллея с двойными рядами деревьев ведет к месту захоронения семьи Симпсонов. Посередине стоит небольшая часовня с фамильным склепом.

Георг Александр фон Симпсон.

И напоследок – об одном романе, написанном Симпсоном. Роман называется «Барринги» и достаточно популярен в Германии. Действие романа

происходит в замке Георгенбург, расположенном на берегу реки Инстер. В этом замке жили и трудились три поколения семьи фон Симпсон. В литературном произведении эта фамилия заменена на «фон Барринг». В романе описаны помещения замка: кабинет господина Арчибальда фон Барринга, зеленая комната госпожи Матильды, удобная жилая комната и большая столовая, в которой отмечались веселые семейные праздники, впрочем и печальные события тоже. Роман автобиографичен. В нем даже есть описание похорон умершего в действительности в возрасте 73 лет члена немецкого Рейхстага – главного героя романа.

О его преданности родине говорят его слова, сказанные незадолго до смерти: «Если даже мне и придется уйти, то я все равно останусь дома».

ЗАПИСКИ, ВЕДЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ПО ГЕРМАНИИ

«Покойный родитель мой, коллежский советник В.М. Иванов, имел счастье находиться в свите Императрицы Елисаветы Алексеевны во время путешествия по Германии в 1813, 1814, 1815 годах, вел записки в виде путевого журнала».

В. Иванов.

«**П**ри приближении к станции Коркальберг (29 декабря) прусские одноглавые орлы на столбах возвестили нам переход наш за границу и вступление на землю Фредерика. Здесь усердие пруссаков соорудило для въезда Императрицы триумфальные ворота, украшенные гирляндами, гербами российским и прусским и вензелевыми именами

Александра и Елисаветы. У сих Государыня встречена была кенигсбергскими военными губернаторами: российским графом Сиверским и прусским генералом Застром, прибывшим сюда в сопровождении прусского конвоя. Сечение народа из окрестностей было многочисленное. У триумфальных ворот ожидали Государыню магистрат и духовенство. Одна из духовных особ

произнесла перед Императрицей краткую приветственную речь. Во время перемены лошадей шестнадцать прекрасных благородных девиц в древнем литовском наряде подошли к карете Государыни и нежным трогательным голосом пели благодарственный гимн, в коем заключалась искренняя признательность народа прусского к Императору Александру за освобождение родного края от тиранства французов и живейшая благодарность Императрице за посещение их отечества после минувших бедствий. Очаровательный мотив сего гимна, пропетого приятными голосами, и нелицемерные чувства, заключавшиеся в оном, тронули добрую Государыню и исторгли из глаз ее слезы умиления. Все окружавшие Императрицу, увидев слезы на глазах своей монархини, столь поражены были зрелищем, что невольно сами плакали. По окончании пения раздались неумолкаемые крики народа: «Ура! Александр! Виват, Елисавета! Виват, Фредерик!» Государыня откланялась бегущему за ней народу, отправилась в путь в сопровождении обоих военных губернаторов, которые сопутствовали Императрице в Мемель до самого дома, назначенного для ее пребывания, где встретили Государыню двенадцать девиц в белой одежде. Вечером жители Мемеля иллюминировали весь город и беспрестанно толпились у дома императрицы.

Приморский город Мемель довольно красив. Дома высокие, опрятные, и некоторые в готическом вкусе.

На пути к Кенигсбергу проехали мы города Тильзит и Инстербург. Первый, примечательный известным миром в 1807 году, имеет в окрестностях своих обширные поля, а другой, лежащий на гористом месте, заключает ныне множество пленных французов. Все жители Инстербурга на военной ноге. На шляпах носят кокарды, имеют полное вооружение и по первому знаку готовы все идти на защиту отечества.

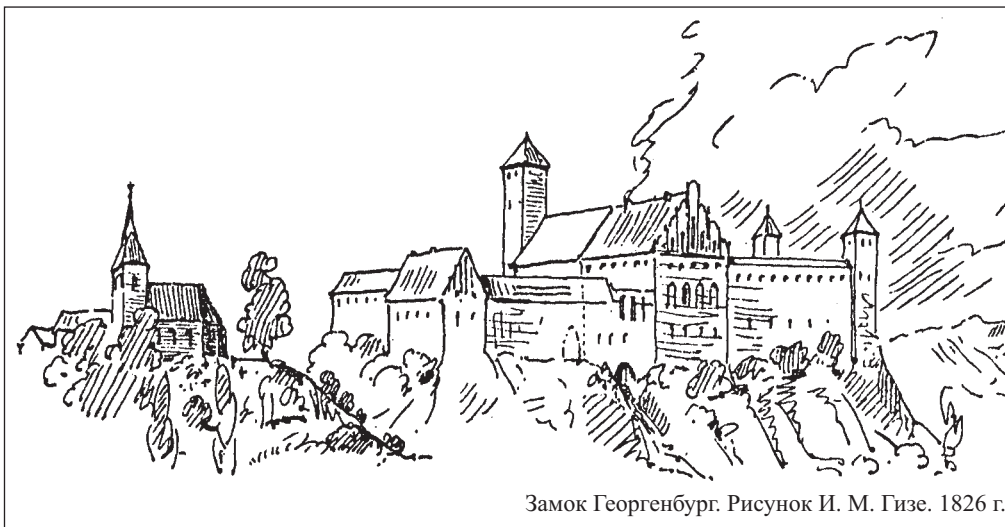
Императрица Елизавета Алексеевна.

Государыня, пробыв в Кенигсберге с 12 по 16 января (нового стиля) отправилась далее.

Проезжая мимо биржи, Императрица с особенным удовольствием заметила новое усердие кенигсбержцев, соорудивших в честь ее триумфальные ворота из мачт, украшенных разноцветными флагами, посреди коих, между двух орлов, сияло вензелевое имя высокой путешественницы. Депутаты от купечества поднесли Государыне богатый, весьма искусной работы янтарный убор.

Кенигсберг, старинный город, основанный в XIII веке, был прежде столицей Курфюрстов Бранденбургских. В сем городе много прекрасных зданий, из коих особенно отличается своею огромностью древний замок. Дома все высоки, но улицы большей частью узки и нечисты.

Обеды и ужины в назначаемых Императрицею прусских городах и местечках предлагались от самого короля для всей свиты Государыни, и надобно сказать, что сие угощение было настоящее королевское. По всему тракту прогонных денег также с нас не брали (еха-ли к мужу Александру в Берлин)».

Замок Георгенбург. Рисунок И. М. Гизе. 1826 г.

ЗАМОК ГЕОРГЕНБУРГ

Бывшая крепость Замландского епископства

После завоевания прусской местности Надровия и постройки в 1336 году замка Инстербург был построен еще один замок. Это Георгенбург, замок Замландского епископства. Построен он был в 1337 году на высоком берегу реки Инстер, в двух километрах от Инстербурга. В 1350 году выполнен из камня магистром Немецкого ордена Винрихом фон Книпроде, в форме квадрата. На этом месте когда-то стояла прусская крепость Гарзовен. После уничтожения народа надрувов здесь в 1264 году обосновался рыцарь Немецкого ордена Хартман фон Грумбах. Свой крестьянский [христианский] двор он назвал в честь покровителя немецких рыцарей святого Георга. Это имя и было дано новому замку.

Впервые крепость упоминается в 1364 году Вигандом фон Марбургом: «Третья колонна вражеского литовского войска на обратном пути из Велау (пос. Знаменск), где они сожгли и опустошили имения, кирхи и все прочее, а жителей часть убили, а часть взяли в плен, а также из земель Кенигсбергского собора, которые называются Заалау (пос.

Каменское), увели мужчин и женщин, а затем направились на Дом епископа, который называется Юргенбург (то же, что и Георгенбург)». Это подтверждает, что замок был построен для епископа Замландского и был его собственностью вплоть до 1525 года. В том же году во время поста литовский князь Кейстут (Кястутис) напал на крепость. Повторное нападение он совершил в 1376 году.

Иоганн фон Пусильге (Линдеблатт) далее сообщает, что Витовт в 1403 году внезапно ворвался в Георгенбург и, благодаря тому что гарнизон был слабым, легко овладел им: «Витовт разбил свой лагерь перед Йоргенбургом, а затем овладел им; в нем же мало было людей».

Позднее Георгенбург упоминается в грамоте от 1429 года, в котором свидетелем является Мартин-священник из Георгенбурга, что свидетельствует о том, что уже к тому времени в Георгенбурге стояла кирха.

После секуляризации земель (переход государства Немецкого ордена в герцогство Пруссия) в 1525 году замок становится государственным

владением последнего, тридцать четвертого магистра Ордена и первого герцога Пруссии Альбрехта Гогенцоллерна, маркграфа Бранденбургского (1490-1568). Через Георгенбург проходила старая дорога из Инстербурга в Рагнит (г.Неман), которую регулярно использовал герцог Альбрехт во время своих поездок к брату Вильгельму в Курляндию.

В 1656 году в Георгенбург ворвались татары под предводительством польского полководца Гонсиевского. Они превратили в руины всю местность, 30 молодых мужчин и множество домашних животных забрали с собой как добычу. Дважды крепость была занята шведами: в 1643-1648 годах и во время Тридцатилетней войны в 1679 году, когда использовалась под штаб-квартиру генерала фон Горна.

После чумы 1709 года Фридрих Вильгельм передал замок в государственную вотчину. В последующие годы деревни, расположенные к северу от Георгенбурга, были заселены переселенцами из Зальцбурга (Австрия).

В ходе кампании 1757 года (Семилетняя война 1756-1763 годов) Георгенбург стал резиденцией С.Ф. Апраксина, армия которого повела наступление в Восточной Пруссии. Ей противостояла прусская армия фельдмаршала Х. Левальда. Частью сил, при поддержке Балтийского флота, русские войска 24 июня (5 июля) взяли Мемель, Тильзит, Гумбиннен и Инстербург. 19 (30) августа в сражении при Гросс-Егерсдорфе, в 15 километрах западнее Георгенбурга, русская армия разгромила войска Левальда. Путь в Восточную Пруссию был открыт, но, опасаясь смены на престоле большой Елизаветы Петровны сторонником Фридриха Петром III, Апраксин отдал приказ об отходе к Мемелю, за что был отдан императрицей под суд.

Вот как описывает пребывание русских войск в Георгенбурге Андрей Тимофеевич Болотов: «В последний

день, т.е. 31 июля, подвинулись мы к городу ближе и стали в разбитом между Инстербургом и другим, напротив лежащим городком Георгенбургом, лагерем и стояли тут как сей, так и последующие оба дня, т.е. 1 и 2 августа». И далее: «3 числа определено было место единственное для переправы через реку Инстер, текущую между Инстербургом и Георгенбургом. Сия река хоть и небольшая, но принуждено было делать мост и перебраться через нее не скоро было можно. И так поставлен был лагерь по ту сторону оной, подле замка Георгенбург».

В своих записях А.Т. Болотов называет Георгенбург городком, хотя это было и не так. Но идея сделать из него город была высказана еще в 1721 году королем Фридрихом Вильгельмом из соображений более быстрого заселения этих земель, понесших большие людские потери после чумы 1709-1710 годов. Было написано письмо своему министру с предложением дать городские права Георгенбургу, Рагниту, Тапи-ау, Таплакелю и Гольдапу. Предложение короля было отклонено в отношении Георгенбурга и Таплакена, чтобы не помешать торговле городам Велау и Инстербургу.

Во время наполеоновских войн в Георгенбурге некоторое время размещался штаб маршала Л. Даву – героя битв под Ауэрштедтом и Ваграмом, участника русского похода 1812 года, военного министра Франции в период «Ста дней».

После неудачной войны Пруссии государству пришлось продать часть своих владений. Георгенбург приобрел купец Хейно из Инстербурга. Через несколько лет имение перешло во владение Симпсона, который был выходцем из Англии. Семья Симпсонов в 1840 году за свои выдающиеся заслуги по разведению лошадей получила дворянское звание. После смерти в 1899 году последнего владельца Георгенбурга, Георга фон Симпсона, имение купило

Прусское государство. Этот переход вызвал многочисленные изменения. Обновленная крепость стала служить квартирой конного завода. Для служащих завода были построены красивые жилые дома. 200 жеребцов были размещены во вновь построенных, практично оснащенных конюшнях. Для ухода за ними имелось 90 работников.

Сельскохозяйственной отраслью завода руководил инспектор, которому подчинялись два камергера и 30 семей работников. С 1903 года завод имел свой собственный водопровод. Дворы, конюшни, столовая и т.д. освещались бензодным газом.

Позади так называемого двора замка располагался окруженный двухметровой кирпичной стеной великолепный парк, с прекрасными клумбами, двумя прудами, фонтаном и старыми лиственными деревьями.

На восток от парка к месту захоронения семьи Симпсонов вела широкая аллея с двойными рядами деревьев.

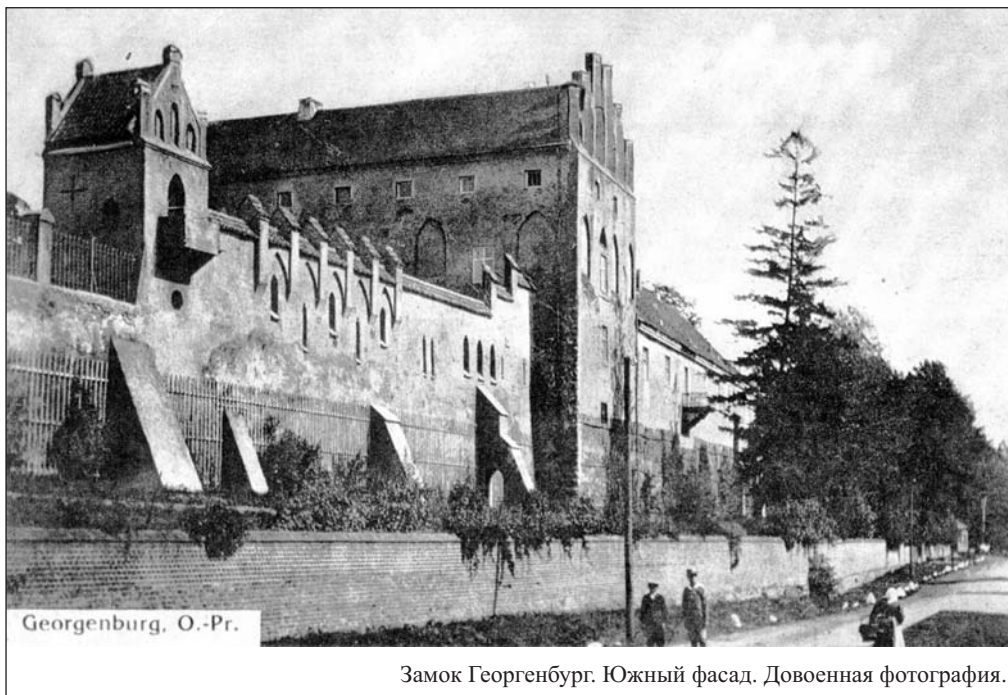
Ворота замка. Довоенная фотография.

Посередине стояла часовня со склепом. Между парком и аллеей был расположен фруктовый учебно-показательный центр объединения Инстербурга.

Вот как описывает замок Луканус: «Георгенбург, иначе называемый Гарзвен, является деревней с кирхой, государственной палатой и замком из неотесанного камня, откуда открывается вид на живописную равнину, окруженную плодородными холмами. Орден возвел его в 1336 году там, где сливаются Инстер и Ангерапп и образуют Прегель, с одновременно возведенным квадратным замком Инстербург, и каждый угол которого завершается колонной в виде башни, шпили которых впоследствии упали. В нем имеются чрезвычайно глубокие погреба, и он расположен на обратном склоне горы, а потому плохо распознается издали, но лучше проявляется со всех сторон».

Военный топограф и историк И.М. Гизе работал в 1826-1828 годах над составлением военных карт и производил зарисовки памятников прусской истории. Воспроизводим его свидетельство: «Ранее Георгенбург имел крепостную стену шириной 9 локтей с внутренней верхней галереей с бойницами, обращенными наружу и вовнутрь. Половина главного здания еще сохранилась; северная половина полностью разрушена. В северо-восточном углу башня частично разрушена и покрыта новой кровлей».

Немецкие исследователи архитектуры Г. Дехно и Э. Галл дают следующую краткую справку о сохранившихся частях замка: «Зальный тип сооружения с одним крылом, строительство осуществлялось около 1360-1370 годов. Наряду с Хайльсбергом [Хейльсбергом], наиболее сохранившийся епископский замок, хотя и претерпевший переделки деталей. На западной стороне четырехугольника, окруженного стеной, располагается очень узкий и короткий кирпичный дом на цоколе из валунов. Сохранились стрельчатые

Замок Георгенбург. Южный фасад. Довоенная фотография.

декоративные ниши, профили окон и косяки глубиной до 0,5 метра. Членение фасадов – по типу сооружений в Беслаке. Внутри оборонительного этажа обнаружены заложенные заподлицо ниши. На южном фасаде – пятичастный фронтон с простыми декоративными нишами и поперечными (диагонально повернутыми к фасаду) фиалами (декоративное венчание щипцов). Северный фронтон сооружен около 1850 года.

В северо-восточном углу окружавшей замок крепостной стены сохранилась изящная башня на квадратном в плане основании с ромбовидным узором из пережженных кирпичей – последняя из бывших в свое время трех или четырех угловых башен.

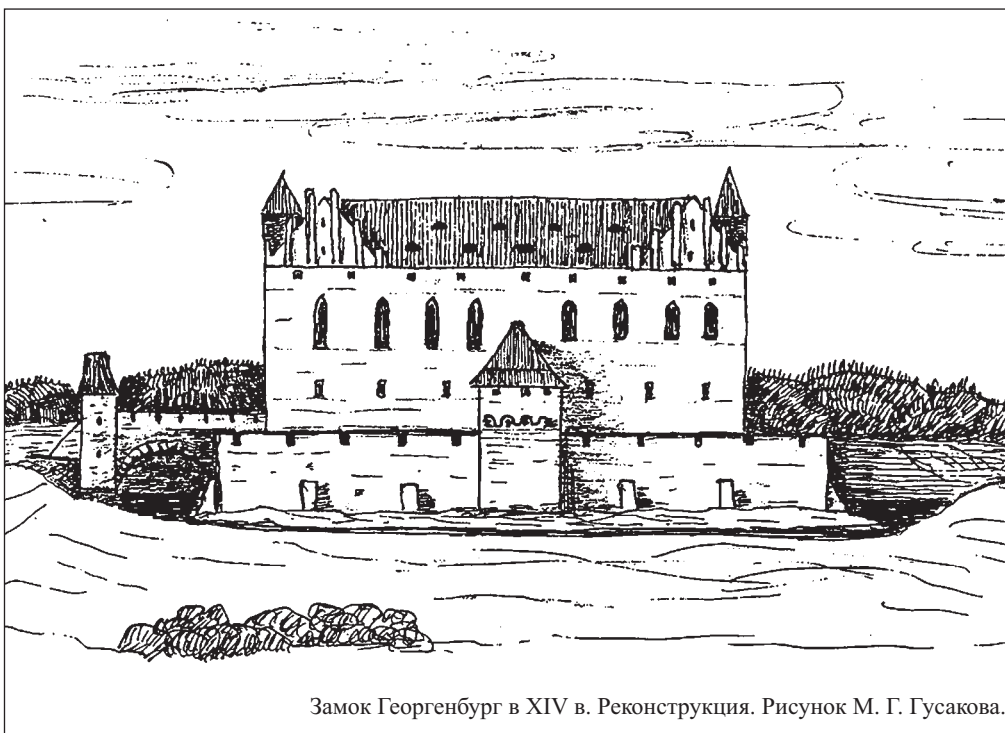
От находившегося в западной части форбурга остались лишь фундаменты крепостных стен, а их отделка и существующие здания относятся уже к современной эпохе».

Историк XVIII века Луканус так описывает ближайшие окрестности Георгенбурга: «Совсем рядом с замком, на большой дороге, расположен завод

по производству патоки и пива, а также кирха в виде башни на крутой горе, построенная в 1693 году из красного камня; внутри она светлая, просторная и хорошо выглядит. Алтарь и кафедра являются произведениями камнерезного искусства, и как раз напротив кирхи расположен новый дом священника, построенный в 1727 году.

Деревня состоит из длинной улицы, на которой проживают не крестьяне, а только ремесленники, а также сад, где король Фридрих Вильгельм в 1739 году пировал в июле. В том же году рядом с мостом через Инстер за счет больших затрат была насыпана фашинная дамба для сдерживания весной паводковых вод».

Первым сообщением о священнике в Георгенбурге является упомянутое выше сообщение от 1429 года в письме Замландского епископа Михаила Юнге, где священник Мартин из Георгенбурга упоминается как свидетель; однако это мог быть и священник, несомненно имевшийся в доме епископа замковой капеллы.

Замок Георгенбург в XIV в. Реконструкция. Рисунок М. Г. Гусакова.

О первой кирхе в Георгенбурге мы узнаем из эпитафии отца Педануса в Лютеранской кирхе Инстербурга (1657). Там она была нарисована маслом. Это была фахверковая кирха с небольшой фигурой рыцаря на крыше.

Не разрушенная в ходе последней войны евангелическая пфарркирха – расположенное на холме неоштукатуренное кирпичное здание – возведена в 1693 году, длиной 28,5 метра и шириной 14,5. Неф увеличен в 1857 году, а башня датируется 1847 годом. Наружные стены оживляют большие, достигающие земли плоские прямоугольные ниши. Простые христианские кафедра и алтарь, позже соединенные в единое целое, выполнены около 1700 года. К этому же времени относятся живописные работы на хорах. Порттик и ризница пристроены с северной стороны кирхи. Полуциркульные окна в прямоугольном обрамлении.

Внутри плоский потолок. Кафедра вырезана в форме восьмигранника с витыми башенками по углам, на панно

Бог и четыре евангелиста. Рядом с кафедрой возвышается по одной колонне, несущей балки перекрытия. Рядом с колоннами в сводчатых нишах Матвей и Лука, затем орнамент в виде вьющихся растений. Второй этаж с еще меньшими витыми башенками, сверху звуковая крыша с фигурой распятия. Под крышей деревянный голубь.

Орган имеет корпус в стиле рококо и покрыт отличной резьбой. Перед ограждением хоров стоят небольшие красивые фигуры апостолов, вырезанные из дерева. В кирхе расположены надмогильные камни. Самый старый из них относится к временам Ордена, на нем имеется рыцарский герб, на всех четырех сторонах готический текст (неразборчив). Перед кирхой находится старый гранитный крестильный камень, для которого более достойное место было бы в кирхе вместо современного.

В 1903-1905 годах была проведена реставрация башни и внутренней части церкви. После Второй мировой войны она была разрушена.

ДАВИД ЛУШНАТ

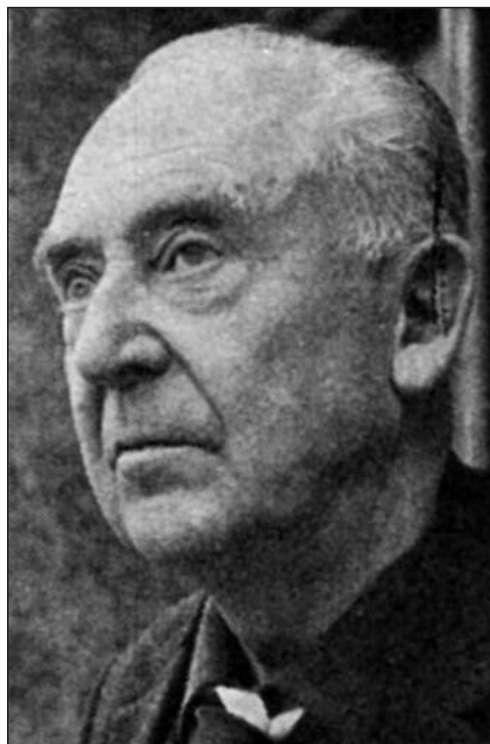
Поэт и писатель Давид Лушнат родился 13 сентября 1895 года в городе Инстербурге на Уланенштрассе (сейчас ул. Чайковского). Его отец Христиан Лушнат был пастором, основателем Евангелистско-Лютеранской Свободной церкви.

О своей дальнейшей жизни Лушнат рассказывает сам: «С 1907 года я жил в Берлине, с 1933 во Франции, но мой родной город всегда оставался в моем сердце. Моя книга «Путешествие в Инстербург» впервые вышла в 1927 году, в издательстве «Philipp Reklam» в Лейпциге, в серии «Молодые немцы». Во многих газетах в Восточной Германии книги выгодно рецензировались Германом Гессе и другими. Она также хорошо распродавалась. Сейчас ее в продаже имеется мало, так как гитлеровское гестапо эту книгу, а также другие мои книги из издательства конфисковало. Наличные экземпляры должны были по приказу гестапо уничтожать. Правда, после 1945 года я еще получил несколько экземпляров от моих друзей. С 1930 по 1933 годы я был председателем Союза защиты немецких писателей, о котором я слышал еще с 1918 года, а лидером этого союза была берлинская группа. Мы в течение трех лет боролись против незаконных действий национал-социалистов, для того чтобы помешать этой преступной банде повернуть Германию и всю Европу к несчастью. Поэтому в марте 1933 года я должен был бежать, чтобы уйти от ареста гестапо. Из мести они конфисковали все мои книги. С тех пор как я остался без издательства, моими произведениями стали больше интересоваться. Только в Восточно-Прусском календаре и в некоторых антологиях «Grafe und Unzer» печатали мои стихи и прозу. Обязан этому я своему другу из Кенигсберга Мартину Борману. Он был драматур-

гом в Кенигсбергском драматическом театре, отец его был пастором, как и мой. Также хочу назвать двоих моих друзей-писателей, таких же противников национал-социалистского варварства, – это Вальтер Харих и Герман Зудерман. Этого пока достаточно о моей тяжелой судьбе политического беглеца».

После войны Давид Лушнат стал членом синдиката журналистов Парижа, членом ПЕН-клуба Лондона и Союза защиты немецких писателей в Цюрихе.

Произведения писателя: «Кристалл вечности» (1926), «Сонет вечности» (1928), «Похождение к Богу» (1929), «Уход души» (1935), «Писатель и война» (1947), «Сонет дорог и чувств» (1949), «Магия слова» (1957). Он также автор множества новелл, радиопостановок, сатиры, гротесков и сказок.

Поэт и писатель Давид Лушнат.

ОСНОВАНИЕ ДЕРЕВНИ ЗЕСЛАКЕН

Старый замландский епископ Иоганн фон Ревинкель прибыл вчера непогожим сентябрьским днем в Георгенбург, в восточную часть епископских владений. Настоятель замка Генрих Пернау в приветственной речи высказал удивление, насколько прямо в свои 70 лет епископ сидел в седле и дал фору своей свите, двигаясь впереди. Он не был защищен кольчугой, носил старую одежду для путешествий. Такое случалось раньше со всеобщим любимцем, одним из господ замка Генрихом фон Мельзаком. Другие же члены свиты – адвокат Вернер, пробст Заалау, писарь Матиас, смотритель церкви Генрих и 12 холопов на тяжело нагруженных лошадях и вооруженные – облегченно вздохнули, после того как они, попав по дороге из Пернау под проливной дождь, были уютно размещены.

Утром они все собрались в большой трапезной. Погода улучшилась, потом засветило солнце, и через высокое окно проник его свет. Стало видно, что кроме служащих братьев в помещении находятся трактирщик Варнин фон Краупишкен, Шок из трактира Георгенбурга, рядом новый староста деревни Зеслакен и многие другие люди, стоявшие вокруг стола.

Тут вошел пфлегер (настоятель) из Инстербурга Райнхард фон Райфершайдт со своим компаньоном Конрадом в белых одеждах рыцарей Ордена. Его слуги остались стоять у дверей. Свой шлем он отдал кнехту. С мечом в руке он прошел через зал.

Почти одновременно с ним появился епископ в облачении священника, которое можно было узнать только по кресту на груди и по кольцу.

Когда Райнхард решил подойти к нему, он поднял навстречу левую руку, правой взялся за серебряный крест и высоко поднял его вверх.

В то время как он тихо стоял, некоторые из присутствующих открыто на него смотрели, другие же, склонив колени, опустили головы, местный священник начал читать утренние молитвы. После трехразового «Аминь» епископ повернулся к пфлегеру и ему первому протянул крест для поцелуя.

Через некоторое время скромно зашел Генрих Пернау и напомнил о соколах.

– Да, соколы, – сказал епископ, – нам поймали трех соколов. Брат Райнхард, вы можете дать нам ваших соколов для дрессировки? Я сам буду охотно скакать с ними по лугам, но важнее для меня – подарить дрессированную птицу кардиналу фон Модена, он ведает нашими делами в Риме!

Райнхард усмехнулся:

– Конечно, ваша милость может взять Урбаса, и если вам понравится, то вы можете выбрать животное в нашем соколином питомнике. Но простите мой смех, кардинал не охотится из-за своей полноты. Сокол скоро будет сидеть на руке у одной из его красавиц.

Он смеялся так, что его воротник шевелился на легком панцире на груди.

В это время адвокат Вернер и пробст Заалау подвели к столу, где приводил в порядок свои бумаги писарь Матиас, старосту вновь образованной деревни Зеслакен Нарко.

Матиас как раз расправил написанный пергамент с заголовком «Зеслакен» и протянул его настоятелю Пернау. Тот с епископом и пробстом Заалау зашел с другой стороны стола.

– По вашему высочайшему повелению Пернау начал образовывать новую деревню, где уже стихийно расположились бортники и один рыбак. И мы просим епископскую милость поставить подпись и печать.

Епископ молчал, Пернау кивнул писарю, и тот прочитал:

– Так как людям свойственна забывчивость, мы хотим, брат Иоганн, сообщить всем, кто читает это письмо, с позволения Господа и Апостола и с милости Епископа следующее: после того как Нарко фон Зеслакен принял и произнес клятву, обозначающую принятие местности, которая носит название Зеслакен, занял ее по собственной воле и сделал из нее деревню, используя труд семи батраков, мы даем ему, как и было обещано, место старосты в этой деревне и 4 гуфа земли (1 гуф – 15га), 2 надела в аренду и 2 свободных надела по прусским законам.

Епископ прервал:

– Нарко, вы знакомы с границами деревни, с правами и обязанностями. Вам известны нормы права. Ознакомьте крестьян с правилами труда. Вы живете далеко от конторы. Управляющий будет периодически вызывать жителей Зеслакена. С этими словами епископ обошел вокруг стола.

Нарко, вертевший в руках шапку, тихо, но четко сказал: «Да» – и наклонился, чтобы поцеловать кольцо.

– А что скажут свидетели? Нам нужны такие старосты, от которых не сбегают крестьяне.

Трактирщик Варнин фон Краупишкен и староста Букштайн фон Ляйпеннинг единодушно сказали, что знают Нарко как пользующегося доверием человека, они осматривали деревню, о которой идет речь, познакомились с жителями и считают, что нужно иметь еще больше работников, потому что там достаточно земель:

– Он должен доставлять крестьян издалека!

– Я уже нашел две семьи в Замланде. На западе нет крестьян для нас. Там, в Сцамайтене [Шамайтене?], я взял только пятерых батраков со многими детьми.

Здесь вмешался пастор Фойершток:

– С вашего позволения, ваша епископская милость, Нарко должен своих крестьян привлекать к церкви. Они приходят и несут с собой свое язычество. Они до сих пор кладут покойнику серебряную монету под язык в качестве платы за вход на тот свет и проповедуют блуд и чертовщину для здоровых и больных.

– Конечно, Валентин Фойершток, мы хотим создавать деревни не только из-за оброка, но хотим также привести крестьян к высшему счастью христианства в противовес всякому идолопоклонству. С тех пор как не происходит приток населения из немецкого района, мы должны брать людей оттуда, откуда мы можем их получить. В настоящее время поляки – любимцы папы, а Орден находится в немилости.

– Надо активнее бороться! – крикнул инстербуржец. – В Нарпе я нашел тайную секту. Я пронюхал это, как когда-то Бонифациус: Криве и его ведьм, которые варили отравы, мы сожгли прямо на месте. Трех мужчин, которые были распространителями слухов, я приказал обезглавить прямо на месте, а их бабы еще сидят у меня в башне.

– Брат Генрих! Сейчас трудные времена. Но трудности будут всегда. Они сожгли в Констанце Яна Гуса, и по этой причине начались чешские войны. Мы же хотим переселять людей и строить церкви, если деньги не расходуются на войны.

В помещении воцарилась тишина, пока епископ не обратился к Нарко:

– Нарко, мы ставим печать на этот пергамент, даем разрешение на образование деревни. Матиас, запиши всех свидетелей, чтобы они завещали это на память потомкам. Спаситель наш, пошли нам удачу! Аминь.

Доктор Вальтер Грунерт.

Перевод Марины Терехиной.

ТАТАРСКИЙ ШЛЕМ

Он лежал под стеклом, ничем не выделяясь среди прочих музейных экспонатов: потемневшая сталь, тусклый блик медного обода, вмятины...

А было время, когда этот шлем укрывали фазаньи перья, когда его блеск можно было сравнить с осколком солнца, когда из-под его начищенного козырька, словно хищные молнии, сверкали глаза татарина Хасана.

Вот уже несколько лет наводил Ибрагим Хасан страх и ужас на воинственных кнехтов и мирных крестыян Ордена, неожиданно появляясь со своим отрядом среди бела дня, как заоблачный житель. В считанные минуты расправлялся отряд с мужчинами, крал женщин, детей, поджигал жилища и так же стремительно отступал за далекие холмы и леса, где плотно громоздились друг на друга кучевые облака. А в глазах уцелевших еще долго стояли образ сияющего шлема и хищные глаза жестокого хозяина.

Сколько рыцарей Ордена уже клялись схватить и казнить вероломного нарушителя и даже посылали послов в литовскую Кзыл-Орду, но князь Витольд только разводил руками и ничего не обещал. А может быть, и опасался литовский князь, что Хасан начнет охотиться и на его подданных. Кто знает, где живет Хасан, и кто сможет настичь татарских конников, рыскающих по всей Руси, Карпатам и Крыму?

И вот наступил 1400 год. Орденские посты опять не заметили, где и когда пересек границу кровожадный Ибрагим Хасан. На этот раз он привел целое войско своих сородичей. Прячась в густых лесах, прикрываясь луговыми туманами, вышли татары к самому Инстербургу и с ходу взяли замок Георгенбург. Застигнутые врасплох кнехты были перебиты в нерав-

ном бою. Весь замок и близлежащие деревеньки оказались в руках ордынцев.

Чтобы не видеть всех земных злодеяний, вырывались в самую высь столбы дыма, птицы взлетали, рыба ушла на дно Инстера. А пожарища все разгорались и разгорались. В телеги уже собирали всю дорожную утварь, а иные были забиты связанными телами мужчин, женщин и детей. И повсюду, как злобный смерч, носился Ибрагим Хасан, торопя соплеменников выезжать в обратный путь до прибытия рыцарей из Инстербурга. Хасан с небольшим отрядом замыкал отступающий обоз с богатой добычей, когда из одной телеги каким-то чудом высвободились двое белокурых подростков и устремились к ближайшей дубовой роще. Никому не позволил Хасан преследовать беглецов, сам погнался за ними, как всегда, щеголяя шлемом.

Нет, не убежать детишкам от его резвого скакуна! Вот уже он на расстоянии опущенной нагайки, вот уже видит он их белокурые головки, каждый волосок! А они все бегут и бегут, надеясь на чудо...

Нет, он не собирался их убивать, ведь белокурые дети ценились больше золота и на невольничьих крымских рынках, просто азарт охоты ударил ему в голову. Полоснув детей по спинам нагайкой, Хасан заставил их разом повалиться в густую траву и громко заплакать. А сам, приподнявшись в стременах, расправив фазаньи перья, не отказал себе в удовольствии набросить аркан и волоком доставить беглецов к обозу.

И тогда случилось чудо! Не доскакав нескольких метров, удалой всадник провалился под землю. Нет, в ту страшную минуту дети не успели прочесть молитву и даже не догадались призвать Святую Деву: слишком

они были напуганы происходящим для того, чтобы понять, что их преследователь просто угодил в потайную охотничью яму, предназначенную для лося или кабана. Они все еще не верили своим глазам.

Может быть, и бросились бы татары на выручку своему начальни-

ку, но к этому времени их дозорные увидели кнехтов Немецкого ордена, и отряд спешно двинулся на восток...

...Незадолго до 1900 года возле истлевших костей были найдены только шлем и некоторые проржавевшие части амуниции.

ЧАСЫ

За время своей работы с туристами я услышал много разных историй из жизни бывших жителей нашего города. Хотелось бы рассказать одну из них в канун Нового года. История эта, казалось бы, не связана с этим праздником, но все же... Речь пойдет о часах, а к ним, как известно, приковано все внимание во время встречи Нового года.

В один из летних дней в наш город въехал автобус с немецкими туристами, бывшими жителями Инстербурга. Среди встречающих гостей было немало черняховцев, давно подружившихся с немцами. Площадь быстро опустела. Кто-то уехал на такси, кто-то ушел пешком. Осталось несколько туристов, которые пытались сориентироваться. К ним и подошел я с вопросом: «Чем могу помочь?» Я получил заверение, что в помощи они не нуждаются, и мы договорились, что я буду их ждать на этом месте через час.

Пришла только одна супружеская пара. Они попросили сходить с ними в бывший их дом и помочь поговорить с жильцами их старой квартиры. Пошли мы через бывшее немецкое кладбище. В таких случаях я чувствую себя не очень уютно. Как будто это я разрыл все могилы. Обычно на вопрос: «Почему это произошло?» – я пытаюсь отвечать

что-то насчет атеизма в нашем сознании, хотя и понимаю, что это жалкие попытки оправдать вандализм. Каково же было мое удивление, когда на одной из бывших могил среди хаоса лежали три ярко-красные гвоздики. Ответ на мой немой вопрос я получил немедленно – от своих спутников. Там был похоронен их дедушка. Тут же у могилы я услышал рассказ о нем.

«Дед мой был часовщиком, имел небольшой магазин по продаже часов. Там же можно было их и отремонтировать. Магазин находился на первом этаже большого дома на улице Беловштрассе (сейчас ул. Спортивная) рядом с одним из популярных в городе кафе «Старая Вена». Каждое утро мимо нашего магазина проезжала тяжело груженная телега с большими бочками пива, ведь недалеко отсюда на улице Брауерайштрассе (ул. Заводская) располагался пивоваренный завод. Пиво везли в кафе «Старая Вена». Это продолжалось изо дня в день на протяжении всего времени существования кафе. При этом происходил еще один ритуал, участником которого был мой дед. Проезжая мимо магазина, лошадь, тянувшая телегу с пивом, останавливалась и в ожидании поворачивала морду в сторону витрины с часами. Выходил мой дед и давал ей кусок хлеба, пос-

ле чего лошадь продолжала свое движение. Однажды дедушка был занят с клиентом и попросил меня – тогда я был маленьким мальчиком – дать хлеб лошади. Все часы пробили ровно 12. Выбежав на улицу, я увидел над собой огромную морду лошади с невероятно большими зубами. Она смотрела на кусок хлеба в моих руках и ждала. Я же онемел от страха. Так продолжалось некоторое время, пока мой дед не выскочил и не дал хлеб этой страшной для меня лошади. В магазине я услышал от деда, что по моей вине могли остано-

виться все часы в городе и город умер бы. Я никак не мог понять связи между ходом часов, этим ритуалом и тем, почему город должен умереть, однако свято верил в это еще очень долго».

Вот какую почти сказочную историю я услышал от господина Ветцкера. И тут вспомнил рассказы ветеранов о том, как они вошли в город 22 января 1945 года и удивились, что все городские часы стояли. В этот момент меня поразила догадка. Ведь в этот день впервые не повезли пиво в «Старую Вену». Предсказание сбылось!

ЭРИХ ДРЕНГВИЦ

Создатель настенных картин

14 мая 1904 года в Георгенбурге (сейчас пос.Маевка) родился будущий художник. Его обучение прошло в Кенигсберге в художественной студии у профессоров Хайнца Вебера и Эрнста Грина. В 1923 году, будучи ассистентом у своего учителя Вебера, он создал план закладки фундамента памятника в Танненберге (сейчас Стенбарк, Польша).

С 1924 года Дренгвиц со своим братом Отто работают в Берлине у знаменитого скульптора Рудольфа Моззе. Четыре года спустя он возвращается на родину в Восточную Пруссию, где работает свободным художником, найдя поддержку у директора городского художественного собрания Кенигсберга Альфреда Роде.

После воинской службы и американского плена Эрих Дренгвиц нашел работу в городе Байройте доцентом по истории искусства в высшей школе. Там же, в Верхней Франконии, написал ра-

боту «Искусство в строительстве», где рассказал о создании настенной живописи большого формата под открытым небом в технике сграффито. Вот что художник сам говорит об этой сложной технике: «Сграффито – это фреска, ведущая начало из Италии и ставшая популярной в средние века, хотя корни ее находятся в дохристианском периоде. Техника сграффито – очень сильное искусство. Из многослойной штукатурки разного цвета выцарапываются изображения (итал. sgraffito, буквально “выцарапанный”). Работающий в этой технике должен много уметь и знать».

С 1966 года и до своей смерти 14 июля 1981 года Дренгвиц жил в Дюссельдорфе со своей семьей. У него было много выставок в Париже, Ницце и в Пальм-Бич. О своих работах он говорит: «Приоритетом в моих работах была графика. При помощи большого формата и цвета я выражал свое видение мира».

ИНСТЕРБУРГ И ОКРЕСТНОСТИ 120 ЛЕТ НАЗАД

В 1878 году Инстербург посетил Луи Пассарге и оставил записки, которые вошли в его книгу «Из балтийских стран».

Предлагаем нашему читателю отрывки из этого труда.

Инстербург является старинным поселением Немецкого ордена, основавшего два мощных укрепления для защиты долины реки (Прегеля). Это еще сохранившиеся крепости Инстербург и Георгенбург. Они обеспечивали проход войск во время войн на территорию вражеской Литвы. Город располагается не на реке Инстер, а на Ангерапп, на расстоянии 1/8 мили от слияния обеих рек. Только после этого слияния образовавшаяся река получает название Прегель. Название Ангерапп происходит от «*ungurus*» – «угорь» и «*аре*» – «река». Инстер, по-литовски Истра, напоминает Изер, Унструт, Везер и означает «текущая вода». В названии Прегель, возможно, скрыто название Алле.

Слияние обеих рек было раньше, судя по старому руслу Ангерапп, у Георгенбурга (пос.Маевка). Ангерапп протекала тогда под прямым углом на восток до теперешнего шоссе, снова поворачивала налево и соединялась с Инстером точно на месте теперешнего моста (маевского). Удивительно то, что широкая долина Инстера, которая не соответствует маленькой речке, есть не что иное, как бывшая долина реки Мемель (р.Неман). Когда Шрейтлаукские и Эйсельские горы образовывали плотину и скапливали воды Мемеля в бывшем море Юрского периода, эта река протекала по теперешней долине Инстера и впадала во Фришес-Хаф. Если бы Мемель не прорвал преграду, которая препятствовала его пути через Рагнит (г.Неман) и Тильзит (г.Советск) в Куршский залив, то в наши дни рус-

ские деревянные плоты прибывали бы в Инстербург. Это должны были учитывать инстербургские купцы и находиться на изменении русла Инстера, чтобы обрабатывать здесь русскую древесину. Тем более что Инстербург является узловым пунктом многих железных дорог.

Уже сейчас город, в противоположность стабильному Тильзиту, мощно развивается; как щупальца, простираются вдаль новые улицы. Там, где еще вчера были капустные грядки, сегодня возвышаются многоэтажные дома, окруженные зелеными садами и прекрасными цветами. Хотя стиль этих домов не является образцовым, люди понимают толк в архитектурных украшениях. На фасадах укрепляют статуи и барельефы. Вьющийся виноград растет до самых фронтонов, за приветливыми верандами угадывается домашний уют. За последние годы возведены настоящие школьные дворцы: женский лицей с крестом на фронте, гимназия, актовый зал которой украшен картинами известных художников.

Один из маршрутов по городу ведет по длинной Банхофштрассе через Альтер Маркт (ул. и пл.Ленина), мимо Замкового пруда и замка, через новый мост на север. С этого места открывается прекрасный вид на Инстербург. Если посмотреть на север, то слева виден щедро усаженный зеленью церковный двор на живописной возвышенности над рекой. Направо виден холм с фабриками и королевское исправительное учреждение, здания которого напоминают Мариенбургский замок. Характерный вход

на простом фасаде образует мощные ворота, полностью из гранита, почти как портал ада Данте, но без ужасных трещин. Как раз напротив этих ворот находится платан. В географическом смысле существование этого южного дерева на такой широте является просто чудом.

Ряды могил на церковном дворе исправительного учреждения свидетельствуют о «богатом урожае», который здесь собирает смерть. Только изредка могилы отмечены крестом, еще реже надписью. Странно звучит надпись, что усопший был «слишком хорош для этого мира». Я сам как-то наблюдал, как четверо осужденных под наблюдением вооруженного охранника хоронили покойника. Простой гроб на санях, которые тащили люди. Тяжелые, мрачные облака, тишина. Это была картина, к которой бы подошло знаменитое: «Без музыки, без прощального слова...»

Зато ободряюще действует вид с этой высоты на благословенную Визенталь (долина рек Инстер и Прегель), которая простирается в необозримую даль. На западе виден Альтхоф (пос.Школьный) со старинной липовой аллеей, где после битвы при Гросс-Егерсдорфе многие русские раненые кое-как ночевали и умирали. Но прекраснее всего вид величественного Георгенбурга, старого замка рыцарей, красные стены и крыши которого выделяются на зеленом фоне долины и напоминают о том времени, когда храбрые рыцари пришли в этот дикий край с оружием, а немецкие бюргеры последовали за ними.

Новое шоссе, построенное в 1858 году, проходит по прямой линии, пересекая изгибы Анграпп, в Георгенбург. Чем ближе подходишь, тем величественнее поднимается замок среди великолепных парков. Слева приветливая церковь, располагающаяся на высоте, которая в виде пре-

красных лесистых склонов постепенно сходит к реке. Рядом с церковью, под тенистыми кленами, покоятся останки Розали Шенефлис, благородной женщины. Она, страдая неизлечимой болезнью, находила силы и мужество писать стихи, которые являются выражением богатого, жаждущего любви духа. Ее рукописи были опубликованы в 1860 году Крюгером. Интересными воспоминаниями о ней я обязан фрау Пройс, дочери астронома Клинтвора. Теперь густой мох покрывает простой железный крест на малоухоженной могиле.

Еще я хочу упомянуть об умершем в 1876 году пасторе Пассуаре, который в своем доме устроил постоянный кабинет физики, поддерживая связь со знаменитыми учеными. С непреходящим вдохновением объяснял он сложнейшие эксперименты и испытывал удовольствие – истинно детская душа – при удивлении новичка, которого он ошеломлял спектральным анализом или другим оптическим чудом.

Окрестности Инстербурга отличаются богатой красотой. Вся долина Анграпп представляет богатство ландшафтов. Ленкенингкен (район «Белой стенки») со своими прекрасными ивами и трехарочным мостом Тильзитско-Инстербургской железной дороги, Люксемберг, Пирагинен, Таммовишкен со знаменитыми Камсвикусом и Каралене могут быть причислены к живописнейшим местам.

Там, где железная дорога пересекает текущую с юга Анграпп, находится Юдшен (пос.Веселовка). На церковной башне вместо обычного флюгера – неприглядный орел, который венчает также и церковную башню в Инстербурге, зато радуется воспоминание о Канте, который в четвертом десятилетии прошлого столетия на протяжении трех лет был домашним учителем у пастора-реформиста Андерша.

СОЖЖЕННАЯ СИНАГОГА

В Черняховске на улице Калинина есть небольшой сквер напротив почты. Мало кто знает, однако, что до войны, вернее до 1938 года, на этом месте находилась синагога (молитвенный дом евреев – приверженцев иудаизма). В 1938 году, в ночь с 9 на 10 ноября – печально известную «Хрустальную ночь», – она была сожжена.

Синагога в Инстербурге была открыта и освящена 12 сентября 1865 года на Форхештрассе. На внешней стороне, обращенной к улице, была надпись на еврейском языке (непунктированным шрифтом без гласных): «Мой дом называется домом молитвы для всех народов» (Исаия, 56-я гл. Ветхого Завета). Буквы были позолочены, чем привлекали к себе внимание прохожих, но смысл их известен был только евреям. По субботам во время саббата (службы) можно было слышать пение. Внутри большой зал с галеркой для женщин ортодоксальной общины, там же, в зале

больших размеров, богато украшенный занавес с изречением из Торы. Здесь хранились рукописи Торы, которые выносились в центр богослужения, а затем их проносили среди молящихся. С другой стороны синагоги находился довольно большой зал для нерелигиозных собраний, а также хорошая библиотека еврейской литературы.

Община состояла во многом из бывших солдат Первой мировой войны. Некоторые члены были ортодоксального направления (сионизм), что означало их веру в обещанное Богом возвращение в страну обетованную, и трудились для этого, отдавая часть своего заработка на нужды общины. Благодаря раввину доктору Аиакфелю из Вены сионисты получили сильную поддержку. Ведущую позицию сионизма занял также инстербуржец доктор Познер. Жизнь еврейской общины в Инстербурге была очень оживленной вплоть до «Хрустальной ночи». В 1925 году она насчитывала 357 человек.

ФИЛОСОФ, ПИСАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

Всего три слова, а за ними целая жизнь великого сына литовского народа Видунаса. Настоящее его имя – Вильгельмас Стороста. Родился он 22 марта 1868 года в деревне Юнайчяй Шилутского уезда в семье учителя народной школы. Детство и первые годы Видунаса прошли в районе Пилькаллена (ныне пос. Добровольск Краснознаменского района).

Семья Сторостов была большой: 6 мальчиков и 2 девочки. В семье буду-

щего писателя много внимания уделялось интеллектуальному и музыкальному образованию. Большое влияние на Вильгельмаса оказала литовская народная культура, к которой его привлекала мать, знавшая много народных песен и сказок. В особом почете в семье был родной литовский язык. После окончания начальной школы в Пилькаллене Видунас закончил учительскую семинарию в Рагните (г.Неман) и до пенсии (1912) работал учителем

сначала в Шилутском районе, затем 20 лет в Тильзитской (г.Советск) средней школе для мальчиков.

Во время работы в школе и после ухода на пенсию Видунас на правах вольнослушателя в университетах Грейфсвальда, Галле, Лейпцига и Берлина изучал философию, социологию, религию и мифологию разных народов, историю литературы и искусства, а также санскрит, английский и французский языки. В Лейпциге увлекся теософией, а в 1902 году основал в Тильзите кружок теософов. Философия Видунаса формировалась как творческая модель жизни. Такое направление обусловила сама жизнь, потребность выработать эффективные средства борьбы против национального порабощения своего народа. Порабощенный народ должен внутренне расти, стать морально выше своих угнетателей – такова суть филозофских поучений Видунаса.

Особое место в творческой биографии философа занимают его труды по истории: «Литва в прошлом и настоящем» (1916; перев. на русский в 1920) и «700 лет немецко-литовских отношений» (1932), конфискованный немецкой полицией.

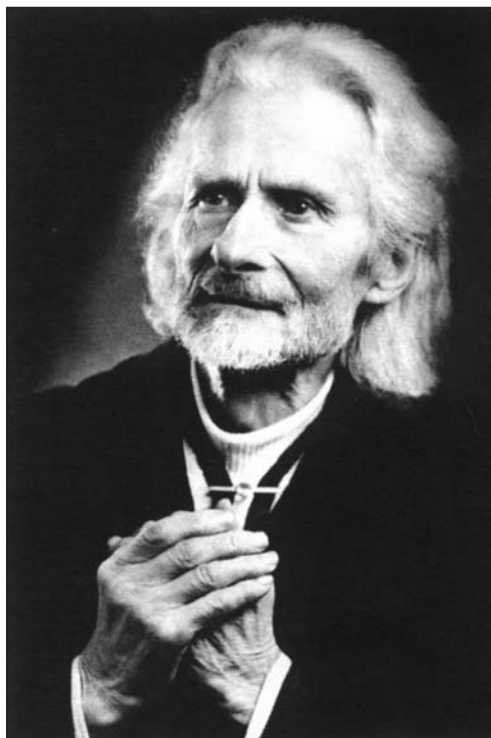
Видунас рано включился в культурную деятельность своих соотечественников. В 1895 году он основал Тильзитское общество литовских певчих и в течение 40 лет руководил им, организовывал театральные представления, праздники песен, выпускал периодические издания. В то же время Видунас пишет яркие философские драмы, трагедии, мистерии и сказки. Под грохот канонад Первой мировой войны он работал над учебником литовского языка и словарем.

В 1925 году всемирный союз писателей ПЕН-клуб избрал его своим почетным членом. Весной 1928 года отмечают 60-летие со дня рождения Видунаса и присваивают ему почетную степень доктора философии Каунасского университета.

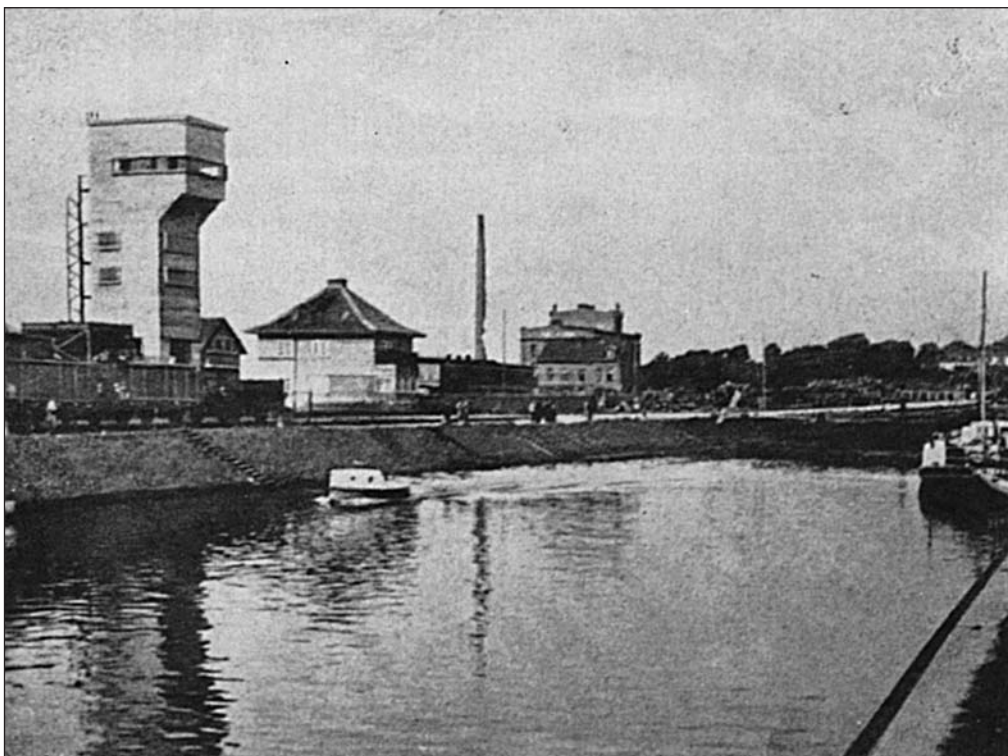
Но были и другие, драматические периоды, сопровождавшиеся постоянными преследованиями, угрозами, издевательствами. Разбушевавшиеся нацисты закидывали его камнями, обзывали «литовской собакой» и «предателем», не раз выбивали окна в его квартире. В 1938 году, обвинив в нарушении финансовых законов, Видунаса посадили в тюрьму. После того как во многих странах, в том числе в СССР («Литературная газета» и «Интернациональная газета»), напечатали меморандум по поводу ареста, Видунас был отпущен на свободу.

После Второй мировой войны философ оказался в немецком городе Детмольде, где и скончался 20 февраля 1953 года.

В память о Видунасе в Советске, на улице Ленина, 17, открыта мемориальная доска на русском и литовском языках, где написано, что здесь жил и работал литовский писатель Видунас.

Философ Видунас (1868-1953).

Инстербургский речной порт в 1930-х годах.

КАК ИНСТЕРБУРГ СТАЛ ПОРТОВЫМ ГОРОДОМ

Порт и канал в Инстербурге начали строить в 1921 году. Открытие состоялось 17 сентября 1926 года. Канал протяженностью 3,8 км соединял бассейн порта и реку Прегель в Гайтцунене (пос. Новая Деревня). Ширина поверхности канала – 19,4 м, дно – 12,4 м, наибольшая глубина – 2 м. Имеются два шлюза длиной 44 м и шириной 7 м, а также два моста на расстоянии 1 км и 2 км от порта. Для запитки канала водой были сооружены запруда (водопад) на реке Ангерапп и водопровод протяженностью 300 м.

Лишь немногие знают, что Инстербург с 1926 года получил статус портового города. Пароходы, плававшие из инстербургского порта вниз по

реке Прегель до Кенигсберга, столицы провинции, могли отплывать только тогда, когда в Прегеле было достаточно воды. В засушливые годы плавание было невозможно, так как при низком уровне воды многие мелкие места превращались в болото. Так, с 1926 года по 1936 регулярного грузового сообщения между Инстербургом и Кенигсбергом не было. Это было большей частью трамповое («дикое») сообщение, как обычно говорят в пароходствах.

Положение дел изменилось, когда в 1936 году вступил в строй шестой и последний шлюз около Велау (пос. Знаменск). С этого момента, благодаря запруженной воде и завершенной системе шлюзов, стало возможным регулярное сообщение. По крайней мере, с марта

или апреля по ноябрь на всем участке был «зеленый свет».

Летом 1936 года пароходная компания Инстербурга пригласила журналистов для экскурсионной поездки на борт своего теплохода «Инстербург». Практически это была первая поездка с пассажирами. На палубе и в трюмах громоздились грузы: молочный сахар, жиры, масло, другие продукты питания, зерно, удобрения и промышленные изделия. Ровно в 8 часов директор Хохфельд, в то время начальник пароходной компании, дал сигнал к отплытию. Капитан Радомахер направил теплоход сначала через соединительный канал порта до первого шлюза (Гайтцунен). Для смотрителя шлюзов и команды «Инстербурга» эти маневры были привычными. Шлюзовые камеры обеспечили опускание теплохода примерно на 1,5м. Благодаря этому был достигнут уровень следующего отрезка, и путешествие продолжилось.

Поворачивая и петляя мимо деревни Вальдхаузен (пос.Бережковское), «Инстербург» достиг шлюза №2 у Швегеруа (пос.Заовражное). Перед третьим шлюзом у Норкиттена (пос.Междуречье) нам навстречу из Тапиау (г.Гвардейск) вышел правительственный пароход «Твихауз». На буксире у него плыл экскаватор. «Куда?» – крикнул один из нас, когда «Твихауз» близко подошел к «Инстербургу». Капитан ответил: «На земляные работы у Швегеруа».

Шлюз №4 мы проходили у Войнатен, пятый у Таплакен (пос.Галпаки),

шестой – самый новый и последний – у Велау. Почти перед каждым из этих шести шлюзов по правую или левую стороны течения Прегеля действовала так называемая стрелочная запруда для регулировки уровня воды. Чтобы обеспечить оптимальный уровень воды, отдельные «стрелки» – неуклюжие массивные брусья – автоматически сдвигались или раздвигались. Для проезда судов в распоряжении имелись соединительные каналы.

Кроме судовых команд и их родственников, а также некоторых спортсменков, занимавшихся водным спортом, едва ли кто еще знал, какие привлекательные ландшафты были по обеим сторонам Прегеля между Инстербургом и Велау, потому что пассажирского сообщения на этом отрезке не было. Команды пароходов проплывали мимо лесистых холмов и красивых лугов, проходили под множеством мостов и видели красивые места для купания, стада коров на пастбищах и стреноженных лошадей. От Таплакена издали виднелись башни Велау.

Здесь, в порту лесоматериалов города Велау, «Инстербург» после окончания первого этапа ошвартовался. Мы, гости, поехали по железной дороге назад в Инстербург, в то время как теплоход через день после этого отправился дальше в Кенигсберг. Начиная от Велау, вниз по Прегелю шлюзов больше не было.

Архив «Insterburger Brief».
Перевод Геннадия Гончарова.

УЛИЦЫ НАШЕГО ГОРОДА

- Авиационная ул. – Плюшовштрассе.
- Бакинская ул. – Симон-Дах-штрассе. Симон Дах (1605-1659) – немецкий поэт, автор стихов известной песни «Анхен из Тарау», родился в Мемеле (Клайпеда).
- Богдана Хмельницкого ул. – Карл-Фрайбургер-штрассе.
- Виноградная ул. – Кантштрассе. Иммануил Кант (1724-1804) – немецкий философ, родился в Кенигсберге.
- Водопроводная ул. – Шпритценштрассе (букв. «Пожаронасосная ул.»).
- Гагарина ул. – Казерненштрассе («Казарменная ул.»)
- Гастелло ул. – Ренвег.
- Гвардейская ул. – Альберт-Штадиштрассе, в честь местного промышленника (кирпич).
- Гоголя ул. – Аугуст-Квандельштрассе.
- Горького ул. – Отто-Райнке-штрассе.
- Госпитальная ул. – Кальвинштрассе. Жак Кальвин (1509-1564) – французский деятель Реформации, основатель кальвинизма.
- Гусевское шоссе – Гумбиннерштрассе («Гумбинненская ул.»).
- Дачная ул. – Герихтштрассе, Шлоссштрассе, Альтхёфер Вег («Судейская ул.», «Замковая ул.», «Дорога Старого Двора» [«Дорога на Альтхоф»]).
- Демьяна Бедного ул. – Фритц-Чирзе-штрассе.
- Дзержинского ул. – Фридохфсвег («Кладбищенская дорога»).
- Железнодорожная ул. – Кляйнбанштрассе («ул. Узкоколейной железной дороги») и Людендорфштрассе, в честь Эриха Людендорфа (1865-1937) – военного и политического деятеля Германии, в сентябре 1914 года находившегося в Инстербурге.
- Заводская ул. – Брауэрайштрассе («Пивозаводская ул.»).
- Замковая ул. – Шлоссштрассе («Замковая ул.»).
- Калинина ул. – Форхештрассе, в честь адвоката Форхе.
- Калининградская ул. – Кенигсбергер штрассе и Зирштрассе, в честь известного юриста по фамилии Зир.
- Каретная ул. – Лириентальштрассе («ул. Долины Лилий»).
- Карла Маркса ул. – Шлентерштрассе, в честь аптекаря Эрнста Шлентера.
- Кирова ул. – Отто-Розенкранцштрассе, в честь президента Гумбинненского округа.
- Колхозная ул. – Линденвег («Липовая дорога»).
- Комсомольская ул. – Иорданштрассе. Иордан Вильгельм (1819-1904) – немецкий писатель, родился в Инстербурге на Прегельштрассе, 18/19 (сейчас Прегельная ул., дом не сохранился), прославился своими «Нибелунгами» (переложение древнегерманского эпоса).
- Красноармейская ул. – Зеештрассе.
- Крупской ул. – Дойчештрассе («Немецкая ул.»).
- Кузнечная ул. – Гуттманштрассе. Эдуард Гуттман так же, как и Шульце-Делитч (см. «Воскресение» №7), был основателем Кредитного объединения немецкого Востока.
- Куйбышева ул. – Биркенвег («Березовая дорога»).
- Курчатова ул. – Аугусташтрассе, в честь императрицы Аугусты.
- Кутузова ул. – Гердерштрассе. Иоганн Гердер (1744-1803) – немецкий философ и писатель, родился в Морунгене (Восточная Пруссия), ученик Канта.
- Ленина пл. – Альтер Маркт («Старая площадь») [«Старый рынок»].
- Ленина ул. – Гинденбургштрассе. Пауль фон Гинденбург (1847-1934), немецкий генерал-фельдмаршал, в 1925-

1933 годах президент Германии. В сентябре 1914 года находился в Инстербурге.

Ленинградская ул. – Прегельторштрассе («ул.Прегельных ворот»). Генерал-Литцман-штрассе.

Лермонтова ул. – Арно-Кальвайтштрассе.

Лесная ул. – Блюхерштрассе. Гебхард Леберехт фон Блюхер (1742-1819) – прусский генерал-фельдмаршал, участник войны с Наполеоном, главнокомандующий прусской армией в сражении при Ватерлоо.

Линейная ул. – Вилли-Хёлгерштрассе.

Ломоносова ул. – Штальгассе.

Льва Толстого ул. – Театерштрассе.

Мичурина ул. – Зольдауер штрассе, в честь города Зольдау.

Московская ул. – Торнер штрассе, в честь города Торн.

Моторная ул. – Веферштрассе.

Народная ул. – Киффхойзерринг.

Нахимова ул. – Росситтнер Вег, в честь поселения Росситтен (сейчас пос.Рыбачий на Куршской косе).

Октябрьская ул. – Георгенбургер штрассе.

Осипенко ул. – Румейштрассе.

Орджоникидзе ул. – Аргоннерштрассе.

Офицерская ул. – Лигнитцер штрассе, в честь города Лигнитц (город-побратим).

УЛИЦА ПОБЕДЫ

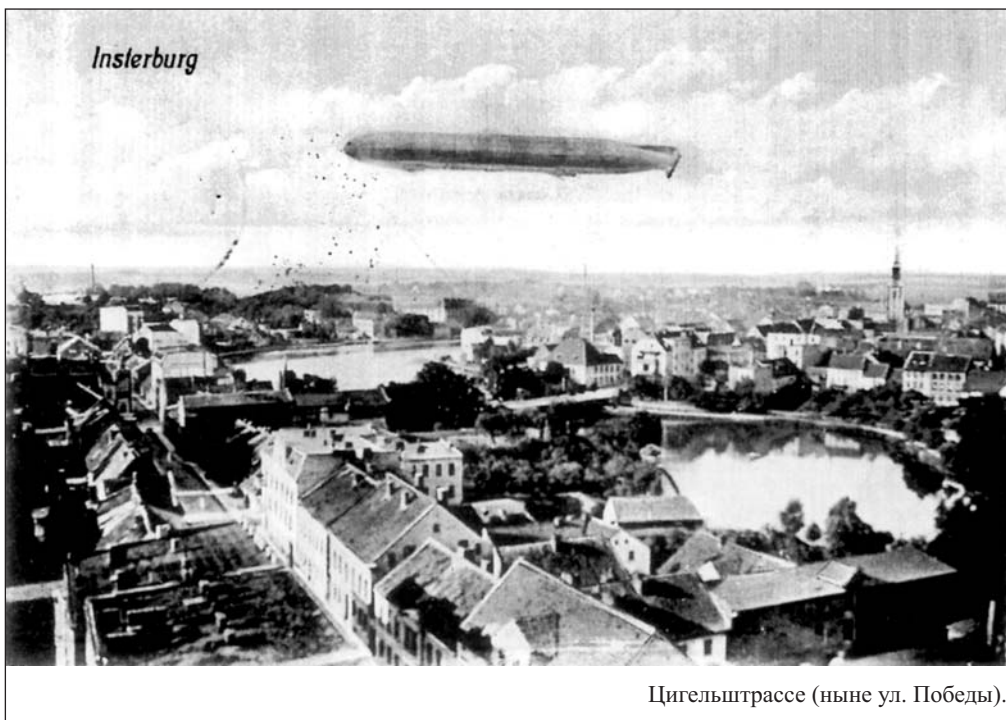
До переименования после войны улица Победы состояла из двух. Одна часть, до железной дороги, называлась Цигельштрассе (Кирпичная), другая – Норденбургер штрассе, а с 1938 года – Иммельманштрассе (от имени собственника). Еще в средние века эта дорога вела в город Норденбург (сейчас пос.Крылово Правдинского района). Начиналась она там же, где и сейчас. На углу стоял трактир. В 1600 году территория сегодняшней улицы Калининградской получила городские права. Примерно в районе начала завода «Техмаш» находились городские ворота, за которыми были палисады (укрепления) и городской ров. Эти ворота назывались «Кирпичными» и простояли до конца войны. Инстербуржцы прозвали их «Чернильница».

А теперь совершим прогулку по довоенной Цигельштрассе. С левой стороны на углу стояло здание, на первом этаже которого находился продовольственный магазин. Вообще, почти на всей улице первые этажи занимали магазины или мастерские. До теперешнего завода

«Техмаш» в левую сторону уходили два переулка, которые не сохранились. Перед «Техмашем» стояло здание с проездом к заводу. Здание это первоначально было пивным заводом «Дойче Браухаус», основанным в 1891 году. Позже, в 1917 году, в нем разместились Восточно-Прусская проволочная фабрика и колбасный заводик.

Следующее здание – Сетевой Нефтяной банк, до этого клуб «Техмаша», – построено в 1897 году как баптистская церковь. Баптистское вероучение позволяло креститься во взрослом возрасте. В Инстербургской баптистской церкви для этой цели были алтарь с ритуальной чашей. Во дворе церкви, в саду, после крещения, а также после занятий в воскресной школе вместе с проповедником и дьяконессой пили кофе с пирогами. В летнее время в хорошую погоду на городской купальне («Белая стенка») также проводилось крещение, что, по мнению горожан, было примитивно. После войны была сделана пристройка у входа в церковь.

Очевидцы рассказывают, что на этой улице в 1946 году почти все дома

были разрушены, и только Меланхтонская кирха оказалась целой.

Эта вторая лютеранская кирха Инстербурга была названа в честь Меланхтона, сподвижника Мартина Лютера. Открытие ее состоялось 27 июня 1911 года под колокольный звон. При этом присутствовали руководители евангелистско-лютеранской, реформатской, старолютеранской, католической и еврейской общин, а также «отцы» города. Дверь кирхи была открыта ключом, который передал архитектор Раабе пастору Федтке, при этом они обменялись словами из Библии. Под звуки органа и пение церковного хора началось освящение кирхи. Были зачитаны благодарности людям, пожертвовавшим деньги на строительство и внутреннее убранство, подарена вода из Иордана, привезенная из Святой Земли для первого крещения. После торжественного обеда в Общественном доме (Дом офицеров) в заключительной речи пастор Федтке поблагодарил еще раз строителей: придворного каменщика Блюдау, главного строителя провинции Швар-

тца и архитектора Раабе. Кирха была построена в стиле церкви Швейцарии и имела высоту 50 метров. После войны она была превращена в литейный цех гвоздильно-сеточного завода, предшественника «Техмаша».

Есть в районе улицы Победы, до «Баков», два переулочка. В первом – один дом. Раньше это была улица Георг-Фридрих-штрассе – в честь маркграфа, даровавшего права города Инстербургу в 1583 году. Второй переулочек назывался Пульверштрассе (ул. Пороховая), потому что на эту улицу был переведен пороховой склад из замка. Были и еще две улицы – Шенштрассе, в честь президента Восточной Пруссии, и Флотвелльштрассе, в честь прусского министра юстиции, уроженца Инстербурга. Первая шла параллельно двум теперешним переулочкам, а вторая их соединяла. Этот район являлся перспективной застройкой. Планировалась еще одна улица, которая должна была соединить нынешнюю улицу Калининградскую с улицей Победы за переездом, и даже началось строи-

тельство моста через железную дорогу. В эту планировку вписывался и 3-й переулоч Победы, носивший название Вальдхаузенер штрассе, но война помешала осуществлению этих планов. Дом №2 в 3-м переулке построен на немецком фундаменте, а его предшественник очень сильно пострадал еще в 1941 году от бомбы, сброшенной с советского самолета.

На углу улиц Победы и Железнодорожной находятся два старых дома, построенных одновременно с пожарным депо и предназначавшихся для семей пожарной команды. Напротив, в сторону «Баков», – производственного помещения бывшей узкоколейной железной дороги. Далее улица Победы проходила через железнодорожные пути – там был переезд. До сих пор непонятно, кому пришла в голову мысль на переезде поставить баки. На месте разрушенного военного городка перед 3-м переулком Победы во время войны был построен лагерь для военнопленных поляков, французов и русских. Бараки для военнопленных располагались вдоль всей железной дороги в районе города, вплоть до вокзала. Есть версия, что это было сделано для того, чтобы не бомбили железнодорожные пути. После войны в этих лагерях находились немцы. Так, известно, что в районе переезда были так называемые Цементлагерь и Железнодорожный лагерь.

После железнодорожного переезда улица Победы называлась Норденбургер штрассе (она шла в направлении города Норденбург, сейчас пос. Крылово), а с 1938 года Иммельманштрассе в память о бывшем владельце этих земель, прозванном в народе «человек-улей», поскольку Иммельман был признан лучшим пчеловодом Восточной Пруссии. В 1919 году он продал свое имение Амалиенау городу, и началось строительство нового микрорайона. Сначала были построены канализация с водопроводом и дороги (улицы). Улица Осипенко называлась

Ромейштрассе и вела к еврейскому кладбищу, сейчас это район производственного комбината. На улице Квандельштрассе (Гоголя) были построены дома, которые и сейчас целы, для летчиков военного аэродрома, а первым открыли детский сад для сирот (сейчас тоже детсад).

Улица Моторная называлась Веферштрассе. На ее месте раньше находился кирпичный заводик, именно потому здесь есть небольшие озерца, которые служили для забора глины. Дома, стоящие в начале улицы, также были построены для летчиков. В двухэтажном доме напротив остановки до войны был небольшой молзавод. Далее влево были еще две улицы, которые не сохранились. Направо был построен целый район небольших домов, а улицы назывались в честь известных людей Восточной Пруссии: Виноградная – Кантштрассе, Кутузова – Гердерштрассе (философ и писатель), Бакинская – Симон-Дах-штрассе (поэт, автор слов песни «Анхен из Тарау») и еще три несохранившиеся улицы с выходом на улицу Чкалова – Штайнштрассе («Каменная улица»). 4-й переулоч Победы до войны не был улицей. На этом месте стоял кирпичный завод. Улица Гастелло называлась Хакенвег, и левая ее часть от улицы Победы – Ронвег. Авиационная имела название Плюшовштрассе, а Полевая – Германсхоф, по названию имения, находившегося ранее на месте аэродрома, построенного в 1916 году. Далее улица Победы продолжалась по территории аэродрома и выходила на шоссе в сторону пос.Тельманово (тогда Дидлакен).

Часть улицы Победы имеет асфальтовое покрытие, положенное на бетонные аэродромные плиты, хотя под ними была нормальная мостовая, по бокам которой находились тротуары. Почему их уничтожили? Добавим, что пассажирское сообщение с центром города осуществлялось троллейбусом.

ГЕРИХТШТРАССЕ (СУДЕЙСКАЯ УЛИЦА)

Ранее эта улица называлась «улица Палачей», но в 20-х годах прошлого столетия была переименована в Судейскую (сейчас начало улицы Дачной).

Это название включает в себе для сведущего человека не только целую главу в истории культуры, но и является широким образом представлений о духовной жизни прежних времен. Раньше не считалось позорным или неприятным, когда тебе часто напоминали о наказующем правосудии.

Название улицы, несомненно, происходит от того времени, когда здесь жил инстербургский палач, поселившийся в пригороде во времена Немецкого ордена. Еще на рубеже XIX и XX веков дом №10 назывался домом, «в котором жил палач», – и только в 1840 году тот переехал в дом поблизости с Альтхофом (пос.Школьный). В музее Общества старины показывали принадлежавшие палачам два меча и плаху. Кроме того, до 1879 года в ландгерихте находилась железная клетка как орудие пыток (позже она была продана на металлолом). Ведь помимо совершения смертной казни палачу также нужно было проводить пытки.

Во времена Ордена смертный приговор мог выноситься или утверждаться только комтуром (наместником магистра и главой района), а потом наместником герцога или учрежденными позже судами низшей инстанции. Чтобы добиться показаний, применялись страшные орудия пыток, которые с середины XVI века все больше входили в обиход в Пруссии и на протяжении 250 лет были главной опорой правосудия и ужасом для обвиняемых. Смертный приговор назначался в то время зачастую и не за особо частые преступления. При герцоге Альбрехте во всем герцогстве казнить и пытать должен был палач из Кенигсберга. Однако он мог сдавать свое

хорошо оплачиваемое ремесло в аренду местным палачам, которые затем подчинялись ему. В Инстербурге младший палач Грегор Линк арендовал до 1611 года у кенигсбергского старшего палача Ваненфукса ремесло за 400 талеров в год. Когда старший арендодатель поссорился с младшим арендатором, то Линк выпросил у инстербургского наместника выполнение казней напрямую. Чтобы увеличить свои доходы, наместник откликнулся на это предложение. Если учесть, что казни и пытки в то время были частыми, то арендатор был в выгодном положении, несмотря на то что аренда была в 8 раз выше, чем оклад ректора латинской школы Инстербурга. Земельное право 1721 года установило следующие пошлины для палачей: удары розгами – 5 шиллингов, казнь мечом, повешение – 3 марки, колесование – 5 марок, сжигание – 10 марок, вырывание языка – 1 марка 30 шиллингов, расходы на круглосуточное питание – 3 марки. Однако он лишился права забирать у самоубийц все то, что у них имелось. Зато после казни мечом все имущество уходило палачу. Кроме того, палач получал за закапывание трупа после повешения 6 марок. Место казни находилось слева от дороги на Георгенбург, сразу за мостом через реку Ангерапп. Последняя казнь состоялась там в 1840 году.

БЕРГШТРАССЕ (ГОРНАЯ УЛИЦА)

Эта улица получила свое название от крутого спуска к реке Ангерапп. У подножия этого склона находилась насосная станция, снабжавшая водой железнодорожную станцию. Далее в сторону стадиона располагались купальни Циге. На этой улице находились бани и прачечная Шобера. Был также и сад, принадлежавший Лютеранской общине. По этой улице можно было пройти к пивзаводу и выйти на Беловштрассе (ул.Спортивная).

ЛЮТЕРКИРХЕНШТРАССЕ (СЕЙЧАС НЕ СУЩЕСТВУЕТ)

Эта улица состояла из двух частей – северной и южной. Обе части подходили к Лютеранской кирхе. Северная часть была в нижней части города (сейчас район милиции), и южная часть – для жителей верхнего города (район девятиэтажки). Примечательными старыми зданиями здесь были, кроме кирхи, дом пастора, два складских помещения и старая латинская школа. Один из складов назывался «Якорный» и имел пять этажей. На фасаде склада была дата «1771» и три латинские буквы: «G», «F», «R». Соседний склад имел четыре этажа. Обе постройки построены в стиле

фахверк, и по ним можно было судить, как выглядел город XVIII столетия. Эта конструкция имела узкие пролеты, поэтому на их строительство пошло много дерева.

Расположенная за кирхой латинская школа была построена на церковном дворе и на церковные деньги. Судя по изданной в 1750 году книге Пизанского, школа была построена в 1572 году. Это было одноэтажное фахверковое здание. В 1694 году школа была перенесена в более массивное здание рядом с кирхой. В старой же латинской школе долгое время был музей Общества старины города Инстербурга. В соседнем доме церковных служащих в XVIII веке и начале XIX располагалась литовская церковная школа.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Между улицами 22 января и Речной есть старое немецкое кладбище, ныне представляющее собой печальное зрелище. А когда-то за ним ухаживали на протяжении веков.

Кладбище было заложено в соответствии с получением прав города в 1583 году, в которых определялось, что от 100 гуфов (1 гуф – 7-15га), предоставленных в распоряжение города, часть должна использоваться под кладбище. К 1615 году из-за частых эпидемий чумы и холеры места стало не хватать, и кладбище пришлось расширить. Для этого курфюрст Иоганн Сигизмунд выделил землю с определением, что казенных преступников не будут больше хоронить за пределами кладбища, а, как и других христиан, – на его территории.

Видно, еще во времена Немецкого ордена на высшей точке кладбища находилась капелла (часовня). В 1612 году

она была отремонтирована, а в 1642 заменена новой. На гравюре Харткноха 1684 года видно, что она имела башню с куполом. По найденным фундаментам можно сделать вывод, что часовня имела диаметр 7-8 метров. Одновременно рядом с ней было построено хранилище для костей, найденных во время рытья могил. Капелла использовалась не только с целью богослужения, но и как склеп. Большое количество надгробных плит с этого кладбища покрывали пол Лютеранской кирхи (уничтоженной в 1975 году) [1976?]. Последний раз капеллу ремонтировали в 1736 году, но в конце концов она не выдержала испытания временем. Благодаря энергичным действиям суперинтенданта Эшенбаха в 1895 году построено теперешнее здание.

После войны кладбище было разграблено, а капелла в начале 70-х стала местом забоя скота.

АЛЬФРЕД БРУСТ

Писатель Альфред Бруст родился в Инстербурге 15 июня 1891 года во время поездки его матери к родителям в Геттинген, где он и провел свои первые годы. После возвращения в дом отца, владельца постоялого двора в Мемельском крае, Бруст заканчивает школу и по желанию отца осваивает профессию торговца в Тильзите (г.Советск).

Первые произведения молодого поэта прозвучали в тильзитском театре. Продолжением творчества стало внештатное сотрудничество с тильзитской газетой. Во время Первой мировой войны Бруст служил в отделе прессы штаба фронта. С 1923 года по 1932 он жил в курортном Кранце (г.Зеленоградск). После переезда в Кенигсберг работал журналистом и редактором. 18 сентября 1934 года Альфред Бруст скончался в возрасте 43 лет от туберкулеза.

Творчество Бруста так или иначе связано с Богом и богоискательством. Оно заставляло его применять в поэзии формы и выражения, свойственные экспрессионистской драме: поэт становится проповедником, сцена – церковной кафедрой. Поиск Бога у поэта – всегда поиск осво-

бождения инстинктов через половое отрицание. Его первая драма – «Пьеса о боли и красоте женщины» (1918) – подтверждает это. В пьесе «Борьба спасителей» (1920), действие которой происходит у кострища в преисподней мифологических времен, «трое спасителей являются освободителями от превосходства сексуального влечения». Религиозный пафос Бруста соединяет западнонемецкое стремление к раю с заимствованными у Достоевского мыслями и представлениями о богатстве. Вот как он излагает свои религиозные представления в рассказе «Небесные дороги» (1923): «Как все-таки прекрасно... когда рай открывается перед застывшим взглядом, перед поднятыми наполовину руками. И как тяжело потом не войти в эту святую местность, а остаться на пороге и, возвращаясь назад, рассказать людям, что видел...»

В опубликованном романе Бруста «Потерянная земля» (1926), «Ютт и Юла» (1928) и «Праздничная земля» (1930) отражено поэтическое представление автора о дохристианском населении Восточной Пруссии. Но, несмотря на это, Альфред Бруст является поэтом, воспевающим свою родину.

Альфред Бруст

РАНО УТРОМ

Все в этом мире не случайно,
Все требует внимания, любви.
Коль ждешь от ближнего
взаимопониманья –
Сам с пламенем в груди живи!

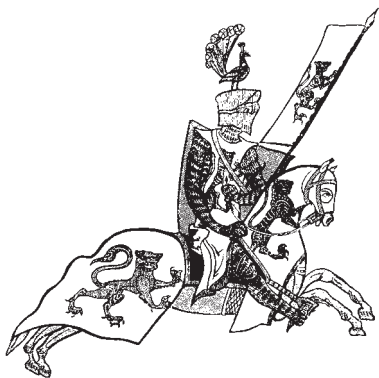
И, каждый день входя в мир новый,
Как пред вратами алтаря,
Проси Всевышнего, чтобы в дороге
Сопровождали верные друзья.

Прислушиваясь к зову сердца,
Не будь сверхгордым, как нарцисс,
Почувствуй,
в чем твое предназначенье, –
И ты душою воспаришь.

И вот уже слова иные
Влекут тебя в заоблачную высь.
Ты наполняешься теплом, и светом,
И легкостью – как летний бриз!

Перевод стихов с немецкого
Геннадия Гончарова и Светланы Бондаренко.

ОРДЕНСКИЙ МЕЧ ИЗ СИМОВИШКЕНА (1260 ГОД)

Между родом Таммо, который жил на реке Анграпп, и родом Тирско из Велове (пос. Знаменск) была старая дружба. Когда в середине XIII века в земле Надровия была укреплена для защиты от приближающихся рыцарей крепость Велове, то и Таммо укрепил свое поселение. К нему на помощь пришли старые друзья – Штабинги и Даргузе из Симовишкена (пос. Маково Черняховского района) вместе со своими сыновьями Геденно и Анголом.

Все они со своими дружинами пошли на помощь Тирско. Хорошо зная местность, они быстро продвигались по зимней дороге южнее Прегеля, через Спарге и Нервекиттен (г. Черняховск и пос. Междуречье). Их стрелы были остры, луки проверены, копьё в порядке, а ножи наготове за поясом. Многие воины были с каменными дубинами, которые в их сильных руках становились опасным оружием, и только у двоих короткие мечи.

По дороге стали встречаться беженцы с объятами ужасом лицами. От них воины узнали, что Тирско стал предателем и сдал рыцарям крепость. Вражеские отряды рыскали в округе, чтобы добыть трофеи и сделать запасы продовольствия. Раздались крики бессильного возмущения и ненависти. Предводитель отряда Таммо хотел повернуть обратно, чтобы дома вооружить ополчение, но Даргузе отказался, свернул

дружину на юг и стал пробираться через леса к Нуру по тропинкам, известным только ему. Недалеко от реки Алле он зашел в тыл вражескому отряду.

Молодой рыцарь Немецкого ордена с несколькими оруженосцами ехал из Велове, чтобы сделать в богатых деревнях запасы, прежде чем крестьяне успеют спрятать их в непроходимых лесах. По ошибке он перешел реку, и тут же на него напали Даргузе, Геденно и Ангол, хорошие стрелки издали попали в двух оруженосцев, которые тут же упали с лошадей. И едва другие оруженосцы успели взяться за оружие, как подошла конница и завязался ожесточенный ближний бой. Оказалось, что каменные дубины – лучшее оружие, чем мечи. Несмотря на то что меч молодого рыцаря смертельно ранил многих надрувов, дубина Даргузе, попавшая по шлему, оглушила его. Рыцаря повалили на землю среди сражающихся. Только двум оруженосцам удалось уйти по реке от погони.

Из раненых врагов надрувы никого не оставили в живых, оттащив трупы и своих четырех погибших в чащу. Раненых воинов повели в долину реки Ауксине (р. Голубая), называемую Долиной богов. В Ромове (пос. Савино Бережковского округа) они отдали трофейное оружие богам. Но главный жрец Криве вернул Даргузе завоеванный меч рыцаря. Так Даргузе возвратился с орденским мечом в крепость Таммо (пос. Тимофеевка Черняховского района). Однако за это он должен был одного сына отдать богам.

Больше 20 лет Даргузе носил при себе великолепно откованное оружие, пока не погиб на охоте. Старого воина возложили на священный костер. В могилу над его пеплом среди других даров, как самый священный, положили орденский меч, чтобы никто больше им не пользовался, кроме того, кто добыл его в бою.

Перевод с немецкого Геннадия Гончарова.

БЕСПОКОЙНАЯ МАРИЯ

Королева Швеции покинула замок Инстербург 350 лет назад.

Замок Инстербург за более чем 600 лет своего существования был казармой, складом, судом, тюрьмой и музеем. А однажды стал домом для вдовы шведского короля Густава Адольфа Марии Элеоноры. Королева более четырех лет имела в Инстербурге свой двор.

Мария Элеонора была внучкой герцога Альбрехта, создателя герцогства Пруссия. У его сына Альбрехта Фридриха была дочь Анна, которая вышла замуж за курфюрста Бранденбургского Иоганна Сигизмунда. 21 ноября 1599 года родилась будущая королева Швеции Мария Элеонора. С ранних лет она, красивая женщина, обладала сильной волей и применяла ее, не считаясь с интересами своей семьи. Ее брат Георг Вильгельм предложил ее руку королю католической Польши, но она предпочла молодого шведского короля Густава Адольфа. Оба так сильно полюбили друг друга, что она против воли своего брата обручилась с ним и в 1620 году тайно уехала со своим женихом в Швецию, где вышла замуж. Политические последствия, которые в те времена вызывала такая королевская свадьба, были ей безразличны.

В своем двенадцатилетнем, во всех отношениях счастливом браке она родила дочь, будущую королеву Христину. Она живет под твердой рукой своего любимого супруга, пока он не уходит на помощь протестантам в Тридцатилетней войне и после беспримерных успехов в битве при Лютцене в 1632 году погибает. Мария Элеонора последовала за своим мужем в Германию. В ночь гибели мужа она видела страшные сны и потом была шокирована известием, которое сначала от нее скрывали. Ее боль была безгранична. А потом начали проявляться отрицательные черты ее характера: суеверие, расточительность,

бессмысленное раздаривание и нерасчетливость. Результатом этого явилось отлучение от воспитания дочери и назначение опекунства.

Брат королевы, курфюрст Бранденбургский, действуя осторожно, посылает в 1636 году придворного Ганса Георга Шретеля на корабле из Кенигсберга в Стокгольм с письмом своей сестре и опекунам. Мария Элеонора сразу начинает строить планы. Она хочет отправиться в путешествие и посетить своего брата в Пруссии. «Пруссия – красивая, плодородная страна, а в Швеции только скалы, неверность и печаль».

То она хочет купить в Кенигсберге дом, то построить замок Густавбург в Пруссии, сама рисует планы для него. Она не остается в Стокгольме, где ей не нравится надзор опекунов, а снимает квартиру в замке Грипсгольм на берегу моря, а летом 1640 года бежит на корабле в Данию. Ее нигде не хотят принимать, везде боятся осложнения политической ситуации. Она переезжает с места на место. Брат Георг Вильгельм умер, его преемник, племянник Марии Элеоноры, указал ей место в Кюстрине, а в 1643 году в Инстербурге. Это было в желанной Пруссии, вдали от бушевавшей Тридцатилетней войны.

Когда Мария Элеонора прибыла в Инстербург, управляющим там был Адам Фридрих фон Добенек. Жил он не в замке, а в имении Пирагинен. Для королевы и ее свиты были приготовлены помещения в замке, при этом в апартаментах были расширены окна. У нее в замке была собственная капелла. Королева считалась знатоком искусств, сама музицировала. Содержание двора приносило Пруссии деньги. Так, из Швеции присылалось 40 тысяч шведских талеров, и ее дочь Христина добавляла к ним еще 6 тысяч.

Так как королева не умела обращаться с деньгами, Добенек был назначен распорядителем. Был он очень богатым человеком и знал, как обращаться с деньгами. Королева, конечно же, бывала в гостях в Пирагине-не, Альтхофе и Дидлакене, который был в 1645 году сдан в аренду Пьеру де ля Каву, бургомистру Пиллау (г.Балтийск), поддерживала отношения с другими аристократическими семьями. Сохранились ее письма Дёнхоф Штайнорт. Но беспокойная ее натура проявилась и здесь. Ей вскоре надоела Пруссия, и в 1644 году Великий курфюрст докладывал об этом шведскому канцлеру. Но Мария Элеонора выдержала до 1648 года.

В церковной книге Лютеранской кирхи сохранились следы пребывания двора в Инстербурге. В те времена был обычай давать при крещении имена крестных отцов и матерей и, по возможности, уважаемых лиц. Так у детей служащих замка и детей бюргеров крестной матерью стала королева.

В это время город переживал время счастливого процветания. Многие состоятельные бюргеры вносили значительный вклад в украшение Лютеранской кирхи. Благодаря им художник

Цайгерман начал расписывать потолок кирхи библейскими сюжетами.

Между тем в Швеции в 1644 году Христина, ставшая совершеннолетней, взяла бразды правления в свои руки. При этом мать ее услышала странные вести. Не только о том, что Христина отклонила сватовство своего кузена Фридриха Вильгельма Бранденбургского, но также о том, что она вообще не хочет вступать в брак и хочет отказаться от правления.

В Швецию Мария Элеонора вернулась в 1648 году, когда Вестфальский мир положил конец разрушительной для Германии войне. В 1654 году Христина действительно отказалась от правления в пользу своего кузена Карла Густава. Год спустя, в 1655 году, Мария Элеонора скончалась в Стокгольме.

Апартаменты королевы в замке Инстербург оставались пустыми. Не слышно было больше шелеста женских одежд, не видно стройных женских фигур. Тон снова стали задавать скучные писари, секретари со своими книгами и прочие служители крепости. Только когда время от времени Инстербург посещал курфюрст со своей семьей, что он делал весьма охотно, над старыми стенами вновь возникал призрак дворцовой жизни.

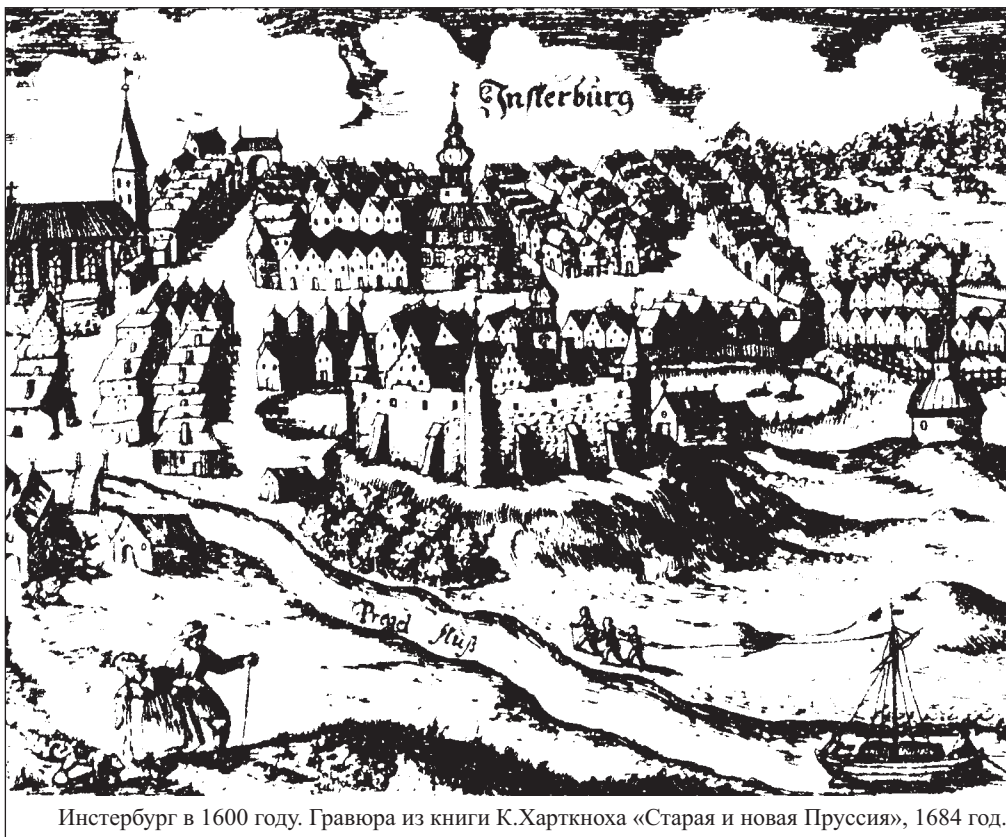
ГОРОДСКИЕ ПРАВА ИНСТЕРБУРГА

10 октября 1998 года исполнилось 415 лет городу.

В 1525 году, после вступления герцога Альбрехта I в права наследования Орденом, важнейшей задачей капитана Инстербурга Иоганна Пайна было раздобыть для деревни Шпарге привилегии города, так как после Краковского мира право заниматься свободной торговлей имели только города. Сначала – в 1541 году – деревня превратилась в село Инстер, имеющее право устраивать рынки.

Экономический подъем села был ускорен благодаря Каспару фон Ностицу, который при помощи старосты Конрада фон дер Альбе велел разбить пруд для разведения рыбы посредством запруды речушки Чернуппе. Так возник пруд Штраухмюлентайх и вторая мельница, Штраухмюле.

25 июля 1572 года Альбрехт II Фридрих дал селу отрицательный ответ на его прошение о получении городс-

Инстербург в 1600 году. Гравюра из книги К.Харткноха «Старая и новая Пруссия», 1684 год.

ких привилегий. К ответу был приложен план застройки села по образцу города Ангербург (сейчас Венгожево). В соответствии с этим планом город должен был быть «со временем застроен». В плане намечалось деление города на 10 кварталов. Эти кварталы должны были быть образованы пересекающимися под прямым углом улицами для транспорта. Между двумя улицами должны были находиться от 10 до 15 жилых домов. Улицы для транспорта чередовались с хозяйственными. Поэтому на транспортных улицах не должно было быть промышленных предприятий. Для каждого квартала назначался квартирмейстер. Что касается земельных угодий, городу были предоставлены 100 наделов в Дидлакене и Геллертайхе. Основная территория города должна была быть разделена на 100 участков (усадеб) с правом наследования. Один участок был шириной 60 футов и длиной 120. Ни у кого

не должно было быть больше одного участка. Все жилые дома должны были быть выстроены в течение одного года. Были предусмотрены рынок, улицы и мосты над Замоквым прудом. Дом пивовара на Альтер Маркт должен был быть снесен из-за того, что там проходила улица. Горожанам дозволялось ловить рыбу в Ангерапп. Они платили за это герцогу определенный налог. Трактирщики должны были продавать пиво преимущественно из пивоварни замка.

И только спустя 11 лет, 10 октября 1583 года, маркграф Георг Фридрих фон Ансбах пожаловал Инстербургу полные привилегии города.

Соответственно этим привилегиям, 100 земельных наделов (в 1 наделе около 67 моргенов, что равно 17 гектарам) были распределены следующим образом: пяти старым трактирам было оставлено 15 наделов, пастор получил 4 надела, больница – 2, для выгона скота и для заповедного леса – 20 наделов

и 4 моргена, для поместий – 58 наделов и 26 моргенов. Кроме усадеб осталось место для кирхи, школы, кладбища, больницы, ратуши, рынка и т.д. Горожане должны были корчевать землю, чтобы получить дополнительные поля.

Городу было пожаловано Кульмское право, по которому выбирались бургомистр, совет, судья и члены суда. Герцог также пожаловал Инстербургу печать и герб: «Внутри белого щита внизу зеленая гора, на которой на четырех лапах стоит черный медведь, наверху щита заглавные буквы “G” и “F”, над щитом поясной портрет егеря, держащего в руках охотничий рог. Все должно быть расписано яркими красками». Городу также был дан свод правил, которым горожане должны были следовать. В нем были учреждены две свободные ярмарки в год и один базарный день в неделю – воскресенье. Дорога из Литвы должна была быть проведена от Пангервица к воротам замка через город по мосту около городских ворот Цигельтор.

В Инстербурге должны были быть созданы хлебные и мясные лавки, банки и лавки для мелочного товара. Для постройки городских зданий горожанам разрешалось купить строительную

древесину у жителей этого округа, пока город не будет построен полностью. Для блага церковной общины и своего собственного горожане могли построить и содержать кирпичную ригу и известковые печи. Инстербуржцам позволялось ловить рыбу в Ангерапп на одну милю вверх и одну милю вниз по течению от города, а также плавать по реке. Мосты, улицы, дороги и причалы должны поддерживаться в хорошем состоянии. Бревенчатые настилы должны быть заменены насыпными дорогами с канавами по бокам, а деревянные мосты – на каменные. Улочки должны быть опрятными и чистыми. Зерно должно перемалываться на замковой мельнице, а ручные мельницы упраздниться.

Принятием закона от 6 ноября 1583 года городу была отведена Швайслаукская пашня (впоследствии Шприндт, а ныне пос. имени Кирова). Она состояла из 20 наделов пахотной земли и луга.

Вместе с привилегиями город получил основу для дальнейшего успешного развития. Он имел характер провинциального и, следовательно, в первую очередь занимался земледелием и животноводством. Но с помощью судоходства быстро развивались и регулярные торговые связи.

Внутренний двор замка Инстербург: конюшня, жилые корпуса и башня Пайнтурм.
Фотография довоенных лет.

БАШНЯ ПАЙНТУРМ

Северо-западный угол форбурга замка Инстербург завершала башня Пайнтурм (с нем. «Башня пыток»). В диаметре она была 9 метров, шатровую крышу украшал флюгер в виде дракона. На стене со стороны двора находились часы. Такой башню можно было увидеть до окончания Второй мировой войны. После войны, в 50-е годы, башня была разрушена, остался только фундамент. Далее предлагается описание некоторых исторических особенностей башни Пайнтурм, зафиксированных исследователями орденских замков в конце XIX века.

«Нижняя часть башни носит характер старинного земляного укрепления. Сами стены очень толстые, но внутри помещения маленькие. Примерно в двух метрах от земли располагается бойница. Расположение бойницы таково, что из нее можно обстреливать всю

местность с узкой стороны крепости как можно левее. Дальнейший охват местности был не нужен, так как далее тянулась вторая крепостная стена. С внешней стороны башни бойница узкая, а внутри она широкая, что предполагало использование длинного огнестрельного оружия, которое, как первое огнестрельное оружие, появилось в Пруссии в конце XIV века. При стрельбе образовывалось много порохового дыма, поэтому другие бойницы располагались последовательно. По принципу земляных укреплений вход находился высоко над землей. Далее следовали три этажа с тонкими стенами. Верхний этаж позже был окружен венцом оборонительных окон, также рассчитанных на огнестрельное оружие. Скорее всего, более поздняя надстройка была сделана во время реконструкции крепости около 1500 года».

ВОСПОМИНАНИЯ ПОСЛЕДНЕГО БУРГОМИСТРА ИНСТЕРБУРГА ДОКТОРА ВАНДЕРА

*(Оригинал хранится в государственном архиве Германии в городе Кобленце
и датирован 7 ноября 1952 года.)*

«После того как в начале августа 1944 года противник пересек границу рейха в районе Эбенроде и Шлоссберга (г.Нестеров и пос.Добровольск) и занял Мемельский край, население и домашние животные этих округов были эвакуированы.

После воздушного налета 27 июня и последующих мелких налетов часть населения города Инстербурга ушла в сельскую местность к родственникам или знакомым, что было разрешено неработающим, женщинам и детям. Была запрещена всякая подготовка к эвакуации на случай непосредственной опасности. Такие попытки рассматривались как пораженчество и грозили трибуналом.

Когда я в начале августа хотел начать планирование возможной эвакуации города и вел переговоры с представителями имперской железной дороги и пароходства в Кенигсберге, у меня в жесткой форме потребовали объяснений президент и правительство провинции, что это значило, и если бы об этом узнал гауляйтер... Нелегко было найти веское оправдание. В Кенигсберге определенные круги задумывались над тем, что произойдет, если противник ворвется в Восточную Пруссию, но, очевидно по указанию гауляйтера Коха, ответственным лицам в обер-президиуме разрешалось считаться только с возможностью временного вторжения противника, который в кратчайшие сроки должен быть отброшен. Они занимались только вопросом, как спасти ценные склады и оборудование промышленных предприятий.

Подготовка населения к эвакуации не разрешалась. Гауляйтер все время объяснял, что не только вермахт, но и ополченцы вцепятся в родную землю и противник не продвигается дальше.

Но вскоре, с 20 по 23 сентября, наступили критические дни. Внезапным броском Советы подошли к реке Мемель (р.Неман), продвинулись на востоке за город Шлоссберг, не дойдя всего нескольких километров до Гумбиннена (г.Гусев), и взяли город Гольдап. Эти дни дали нам понять, что угрожает Восточной Пруссии, когда поток русских хлынет на нашу землю. Небо на востоке было красным от пожаров, артиллерийская канонада становилась с каждым днем все сильнее, улицы были переполнены беженцами, автомашинами, скотом и лошадьми, и сам наш город был так заполнен людьми и машинами, что подразделения вермахта с трудом продвигались вперед. Дети и жеребята, потерявшие матерей, блуждали по улицам Инстербурга. Сам вокзал был осажден тысячами людей из приграничных округов, которые испуганно сидели на своих пожитках и ждали возможности эвакуироваться по железной дороге.

Население самого города и округа было очень взволновано, беспомощно и озабочено, так как стали известны сообщения о страшных событиях в Вальтеркемене и Неммерсдорфе (поселки Ольховатка и Маяковское Гусевского района). Не было машин и поездов для эвакуации такого количества людей. Крайсляйтер, который был должен руководить людьми, находился на рытье

Генеральштрассе (ныне ул. Пионерская) после бомбардировки авиацией союзников в июле-августе 1944 г.

укреплений, а руководство округа не получало никаких приказов.

Когда я связался с руководством в Кенигсберге, обрисовал положение дел и потребовал предоставить транспорт, мне ответили, что у меня температура 44 градуса, и посоветовали держать ноги в тепле, а голову – в холоде. Только после того как я обратил внимание на то, какие жертвы вызовет воздушный налет на вокзал, пообещали связаться с гяуляйтером, пребывавшим в ставке фюрера в Рас-тенбурге. К моему удивлению, через полчаса мне сообщили, что требуемые поезда готовы к отправке, и действительно, в течение ночи и последующих дней прибывали поезда. Так удалось освободить вокзал и эвакуировать беженцев из города.

Несмотря на слабость немецкой обороны, Советы дальше не продвинулись. Фронт остановился, а Гольдап был взят обратно, и в основном царило спокойствие. Но вследствие октябрьской катастрофы комиссаром по защите рейха были приняты меры, которые существенно изменили жизнь города

и округа. Последовал приказ об «экономическом рассредоточении» города Инстербурга и выселении из него женщин, не занятых на военных объектах, детей и мужчин, не призванных в фольксштурм.

Таким образом, ноябрь и декабрь были заполнены работой по вывозу людей, пребывание которых было не обязательно в Инстербурге, и работой по «экономическому рассредоточению». После стабилизации фронта многие беженцы вернулись домой, где было достаточно топлива и продуктов.

Когда требования покинуть город на многих не возымели действия, я решил отказывать в продуктовых карточках тем, кому нечего было делать в городе. Этим мы добились ухода части населения, но ежедневно у меня были люди с просьбой выдать продуктовые карточки. Они говорили, что опасности нет, что они сами позаботятся о том, как бы уехать. Число оставшихся в городе упало в течение ноября и декабря примерно до 8-10 тысяч человек (в 1940 году в Инстербурге проживало 49 тысяч человек).

«Экономическое рассредоточение» имело целью свернуть промышленные, ремесленные и торговые предприятия и переместить их в западный округ Морунген по мере того, как эти предприятия становились ненужными для вермахта. Поэтому в течение ноября-декабря было демонтировано и переведено большинство предприятий. Этим занималась служба защиты от воздушных налетов и одно саперное подразделение. По непонятным причинам запрещалась эвакуация в западную Германию, даже в округ Данциг, который рассматривался как «вражеская территория» из-за разногласий между Кохом и тамошним гауляйтером Форстером. Все должно было оставаться в Восточной Пруссии. Перевозка мебели была запрещена. Таким образом, только немногим семьям удалось что-нибудь спасти.

Так город постепенно опустел, и это влияло на всю работу городского управления. Школы с 20 октября были закрыты, а преподавательский состав, если он не был призван в фольксштурм, отправлялся на работу в другое место или в отпуск. Так как работа по устранению последствий бомбежек с привлечением иностранных рабочих специалистов была остановлена, то они теперь занимались демонтажом оборудования. В Морунгене был организован филиал городского управления, и туда отправлялось все, в чем не было необходимости в Инстербурге.

Гауляйтер Кох организовал восточные укрепления и фольксштурм и все время заявлял, что для населения опасности нет, вермахт и фольксштурм будут обеспечены на новых позициях укреплениями для танков и бетонными укреплениями на одного солдата и отразят любые вражеские налеты. Генерал-полковник Рейнхардт в связи с принятием присяги фольксштурмом на городском стадионе заявил, что он удержит фронт. В действительности мы знали, что

Восточный фронт был недостаточно обеспечен войсками. В Инстербурге в бывшей районной больнице («Карат») теперь находился военный комендант, от которого я знал, что Советы подготовили три больших наступательных армии. Одна в направлении Гумбиннена, Кенигсберга, вторая в направлении Данцига и третья, самая сильная, в направлении Варшавы. Она также имела задачу взять Берлин. Хотя немецкое командование все это знало, оно продолжало ослаблять Восточный фронт и перебрасывать дивизии на запад, готовя наступление в Арденнах.

В начале ноября каждому рассудительному человеку было понятно, что вторжение противника в Восточную Пруссию не только возможно, но и очевидно. Несмотря на это, гауляйтер Кох продолжал и дальше запрещать эвакуацию. Кто сомневается в окончательной победе или в крепости Восточного фронта, тот пораженец и нытик и с такими будут поступать самым строгим образом. Такие позиции и взгляды высшего руководства казались мне преступлением по отношению к незащищенному в случае нападения противника населению, и я сегодня рад, что не следовал им, а делал как раз наоборот.

В начале ноября я разработал план немедленной эвакуации города Инстербурга в случае опасности. Он содержал подробные распоряжения для администрации, полиции, предприятий, автотранспорта, указания о сигналах тревоги, пунктах сбора, эвакуации населения и т.д. Была достигнута договоренность с Имперской железной дорогой, а также точно определена готовность к отъезду грузовиков и легковых машин, все сроки и даты. Составление этого плана имело позитивное значение. У населения появилось определенное спокойствие, так как на случай опасности меры приняты. Опасение, что подготовка эвакуации станет известна гауляйтеру, оказалось необоснованным. Все, кто знал об этом, молчали».

Далее рассказ продолжает начальник полиции подполковник Оттенберг:

«Предприятия города постепенно эвакуировались в глубь провинции. Должны были остаться только те, кто был необходим для жизнеобеспечения оставшегося населения, а именно до того момента, пока церковным колоколом не будет дан сигнал к окончательной эвакуации. Но до этого надо было еще много сделать как в отношении защиты населения от воздушных налетов, так и в отношении заботы о том, чтобы оно имело возможность своевременно покинуть город. Что при этом было сделано городским управлением, может оценить только тот, кто представляет себе поле деятельности. Город подвергался воздушным налетам, хотя их можно было оценить как незначительные. В дневное и ночное время бургомистр созывал своих ближайших сотрудников на совещания.

Декабрь принес в Инстербург, в противоположность прежним временам, облачную, сырую погоду, иногда с морозящим дождем и мокрым снегом. Небо было почти все время облачным, и мы радовались этому, так как надеялись, и не без основания, что противник будет наступать только в ясную морозную погоду. Рождество мы провели еще в покое, если не считать нескольких бомб и раненых за день до этого, но настроение было тоскливым, так как мы знали, что, возможно, это последний праздник в Инстербурге. Призванные в фольксштурм мужчины города провели Рождество в окопах в Эйхвальдском лесу в районе горы Фельдэклуизен. В эти дни я впервые узнал, как хорошо была организована разведка нашего противника. Когда я однажды – это было между Рождеством и Новым годом – справлялся у коменданта генерала Дормагена о положении, он показался мне особенно подавленным. На мой вопрос, что произошло, узнал ли он что-то плохое при своих запро-

сах в 3-ю и 4-ю армии, он сказал мне, что дела неважные. Восемь дней назад на участке между двумя дивизиями по громкоговорителю русскими было объявлено: “До свидания, всего доброго, передавайте привет нашим товарищам в Венгрии, вас сейчас отправляют туда”. Об этом ничего не знали даже в штабах обеих армий. “Сегодня утром, – объяснил мне генерал, – обе эти дивизии действительно были отправлены в Венгрию”. Так хорошо функционировала русская разведка, и так плохо были информированы собственные штабы».

Доктор Вандер:

«В начале января погода улучшилась, начались морозы и снегопады, а 13 января, примерно в 7 часов, мы услышали рокот и подумали, что через Инстербург движется много танков. Но вскоре мы узнали, что русские перешли в крупное наступление, которое началось одновременно по всему Восточному фронту, советским войскам удалось продвинуться вперед только на отдельных участках, особенно к западу от Тракененского леса и от Шлоссберга. Но 17 января им удалось глубокие прорывы танками, которые 18-го пересекли железнодорожную линию Инстербург – Тильзит в районе Жиллен и Грюнхайде (поселки Жилино и Калужское) и продвинулись также до Эйхвальдского леса (т.н. Зеленый Бор). 19 января, примерно в 4.30, мне передали по телефону от крайслейтера приказ комиссара обороны рейха, что назначена эвакуация из Инстербурга, но спешить не следует, есть еще 5 дней. Городские заводы еще не следует останавливать или сворачивать, эвакуировать промышленные предприятия из города, такие как пивоваренный завод, химическая фабрика «Дренгвиц» и фермы, еще не надо, нужно ожидать особого приказа. Возможно, положение улучшится. Но приказ этот так и не поступил. Этот общий приказ об отходе был последним приказом, который я получил от начальства. Крайслейтер,

ответственный за население, по моим сведениям, был в критические дни в районе и занимался эвакуацией сельских жителей. Сразу после поступления приказа об эвакуации население было предупреждено, но не колокольным звоном, как было сначала предусмотрено, а устно и по громкоговорителю. Как было предусмотрено планом эвакуации, у меня немедленно, еще до рассвета, собрались все ответственные за эвакуацию. И тут случилось то, на что я почти не надеялся. Теоретический план эвакуации оправдался полностью. При образцовом исполнении долга каждый делал то, что ему было поручено. Эвакуация населения началась в утренние часы обычными и специальными поездами, грузовиками и легковыми автомобилями и проходила, несмотря на близость противника и большую опасность, спокойно и без особой спешки.

Когда я в первой половине этого дня, несмотря на многочисленные звонки, не получил из Кенигсберга приказа об эвакуации предприятий, я сам дал соответствующие распоряжения, так что большинство предприятий начали эвакуировать в пятницу 19 января.

Чиновники и служащие городского управления, которые еще были в Инстербурге, были направлены в Морунген (сейчас Польша): часть по железной дороге, часть автобусами. Только женщинам-служащим я предоставил право выбора: или в приемный пункт в Саксонии, или в другой район рейха. Это распоряжение противоречило указаниям из Кенигсберга. Наряду с эвакуацией населения нужно было увезти ценное оборудование и другие материалы, которые не должны были попасть в руки врага. Это касалось, прежде всего, автомастерских и шерстопрядильной фабрики, которые не были вывезены, потому что работали на вермахт. В первую очередь надо было снять с машин и установок, которые нельзя было вывезти полностью, важнейшие части, чтобы они не попали к русским

в рабочем состоянии. Этот так называемый «паралич» важнейших предприятий был начат в пятницу и закончен в субботу 20 января. В общем, несмотря на суету и страх, царило спокойствие, хотя противник прошел уже большую часть Эйхвальдского леса и наш инстербургский фольксштурм сражался там с большими потерями.

19-го и в ночь на 20-е от половины до двух третей населения покинуло Инстербург, причем при эвакуации особенно отличилась наша полиция. До утра 20 января советские войска не мешали эвакуации и не поступало никаких распоряжений. Только с начальником окружного управления, который переместил свою резиденцию в Норкиттен (пос.Междуречье), поддерживалась связь. Утром 20-го, около 9-10 часов, начался более чем трехчасовой русский воздушный налет на город. Я как раз закончил в моем рабочем кабинете последнее совещание, когда первая волна русских бомбардировщиков начала свое наступление. В последний раз взвыли сирены в Инстербурге. Непрерывными налетами до полудня на все части города были сброшены фугасные и зажигательные бомбы, которые вызвали большие пожары и разрушения, прежде всего на Гинденбург- и Луизенштрассе (улицы Ленина и Тельмана), на площади, на Маркграфенплатц, на Вильгельмштрассе, Зирштрассе (улицы Пионерская и Калининградская) и во многих других местах.

Пожарная команда начала свою работу сразу же, еще во время бомбежки, но сильный мороз очень осложнял положение дел. Несмотря на это, пожарные были на высоте, потушили основные возгорания. Однако это был всего лишь необходимый минимум для предотвращения пожаров. Во время этого налета на улицах города работали громкоговорители с машин, с помощью которых оставшимся горожанам предлагали покинуть Инстербург. При этом автомобили сильно пострадали

от осколков. От бомбежки пострадали немногим менее 30 человек. Отличная работа санитарной службы под руководством Ноймана, начатая еще во время налета, заслуживала самой высокой оценки.

В 13.00 20 января налет закончился. Мы собрались около бомбоубежища, где нас ожидал последний автобус. Нас осталось немного, еще было много дел, но мы должны были уходить, и лишь чувство долга, беспокойство за горящий город останавливали нас от этого. Только суперинтендант (церковная должность) Фюг не хотел уходить, говоря о том, что он должен продолжить захоронение погибших, да и приказа об отходе еще не поступало из Кенигсберга.

После обеда снова был небольшой налет. Как только мы собрались в моем кабинете на Форхештрассе (ул.Калинина), в 15.00 поступило сообщение о том, что вражеская артиллерия уже в районе Фельдэка (около пос.Загорское). Этот факт окончательно парализовал нашу работу. В последний громкоговоритель, посланный нами в район водонапорной башни, попала бомба, положив конец этой акции. В последний раз зазвучал колокол Лютеранской кирхи, призывая оставить город еще не покинувших его людей. Эвакуация города закончилась после обеда 20 января 1945 года».

Полковник Оттенберг:

«Звонят колокола городских церквей. Каждый оставшийся теперь знает, что пришло время оставить город. Только городские власти вместе с противоздушной обороной под руководством бургомистра, пожарная команда и оба полицейских участка еще не могут оставить свою службу. Вынуждены остаться также службы имперской почты и железной дороги. Железнодорожное сообщение с Кенигсбергом еще не прервано. Колокола замолчали, как только население ушло. Автомобили и повозки отправились в

направлении Гердауэна (пос.Железнодорожный) по Иммельманштрассе (ул. Победы). Пешие жители эвакуировались железнодорожным транспортом. Совместная работа городских властей и железнодорожников закончилась. Город в это время находился под артиллерийским обстрелом».

Служащий имперской железной дороги Август Картариус:

«Вплоть до последнего дня – 20 января 1945 года – товарная станция была завалена кроватями, диванами, креслами и прочей мебелью. Это были только предметы, приготовленные к погрузке. В 18.00 прием вещей был закончен. В 19.00 все товарные вагоны были загружены. Однако отход эшелонов от Инстербурга не гарантировал их проезд через всю Восточную Пруссию. Билетные кассы осаждали желающие уехать, особенно после бомбардировки. Сами кассы работали не переставая. Работники и чиновники считали деньги. Была пятница, и все служащие должны были идти домой на выходные, но получили приказ явиться утром в субботу на службу с вещами. После обеда через силу составленный пассажирский поезд был отправлен в сторону Кенигсберга с надеждой достичь запада. В 16.00 снова начался налет. Отходящий поезд был битком набит пассажирами. Когда он находился над туннелем, на первый перрон упали две бомбы. Один работник был убит, другие тяжело ранены. Однако поезд вырвался.

Мы, служащие, должны были работать дальше, еще не представляя, как долго это продлится. Русские были уже недалеко от Инстербурга. Можно было слышать их артиллерию. Вокзал и товарная станция за день превратились в руины. Служба время от времени нормализовывалась. Персонал, к счастью, сохранился. К вечеру русские перенесли свою стрельбу западнее. 20 января, в 24.00, пришел приказ об эвакуации

станции. В 00.30 21 января 1945 года мы покинули город на последнем поезде».

Доктор Вандер:

«Противник, по словам генерала Дормагена, занял Шприндт и всю северную часть города. Русские также бомбят вокзал и Зирштрассе (ул.Калининградская). Следует ожидать артобстрела всего города.

Вечером 20 января, проезжая через город, я не встретил ни одного человека. И это было хорошо для военных действий. Отдельные танки противника уже заняли Марктхаузен (пос.Высокое), стремясь перерезать дорогу на Кенигсберг. В самом же Инстербурге войск не было, только фольксштурм, полицейские, пожарные, санитары и эвакуационная команда. Большая часть электростанции была разбомблена. Город остался без электроэнергии и воды. Потушенные пожары после артобстрела возникали снова. Я и еще 25 человек после приказа покинули город на двух машинах в направлении Ёнишкена [Енихена] (пос.Свобода)».

Капитан Кинд, пожарный:

«Уже будучи в Ёнишкене, получили приказ вернуться в город и продолжить тушение пожаров. Весь день 21 января 1945 года тушили дома на Гинденбургштрассе (ул.Ленина). От кинотеатра «Капитоль» и до площади Альтер Маркт (пл.Ленина) был сплошной пожар. Русские обстреливали город из Георгенбурга (пос.Маевка). Вечером получили приказ доктора Вандера покинуть город. В районе аэродрома бросили последний взгляд на Инстербург: небо было красным от пожаров.

Во время беспорядочного положения фронта было возможным неожиданное появление Советов. В 16 часов переполненный пассажирский поезд отъехал от главного вокзала, около 19 часов были еще погружены беженцы с хуторов. Между тем был обстрелян

артиллерией и бомбардирован главный вокзал. В первые полчаса 21 января отправился последний пассажирский поезд с оставшимся персоналом вокзала.

Было воскресенье 21 января 1945 года. Советы достигли городского поселка Шприндт и продвинулись на севере к границе города. Их артиллерия усилила пожар на главном вокзале и особенно на Зирштрассе. Отдельные советские танки уже сделали шоссе Инстербург – Кенигсберг небезопасным. Инстербург казался вымершим. Только некоторые солдаты, служащие полиции, пожарная охрана, санитары и части технической помощи, а также маленькое эвакуационное командование городского управления находились еще в черте города. От нескольких граждан, в большинстве старых людей, которые не хотели покидать свой город, отказались. Их количество невозможно было установить.

Части Инстербургского народного ополчения, которые засели в дубовом бору, готовились в Альтхофе к защите. Советы достигли Георгенбурга и заняли продовольственное ведомство. Теперь они обстреливали центр города гранатометами. Сопротивление последних остатков военных соединений было значительным, иначе бы Советы, несомненно, заняли Инстербург в это воскресенье. Но первые советские солдаты только в ночь на понедельник проникли к площади Альтер Маркт, они перешли через арочный мост ниже по проселочной дороге к Лютеранской церкви. Официально последними покинули город полицейские из участка на Шпритценштрассе. Когда они отошли, Советы уже пришли на площадь Альтер Маркт. Кровавым цветом огня из плотных облаков трепещущего пламени город сигнализировал последним инстербуржцам, которые уходили по направлению Ёнишкена со слезами на глазах, последний раз оглядываясь на свой город».

Перевод Геннадия Гончарова.

МСТИТЕЛЬ

Он стоял на высокой горе и смотрел вдаль. Там по замерзшей реке шли люди в белых одеждах. Такую одежду он уже видел. А вот и человек вышел из своего деревянного дома навстречу обозу. Ветер подул с реки, и сразу появился знакомый запах лошадей, людей и еды. Инстинкт подсказывал, что надо пойти в стаю и предупредить об опасности. Огромных размеров полуволок-полупес тихо исчез в зарослях елей.

«Брат Дитрих! Вон та гора, на которой стоит большая собака, – это и есть то место, где была прусская крепость Унзетрапис», – сказал один из спутников великого магистра Дитриха фон Альтенбурга. «Слава Пресвятой Деве Марии! Последний переход был небольшим», – ответил магистр. «Всего две с половиной мили прошли мы от Дома Норкиттен», – уточнил сопровождающий рыцарь.

Генрих фон Грумбах, хозяин крестьянского двора Георгенбург, давно ожидал великого магистра. С ним прибыло много воинов и мастеровых. После того как рядом был разбит лагерь, все собрались в большой палатке магистра. На столе была разложена карта. «Нам, слугам Господа нашего, Иисуса Христа, предстоит поставить новую крепость для защиты от литовцев и для приведения их в лоно Церкви Христовой», – начал свою речь брат великий магистр Дитрих фон Альтенбург. Далее он пояснил, почему именно здесь должна стоять крепость. Местность эта находится на перепутье естественных дорог. Три реки – Ангерапп, Инстер и Прегель – сходятся тут. Дальше на восток на расстояние 20-25 миль – непроходимые леса. Только зимой и только по реке можно дойти до литовцев. Поэтому раз в год будут собираться братья-рыцари в новой крепости и совершать походы на восток во славу Иисуса

Христа и защитницы Ордена Пресвятой Девы Марии. После вечерней молитвы беседа была продолжена, но уже втроем: магистр, брат Грумбах и будущий комтур новой крепости Ханс фон Эдель. Хозяин Георгенбурга рассказал, что в округе несколько деревень надрувов – прусского народа, покоренного еще в 1256 году. Люди мирные, охотно работают за товары и пиво. В округе много всякой дичи, так что с провизией проблем нет. Неплохо было бы поставить мельницу да отвоевать у леса землю под рожь. На этом и расстались до утра.

Возвращаясь с охоты, черный пес не пошел сразу в стаю, а почувствовав что-то неладное, выбрал место для наблюдения. Предчувствие его не обмануло. Стаи больше не было. На горе люди в белых одеждах вырубали деревья. Все собратья черного пса лежали в куче со стрелами в телах. Один из людей брал очередную собаку и отрубал ей лапы. Выждав, когда человек отошел в кусты, пес, сделав круг, настиг свою жертву, вцепившись ей в горло.

«Староста надрувов Свано из деревни Спарге, что напротив, говорит, что людей убивает черная собака, она мстит за свою стаю. Они называют ее Ёдшунс», – сказал брат Грумбах. «За две недели убито семь человек, и никто ни разу не видел этого зверя. Скоро великий праздник – 1336-я годовщина Рождества Христова. Мы должны успеть поставить Дом к этой дате. Скажите братьям, чтобы ходили только группами, и надо организовать охоту на собаку». Слова магистра внесли некоторую уверенность в души братьев.

После освящения новой крепости, названной по имени реки – Инстербург, магистр отбыл в Кенигсберг. Крепость, построенная из дубовых бревен, стояла на самой высокой точке горы и была обнесена частоколом. Все работы дела-

ли надрувы, согнанные со всей округи. Теперь каждое утро открывались ворота, и большой обоз уходил вверх по течению ручья Чернуппе, протекавшего у подножия Замковой горы.

Пес знал, что там люди сделали большую запруду. Уже поставили огромных размеров колесо, которое приводила в движение падающая вода. Пока люди делали кирпичи из глины, ставя на них отпечаток лапами собак из его стаи, несколько человек на лошадях занимались охотой в ближайшем лесу. Пес следовал за ними, пытаясь настичь очередную жертву. Прошло уже много времени, листва опала с деревьев, а ему никак не удавалось осуществить задуманное – задавить вожака людей в белых одеждах. Он был очень осторожен, никогда не оставался один. Сопроводив на расстоянии обоз до ворот крепости и дождавшись темноты, пес протяжно завыл. Так было каждую ночь. Тотчас же на стенах появлялись люди с факелами в руках. «Смотрите! Я его вижу. Вон там светятся его красные глаза», – раздавались чьи-то возгласы. Несколько стрел упало вблизи.

К 1336 году от Рождества Христова была построена каменная крепость. Отслужив молебен, комтур Инстербурга брат Ханс фон Эдель долго стоял на галерее мощной крепостной стены, слушая вызывающий ужас вой. «Все! Завтра пойду на охоту один. Так долго продолжаться не может. Похоже, он вызывает меня на бой», – сказал он сам себе.

Услышав скрип ворот, пес вскочил. Его жертва медленно выходила из ворот. Одна. Ворота закрылись. Началась погоня. Пес уходил все дальше и дальше. Следом скакал рыцарь.

Поиски комтура продолжались до темноты следующего дня. Ни брата Эделя, ни черного пса никто больше не видел.

Говорят, что в течение веков, прошедших со времени этих событий, люди не раз видели Ёдшунса. Говорят, что и сегодня в руинах крепости Инстербург можно увидеть два красных глаза в темноте, а то и услышать навещающий ужас вой. А особенно под Рождество Христово.

Геннадий Разумный.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ КИРХА ХРИСТА В ИНСТЕРБУРГЕ

Эту кирху еще называли Старолютеранской. Располагалась она на холме среди садов на Шлосштрассе (ул. Дачная, сейчас территория воинской части). 24 июня 1858 года был заложен закладной камень, а 3 октября этого же года она была торжественно открыта. Кирха в готическом

стиле была длиной 50, шириной 30 и высотой 14 футов. По бокам по четыре окна. Внутри небольшой орган. В 1927 году она получила новое название – Кройцкирхе – и имела общину 500 душ. В семидесятых годах была разрушена, и сейчас на этом месте расположен склад.

ПОЭТ ВИЛЬГЕЛЬМ ИОРДАН ИЗ ИНСТЕРБУРГА

180 лет со дня рождения

Вильгельм Иордан родился 8 февраля 1819 года в городе Инстербурге, расположенном на Инстере и Ангерапп, на Прегельштрассе, 18/19 (ул.Прегельная). Его отец был ректором, затем пастором в Гумбиннене и, наконец, суперинтендантом в Рагните (города Гусев и Неман). Сын Вильгельм посещал гимназию там же и после окончания в 1838 году изучал теологию в Кенигсберге. В Норкиттене (пос.Междуречье) он дважды стоял на церковной кафедре, но изменил специализацию и в 1842 году окончил Альбертину (Кенигсбергский университет) в качестве доктора философии, к большому сожалению отца, который был представителем четвертого поколения теологов.

После переезда в Берлин, а с 1844 года в Лейпциг Вильгельм Иордан начал поэтическое творчество. В 1845 году он женился на Эмме Штайнберг из Тильзита. Пожив в Бремене и Париже, Иордан с женой и ребенком вернулся в Берлин, где его выбрали депутатом Германского национального собрания, там он занимался вопросами торговли и флота. Вильгельм был воодушевляющим оратором и борцом за объединение Германии.

Выйдя на пенсию, Иордан переехал во Франкфурт-на-Майне. Наступило необыкновенно продуктивное для творчества время. Его произведения – эпические и драматические поэмы, романы, драмы и комедии. Известны также его переводы Гомера, Софокла, Шекспира и Данте. В 1868-1874 годах Вильгельм написал самое главное свое произведение – эпос «Нибелунги».

Еще за много лет до выхода этого произведения в свет Иордан читал его с большим успехом в Европе и Америке. Он был выдающимся декламатором. Одним из известных произведений в форме эпической поэзии была мисте-

Поэт Вильгельм Иордан.

рия «Демидург», имеющая нечто общее с «Фаустом», из малоизвестных – «Литовские песни и сказания», написанные еще в студенческие годы.

Вильгельм Иордан был дружен со многими выдающимися людьми своего времени, например с Артуром Шопенгауэром и Ференцем Листом, с которым познакомился еще в Кенигсберге во время его концертов в марте 1841 года. Тогда волны восхищения захватили даже философский факультет Кенигсбергского университета. Там же философ Розенкранц и математик Якоби вручили великому тридцатилетнему музыканту диплом почетного доктора музыки.

Два года спустя Ференц Лист отправился на гастроли в Санкт-Петербург ко двору царя Николая I. Путь лежал через Кенигсберг, где охваченное восторгом студенчество решило присвоить ему академическое гражданство. Была создана делегация во главе

с Вильгельмом Иорданом. 24-летний красноречивый и умеющий слагать стихи филистер корпуса Литуания должен был приблизиться к обожествленному идеалу. Иордан стоял вместе со своими товарищами перед Листом и передавал ему почетное свидетельство. Затем он достал берет и нахлобучил его с размаху на голову музыканта. Впереди на берете был укреплен блестящий золотой Альбертус. Захваченный врасплох, Лист удивился, но, несмотря на это, обрадовался. С тех пор он носил Альбертуса на своем берете. Иордан и Лист так понравились друг другу, что инстербуржец немного сопровождал венгра по пути в Россию. Позже он написал поэму «Ференцу Листу...».

Умер Вильгельм Иордан 25 июня 1905 года во Франкфурте-на-Майне. Гроб с его телом был установлен в церкви Пауля. На панихиду собрались представители Рейхстага, канцлер Бюлов и другие известные лица.

Благодарные земляки в память о писателе одну из улиц Инстербурга назвали Иорданштрассе (ул.Комсомольская) и самую старую школу города, расположенную на улице, где родился поэт, именем Иордана (здание школы стояло рядом с Лютеранской кирхой; разрушено в 1975 году). Перед самой войной в 1940 году была построена еще одна школа, названная в честь Иордана (сейчас это здание на ул.Ленинградской разрушается).

Вильгельм Иордан

* * *

Мне тем величье подарили,
 Что радовать народ меня создали,
 И во Вселенной места нет,
 Где б не был я известен как поэт,
 Я, зубоскалам приказав молчать,
 Почтенье смог себе завоевать.
 К тому же к смелости любовь,
 Большое сердце и моя лихая кровь,
 И сила воли – не страшны
 Были враги и их препоны, –
 «Ты должен победить!» –
 Они кричали без испуга.
 Все это у меня из Инстербурга.

Франкфурт-на-Майне. Пасха 1899 года.

АЛЬТХОФ

Так назывался поселок на западе Инстербурга. Сейчас он носит название Портовый. На одноименной улице рядом с авторемзаводом находится дом с башней, бывший ранее господским домом имения Альтхоф, название которого в переводе с немецкого означает «Старый двор». Там, где теперь стоит завод, и было поместье. Построено оно было одновременно

со строительством замка Инстербург в 1336 году рыцарями Немецкого ордена. Это было передовое укрепление (фольварк), в функции которого, помимо обороны, входили и хозяйственные заботы о пропитании братьев Ордена. Тогда же построены были хранилища, сараи, бойня и другие хозяйственные постройки. С 1374 года начал работать в Альтхофе и конный завод с двумя жеребцами-производителями, 50 кобылами, 60 швайке (боевая лошадь) и многочисленными жеребьями. Во время нападения на замок и Альтхоф литовцев под водительством Свидригайло все постройки были сожжены до основания. Однако уже в 1382 году конный завод насчитывал 18 кобыл.

После преобразования Пруссии в герцогство (1525) Альтхоф, так же как и другие городские дворы, перешел под управление герцога под названием «Наш двор».

Во время Тридцатилетней войны (1618-1648) в имении в летнее время жила вдова шведского короля Густава Адольфа королева Мария Элеонора. При этом в своих письмах она упоминала о красивой липовой аллее в Альтхофе.

В 1645 году курфюрст Фридрих Вильгельм сдал поместье в аренду генералу Пьеру де ля Каву с условием разведения им лошадей. После смерти генерала поместье вернулось к курфюрсту. В 1734 году были возведены новые постройки вместо старых. Остатки этих строений можно видеть и сейчас, например господский дом.

В 1740 году конный завод Альтхофа был переведен в Тракенен (пос. Ясная Поляна Нестеровского района) и послужил основой для выведения знаменитой на весь мир тракененской породы лошадей.

Во время Семилетней войны (1756-1763) после битвы при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 года в поместье расположился генерал Апраксин.

В саду Альтхофа был разбит палаточный лагерь русских войск, которые пышно отпраздновали здесь день рождения императрицы Екатерины II [Елизаветы Петровны].

Поход французов на Россию в 1812 году проходил по дороге мимо Альтхофа. Здесь находился их большой бивак, на нужды которого моментально были разобраны все заборы, а хозяйство разграблено так, что арендатор двора Фредерици остался с одним нищенским посохом. После французских войн король Пруссии испытывал сильную нужду в деньгах, потому был вынужден продать Альтхоф вместе с Цауперном (пос.Школьный). Так в середине XIX века владельцем поместья стал юрист доктор Брандес, женившийся на наследнице этого имения.

В 1888 году на полях поместья был обнаружен могильник, существовавший с доисторических времен. Все находки были переданы в Общество древностей города Инстербурга. Во время рытья канала через земли Альтхофа (1926) было вскрыто еще 80 таких могильников II века до нашей эры. Проведенные в 1938 году археологические раскопки обнаружили 45 урн, останки 84 сожженных людей, 21 каменное захоронение и 6 захоронений лошадей. Среди находок были предметы: иглы, цепочки, фибулы (застежки-украшения), осколки стекла, янтарь и глиняные черепки.

Перед Второй мировой войной Альтхоф вместе с Гайтцуненом и Цауперном имел кирпичный завод, мельницу, электростанцию, школу. Направлением сельского хозяйства было разведение бычков (400; 150 коров), свиноводство (155) и коневодство (134). Кроме того, здесь был большой парк (7,5га). В 1927 году были построены мельница и лесопилка «Карл Брауншвайг» (в наше время склады горторга). В 1933 году население поместья Альтхоф насчитывало 588 жителей.

ВИЛЛА БРАНДЕС

Доктор Эрнст Брандес.

В нашем городе на улице Дачной расположено красивое здание с башней. В нем размещен детский дом. Построено оно в 1894 году как частный дом и называлось «Вилла Брандес». Хозяином ее был один из крупнейших помещиков Восточной Пруссии – доктор Эрнст Брандес.

Родился он в 1862 году. Закончил гимназию в Инстербурге. Будучи сыном богатого помещика Августа Брандеса, получил хорошее юридическое образование в университетах Лейпцига, Трира и Берлина. В 1893 году принял родовое поместье Альтхоф (сейчас пос. Портовый), насчитывавшее 5700 моргенов (1 морген – 0,25га) и занимавшее земли западнее города Инстербурга. В его хозяйстве находилось несколько деревень, среди них Цауперн и Гайтцунен (пос. Школьный и Новая Деревня). Занимался скотоводством и коневодством. Первым ввел контроль качества молока. Президент сельскохозяйственной палаты Восточной Пруссии, а после Первой мировой войны – президент главной палаты востока Германии. Неоднократно выбирался депутатом всех уровней государственной власти. Почетный доктор университетов Кенигсберга, Мюнхена и Фрайберга. Вместе с Шахтом организовал Пенсионный народный банк, что положило начало концу инфляции после Первой мировой войны. С 1932 года отошел от дел. В день своего семидесятилетия получил Немецкий крест за заслуги перед отечеством из рук президента Германии Гинденбурга.

«Господин президент» – только так называли старого Брандеса его работники, многочисленные друзья и гости, которые постоянно собирались у него в поместье. Среди друзей числились такие, как сын Гинденбурга и кенигсбергский профессор живописи Эдуард Бишофф, знаменитые всадники, приехавшие на конный турнир в Инстербург, и политические деятели.

4 апреля 1935 года Эрнст Брандес скончался, оставив в наследство пятерым детям родовое поместье Альтхоф. Была среди них и дочь Карла (26.11.1894–3.07.1973), в замужестве Косте. После Второй мировой войны она много печаталась в журнале «Инстербургер Бриф», издаваемом в Германии землячеством Инстербурга.

Не верь,
что изменить судьбу нельзя,
судьбу, что мучает, внушая страх.
Коль выдержишь
и все перенесешь, –
считай, она в твоих руках.

Так называемый «Ольга-Бан» («Olga-Bahn»), маленький тепловоз, доставлявший от станции ИКВ Герлаукен курортников к месту отдыха.

ИНСТЕРБУРГСКИЕ УЗКОКОЛЕЙНЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Инстербургская узкоколейка общей протяженностью путей 220 километров была самым крупным предприятием подобного профиля во всей провинции Восточная Пруссия. ИКВ (официально принятое сокращение немецкого Kleinbahn) должны были связывать между собой сельскохозяйственные районы вокруг Инстербурга в тех местах, где не проходила ширококолейная железная дорога. Тем самым Инстербургская узкоколейка внесла значительный вклад в развитие экономики данного региона. Помимо сельхозпредприятий, ее услугами для транспортировки своей продукции пользовались многочисленные молочные, кирпичные заводы, мельницы, лесопилки, а также прочие малые предприятия. Для многих людей только с вводом узкоколейки стало возможным совершать поездки в окружающей центр и даже в Кенигсберг.

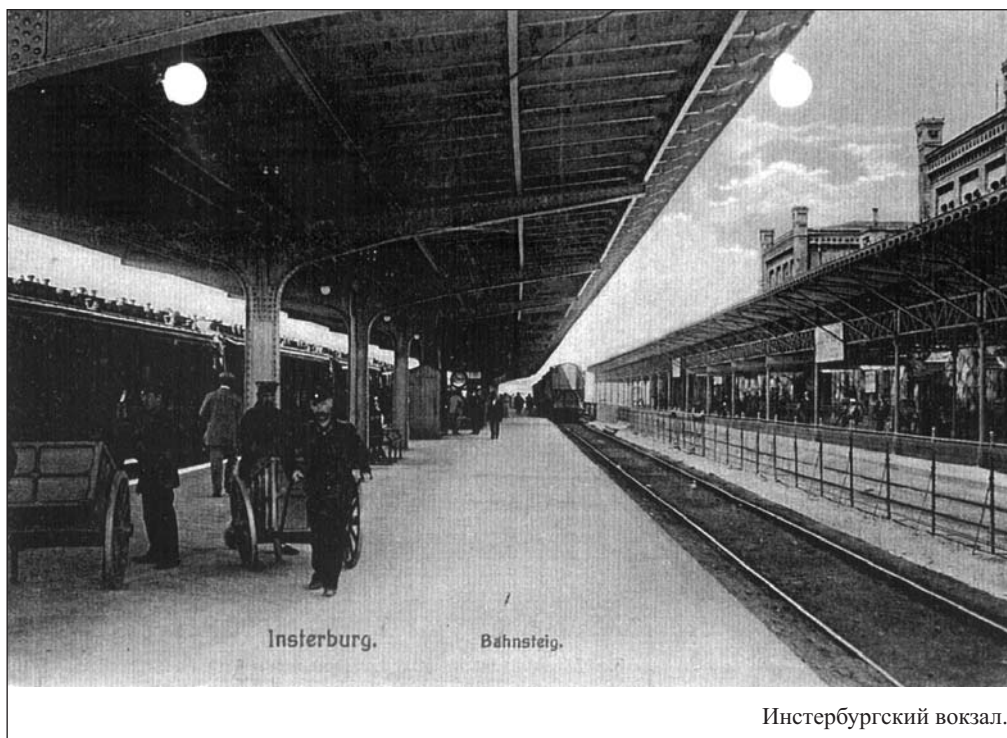
В народе сокращенное название ИКВ расшифровывалось как «Ich kippe bald!» – «Я сейчас опрокинусь!». Но многочисленные свидетели того времени утверждают, что ИКВ никогда не опрокидывались.

ХРОНИКА РАЗВИТИЯ ИКВ

1892. 28 июля вступил в силу прусский «Закон об узкоколейных железных дорогах». Этим законом округам и общинам разрешалось строить узкоколейки для удовлетворения своих локальных потребностей. Узкоколейки не попадали под строгие положения «Закона о железных дорогах» от 1838 года.

1894. Ландтаг (парламент) провинции Восточная Пруссия принял первое решение о финансовом содействии в строительстве узкоколеек.

1900. Основано АО «Инстербургские узкоколейки» с юридическим адресом в Кенигсберге. Учредителями

стали: Прусское государство, провинция Восточная Пруссия, округа Инстербург (Черняховск), Даркемен (Озерск), Рагнит (Неман), Нидерунг (Славский район), союз общин Пильнин – Меляукен – Вилковишкен из округа Лабиау (Полесск), а также строительная фирма «Lenz & Co» из Берлина. 23 июля новое общество получает разрешение от правительства округа Гумбиннен (Гусев) на концессию по строительству узкоколеек сроком на 75 лет.

1902. ИКВ начинают действовать на первых направлениях, остальные будут достроены до конца года. В этом же году начинается движение на принадлежащих ИКВ узкоколейках в округе Нидерунг (Гросс-Британиен – Каукемен) (пос. Ясное Славского района), а также между станциями Пагегяй и Шмаленнинген в Мемельском крае (Литва). Руководить предприятием уполномочено Восточно-Германское общество железных дорог с резиденцией в Кенигсберге.

1903. ИКВ переезжают в Инстербург.

1909-1917. Строительство и ввод в эксплуатацию дальнейших линий. Сеть ИКВ к 1917 году достигает протяженности около 215 километров.

1911-1917. Совместно с Кенигсбергской узкоколейкой проводятся испытания на эффективность бензоэлектрического вагона. С 1914 года он используется.

1914. При наступлении российской армии в Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны узкоколейкам был нанесен значительный ущерб. Повреждения были устранены в последующие годы благодаря государственной поддержке и шефской помощи других немецких городов.

1924. Объединение ИКВ с Кенигсбергской и Пилькалленской узкоколейками под названием АО «Восточно-Прусские узкоколейные дороги» с юридическим адресом в Кенигсберге.

1926. Параллельно со строительством речного порта на реке Прегель в Инстербурге начинается строительство железнодорожных подводов к нему

(ширококолейных, 1435мм, и узкоколейных, 750мм).

1928. Начало использования троллейбусов в дополнение к перевозкам по узкоколейке. Первая троллейбусная линия соединяет Меляукен (Залесье) и Попелькен (Прудовка). В последующие годы троллейбусное движение расширяется. В 1936 году имеется уже 8 линий. В эти годы большая часть пассажирских перевозок переносится на асфальтовые дороги. Этими методами пытаются снизить возрастающий дефицит на предприятии.

1932-1933. Строительство в городе Рагнит (Неман) железнодорожных подводов со смешанными колеями к речному порту. Железная дорога приходит на смену канатной установке, при помощи которой двигались товарные вагоны между портом и вокзалом.

1933. Администрация узкоколеек делает попытку продать предприятие, все более испытывающее дефицит. Произошло снижение объема перевозок по сравнению с 1914 годом на 60%. Правда, объем грузовых перевозок остался неизменным, но состоял большей частью из грузов низкой тарификации (гравий, камни).

1939. С началом Второй мировой войны объемы рельсовых грузовых перевозок вновь возросли, так как большинство автомобилей было мобилизовано для нужд армии.

1939-1945. Из-за отсутствия персонала работают пенсионеры. Появляется все больше изношенной техники. Объемы пассажирских перевозок достигают предвоенного уровня. В товарных перевозках наблюдается значительный прирост.

1945. С января 1945 года начинается бегство немецкого населения из зоны действия ИКВ. Узкоколейка оказывает свои последние услуги. Напоследок буксир цепляет все имеющиеся в распоряжении вагоны и направляется в Растенбург.

1945-1948. Узкоколейка демонтируется, вагоны утилизируют или отправляют в Россию.

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДАННЫЕ ИНСТЕРБУРГСКОЙ УЗКОКОЛЕЙНОЙ ДОРОГИ

(По состоянию на 1938-1939 годы)

Владелец: Восточно-Прусское АО узкоколейных ж.д. в Кенигсберге.

Управление предприятием: Восточно-Германское ж.д. общество в Кенигсберге.

Резиденция местного управления: Вокзал узкоколеек в Инстербурге.

Надзорный орган: Имперский уполномоченный по надзору за ж.д. в Кенигсберге.

Вид деятельности: Подобная настоящей ж.д. узкоколейка для перевозок граждан, багажа, грузовых вагонов.

Ширина колеи: 750мм.

Длина дистанции: 221,4км (из них 7,19км со смешанной колеей, 750/1434мм).

Длина всех рельсовых путей: 244,19км.

Частные подключения: 17 путей общей протяженностью 3,98км.

Наибольший уклон: 1:65 на участке Варнашельн – Линденхоф.

Наименьшая кривизна пути: 50м на участке Инстербург – Краупишкен.

Допустимое давление колес: 3т; на участке со смешанной колеей – 8т.

Локомотивы: 17 паровых локомотивов.

Моторные вагоны: 1 бензоэлектрический вагон.

Пассажирские: 33 штуки.

Багажные: 6 штук.

Товарные вагоны: 273 штуки общим весом 2494т.

Работники: 56 служащих, 116 рабочих.

Станции пересадки на «большую» ж.д.: Инстербург – вокзал узкоколейки, Меляукен (Залесье), Скайсгиррен (Большаково), Рагнит (Неман), Норденбург (Крылово).

Станции пересадки на водный транспорт: Инстербург – Прегельтор, Рагнит, Пильпин.

Локомотивные депо: Инстербург, Рагнит, Краупишкен (Ульяново), Меляукен, Скайсгиррен, Вирбельн (Жаворонково) и Тремпен (Новостроево), в городе Инстербург вокзал узкоколейки.

ИСПОЛНИЛОСЬ 160 ЛЕТ ИНСТЕРБУРГСКОМУ КОННОМУ ТУРНИРУ

(По доктору Вальтеру Генцеру)

В этом году исполняется 160 лет конному турниру в Инстербурге. Его развитие предполагало параллель с городом Ахеном (Германия), конноспортивные традиции которого берут свое начало в XV столетии, когда устраивались пышные средневековые праздники наездников со скачками в честь коронаций. В том же столетии (1499) состоялся первый турнир в Кенигсберге с высокими наградами для конных заводчиков-победителей.

Инстербург приобрел значение как место проведения конных состязаний только после основания главного конезавода в Тракенене (пос. Ясная Поляна Нестеровского района) в 1732 году, в ходе реформ по усилению прусской кавалерии, проводимых Фридрихом Великим. Благодаря стараниям легендарного гусарского генерала Ханса Иохима фон Циттена, начавшего карьеру лейтенантом Инстербургского драгунского полка, из гарнизонного города Инстербург превратился на протяжении ста лет в город конных турниров. Его слава и авторитет перешагнули национальные границы.

В то время как на западе Германии проводились конные состязания по английскому образцу, на востоке в Кенигсберге образовалось в 1833 году конноспортивное общество со своими правилами. В 1839 году с помощью «Общества турниров и скачек Инстербурга» были проведены первые соревнования на инстербургских полях. После первого успеха они стали проводиться каждую осень. Сначала в них принимали участие только чистокровные лошади. Близость к Тракенену с его высококровными производителями обусловила проведение односторонних испытаний в форме скачек с препятствиями на 5 тыс. метров, ставших с 1911 года знаменитыми скачками по пересеченной местности в Тракенене.

Первый в Восточной Пруссии большой турнир состоялся в 1913 году на старом ипподроме в Инстербурге. В программе были дрессированные испытания для скаковых лошадей, в том числе специальные – с участием наездниц, скачка с препятствиями и квалификационные испытания для упряжек.

Это многообещающее начинание было прервано Первой мировой вой-

ной. Но сразу же после ее окончания по инициативе коннозаводчиков, в 1919 году, на площади в 60 моргенов (1 морген – 0,25га) недалеко от города было начато строительство первого в Германии ипподрома с твердым покрытием.

На окаймленной с трех сторон рекой Ангерапп площадке было устроено 22 препятствия. Уже тогда ипподром предъявлял серьезные требования как к наездникам, так и к лошадям. И выступавшие там с двадцатых годов свидетельствовали, что он вышел на первое место в Восточной Германии, став местом проведения престижных турниров, особенно привлекательных для спортсменов с севера и востока Европы.

На турнире в Инстербурге проходили два ежегодных состязания: «Большой приз Восточной Пруссии» с 29 прыжками через 20 препятствий на маршруте длиной 1640 метров и «Большое многоборье», состоявшее из трех видов: выездки, парфосной езды в Тракенене протяженностью 12 километров с 45 препятствиями и конкур.

Восточная Пруссия с двумя кавалерийскими полками и конной артиллерией была идеалом для всадников. Именно поэтому в Инстербурге и Тракенене проходила подготовка немецкой команды к Олимпиадам 1928 года в Амстердаме и 1940 года в Хельсинки (последняя не состоялась из-за войны).

После смерти в 1928 году покровителя Инстербургского турнира при-

нца Фридриха Сигизмунда Прусского многоборье получило дополнительное наименование «Приз Фридриха Сигизмунда». Другие знаменитости, которые погибли на конных соревнованиях, причислялись к «гвардии» турнира в Инстербурге. Здесь ежегодно проходили конноспортивные мемориалы в честь барона фон Лангена, Акселя Хольста, Герла Хилленберга, графа Гертца.

Чтобы повысить квалификационный уровень и международное значение с дальней перспективой, все сооружения ипподрома были расширены подполковником Эрихом Вёльки, главой «Восточно-Прусского общества турниров в Инстербурге». Его заслуги высоко оценил Дитрих фон Ленски-Каттенау, председатель Тракененского Союза: «Вёльки всегда так стремился устроить площадку для соревнований, чтобы она была максимально приближена к природе и не производила впечатления искусственности. При сооружении препятствий Вёльки использовал опыт ипподромов в Пардубице (Чехия) и Ливерпуле (Великобритания). Результатом его стремлений стал ипподром, каких еще поискать. Ни одна трасса не передавала великолепие породистых лошадей красивее и отчетливее, чем трасса Инстербургского ипподрома».

Новое расширение стало возможным после перепланировки русла реки Ангерапп. На 33 гектарах было устроено 80 препятствий, из них 18 учебных, и множество прудов. Рядом с самим ипподромом были созданы площадки для поло и для обучения верховой езде, а также школа наездников с манежем для проведения зимних турниров.

Три новые трибуны предоставляли обзор всей территории, после того как была вырублена Воронья роща (к сожалению зрителей, которые с нетерпением ждали, кто из всадников первым появится из-за нее).

Геральд фон Момм охарактеризовал образцовое сооружение одним предложением: «Специалисты из всех великих стран проводили здесь наблюдения и не уставали выражать свою признательность и восхищение».

Каковы же были специфические особенности этого образцового ипподрома? Стационарные и разделенные на дальние линии препятствия можно было брать с двух сторон. Таким образом, можно было варьировать место старта и финиша были оборудованы электрическими таймерами.

Из самых известных препятствий можно описать «Инстербургский вал» протяженностью 13 метров, состоявший из трех частей: с одной стороны опорная стена с низким барьером для прыжка, в середине ров и снова барьер. Всю комбинацию нужно было преодолеть мастерски, не слишком сильно толкаясь в среднем прыжке. В противном случае можно было упасть, как это случилось со знаменитым Хилленбергом, который здесь погиб.

Преодоление естественных водных преград на всех ипподромах Восточной Пруссии было серьезной проверкой выучки всадника и лошади. Что ждало их на Инстербургском многоборье, описывает Густав Рау: «Нужно было преодолеть барьер с

последующим прыжком в Ангерап. Конь и всадник исчезали под водой и должны были плыть, пока не достигли противоположного берега». Дважды победитель «Большого турнира» в Пардубице Оскар Ленгвик сказал: «Нужно участвовать в скачках в Инстербурге, чтобы выдержать в Пардубице». Эти тяжелейшие на континенте скачки с препятствиями проходили по естественной трассе протяженностью 6900 метров с 30 мощными прыжками, что требовало невероятных сил, особенно при преодолении «свекольных полей». 9 раз за 14 лет после Первой мировой войны восточно-пруссские лошади были победителями. При многообразии комбинированных прыжков на Инстербургском ипподроме и в Тракенене лошадь и всадник должны были доказать, что на пересеченной местности они уверенно справятся с любой ситуацией. Зачастую половина лошадей падала на скачках. В скором времени трасса Инстербургского ипподрома вошла в высшую лигу трасс для полукровок наравне с Тракененом, Карлсхорстом, Ахеном и Ганновером.

В соревнованиях в Инстербурге в период с 1934 по 1939 год принимали участие команды из Латвии, Литвы, Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании, Польши, Венгрии, Румынии и Италии.

Последний Национальный приз на юбилейном столетнем турнире в августе 1939 года был выигран комбинированной командой Инстербургского кавалерийского полка и конной артиллерии у команды России.

В конце века Инстербургский турнир возродился уже на Черняховской земле. Четыре раза в городе проходил этап Кубка Мира, потом к нему присоединился Кубок Наций. На пятый – вышла осечка. Но многие черняховцы уверены – в XXI веке конные турниры в Черняховске продолжатся. Традиция обязывает.

ЦЕРКОВНАЯ ОБЩИНА ДИДЛАКЕН

Община была основана в 1665 году Пьером де ля Кавом. В ее состав входили деревни Дидлакен (пос.Тельманово), Хутмюле (пос.Вершинино), Диттау (пос.Осиновка), Енихен (пос.Свобода), Шляйфенау (пос.Капустино), Амвальде (пос.Сенцово) и другие, которые сейчас уже не существуют. Кроме того, на территории общины находилось 20 крупных имений. Население на 1939 год насчитывало 3306 душ.

Центром общины была деревня Дидлакен. Название ее происходит от литовского «didlaukis», что равнозначно немецкому «Großlandbesitz», в переводе на русский – «крупный землевладелец», иначе «помещик». Основателем деревни был де ля Кав – владелец имения Альтхоф-Дидлакен («Старый Двор Дидлакен»). Год основания 1651-й. На этом месте еще во времена Ордена находился охотничий домик. В 1665 году там была построена кирха, в 1676-м – госпиталь, а в 1680-м – сукновальня и мельница, которая давала деревне перед Второй мировой войной электричество.

В 1939 году Дидлакен насчитывал 133 хозяйства и 452 жителя, из которых 186 работали в сельском хозяйстве и на лесозаготовках, 93 были ремесленниками, 48 занимались торговлей и транспортом; имелись трактир, промтоварный и ликеро-водочный магазины. В 1945 году трактир сгорел дотла. Осенью этого же года в деревне был организован лагерь для русских перемещенных лиц, возвращающихся на родину из Германии. На землях общины после войны был организован колхоз «Свобода».

Одним из имений был Альтхоф-Дидлакен. Во времена Ордена на месте имения на реке Диттау стояла охотничья хижина. «...Для заботы о старых людях основана хижина Дидлакен», – сказано в орденской хронике. В 1556 году она еще называлась Дитва. С 1600

года начинается заселение дикой местности Дидлакен. Известно, что 27 февраля 1612 года секретарь Каспар Кениг получил 8 гуфов (1 гуф – 17га). В 1651 году за свою службу Пруссии получил 100 гуфов и основал имение Альтхоф-Дидлакен французский полковник Пьер де ля Кав (полное имя *Pierre Le Gauliez de la Cave*). После его смерти (8 мая 1679) имением владел его единственный сын Вильгельм (умер 16 января 1731), который завещал его Фридриху Вильгельму I. С 1871 года по 1920 владельцем был герцог фон Дессау.

Генерал-майор и губернатор крепости Пиллау (г.Балтийск) Пьер де ля Кав, будучи французским полковником, бежал из Франции по религиозным причинам. На осваиваемых им новых землях поселились и уроженцы Франции, где слово «пейзан» (фр. «крестьяне») еще долго напоминало об их бывшей родине. При Георге Вильгельме Пьер де ля Кав получил должность командира новой гвардии Пруссии. Его владения представляли плодородные земли, пригодные для стоянки кавалерии. С небольшим перерывом, когда он был назначен губернатором Пиллау, де ля Кав жил близ Инстербурга. Будучи глубоко религиозным человеком, он основал кирху в Дидлакене.

Это было простое фахверковое строение с башней. Во время Семилетней войны в 1757 году оно было сожжено русскими войсками вместе с домом пастора. В 1783 году кирха была восстановлена Готфридом Швайгером из Инстербурга, но уже без башни, за 1812 талеров 26 серебряных грошей и 1 пфенниг. Кирха имела форму прямоугольника, примерно 32,5м в длину, 14,5м в ширину, с восточной стороны пристроена ризница, окна и двери в виде остроконечных дуг. Простой массивный зал с трехсторонней оконечностью. Внутренние помещения с плоскими

Открытка с видами Дидлакена.

потолками, хоры располагаются до восточной стены, кафедральный алтарь простой работы (1875). Слева от алтаря у восточной стены находилась эпитафия из песчаника основателю старой кирхи Пьеру де ля Каву, окруженная солдатскими аллегориями, среди которых гербы обеих жен. Орган был установлен в 1855 году. Два колокола, 1760 и 1762 годов, висели под куполом кирхи. Распятие в кирхе было новой работой известного инстербургского скульптора Отто Дренгвица.

Позади ризницы находился сооруженный в 1676 году мавзолей Пьера де ля Кава с плетеной дверью, через которую входили и осматривали мумию. Его обеих жен похоронили там же, под полом мавзолея, после того как в 1757 году русские выбросили их останки из гробов. В 1807 году после битвы под Фридландом в склеп проникли французы и выбросили мумию в пруд. После этого мумию снова положили в склепе в тяжелый дубовый гроб, крышка которого была снабжена стеклом. В 1914 году русские снова

сбросили мумию в пруд. Сильно поврежденной ее вновь вернули на место, где год за годом ее осматривали многочисленные туристы.

Еще одним учреждением, основанным Пьером де ля Кавом, был госпиталь. Просуществовал он до 1945 года. В учредительном документе говорится: «В честь триединого Бога я, нижеподписавшийся, решил построить моей любимой супруге, благородной госпоже Анне Агнесс де ля Кав, урожденной фон Севенар, за ее добрые дела в знак благодарности в моей деревне Дидlackен у кирхи госпиталь, где можно будет принимать и кормить бедных и стариков. 1 января 1776 года я отдал распоряжение строить хороший новый дом посреди вышеуказанной деревни».

Еще в 1825 году в кирхе проводили богослужения на литовском языке, хотя уже немногие члены общины говорили по-литовски. Один из пасторов кирхи, Фабиан Ульрих (1712-1747), выпустил собрание литовских религиозных песен.

После 1945 года кирха была полностью разграблена.

БОЛЬНИЦА АЛЬБЕРТА БИРТА

Районную больницу на Торнер штрассе (сегодня – госпиталь на ул.Московской) построил архитектор Альберт Бирт, родившийся в Кенигсберге 5 июня 1889 года. На этой же улице Бирт построил дома с квартирами для многодетных семей. Первый из них был готов в 1929 году. Дом на углу Торнер штрассе и Казерненштрассе был построен накануне Второй мировой войны. Архитектор имел мало го-

сударственных заказов, так как не был членом национал-социалистической партии, однако выполнял много частных, например виллы на нынешней улице Красноармейской и других. После войны Альберт Бирт многие месяцы находился в бывшем концентрационном лагере Ораниенбург на территории ГДР. Недолго пожив на свободе, он умер 15 марта 1947 года и был похоронен в Марканштадте около Лейпцига.

ГЕРБ ОКРУГА

Как сообщает журнал Инстербургского землячества «Insterburger Brief» («Инстербургский дневник»), №9-10 за 1999 год, обнаружен герб округа Инстербург в так называемом «Тайном архиве» города Берлина. Нашел его господин Майер из Гамбурга. На серебряном щите изображен трехступенчатый фронтон замка Георгенбург красного

цвета. На фронтоном перекрестье алембарды и палицы (элементы герба капитана Пайна*).

29 августа 1541 года Инстербург получил права городского поселения. Герб округа Инстербург датирован 1935-1936 годами и является единственным гербом округа, что нетипично для Германии. Ни один другой округ не имел герба.

ВРАТА АДА?..

Дважды в уходящем году наш город посетила француженка мадам Бертиль Узе, член генеалогического общества, исследующая генеалогию последнего цесаревича Российской империи Алексея Романова, единственного сына последнего русского царя Николая II. Поводом для исследования послужила болезнь цесаревича – гемофилия (несвертываемость крови, при которой любая царапина может привести к смерти). Болезнь эта передается по наследству по материнской линии и только мальчикам. Переносчицей гемофилии была мать Алексея – Александра Федоровна – чет-

вертая дочь герцога Гессенского Людвига и его жены герцогини Алисы Английской, младшей дочери королевы Виктории. Наконец, после рождения четырех дочерей, 30 июля 1904 года появился наследник. К тому времени государыня знала о родовой болезни и уже потеряла от нее брата и сыновей своей сестры, принцессы Прусской. Из всех эти роды были для нее самыми легкими.

Но вернемся к мадам Бертиль Узе. Что она искала у нас? В своих исследованиях она проследила генеалогию цесаревича Алексея, ее интересовали только больные гемофилией. Выясни-

лось: у основателя кирхи в Дидлакене (пос.Тельманово) Пьера де ля Кава были сын (детей не имел) и дочь Элизабет, вышедшая замуж за канцлера Пруссии Георга Фридриха фон Кройца. У них также была дочь, вошедшая посредством замужества в Датский королевский дом. Так вот она уже была носителем гомофилии, которая передалась через время посредством браков и рождений цесаревичу Алексею.

Теперь перенесемся в далекое село Покровское Тобольской губернии, где в семье крестьянина Ефима Новых родился мальчик Григорий, более известный в мире под фамилией Распутин, – одна из загадочных личностей XX столетия. Его называли ужасным чудовищем, святым чертом, Старцем. В 1904 году (!) Распутин появляется в Санкт-Петербурге и всеми силами старается приблизиться к семье императора. В 1907 году Старец оказывает первую помощь цесаревичу Алексею и становится единственным, кто может лечить наследника, оказывая при этом поистине сатанинское влияние на государя и императрицу.

Старец дважды настойчиво предупреждал царя, чтобы он не вступал в войну (1914). Но Николай II, не любивший Распутина, не прислушался к нему. Зачем же Старец давал такой совет? Не для того ли, чтобы стать посредством будущего царя Алексея безраздельным повелителем Российской империи? И к чему бы это привело? Однако не получилось. И тогда он предсказывает гибель империи: если смерть ему, Распутину, принесут «бояре», их руки будут умываться в крови в течение 25 лет, после чего в России не останется ни одного аристократа, а сам царь с семьей погибнет через два года. Он знает о своей смерти точно и даже называет дату с ошибкой в два дня – 1 января 1917 года. Несмотря на это, он идет в дом князя Юсупова. 28 декабря 1916 года миссия Распутина, этого дьявола во плоти, – править Россией безраздельно – не удалась, и он ввергает Россию в хаос. Цесаревич Алексей был расстрелян вместе со своей

семьей в 13 полных лет и за 13 дней до своего рождения.

Будучи впервые в Германии в 1990 году по частному приглашению, я встретился с очень интересным человеком – русским, эмигрировавшим из Страны Советов в середине 60-х. Увидев на лацкане пиджака значок с гербом Российской империи, я поинтересовался, почему он носит его. В ответ услышал небольшой рассказ.

«Когда я эмигрировал в Германию, то сжег все мосты. Даже приехать на похороны моей матери Советы не разрешили. В первые годы тоска по Родине была настолько сильной, что готов был лезть на стену. И вот узнаю, что в Западном Берлине есть русский ресторан. Бросив все дела, я вылетаю туда. Мне просто как воздух было нужно общение с русским. Вхожу в зал, посетителей немного. За одним из столов сидит старик. Знаешь, есть такие, во внешности которых сразу видно благородное происхождение. Подхожу, прошу разрешения присоединиться. Представляюсь и слышу в ответ: “Князь Феликс Юсупов”».

Здесь я, автор данной статьи, явственно ощутил дыхание истории. Как это далеко и близко одновременно. Я слушаю человека, который был знаком с убийцей Распутина. Так вот, мой знакомый еще несколько раз встретился с Юсуповым до его смерти в 1967 году. С тех самых встреч он читает книги только по русской истории и не снимает значок с гербом Российской империи – подарок князя Юсупова. Я же сам стал заложником Старца. Он «держит меня за горло». Я читаю все, что печатается о нем.

Так история свела воедино Дидлакен (сейчас пос.Тельманово, что тоже весьма странно: поселок почему-то переименовали в честь немецкого коммуниста), Пьера де ля Кава, цесаревича Алексея, Распутина и Великую Октябрьскую революцию. И еще одно интересное совпадение. Пруссы утверждали, что где-то под нынешним Черняховском находится вход в ад. Уж не Дидлакен ли это?

ПРОГУЛКИ ПО ИНСТЕРБУРГУ

Глядя на карту местности, можно обнаружить, что город Инстербург расположился не на реке Инстер, по имени которой назван, а на реке Ангерапп. Далее реки сливаются, образуя Прегель, оставляя далеко позади себя очертания города, и их воды попадают в большую долину с холмами, лесами и болотами. При этом возникает вопрос: почему в Инстербурге есть улица Прегельная?

Вообще, у инстербуржцев, особенно это касалось купечества, было много проблем с реками. Мечтой горожан всегда было открытие судоходства, чтобы родной город стал портом, но это никак не удавалось осуществить, не хватало инвестиций. Движение малых судов было прекращено из-за обмеления реки Прегель. Выше Велау (пос. Знаменск) воды не хватало даже для плоскодонок.

Лишь в 1927 году здесь праздновали открытие порта и судоходного канала, прорытого от Гайтцунена (пос. Новая Деревня) до Инстербурга, при этом плотина на Ангерапп обеспечивала регулярный приток воды. В то время жители города, прикрывая рот рукой, шептали, подмигивая: «В инстербургском порту стоит корабль на воде». Однако наряду с насмешками в городе были и смельчаки, которые водили суда до Средиземного моря, начиная путь на родине. Среди них был и своенравный Берцио, известный во всем мире коллекционер жуков.

На Прегеле появились моторные суда и пароходы, которые перевозили минеральные удобрения и уголь. На вывоз отправляли зерно, сыры и другие товары.

Канал и запруженную Ангерапп использовали также спортсмены-гребцы для тренировок и отдыха, а байдарочники полюбили реку Инстер.

Как Прегель питают воды различных источников, так и город вбирал в себя переселенцев из других стран. Шотландцы, такие как лавочник Олефант, представитель церковного рода Шпербер из Тюрингии, многочисленные австрийцы из Зальцбурга сделали местность богаче. В самых старых хрониках Ордена можно найти прусские имена: Тейко, Гирлах, Гетткант, Везеле, Суркау, Гланде, Гавен. Они послужили основой целых династий.

Молодой город расцветал благодаря своим первым бургомистрам: Бергендорфу, Рюкерлингу, Шиммельпфеннигу, Бульбеку, Лельхоферу и Брошвитцу. Самостоятельность этих городских династий нашла выражение в богатом убранстве Лютеранской кирхи на площади.

Жители Инстербурга использовали свои возможности на пользу города и окрестностей. Они строили прочные шоссе, а также небольшие дороги, ведущие во все уголки района. Но самые лучшие начинания ничего не стоят, если люди не берут инициативу в свои руки. В Инстербурге был такой человек – осмотрительный и дальновидный бургомистр Корн. Он приступил к исполнению своих служебных обязанностей в 1868 году и находился в этой должности целых 23 года – до 1891 года. Не обращая внимания на выступления своих противников, Корн приобрел для Инстербурга так называемое поле Ботше, где частный владелец выращивал картофель (располагалось между улицей Калинина и вокзалом). Там впоследствии были построены широкие улицы. Позже было приобретено Ленкенингкен, расположенное восточнее города. Конечно, тогда нельзя было предвидеть, что на этих землях будут построены многочисленные казармы. Для горожан важнее были там же построенные стадион и ипподром, достав-

Парк в Долине стрелков (ныне городской парк).

лявшие много радости и молодым, и старым, и, в конце концов, многочисленным гостям города.

В 1870 году был разбит парк в Долине стрелков и поставлен памятник Германии-победительнице. Теперь можно было пройтись из юго-западной части города в северную красивыми парковыми дорожками мимо прудов и полюбоваться плавающими лебедями, далее, мимо замка и Лютеранской церкви, выйти на набережную Анграпп, левый берег которой изрезан оврагами. Старые, с огромными кронами, деревья, находящиеся под охраной, образуют тенистые дорожки, ведущие к стадиону и далее к главной достопримечательности города – ипподрому, принесшему мировую известность Инстербургу так же, как порт – Гамбургу, собор Мюнстер – Страсбургу и Лувр – Парижу.

Благодаря расположению Инстербурга, несмотря на отсутствие полезных ископаемых, в городе имелись промышленные предприятия, которые занимались в основном переработкой сельскохозяйственной продукции. Это

были мельницы и молочные заводы, которые поставляли в Германию 15% общего обмена молочного сахара. Были также заводы, выпускавшие химическую продукцию, перины, сладости и многое другое. Лесопильные заводы и кирпичные фабрики поставляли стройматериалы. Немалую прибыль приносили и пивоваренный завод.

Провинциальная женская клиника в Инстербурге после перестройки и расширения и благодаря опять же хорошему расположению города стала самой большой и лучшей женской клиникой наряду с Кенигсбергской университетской. Произошло это во многом и потому, что в клинике было хорошее руководство. Краевой роддом и акушерская клиника были единственными учебными заведениями, где можно было получить образование и повысить квалификацию акушеркам из Восточной и Западной Пруссии.

В народе ее называли «приютом аистов» и всегда радовались, когда весной на высокую крышу прилетала пара аистов и начинала высиживать птенцов.

Впрочем, этот район всегда славился самым большим количеством аистов во всей Восточной Пруссии. И, возвращаясь к народной мудрости, – а у инстербуржцев был юмор, которым они сами себя высмеивали, – нужно вспомнить поговорку: «Überall dring Bildung durch – nur nicht nach Insterburg», что в переводе означает: «Всюду проникает образование, но только не в Инстербург».

Как обстояло дело с образованием, можно было узнать даже гостю города, которому нужно было только пройти по Райтбанштрассе (ул.Калинина): к дому директора гимназии примыкало большое здание из кирпича – государственная и реальная гимназии – с ухоженным сквером у входа. Замечательный, украшенный большими настенными картинами на тему «Одиссеи» актовый зал производил впечатление университетской аудитории. Тут прохо-

дили утренние молебны в сопровождении органа, звучали доклады об искусстве и науке в присутствии большого скопления публики. Для музыкальных выступлений был готов рояль. К зданию гимназии примыкал высший лицей. Деятели искусства высокого ранга, которые были в городе проездом, охотно отвечали на приглашения провести вечер в Инстербурге, отдохнуть и дать концерт в королевском саду или в зале гильдии стрелков (Дом офицеров), – например, швейцарский пианист и дирижер Эдвин Фишер или блистательная пианистка, признанная исполнительница Бетховена Элли Нэй.

И в заключение: в конце XIX и начале XX веков Инстербург стал не только красивым городом, но и городом, имевшим важное значение.

Пауль Брок.

ХАНС ОРЛОВСКИЙ

В семье портного в Инстербурге 1 марта 1894 года родился будущий художник Ханс Орловский. После переезда семьи в Шарлоттенбург Орловский прошел обучение в школе художественных ремесел. После службы в Сербии, где он получил ранение, работал чертежником в военном министерстве. В это же время появились его первые линогравюры. После окончания войны Орловский продолжил свое обучение в Государственной художественной школе Филиппа Франка. В 1919 году выставил свои работы в Берлинском сецессионе. В этот период на его творчество оказали влияние группа художников «Мост» и Кете Кольвиц из Кенигсберга.

В период с 1921 по 1945 год работал преподавателем рисования и искусствоведения в своей же школе в Шарлоттенбурге. В 1931 году получил звание профессора. По приглашению искусствоведа Роже Аверме из Антверпена Орловский принимает участие в выставке бельгийской группы художников «Люмьер».

Во время Второй мировой войны художник служил в Берлинской Национальной галерее. Его студию разбомбили, все деревянные клише и 65 картин сгорели. После окончания войны инстербуржец получил назначение в Высшую школу изобразительного искусства Берлина, где он вел класс настенной живописи, фрески, графики и живописи по стеклу.

В 1954 году Орловский получил премию города Берлина за выдающиеся произведения в области графики. За год до этого он был избран членом Королевской Фламандской Академии наук, литературы и изящных искусств в Брюсселе. В 1962 году произведен в офицеры Ордена Леопольда II в Бельгии за национальное воспитание и культуру. В 1964 году он был избран почетным членом Флорентийской Академии.

Когда 3 мая 1967 года Ханс Орловский умер, в некрологе было сказано о художнике: «Своеобразие и слава Орловского, которые он приобрел целиком своими силами, покоятся на гравюре по дереву. Свободу он понимал как определенный порядок, как уважение и исполнение долга. Орловский не оставлял незаконченного. Он считал себя обязанным доводить все до готового состояния, до совершенства».

Художественное наследие художника находится в Бельгии, стране, где он заслужил наивысшее признание. В Хасселтском доме-музее «Де витт Энгель» создан исследовательский центр творчества живописца и графика. Там же находятся и его 49 картин, 406 гравюр на дереве и другая графика, 73 деревянных клише, рисунки, а также архив писем и студийный инвентарь художника.

«Орловский – это график, – сказано в каталоге выставки в институте имени Гете в 1986 году, – который понял и убедительно использовал драматические возможности черного и белого...»

Технику гравюры на дереве Ханс Орловский охотно использовал в своих многообразных иллюстрациях всемирной литературы. Это свыше 120 книг, среди которых произведения классиков немецкой литературы.

К 55-летию штурма Инстербурга М. Альтман, Н. Жмылев

ШТУРМ ИНСТЕРБУРГА

*Фрагменты документальной повести,
впервые опубликованной в газете «Коммунист» в 1970 году*

В 20.30 21 января начальник дивизионной радиостанции младший лейтенант Ещенко принял радиogramму по радиации командующего 11-й армией Галицкого. После ее расшифровки выяснилось, что задача дивизии изменена. Ей приказывалось ударом на юг к исходу 22-го января овладеть городом Инстербургом.

Для выполнения этой задачи дивизии придавались 310-й танково-самоходный артиллерийский полк и 350-й танковый полк.

В полночь, обогнув с запада на юг погруженный во тьму Георгенбург (ныне пос. Маевка), разведчики вышли к берегу Инстера.

На пути они встретили бронетранспортер, три бортовых автомашины с живой силой и пушками на прицепе. На окраине пригорода, прислушиваясь к сдержанному говору немцев и к какому-то передвижению внутри самого Георгенбурга, приметили более крупное орудие, затянутое маскировочной сеткой.

В 22.30 полки начали продвижение на Инстербург, имевший большое военное значение. Ведь в этом районе проходила вторая полоса обороны немцев – укрепленный район под названием «Ильменхорст».

Около часа ночи подошли к месту, определенному приказом командира полка – к арочному мосту через Инстер. В это время батальон майора Васильева с северо-запада Инстербурга через реку Ангерапп двигался в район городской бойни.

Часовых у первого моста бесшумно снять не удалось, завязался короткий бой. Под прикрытием батальона саперы – старший сержант Осипов и командир отделения сержант Ганищев – быстро разгадали систему и обезвредили ее, перерезав при этом 14 проводов и сняв около трехсот килограммов взрывчатки.

До этого батальоны 51-го и 53-го полков ударом с запада и северо-востока овладели Георгенбургом, уничтожив до 150 немцев, 8 самоходных орудий и взяв в плен 1250 солдат и офицеров.

Операция по захвату второго моста была удачнее. Группа автоматчиков и саперов из батальона Васильева, сняв охрану, быстро разминировала его, подготовив к проходу передовых частей.

Как и было приказано, передовой отряд с частью пехоты 53-го полка со стороны бойни (по нынешней ул. Льва Толстого) первым ворвался в Инстербург. Следом за ним по шоссе со стороны пригородного поселка Шприндт

подоспел танковый полк Кудрявцева. Через некоторое время к северной окраине города подтянулись и стрелковые батальоны полков Прикладышева и Павлова.

Завязались уличные бои...

Значительная часть машин полка Кудрявцева, прорвавшись к небольшой площади перед зданием нынешнего городского театра, остановилась на короткую передышку.

Сзади и слева пылали дома, загоревшиеся в ходе боя. Командир роты капитан Конаков подозвал водителя одного из танков:

– Что горит, то уж не спасти. Да и не пожарники мы. Но вот этот дворец, по всему видать театр, надо от огня, разрушений... как-никак – учреждение культуры. Поставь свою машину вон под те деревья и, если какой фашист сунется, бей прямой наводкой...

В это время подскочил на мотоцикле связной от командира полка.

– На станции и поблизости засели немцы... Подполковник приказал поддержать пехоту огнем и гусеницами!

– Передай, будет исполнено, – привычно-спокойно пробасил Конаков и, отыскав глазами группу офицеров, крикнул: – Лейтенант Соллогуб... ко мне!

А через несколько минут «тридцатьчетверки» под командованием Соллогуба крушили ошалевших от ужаса гитлеровцев.

Имея большое численное преимущество, немцы еще пытались оказать сопротивление. Неожиданное появление русских с тыла на какое-то время их деморализовало, но, оправившись от шока, они засели по дворам, подвалам и чердакам опустевших домов, держа под обстрелом узкие улицы и подступы к площадям. Часть подразделений устремилась к шоссе на Кенигсберг...

Мрачно и зловеще выглядел в эту ночь Инстербург. Выгнав из него жителей, гитлеровцы в бессильной ярости поджигали все, что могло гореть, пытаясь хоть так задержать русские войска.

Массивные афишные тумбы на всех перекрестках города были оклеены огромными обращениями гитлеровского гауляйтера Восточной Пруссии Коха, в которых он хвастливо уверял своих земляков, что «красным» не воевать в пределах Германии. Между тем наши войска брали дом за домом, квартал за кварталом.

...От бесчисленных разрывов снарядов, бомб и гранат Инстербург содрогался, с шумом обрушивались на мостовые стены пылающих домов. К сумрачному небу тянулись огромные столбы дыма. Особенно жарко и душно было в западной части города, превращенной контратакой артиллерии противника в сплошную груды развалин. Но и здесь намечалось продвижение вперед. Город был взят.

Весь день 22 января прошел в ожесточенных стычках (их следы и поныне хранят некоторые дома бывшего Инстербурга). К двум часам центр города был полностью очищен. 51-й и 53-й полки вышли на западную и юго-восточную окраины города, выполнив, таким образом, приказ командования. Сопротивлялись только подразделения, засевшие в районе железнодорожного узла. Однако и они недолго продержались.

Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало вернуть город, восстановить коммуникации Кенигсбергско-Гумбинненского района и усилить Инстербургский гарнизон отступающей Гумбинненской группировкой. Противник силой до 50 танков и двух батальонов пехоты снова обрушился на Инстербург, неоднократно атаковал боевые порядки дивизии Карижского.

В результате артобстрела был взорван газгольдер на газовом заводе у моста через Анграпп, разрушено и загорелось много домов в центре города, и особенно в его западном районе. Только к исходу дня, обойдя правый фланг немцев вдоль линии железной дороги, 53-й полк вынудил их отступить на запад, за нынешний поселок Новая Деревня.

Таким образом, дивизия не только захватила город Инстербург, но и закрепила успех, отбив все попытки гитлеровцев взять его обратно.

Взятие Инстербурга было завершено. В итоге двухдневных боев были полностью разгромлены части 1-й Восточно-Прусской и 5-й танковой дивизий. Одними только убитыми и ранеными противник потерял до 2050 солдат и офицеров. Огромными также оказались его потери в технике и боеприпасах. Уничтожено: 47 пулеметов, 19 минометов и 33 орудия разного калибра, 90 винтовок, 60 автоматов, 18 танков, 13 самоходных установок и 9 бронетранспортеров. За это же время дивизией захвачено 2000 пленных, в качестве трофеев 33 пулемета, 45 минометов, 47 орудий, 6 самоходок с боеприпасами, 15 подфуражных и вещевых складов, два железнодорожных состава с различными грузами.

Взятие Инстербурга, хотя и явилось небольшим эпизодом в цепи исторических побед, одержанных доблестной Советской Армией над фашистской Германией, имеет определенное значение как операция, талантливо продуманная командирами и храбро проведенная воинами 18-й гвардейской дивизии.

22 января 1945 года в 19 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам 3-го Белорусского фронта, овладевшим городом и крепостью Инстербург, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

140 ЛЕТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В ИНСТЕРБУРГЕ

6 июня 1860 года было открыто железнодорожное движение на построенном участке Кенигсберг – Инстербург – Шталлупёнен (г.Нестеров) (141,9км), а 15 августа этого же года продлено до Эйдткунена (пос.Чернышевское) (11,1км), где соединилась с железной дорогой Российской империи. Тогда же был построен и вокзал станции Инстербург, депо, другие службы и служебное жильё для работников. Хотя вокзал и не был шедевром архитектуры, однако вполне отвечал всем требованиям. Через три входа пассажиры попадали в холл здания, слева находился кассовый зал, далее

зал ожидания с рестораном. Правую часть занимали служебные помещения Имперской железной дороги.

В ходе Восточно-Прусской операции 1945 года вокзал был разрушен. Позже восстановлен в измененном виде.

16 июня 1865 года открылось движение на маршруте Инстербург – Тильзит (53,8км), 15 ноября 1878 года – Инстербург – Гольдап (53,5км).

Таким образом, Инстербург был связан двумя маршрутами с Берлином (вокзал Шарлоттенбург), одним с Мемелем (г.Клайпеда) и Россией.

ИНСТЕРБУРГСКИЙ КОМИК РОБЕРТ ЙОХАННЕС

«На слушателей исходит теплая волна. Его милая личность сразу пленяет людей, когда он смотрит на них своими светло-голубыми глазами, когда по его лицу пробегает широкая добрая улыбка с легким оттенком печали. И когда потом его лицо мимика излучает плутовство от бесчисленных морщин, а уста говорят на неповторимом восточнопрусском диалекте, тогда кажется, что сами стены взрываются от сотрясающего хохота и оглушительных аплодисментов». Эти восторги критика относились к человеку по имени Йоханнес, который приводил публику в неописуемое восхищение.

Роберт Йоханнес, настоящее имя которого Луткат, взял себе псевдоним в

память о своей первой любви. Родился он 26 сентября 1846 года в семье судебного секретаря в Инстербурге. После окончания гимназии изучал профессию часовщика. Свою мечту о дальнейшей учебе осуществить не смог – не было денег. Поэтому сначала работал техником в прусско-русском телеграфном агентстве, пока ему это не надоело. «В ночь и туман» он оставил эту работу и пошел в театр. В то время ему было 23 года. На сценах Тильзита и Мемеля (Советск и Клайпеда) он получил первые ангажементы. 18 лет Роберт Йоханнес провел на сцене, из них 10 – комиком в Кенигсбергском городском театре. Играл он в Любеке, где познакомился с Эммануэлем Гайбелем, в Гамбурге и Берлине. Выступал на сценах

немецкого театра в Лодзи, Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе.

В 1891 году Роберт Йоханнес простился с театром. Оклады были маленькие, а нужно было кормить семью. Женился он в 1873 году. Его жена Мари, урожденная Краузе, которая всегда помогала ему как человеку и деятелю искусств, родила шестерых сыновей и двух дочерей. В это время неунывающий восточный пруссак принялся делать новую карьеру. На этот раз как чтец и декламатор собственных произведений. Он сам называл себя первым восточно-прусским диалектным чтецом. Хотя зачастую наряду с родным диалектом, которым прекрасно владел, он использовал так называемый «миссингш» – смешанную форму литературного языка и диалекта. Успех сопутствовал ему. Повсюду в Восточной Пруссии хотели слышать человека, который создал великолепные образы «тети Мальхен» и «жестянщика Кадерайта».

Не только на своей родине пользовался популярностью Роберт Йоханнес, но и в столице империи, Берлине, ему удалось собрать полные залы. Три раза инстербуржцу было суждено высту-

пить перед немецким кайзером. Турне приводили его в Лейпциг, Хемниц, Гамбург, Ганновер, Кельн и Франкфурт-на-Майне. Но Йоханнес создавал не только веселые вещи о родине и народе. Серьезные стихи тоже выходили из-под его пера. Например, «Восточнопрусский дуб», написанный в любимом Раушене (Светлогорск), где он проводил после своего ухода в частную жизнь в 1913 году летние месяцы в доме Роланда на Зассауэрштрассе.

Когда 20 ноября 1924 года Роберт Йоханнес умер, то в последний путь его провожали верные друзья. При большом стечении народа его тело было кремировано в Кенигсбергском крематории. Посмертную маску с него снял скульптор и преподаватель Кенигсбергской Академии искусств профессор Станислаус Кауэр (автор памятника Шиллеру в Калининграде и литовским уланам в Инстербурге).

И сегодня еще на встречах бывших жителей Восточной Пруссии нет-нет да прозвучат веселые стихи комика из Инстербурга. Это вселяет надежду на то, что наш мир все-таки не потерял чувства юмора.

Роберт Йоханнес

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ «ПИЛЬКАЛЛЬНЕР»*?

Значит так, в стопарик шнапсу
Можно вишню из варенья,
Шайбу ливерной колбаски –
Это в тему настроенья.

Майораном сдобри ливер,
Чтобы запах был отменный,
Перчик лучше самый жгучий –
Вкус получишь несравненный.

Этот шнапс с пшеницы спелой
Принимай на грудь ты смело,
С третьей начинай за здравье.
В пользу все пойдет и в дело.

После пятой мир – безмерен,
Уж не скучен и не бледен.
У застолья на краю
Пир и праздник – как в раю.

Коль за двенадцатую взялся,
О постели размечтался, –
То не спрашивай жену,
Что за марьельхен* тут лежит,
Тебе пальчиком грозит...

Перевод Геннадия Гончарова и Светланы Бондаренко.

ТИВОЛИ-ТЕАТР

На Театральной площади, которая раньше называлась Нойер Маркт («Новый рынок»), на месте жилого дома, находился театр «Тиволи». В нем располагались: театр с небольшой труппой (25 человек) под руководством госпожи Альбины Зисс, концертный зал, кабаре, варьете, зал для танцев, концертная площадка в саду театра, а также ресторан, американский бар и винный

погреб. Так, например, известно, что в 1927 году еженедельно на сцене театра давали по 4 представления (оперетты).

В тридцатые годы театр получил новое название, «Аламбра», в нем стали показывать кино. В 1945 году, после взятия города, в здании театра расположилось подразделение Красной Армии. Солдаты развели костер внутри, и театр сгорел. Некоторое время стояли руины, а потом их разобрали на кирпич.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что в городе Инстербурге 21 июня 1855 года родилась певица Тереза Мальтен, урожденная Мюллер? Имея великолепное драматическое сопрано, она пела в Дрезденском театре с 1873 по 1903 год и принадлежала к луч-

шим исполнительницам произведений Вагнера. Кроме того, среди ее лучших оперных партий были: Полина в «Волшебной флейте», Армида в «Армиде», Леонора в «Фиделио». Тереза Мальтен гастролировала во многих странах,

в том числе и в России. Умерла 2 февраля 1930 года.

...что 18 февраля 1876 года в Инстербурге родился немецкий композитор литовского происхождения Макс Лауришкус? После окончания гимназии в родном городе он поступает в Берлинскую консерваторию. По завершении учебы пишет музыку, при этом, не забывая свою родину, создает немало произведений на литовскую тематику: сюиту для духового квинтета «Из Литвы», сюиту для фортепиано «Литовская народная песня», концерт для виолончели с оркестром, симфоническую сюиту, каприччио для скрипки с оркестром, камерную и хоровую музыку. Умер композитор в Берлине 17 ноября 1929 года.

...что 20 августа 1854 года в Инстербурге родился театральный писатель Пауль Шленгер? С 1886 по 1898 год писатель работал театральным критиком в берлинских газетах, где также много выступал на разных сценах. Супругой Шленгера была известная артистка Паула Конрад (с 1900 года). Шленгер выступал в защиту Ибсена. С 1898 года работал директором венского Бургтеатра, где ставил драмы Герхарда Гауптмана. После отставки в 1910 году много писал, в том числе монограммы и пьесы. Умер в Берне 30 апреля 1916 года.

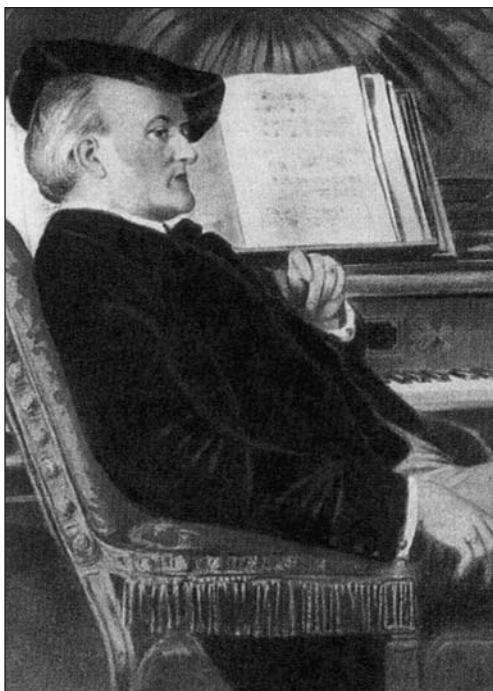
...что с 4 по 7 июля 1908 года в Инстербурге был проведен первый песенный фестиваль Восточной Пруссии? Весь город «стоял на головах» от восторга. Специально для фестиваля был построен зал (сейчас на этом месте на улице Спортивной стоят дома) и выпущена памятная открытка в стиле модерн.

...что в Инстербурге родился один из лучших органистов города Данцига начала XVIII века? Даниэль Магнус Гронау появился на свет в 1685 году. После учебы в Кенигсберге начал свою деятельность органистом в 1717 году в Данциге в капелле Святой Анны. С 1719 года играет на небольшом ор-

гане в кирхе Святой Катарины. С 1724 года играет на хоральном органе Святой Марии и, наконец, на большом органе Святого Иоганна. Гронау, как композитор, обрабатывает хоровые песни для органа. Умер он в 1747 году в Данциге. Его последователь назвал Гронау «прекраснейшей музыкальной душой, которая когда-либо имелась в Данциге». Музыкальное наследие музыканта и композитора когда-то хранилось в городской библиотеке города Данцига, в том числе его небольшое музыкально-теоретическое сочинение: «De transitionibus musicis».

...что город Инстербург посетил один из известнейших композиторов мира? В 1865 году в саду отеля «Королевский двор» (сейчас на этом месте находится магазин «Макс») звучали мелодии: «Ночь в Венеции», «На прекрасном голубом Дунае», «Императорский вальс», «Сказки Венского леса», «Венская кровь» и «Цыганский барон». Теперь вы, конечно, поняли, что это Иоганн Штраус (1825-1899) – «король вальса». Он исполнил со своим оркестром не только свои произведения, но также и отцовские. Как же попадали известные композиторы и исполнители в Инстербург? Все очень просто. После открытия железнодорожного сообщения Берлин – Петербург в 1865 году в столицу Российской империи устремились многие известные деятели культуры, одним из первых и был Иоганн Штраус. Он останавливался в городах по пути следования и давал многочисленные концерты, радуя публику своей музыкой.

...что в Инстербурге побывал и другой известный немецкий композитор? «Страдальческий и великий, подобно тому веку – девятнадцатому, чьим совершеннейшим выражением он является», – такими словами обрисовал композитора Рихарда Вагнера писатель Томас Манн. С 1836 года молодой музыкант приехал в Кенигсберг вслед за своей возлюбленной, актрисой Мин-

Немецкий композитор Рихард Вагнер (1813–1883).

ной, и устроился капельмейстером в оперный театр. Во время гастролей театра в Инстербурге Рихард Вагнер дирижировал оркестром на сцене театра (построенного в 1818 году), который находился на теперешней улице Льва Толстого. Здание театра стояло прямо у стен замка и было деревянным. После пожара в 1866 году не было восстановлено. Осталось только название Театерштрассе – улица, где стоял театр.

...что в Инстербурге было много событий в области воздухоплавания? В 1910 году первый воздушный шар поднялся в районе очистных сооружений после 10-часовой заправки газом: его надо было заправить из городской газовой сети. Позже заправка производилась через специальную установку непосредственно из газомера. За первым полетом воздушного шара последовали другие.

...что однажды воздушный шар преследовали автомобили, из которых победителем считался тот, что во время приземления воздушного шара уже находился у места приземления?

...что в январе 1912 года над Инстербургом кружил первый самолет и восхищенные этим чудом техники взгляды были устремлены вверх? Это был летчик Кляйнле, который находился за штурвалом самолета «Райт» и благополучно приземлился на Альтхофских лугах (район пос.Школьный).

...как разыгрывались призы германского национального фонда полетов на дальнее расстояние? Инстербург был самой дальней целью относительно средней и западной Германии, которую должны были достичь летчики. Они прилетали ночью, и поэтому на месте посадки на Альтхофских лугах зажигали бочки со смолой, чтобы обозначить посадочную полосу.

...как большое событие загнало все население города на крыши и балконы, а именно: полет «Цеппелина» над Инстербургом? «Цеппелин! Цеппелин! Цеппелин!» – такие возгласы звучали по всему обычно спокойному городу.

...как летчик «Цеппелина» сбросил почту, содержащую сердечное приветствие? Висящий на фале, укрепленный внизу грузом, этот привет приземлился и был первым воздушным почтовым сообщением, хотя и неофициальным.

...как в день объявления Первой мировой войны охраной Ангеррапского моста в районе газового завода был обстрелян самолет? К счастью, все обошлось благополучно, так как поступило срочное сообщение, что это – немецкий летчик, летевший из Кенигсберга. После поздравления летчика с благополучным прибытием обнаружилось, что участники ландштурма хорошо стреляют. На корпусе и управляющих элементах самолета были многочисленные следы попаданий, что, однако, не повредило самолет и летчика.

...что после Первой мировой войны Инстербургский союз воздухоплавания «Альтпрройссен» активно участвовал в различных соревнованиях?

ИНСТЕРБУРГСКОЕ ПИВО ...САМОЕ КРЕПКОЕ

Пивоварение в Восточной Пруссии начиналось с приходом рыцарей Немецкого ордена. Братьям Ордена разрешалось пить вино и пиво, которое они варили в своих замках. Пивоварение быстро развилось в одну из значительных отраслей торговли и стало монополией. Сначала рыцари варили пиво только для собственных нужд. Затем они возложили обязательство на трактирщиков, поселившихся перед замком, брать пиво из замка. Когда позднее право на пивоварение было пожаловано трактирщикам, то жалованные грамоты всегда содержали оговорку, сколько пива нужно сначала взять из замка, прежде чем получившие право на производство могли варить его сами. Запасы пива, принадлежавшие замку, находились в больших сводчатых подвалах. Производство пива стало со временем значительной статьей доходов рыцарей. Полностью свободное право на пивоварение было пожаловано городу Инстербургу курфюрстом Георгом Вильгельмом.

Еще в 1541 году инстербуржцы получали пиво из местной пивоварни в замке, а также из Кенигсберга, Велау (пос. Знаменск) и Фридланда (г.Правдинск). По городскому праву каждый горожанин мог сварить 16 тонн пива в год, и при этом за небольшой налог. В двух

«Утоление жажды» знаменитым
«Insterburger Doppel».

больших городских емкостях, которые в жаркое время года стояли наполненные водой на рыночной площади на случай пожара, варилось коричневое, светлое, черное или двойное пиво. Последнее еще называлось «Циннобер» (нем. «Киноварь») и было настолько превосходно, что его вывозили в Литву и Польшу по 6 марок за тонну. В 1735 году один из современников писал: «Здесь пиво такое темное и крепкое, что его можно поджигать, как коньяк». В то время основные доходы горожан составляла торговля зерном и пивом. В 1753 году в городе было более 100 солодовых пивоваров.

ИНСТЕРБУРЖЦАМ НЕ НАДО БЫЛО СТЫДИТЬСЯ

История создания двойного пива была записана в полной истории эмиграции изгнанных из архиепископства Зальцбургского и принятых по большей части в Прусском королевстве. Напечатана во Франкфурте и Лейпциге Кристианом Ульрихом в 1737 году.

«**И**нстербург – довольно большой город, расположенный на реке Ангеррап, которая за четверть мили от города сливается с Инстером. Обе реки образуют Прегель. Этот город наряду с Тильзитом является самым большим в Литовской Пруссии, но городских стен у него нет.

Прекрасное пиво, которое здесь варится, вывозится далеко за пределы. Среди многих сортов городского пива в Инстербурге двойное – самое крепкое, и поэтому этот город, по сравнению с другими, имеет преимущество, так как его пиво известно далеко за его пределами. Такой же сорт варит Виспель Герстнер, но только одну бочку. Если взять сорт Молле, который варится в Королевской Кенигсбергской пивоварне, и морское пиво, то их вряд ли можно назвать городскими сортами, так как во всех городах варят пиво из ячменя и называют по имени города, где оно варится. Только одному городу везет больше, чем другим, в отношении пивоварения. Все сорта городского пива замечательны, но все же одно превосходит другие. Это «Инстербургское двойное». Стоимость определяется ценой ячменя и меняется каждые полгода. Большая часть стоит 7-8-9 пфеннигов за штоф здешних денег, и очень редко цена поднимается до 1 гроша, но «Инстербургское пиво» стоит в два раза дороже».

Хронист Луканус дает следующую характеристику «Инстербургскому двой-

ному пиву»: «По вкусу это самый лучший напиток, который где-либо можно найти. Двойное пиво “Циннобер” обладает такой силой и крепостью, что если его подогреть в чашке и поджечь бумагой, то оно будет гореть, как водка. Некоторые употребляют его маленькими порциями, как лекарство. Оно отправляется тоннами в Польшу и другие страны».

До окончания Второй мировой войны в Инстербурге располагался пивзавод на территории сегодняшнего завода «Карат» и сырбазы. Построен он был в 1875 году. 15 апреля 1876 года состоялось первое пивоварение, а 1 июля этого же года было продано первое пиво. Пивзавод назывался «Бюргерлишес Браухауз» (нем. «Гражданская пивоварня»). В 1917 году к нему был присоединен другой пивзавод, «Дойчес Браухауз» (нем. «Немецкая пивоварня»), основанный в 1891 году и располагавшийся там, где в советское время был «Техмаш». В больших подвалах пивоварни хранился лед, который каждую зиму нарезали на реке Ангеррап и поднимали наверх.

Помимо «Инстербургского двойного пива», варили и другие сорта. Так, например, был сорт «Санитетсброй» – лечебное пиво с содержанием железа, подслащенное рафинадом, с малым содержанием алкоголя для больных, малокровных и выздоравливающих. И, конечно же, «Замковое пиво».

А ТЕПЕРЬ – НИ ПУХА, НИ ПЕРА

Территория бывшего деревообрабатывающего комбината до войны принадлежала фабрике «Пух и перо», открытой в 1929 году. Здесь выпускали перины и подушки. Однако комплекс зданий был построен гораздо раньше.

В 1835 году на реке Прегель, у старой дороги, ведущей в Георгенбург (пос.Маевка), была построена тюрьма по проекту великого немец-

кого архитектора Карла Фридриха Шинкеля. В 1844 году у стен тюрьмы была построена ситцевая фабрика с красильней, на которой должны были работать заключенные. А уже в 1863 году фабрика расширяется, и здесь открывается акционерное предприятие «Льнопрядильня», работающее на сырье, привозимом из Литвы и России. Прядильня работала до своего банкротства в 1929 году.

ФОРШТАДТ

Э то слово означает пригород. Так в Инстербурге именовали район западнее городского парка. Первым административным зданием в пригороде была школа для бедных, где позже разместились школа для мальчиков. В ней в первой половине XVIII века двое учителей обучали грамоте детей из малообеспеченных семей. В 1844 году городская касса заплатила за обучение детей 281 талер. Эта народная школа располагалась на Уланенштрассе – «Улице уланов» (сейчас ул.Чайковского; в здании школы еще недавно был детский сад), которая вела к казармам уланов. Сначала это было одно здание, с 1886 года – два, а в 1913 году был построен спортивный зал (он не сохранился). В период между 1872 и 1889 годами школу посещали также и девочки.

Следующим административным зданием в пригороде стало здание суда (прозванное после войны и до сих пор называемое «гестапо»). Здание построено в 1844-1846 годах. Оно состояло из двух частей, которые со-

единялись друг с другом под прямым углом. Сначала это был окружной суд Инстербурга. С 1879 года суд назывался участковым. На соседнем участке в 1851-53 годах было сооружено новое здание тюрьмы, которое в течение последующих десятилетий было расширено многочисленными пристройками. После постройки здания изолятора (КПЗ) тюрьму из поперечного здания замка и из башни пыток убрали. В начале века здание суда было перестроено – к нему добавили еще один этаж.

На протяжении многих столетий дамба (у моста на ул.Калининградской) использовалась под рынок свиней. В дни работы рынка улица до обеда представляла пеструю картину суеты, которая шла на пользу жившим там предпринимателям. Дело в том, что существовал неписанный закон: когда продавец принимал деньги за проданную свинью, то он давал еще и дополнительную выпивку (магарыч). Свиной рынок в 1927 году получил новое место на территории старой конюшни.

НОЙНИШКЕН – НОЙНАССАУ – ПРИВОЛЬНОЕ

Впервые поселок Нойнишкен упоминается в документах от 1578 года в связи с... отказом жителей официально изменить свои поля. При этом данный административный округ стал именоваться первым. В 1584-1590 годах в Нойнишкене насчитывалось 20 хозяйств, в их числе хозяйство первого старосты Христофа Сура и литовцев Виллуса, Штригеля, Лоренцуса, Бинджуса, Юргиса, Якубуса и Альбрехта.

Эпидемия чумы 1709-1711 годов была настолько страшна, что, по устным преданиям, из жителей поселка остались в живых только 3 человека. В 1713 году сюда стали прибывать первые колонисты из Швейцарии, всего 11 семей. В 1720 году в Нойнишкене была построена первая школа и возник филиал реформатской церкви. Колонисты пользовались различными привилегиями. Им выделили огромные земельные наделы (около 100га), на которых были образованы 4 хуторских хозяйства.

2 июня 1849 года сельский пастух нашел на лугу старинные серебряные монеты. Часть из них была достоинством 2 талера и имела восьмиугольную форму. На одной стороне была изображена женская голова, на другой – три луча, идущие от полумесяца. Другая часть монет имела такое же достоинство, однако они были круглыми. На них был изображен орел и, на другой стороне, еле различимая дата – 1510 год. Владелец луга потом нашел еще 30 серебряных монет.

Сначала колонисты проводили свои богослужения в сарае. По праздничным дням и воскресеньям кантор проводил проповеди возле школы. Иногда приезжал реформатский проповедник из Инстербурга, для того чтобы крестить, венчать и совершать другие священные обряды, собирать пожертвования. Своего священника у нойнишкенцев долго не было. В 1748 году у здания новой

школы построили маленькую часовенку, где стали проводить богослужения. Реформатская община утверждалась очень тяжело, так как рядом были сильные лютеранские общины. Вокруг постройки кирхи разразились споры. В двух инстанциях община проиграла дело постройки. И только в 1781 году король Фридрих Великий решил этот вопрос в пользу реформатской общины.

По пути из Мемеля в Инстербург Нойнишкен посетил 16 июня 1802 года король Фридрих Вильгельм III, который откликнулся на просьбу церковного совета, подарив для строительства кирхи строительный лес и 1200 марок.

В 1808 году новое здание было освящено. Это была единственная реформатская община по всей Восточной Пруссии. В 1840 году она насчитывала 136 семей реформатской веры. Первым священником стал пастор Кройц.

В 1872 году старую кирху из-за ветхости перестроили, а 31 октября 1873 года был освящен новый дом Господа. Это было здание из грубого необработанного кирпича в готическом стиле, с узкой колокольней, которая едва дотягивала до двух метров, без внутреннего жилья. Однако, несмотря на это, на колокольне имелось два колокола. Внутреннее убранство кирхи было скромным, но с достоинством обставлено.

К особым реликвиям относились серебряные чаша и кувшин для вина, которые были подарены польской реформатской общиной. Орган в кирхе появился в 1840 году.

1 августа 1927 года приход насчитывал 650 душ.

16 июля 1938 года Нойнишкен был переименован в Нойнассау.

В 1939 году община Нойнишкена насчитывала 98 хозяйств, 374 жителя

(178 мужчин), активно занимались сельским хозяйством 193 человека, 106 ремесленников, 35 жителей были заняты в сфере торговли и обслуживания, 27 – служащие и 146 – рабо-

чие. Жилых зданий – 314. Помимо кирхи, школы и административного здания, существовали здесь отдел ЗАГСа и жандармерия. До Инстербурга – 13,3км.

ПАРЕНЕК ИЗ ИНСТЕРБУРГА

Последний раз его видели на экранах телевидения в роли чудаковатого руководителя финансового управления фон Люксембурга в комедийном сериале телеканала Германии ARD (ARD). Уже будучи тяжело больным раком, он играет в пьесе «Ангелы живут наверху». Однако острая сердечная недостаточность оборвала его жизнь 18 августа 1998 года во время его заслуженного отпуска в Турции.

Юрген Поох, которого многие зрители видели как типичного гамбургского «бутье», происходил из Инстербурга и, таким образом, был настоящим восточнопрусским пареньком. Родился он в Шприндте, на родине своей матери Элеоноры, урожденной Зайденберг, 21 мая 1943 года.

С двухлетним Юргеном мать бежала на последнем корабле из Дан-

цига в Любек. Оттуда на лошадях они добрались до Фленсбурга. Юрген посещал школу и по желанию матери выучился наконец-то приличному делу – стал купцом. Но уже во Фленсбурге ему удалось получить свои первые роли. Далее Юрген Поох посещает актерскую школу Фризе в Гамбурге, из которой вышли многие звезды. За тридцать два года он сыграл более 100 ролей – веселые и трагические, но всегда с человеческим лицом и той чуткостью, которая так присуща Восточной Пруссии.

Своим впечатляющим низким голосом он несколько раз пел, в основном когда этого требовала роль. Песня «Тоска по родине» заканчивается строкой: «До свидания навсегда». До свидания, Юрген Поох! Друзья театра никогда тебя не забудут.

АКТЕР ТРАУГОТ БУРЕ

Будь то в Венском дворце или на телевидении – Буре точно знает, как завлечь публику. С мощной фигурой, красиво посаженной головой, метаясь по сцене, крича, а потом затихая, он владеет публикой. Одна из телевизионных компаний назвала его чувствительным «монстром» и подчеркнула: «Великим его сделала чувствительность. Его герои страдают из-за его ранимой души, если того требует роль».

Траугот Буре родился в Инстербурге. Беженцем он попал в Люнебург, где нашел вторую родину. В Ганнове-ре исполнилась его мечта. Среди 120 претендентов он был принят в школу актеров. Работал в театрах Карлсруэ, Бремена, Кельна. С 1968 года работает у Палича в Вюртемберге. Короткое время играет в театре «Талия» в Гамбурге. Буре много работает с режиссером Клаусом Пейманом и играет много ролей

по произведениям Томаса Бернхарда. В 1978 году ставит пьесу «Иммануил Кант». ТВ «ФАЗ» называет его умным актером. В этом году ему исполнился 71 год, но его еще можно увидеть на сцене Берлинского театра «Ансамбль».

ПИСАТЕЛЬ РОБЕРТ КУРПЮН

Имя этого писателя мало знакомо широкой аудитории. Поэт и писатель родился 13 апреля 1869 года в Гандринне, в округе Инстербург, в семье крестьянина. Его бабушка была родом из Зальцбурга (Австрия). После окончания сельской школы Роберт поступил в высшую школу в Инстербурге. Позднее он сам выучился на преподавателя и работал в Мазурии. Далее он работал директором профессиональной горной школы в Тарновицах [Тарновец, Польская Республика].

Роберт Курпюн писал пьесы, стихи, новеллы, рассказы и романы в стиле Макса Хальбеса. Появились такие произведения, как «Кровь матери», «По-

граничный роман» и «Черная женщина». Его «Пограничный роман» и «Черно-белые» сравнивали даже с произведениями Лессинга. В 1925 году появился роман «Дом в огне» о жизни Мазурского края. Генрих Цирк писал в то время в журнале «Литература»: «Именно в наши дни духовной недисциплинированности (1925 год) эта сильная книга должна выполнить свою высокую миссию. Это одна из немногих ценных книг, которую ставят на книжную полку, чтобы перечитать ее повторно».

Роберт Курпюн умер 26 августа 1943 года в Силезии в городке Яновитц [Яновице-Вельке, Польская Республика].

НЕМЦЫ О ЛИТОВЦАХ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

К балтийской группе языков относят литовцев, латышей, пруссов (имеется в виду коренное население) и ятвягов. Ятвяги, по-видимому, населяли Судавию [Судовию] и область вокруг Сувалок и Гродно и были полностью уничтожены в результате войн. Древние пруссы, которые проживали восточнее Вислы до Прегеля, также исчезли. Литовцы и латыши, их язык проявили жизненную силу до сегодняшнего дня. Профессор Эндцелин утверждает, что и курши, коренные жители Латвии, не относились к финской группе языков, а принадлежат к балтийской. Здесь они занима-

ли как бы промежуточное положение между литовцами и латышами. После падения ордена Меченосцев сюда вступил Немецкий рыцарский орден и в 1252-1253 годах основал на Балтийском море, на том месте, где Куршский залив соединяется с морем, крепость под названием Мемель (ныне г.Клайпеда). После заселения крепости купцами и ремесленниками из западных областей Германии здесь вскоре возник город. В 1254 году Мемель получил любекские городские права, а в 1312 году был укреплен.

После завоевания областей, заселенных древними пруссами, и подавле-

ния восстания в 1273 году рыцарский Орден направил свои стремления на восток. Под предводительством Дитриха фон Лиделау, наместника Земландии, рыцари продвигались вдоль Прегеля до его истоков и покорили Надровию. Покоренные жители Надровии и составляли ту часть литовского населения, которая до Второй мировой войны жила на берегах Прегеля, подтверждая это своими именами и наименованиями населенных пунктов. В свое время их количество увеличилось за счет переселенцев из самой Литвы.

Почти одновременно с завоеванием Надровии рыцари Ордена отправились вплавать вверх по реке из района Лабау (Полесск) и покорили там народ, населяющий Шалавию [Скаловию]. После небольшого сопротивления крепости шалавов [скальвов] они попали в руки Ордена. На месте завоеванной в 1277 году языческой крепости они построили через 12 лет на левом берегу Мемеля (р.Неман) крепость Ландсхут, позднее переименованную в Рагнит (г.Неман), и расположили в ней сильный гарнизон. Рагнит стал основной крепостью для покорения этого района и служил трамплином для дальнейших походов на восток и север. Позднее, в 1293 году, к западу от Рагнита, также на Мемеле, построили укрепленный пункт Шалавенхаус, позднее Тильзит (Советск). Потом на этой реке возникло еще несколько крепостей: Шплитгер, Кауститриттен, Нойхауз и Вандебург. Они должны были защищать земли Ордена против набегов литовцев из Жемайтии.

Таким образом, область вокруг Куршского залива постепенно попадала в руки рыцарского Ордена. Длинной широкой полосой с востока до Балтийского моря (в месте расположения современной Паланги) вклинивалась в нее литовская Жемайтия. Рыцари Ордена сразу же заметили военную и политическую угрозу и попытались расширить узкую полосу, связывавшую Пруссию и Лифляндию вдоль Балтийского моря,

и тем самым создали широкий мост от реки Мемель на север до Курляндии, чего можно было достичь лишь за счет завоевания западной Жемайтии. Следствием этого были продолжительные и упорные бои за край Мемель, который неоднократно завоевывали и сжигали литовцы. Но каждый раз Мемель вновь восстанавливался, последний раз в 1404 году.

Во время этих войн Немецкому ордену все-таки удалось частично силой, частично за счет договоров присоединить к своему государству литовскую Жемайтию. Своей цели создать коридор между Пруссией и Курляндией он добился. Но битва под Танненбергом в 1410 году сломила его мощь, и на основании мирного договора, подписанного в том же году в Торне, Жемайтию пришлось вернуть Литве, границы которой вновь стали простирались до Балтийского моря. Опять возникли пограничные спорные вопросы.

В 1422 году был наконец подписан мирный договор в Мельнозее. В соответствии с ним границы между Орден и Литвой, за счет благосклонности великого князя Витаутаса, которому была нужна дружба с Орденом для осуществления его имперских планов, были проложены выгодным путем, а именно таким, каким они оставались до 1922 года. Мемель и область севернее реки Мемель остались во владении Ордена. После этого мирного договора собственно Литва и Прусская Литва пошли своими путями исторического развития. Литва была соединена с Польшей и позднее стала добычей России. Прусская Литва осталась германским владением до 15 февраля 1920 года, когда в соответствии с Версальским мирным договором и на основе договора от 9 января 1920 года между представителями главных держав и немецкого правительства Мемельский край был отторгнут от Германии. Управление им взял на себя французский генерал Одри.

Великий литовский князь Витаутас.

...Великому князю Витаутасу удалось при помощи хитрости продвинуть прусскую границу как можно ближе к заливу. Эта узкая территория была не в состоянии поддерживать на должном уровне связь между германскими балтийскими провинциями и самой Германией. Немецкой колонизации не удалось полностью германизировать узкую полосу севернее реки Мемель и полностью устранить национальное самосознание местного литовского населения. (Здесь тильзитские авторы существенно заблуждаются: верность жителей Мемельского края Германии в 1932 году была подавляющей. – *Прим. ред. рубрики*).

В Пруссии никогда не было государства Литва, и поэтому нелегко сказать, насколько далеко на восток и юг простиралась Прусская Литва. Название «Прусская Литва» всегда имело этнографическое и административное значение, и именно в последнем смысле употреблялось далеко не всегда.

О литовских территориях в Пруссии в руководстве провинции впервые

говорится во время превращения этого государства в светское герцогство в 1525 году. По новой организации Пруссии разделили на три больших района: Замланд, Натанген и Оберланд. В район Замланд входили Мемель, Тильзит-Рагнит и Инстербург, к которому относились и расположенные южнее Даркемен и Гольдап.

Первое точное описание отношений между Пруссией и Литвой дает «Reseckys generalis» – церковная перепись Инстербургского округа и других литовских поселений в герцогстве Пруссия от 1638 года. Она распространяется на все литовские церкви Инстербурга, Тильзита, Рагнита, Лабиау, Таплакена, Георгенбурга, Заалау, то есть на все районы Гумбинненской области, за исключением Олецко, но включая Велау до Деймы и Алле до Куршского залива.

При Фридрихе I в 1714 году для управления Пруссией была создана прусско-литовская палата в Кенигсберге и литовская палата в Тильзите. Когда государственная структура была организована по-новому, Кенигсберг в 1724 году получил полномочия на решение военных и административных вопросов по управлению Восточной Пруссией. Гумбиннен получил коллегия депутатов для Литвы, к которым относились Инстербург, Гумбиннен и Рагнит. Резиденцией был определен Гумбиннен, где было построено новое здание, так как он находится в центре области (первоначально король предлагал Рагнит). В 1736 году эта коллегия стала самостоятельной, в ее подчинение, кроме Инстербурга, Тильзита, Рагнита и Мемеля, попали еще и юго-восточные районы Мазурского края.

В 1818 году произошло разделение Восточной Пруссии на два правительственных округа, Кенигсберг и Литву, и на существовавшие до окончания Второй мировой войны районы. В приложении к распоряжению

от 30 апреля 1815 года по улучшенному устройству провинции в XIX веке под Литвой понимали округ Гумбиннен. Далее название «Прусская Литва» было вытеснено из канцелярского языка. Лишь этнографическо-исторические исследования могли примерно установить границы Прусской Литвы. Они примерно повторяли границы прусских земель Надрауэн и Шалауэн.

Лучшим исходным пунктом для определения южной границы литовской языковой области дают данные о применении литовского языка как церковного. С 1719 года существует список церковных служб, во время которых проповеди читались как на немецком, так и на литовском языках. По этим данным ученый Тетцнер в своей работе «Славяне в Германии» проводит южную границу литовской языковой области от Лабиау (г.Полесск) через Норкиттен (пос.Междуречье), далее через Даркемен (г.Озерск), Гольдап к старой русской границе. В этой области работало 62 священника на литовском языке. Такой же был и в Кенигсберге.

Адальберт Бетценбергер, один из лучших знатоков литовского языка, упоминает в своей статье «К исследованию литовского диалекта», что западнее и южнее выше указанной линии литовцев больше не было. Но зато севернее службу вели на литовском языке в каждом приходе еще в 1897 году.

В 1921 году по поручению рейхс-комиссара по Мемельской области окружной советник Кариес проехал по северным районам Восточной Пруссии и установил распространение литовского языка во время богослужений. Оно еще было распространено до Гросс-Скайсгиррена (пос.Большаково) и Пилькалена (пос.Добровольск).

Вторая часть вышеупомянутой статьи посвящена заселению и колонизации Прусской Литвы. «Сегодня еще не установлено, кто были предки

этой области. Если верить выводам Харткноха, здесь во времена императора Валентиниана жили готы и аланы, а легендарный литовский жрец Криве Вайдеутис был не кто иной, как разбитый зигинбергерами аланский король Литально, сын которого Лито и дал название литовцам. Также установлено, что Немецкий рыцарский орден во время своих завоевательных походов нашел области Надровию и Шалавию заселенными. Орденский меч нанес тяжелый удар и уничтожил много литовцев, а еще больше из них бежало к своим соплеменникам на восток. Чтобы укрепить свою восточную границу, Орден привел эту негостеприимную область в запустение. Под защитой брошенной глуши, постепенно проникая с востока, здесь снова поселились литовцы.

Чума и голод обрушились на Орден в 1237 году. В 1313 году в Лифляндии, Курляндии и Литве был большой неурожай и, вследствие его, опустошительный голод. И черная смерть собрала свой урожай.

Орден охотно принимал многочисленных литовцев, которые бежали в Пруссию, чтобы найти новую родину. Орден давал им землю, по большей части с условием, что они пожелают снова уйти в Литву после завоевания ее Орденем. Но заселение литовцев проходило так интенсивно, что можно было говорить о литовской колонизации до магистра Винриха фон Книпродде (1351–1382). Литовцы в Пруссии до тех пор не могли поднять экономику, так как Орден вел войну с жемайтами. И когда литовский князь Кястутис воспрепятствовал орденским походам и вторгся в орденские земли до Лабиау и Рудау, то его месть распространилась не только на рыцарей. Грабя, он прошел по земле Шалауэн, захватывая с собой при возвращении стада и семьи своих литовских соплеменников.

Тяжелые времена настали для Прусской Литвы во время шведско-

польской войны 1656–1660 годов, особенно когда Великий курфюрст соединился со Швецией. Польша и жадные до трофеев татары заполонили страну от Мазур до Рагнита и устроили за десять миль до Кенигсберга ужасное опустошение. Районы Инстербурга, Тильзита и Рагнита очень сильно пострадали. Деревни и города полыхали пламенем, стада были угнаны, младенцы были оторваны от матерей и жестоко убиты, стариков замучивали до смерти, мужчин, женщин и подростков под ударами кнутов угнали в рабство. По подсчетам было убито 23 тысячи человек, 34 тысячи пропали без вести. Голод и чума унесли больше 10 тысяч человек. В 1678 году шведы заняли Тильзит, но в следующем году были изгнаны оттуда.

Но самым тяжелым временем была чума 1708–1710 годов. В то время умерло более трети населения. Особенно чума свирепствовала в районах Инстербурга, Гольдапа и Ангербурга. Так что в 1710 году уже некому было умирать. Многие в ужасе бежали из страны. Это несчастье почти полностью опустошило эту местность. Большинство хуторов было брошено, здания ограблены оставшимися жителями, без дверей, окон и крыш напоминали руины. Поля стояли незасаженными, волки размножились с ужасающей быстротой и стаями бегали по этой земле.

Великий курфюрст Фридрих Вильгельм, взявшись за дело заселения, распорядился вырубать леса и делать глушь пригодной для жилья. Он закладывал имения и деревни для немецких колонистов, особенно в Прусской Литве. После упразднения Нантского эдикта в 1685 году стали прибывать протестанты из Франции и Швейцарии, которые селились также в округе Гумбиннен. Особенно широкомасштабной колонизация стала при Фридрихе Вильгельме I, между 1710 и 1740 годами. Пригласительные патенты короля посылались в Швецию, Голштинию

Фридрих Вильгельм, Великий курфюрст.

[Гольштейн], Швейцарию, Померанию, Бремен, Фризию и Ольденбург. Так возник большой приток переселенцев.

Наконец поняли, что чужестранцы не так пригодны для заселения, как литовцы, и тогда для всех бежавших подданных была издана амнистия. Им было обеспечено возвращение бывшего имущества и освобождение от воинской службы. Главное переселение совершили изгнанные жители Зальцбурга. 2000 заселили города, а 10000 было размещено в Прусской Литве.

Основным принципом короля было: чем больше людей, тем лучше. Вероисповедание для него не играло роли. Также, например, меннониты округа Кульм нашли здесь новую родину. Король, в других случаях экономный, израсходовал на цели колонизации 5 миллионов 381 тысячу 379 талеров, и, таким образом, пустыня на востоке Пруссии была окультурена и заселена.

Перевод Геннадия Гончарова.

НАХОДКА ФИЛАТЕЛИСТА

В 1969 году во Франции была выпущена почтовая марка, посвященная французскому истребительному авиационному полку «Нормандия – Неман», действовавшему во время Второй мировой войны против немецко-фашистских войск на советско-германском фронте в 1943-1945 годах. Летчики полка «Нормандия – Неман» совершили свыше 5000 боевых вылетов,

провели 869 воздушных боев, сбили 273 немецких самолета и повредили 80. За отличия в боях при форсировании реки Неман полку было присвоено наименование «Неманский».

На почтовой марке перечислены города, где полк воевал, – в том числе и Инстербург. Это единственная почтовая марка, на которой есть название нашего города.

АРХИТЕКТОР ХАНС ХЁПКЕН

В Инстербурге до войны была строительная организация «GISBA». Расшифровка и перевод этой аббревиатуры звучит буквально так: «Общепольное Инстербургское строительное товарищество по строительству поселков». Основателем и ее бессменным руководителем был архитектор Ханс Хёпкен. Своей профессии он обучался сначала в техникуме в Бремене, а потом в Высшей школе в Дрездене. Четыре года Хёпкен работал вместе с архитектором Шароуном, позднее ставшим очень известным (смотрите «Полюс» №1-2 от 31 декабря – 1 января 1993 года). Хёпкен начинал свою работу в Инстербурге как свободный архитектор в 1924 году. С ним также работал еще один инстербургский архитектор – Бруно Йесс.

Ханс Хёпкен построил в Инстербурге и округе школы, магазины и частные здания. Более известен своими строениями социальной направленности. Еще при совместной работе с Шароуном был разработан перспективный план застройки города. Заказ на строительство домов

Hanns Höpken
Bruno Jieß
Architekten
Entwurf
Bauleitung
Bauberatung
Adolf-Hitler-Platz 4a Fernruf 943

Реклама, размещавшаяся в инстербургских изданиях.

для простых граждан поступил от городских властей, и с 1925 года по 1940 строились дома с одно-, двух- и трехкомнатными квартирами, – как сейчас бы их назвали, «малометражками». Примером для таких домов послужили дома, построенные архитектором Гансом Шароуном на улице Бунте Райе («Пестрый ряд»). Сейчас это улица Элеваторная. Позднее этот пример был использован во всей Восточной Пруссии, а на окраинах Берлина появились целые поселки, построенные по проектам Шароуна. В Инстербурге были построены целые

улицы социальных домов – Мичурина, Разина, Школьная, Московская, Пушкина, Гагарина, Победы, Ленинградская, Красноармейская и другие. Некоторые не сохранились. Кроме того, были построены особняки на две семьи на улицах Полевой и Авиационной. На площади Альтер Маркт были построены два универсальных магазина одежды – «Швайгер» и «Дауме» – абсолютно современной для того времени архитектуры.

После войны Хёпкен работает в районе города Ольденбург в Германии и продолжает строить социальное

жилье. Вместе с профессором Карлом Ротермундом строит школы и банки в Бремене. Там же открывает свое архитектурное бюро.

Ханс Хёпкен, годы жизни: 28 мая 1890 – 4 января 1973.

Спроектировал улицы Мемелерштрассе, Зольдауэрштрассе, Казерненштрассе и Данцигерштрассе (улицы Разина, Мичурина, Гагарина и Пушкина).

Построил магазин «Дауме» на площади (не сохранился, на этом месте сейчас сквер у девятиэтажки).

АРХИТЕКТОР МАРТИН ГРЮНБЕРГ

Родился в Инстербурге в семье главного лесничего в 1655 году. Получил образование землемера в Кенигсберге. С 1674 года работал писарем в строительной организации города Потсдама в земле Бранденбург. С 1680 года учился профессии архитектора в Италии и Франции по направлению Великого курфюрста. По окончании обучения с 1688 года главный землемер земли Бранденбург. После женитьбы в Берлине, в 1690 году, Мартин Грюнберг строит Иоханнескирхе в городе Дессау. В апреле 1693 года он посещает свою родину, где строит для курфюрста Фридриха III вместе с архитектором Арнольдом Нерингом Охотничий замок Фридрихсхоф в Гросс-Хольштайне (поселок Прегельский) под Кенигсбергом. В 1694 году в Берлине Грюнберг строит

Себастьянкирхе. После смерти своего коллеги Неринга он вместе с архитектором Шлютером (автор Альбертины – Кенигсбергского университета) занимался восстановительными работами на Парохиалькирхе после ее разрушения. В 1699 году Грюнберг получает место строительного директора при курфюрсте и основывает научное общество, продолжая при этом работу над строительством Академии искусств в Берлине на Унтерден-Линден, главной улице столицы. Строит целый ряд зданий в стиле барокко, например Дойчекирхе в городе Фридрихштадт. Помимо этого, Грюнберг занимается строительством шлюзов, каналов около Кюстрина. В 1707 году архитектор Мартин Грюнберг умирает на посту главного строителя в Берлине.

БОЛОТНОЕ ЧУДО ФРАУ КРЮГЕР,

или Как в Инстербурге появилась грязелечебница

Иногда кажется, что существует некая земная широта, которая, как текущая в людских венах кровь, объединяет силы для гуманного, творческого – без лишней суеты и шума.

Пример этого – судьба простой крестьянки Крюгер из Герлаукена около Инстербурга, которая со своим мужем занималась хозяйством, а оно состояло из пашни, пастбища и маленькой части торфяника. Сухой торф использовали для отопления печей.

Их существование омрачали лишь мучения мужа от ревматических болей в пору холодных, туманных дней. Улучшения не было, и страдания семьи все возрастали. Фрау Крюгер осознавала, что рано или поздно должна была принять нелегкое решение: или отказ от собственности, или наем на дополнительную работу, которая спасла бы семью от бедности.

Но была и вера: он должен лечиться, он будет здоровым. Она чувствовала это в душе, как данность. Нужно еще раз попытаться, – думала она. И однажды вечером ее озарило, когда она стояла возле озера и наблюдала за трясинной.

Болото. В ее сознании было темно. Однажды она читала, что мучающиеся болезнью люди в таком случае организуют путешествие по Моорбадер, чтобы получить облегчение болезни. Недолго думая, она сложила несколько кусков торфа в фартук и поспешила домой, не думая, зачем это делает. Было только ощущение: нужна теплая вода. Придя домой, она положила торф в котел с горячей водой и поставила варить, как кашу.

«Так, – сказала она своему мужу. – Теперь не причитай и смотри, сможешь ли ты положить внутрь руки». Она завернула что-то из коричневой тины в полотенце и положила сверток на плечо – боль куда-то подевалась. Этой ночью

муж мог снова спокойно спать. День за днем продолжала она свои попытки.

Первая неделя прошла с таким успехом, что можно было считать: свершилось чудо. Крестьянин снова пахал и уже забыл, что раньше был безнадежен. Фрау Крюгер забыть бы этот короткий жизненный отрезок, полный забот и страха, но сердцем чувствовала, что должна и может помочь другим страждущим.

Вскоре больные сосед, тетя Манхен, почтальон, дорожный инспектор получили от госпожи Крюгер мешки, полные торфа. Все больше и больше людей искало у нее помощи. Везде говорили о госпоже Крюгер и чуде в болоте. Она нашла удовлетворение, которое принесло ей мир и счастье. А если ее муж начинал ворчать, она ему всякий раз напоминала о былых бедах.

Однажды проезжий иностранец увидел, как госпожа Крюгер поднимала со дна ведро, полное болотной грязи, чтобы принести в дом. Любопытствовав, для чего она это делает, он узнал всю историю. Затем он попросил ее: «Дали бы вы мне попробовать это». Это несложно было исполнить. Он ей объяснил, что был врачом, жил в Гамбурге, хотел бы основательно перейти к делу, которое могло бы оправдать все затраты. Через несколько недель фрау получила ответ, что температура болота повышается, из этого можно было объяснить положительный результат действия грязи.

Почти всю ночь фрау Крюгер принимала смелое решение, выводила мысли, которые некоторое время в себе носила. Семья предвидела хороший результат. Совместными усилиями решили построить на просеке в лесу, около болота, деревянный домик и поставить в нем две ванны, внутрь которых она хотела помещать тела больных, чтобы лечебный эффект был еще сильнее.

Издали приходили люди к благотворной ванне. Фрау Крюгер делала «огромные» расчеты: 50 пфеннигов должны были платить нуждающиеся в помощи, чтобы покрыть издержки. Она не брала в расчет свою собственную работу и работу ее молодого сына и продолжала носить ведро за ведром болотной земли и чистую воду для дополнительной очистительной ванны. Окрестные врачи стали посылать к ней своих пациентов. Фрау Крюгер приняла верное решение и заказала окружному строителю план для лечебного дома с ваннами для размещения детей, подверженных опасности заболевания туберкулезом. Семья Крюгер должна была потесниться, так как предоставила половину жилого дома для приюта.

Один из пожертвователей помог построить стеклянную веранду, а другой подарил пять марок, чтобы обеспечить приют гигиеническим оборудованием. Уже были приобретены первые проспекты для нового дома. Теперь болото называлось Лесным Миром. Совсем быстро в этой известной местности появилась статная

постройка с красивыми комнатами и необходимым оборудованием. В прилегающих садах хозяйничал отец Крюгер, которому нравилось это занятие.

Невозможно представить, насколько фрау Крюгер была заботлива и сердечна, не требуя даже малого для себя самой. Она жертвовала и силы и деньги, чтобы предпринимательство могло развиваться и дальше. Конечно, были трудности и неудачи. Первая мировая война привела к паузе. Временно Лесной Мир стал солдатским госпиталем. Однажды фрау Крюгер почувствовала себя изможденной. Впервые ей самой понадобилось принять болотную ванну. Она улеглась в приготовленную ванну и начала мечтать: в своих видениях она увидела большой автобус с туристами, которые восхищались такой большой ванной, не имеющей аналога во всей Германии. У лечебного дома было построено крыло, а через лес вели прекрасные дорожки для прогулок.

Потом она улеглась на тихую постель и уснула – навсегда.

Написано в 1912 году.

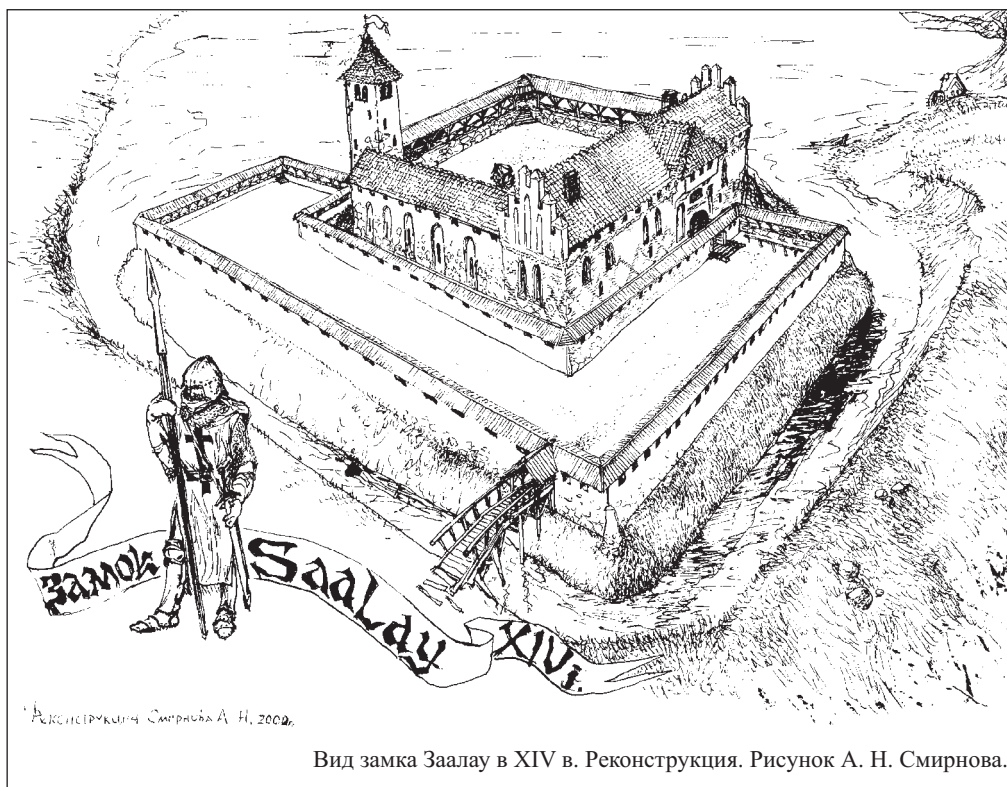
ГРЯЗЕВОЙ САНАТОРИЙ ВАЛЬДФРИДЕН

Это был единственный подобно-го профиля санаторий во всей Восточной Пруссии. Расположен он был среди высокого леса на краю болота. Тихое, солнечное и красивое место с богатым озоном воздухом недалеко от станции узкоколейной железной дороги, в 22 километрах от Инстербурга, рядом с Ауловёненом (пос.Калиновка). На болоте добывалась радиоактивная грязь, которой лечили многочисленные болезни под наблюдением врачей. Так, например, в 1930 году было принято 13000 грязевых ванн. В санатории

Вальдфриден применялось также лечение электротерапией.

Лечили здесь такие болезни, как ревматизм, невралгию, ишемию, ожирение, истощение, малокровие, анемию, женские болезни, всевозможные воспаления и последствия аварий.

Больные размещались в новом корпусе санатория в просторных, стильно чистых, с лоджиями палатах, которых насчитывалось ровно 100 на 150 коек. В санатории имелся также парк и даже небольшой зоосад. К сожалению, этот лечебный комплекс не сохранился.

Вид замка Заалау в XIV в. Реконструкция. Рисунок А. Н. Смирнова.

ЗАМОК ЗААЛАУ. ТО, ЧТО БЫЛО НА МЕСТЕ РУИН

Предлагаемая статья расскажет о замке Заалау, который в руинном состоянии находится в Черняховском районе в поселке Каменское. Статью написал Фридрих Борхерт в числе других о крепостях епископства Замланд.

С именем епископа Вильгельма Моденского, который в 1224 году по решению Папы Римского стал легатом (уполномоченным Папы) в Пруссии, Лифляндии и Готланде, тесно связаны правовые урегулирования между Немецким орденом и католической церковью. Распоряжением от 30 июля 1243 года папский легат предпринял церковное разделение орденового государства на 4 диоцеза (епархии) сразу же после покорения Пруссии. Были образованы епископства: Кульмерланд, Помезаниен, Эрmland и Замланд, в которых, исключая специальное урегулирование для

Кульма, треть земли в каждой епархии должна была быть светской территорией. Из этих территорий епископы треть желали передать своему соборному капитулу. Благодаря своей мощи и своей великолепной организации Немецкий орден наращивал значительную гегемонию, в то время как епископства отказывались от собственной политики и автоматически по договору с Орденом занимались исключительно оборонительными задачами.

Папский престол пошел навстречу желанию Ордена, и при определении на должность епископов длительное время преимущество имели исключи-

тельно братья Немецкого ордена. Идущие навстречу папские назначения людей из Ордена произошли уже в 1246 и 1249 годах: Анзельма фон Майсена определили епископом Эрмланд, а Хайденрайха – епископом Кульма.

Орден также стремился последовательно к присоединению соборного капитула, взяв выборы епископов в свои руки. Так произошло и в трех других епископствах в предпоследнее десятилетие XIII века, что после окончания Великого прусского восстания епископы из-за соображений безопасности предложили присоединить соборный капитул к Ордену. Между Орденем и Замландским епископом, которые первоначально находились в Кенигсберге, в старом замке, рядом друг с другом, возникли разнообразные трения и распри в вопросе раздела территорий. Позднее определившаяся область Замландского соборного капитула была разбросана в Замланде и Надрауэне.

В верхнем течении Прегеля после окончания завоевания Надрауэна около 1275 года было расположено большинство оборонительных сооружений, которые во 2-й половине XIV века были расширены. На дистанции от 15 до 20 километров расположились южнее речного русла Велау, Норкиттен, Швегегау, Инстербург и Таммов (Знаменск, Междуречье, Заовражное, Черняховск и Тимофеевка), а на северном берегу Прегеля – Таплакен, Заалау и Георгенбург (Талпаки, Каменское и Маевка). Скопление укрепленных орденских домов в этой северо-восточной области, граничащей с Шалауэн, Шамайтен и Зудауэн (исторические области Пруссии), было необходимым, так как с начала XV века они отбивали продолжительные вторжения литовцев и служили исходными пунктами для собственных операций, так называемых литовских походов.

Немного в отдалении от северного берега Прегеля, на берегу древнего его русла, Замландский соборный капитул воздвиг укрепленный Дом Заалау, кото-

рый был построен около 1330 года. Он имел вид массивного укрепленного замка. Дом служил прежде управлением хозяйства и управлением расположенной там территории соборного капитула, занимавшегося заселением немецких колонистов. Замок был построен на месте прусской крепости Востополо.

Значимое для обороны положение в основном соответствовало обычному способу построек Ордена. Большой, из ручья накапливаемый Мельничный пруд защищал замок с востока и северо-восточного фланга и обеспечивал систему рвов вокруг замка и форбурга, как и мельницу, водой. Главное здание было окружено вытянутым форбургом на юге, западе и северо-западе в виде скобок и отделено рвом. Однокрылый замок с прямоугольными, сильно укрепленными стенами, образующими двор, имел размер 42х46,5м. В середине двора располагался колодец. К стенам примыкали хозяйственные постройки и конюшня. Главный корпус на южной стороне был 42м длиной, 12,5м шириной и состоял из немного выступающей по центру сторожки при воротах с крыльями по обе стороны. Это здание было возведено из обожженного кирпича, с высоким гранитным цоколем и имело ромбовидные узоры из остеклованного (глазурованного) кирпича. С внешней стороны толщина стен была 2,5м, с внутренней – 1,9м. Трехъярусная постройка имела средней величины стрельчатые окна и сверху опоясывающий фриз на уровне проходившего под спуском кровли хода по крепостной стене. Высокая двухскатная крыша с дубовой стропильной фермой, сохранявшаяся 500 лет, завершала дом сверху. На дворовой стороне имелась, как проход к главному ярусу, деревянная арка. С обоих концов дома находились выделенные фронтоны с нишами, разделенные друг от друга по диагонали фиалами. Присоединенная к южному крылу сторожка при воротах имела над укрепленным этажом надстройку с

крышей, которая слегка выступала над кровлей дома. Справа и слева у полукруглого вида арочного портала с внутренней падающей решеткой, в наружной стене, располагались две высоких ниши.

Въезд в виде круглой наружной арки с гранитным обрамлением имел на своих самых длинных стенах по две арочных ниши на центральных колоннах и был со сводами. В главном ярусе раньше располагались пять помещений, а именно: капелла (часовня) с сакристией (ризницей), ремтер, маленький зал над въездом и дормиторий (спальня). Несмотря на многократные обновления старых помещений, под штукатуркой маленького зала, а также других помещений сохранились (до войны) красиво выполненные стенные орнаменты.

Под прямым углом к главному крылу на западной стороне примыкает здание конюшни с мощной наружной стеной из валунов до высоты человеческого роста, а выше – кирпичной кладкой с ромбовидными узорами. Стрельчатые ниши с оборонительными люками оживляли 38-метровую наружную стену западного крыла, где в северо-западном углу выделялась пристройка в виде башни. Там располагался также небольшой проход к форбургу.

Бросались в глаза имеющее всего лишь 8м ширины здание бывшей конюшни и хозяйственные помещения. Предположительно, что там, в отдалении от главного корпуса, располагалась кухня, недалеко от зала заседаний – трапезная. Над крепостной стеной, выходя за ее пределы, в XVI веке с се-

верной стороны была построена пивоварня, наружная стена которой до главного яруса сделана из булыжника. Она имела башнеподобную выступающую часть здания и была позднее снабжена воротами. Там находились раньше помещения прислуги, по всей вероятности вделанные в крепостную стену. В восточной части, у пруда, располагалась мощная оборонительная стена с многочисленными нишами в виде лучковых (пологих) арок, ходом по крепостной стене и длинными рядами бойниц. Сразу после орденского периода на этой стороне были пристроены хозяйственные здания.

Рядом с замком капитула образовалось, южнее Мельничного ручья, поселение Лишке с кирхой, мельницей и двумя трактирами. Замок Заалау после секуляризации в 1525 году был представлен в качестве отделения ведомства бывшим каноникам на их содержание, но, ввиду постоянных финансовых затруднений, повторно был сдан в залог. В Семилетней войне русские использовали кирху и дом пастора как лазарет и при отходе сожгли оба здания дотла.

С XIX века бывший замок капитула Заалау стал прусским доменом (государственным поместьем), и еще в 1900 году в главном корпусе замка жил амтман (управляющий). Его южное крыло после разборки разрушенной части осталось целым. В северном крыле были пивоварня и винокурня. От восточной крепостной стены остались небольшие укрепленные части стены с зубцами. Несмотря на многие перестройки, замок Заалау представлялся посетителям в наше время еще мощным сооружением средневекового образца.

ГРОСС-БУБАЙНЕН (БЕРЕЖКОВСКОЕ): БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ПОСЕЛКА

ЗЕМЛИ СТАРИКА ДЕССАУ

Они располагались между Велау (пос. Знаменск Гвардейского района) и Инстербургом и назывались в народе Дессаускими, потому что ими владел князь Леопольд Фридрих Франц Анхальт фон Дессау (1676-1747), фельдмаршал короля Фридриха Вильгельма, дед принцессы Анхальт-Цербстской, российской императрицы Екатерины II.

В 1721 году король Фридрих Вильгельм предложил своему другу князю Леопольду Анхальт фон Дессау купить эти земли и вдохнуть в них жизнь, так как после эпидемии чумы 1710-1712 годов восточная часть Пруссии была опустошена. В состав этих земель входили церковные общины: Бубайнен, Швегерау и Норкиттен (пос. Бережковское, Заовражное и Междуречье Черняховского района), а в 1726 году к ним присоединяются Пушдорф и Штаблакен (пос. Пушкарево и Трудовое). За все было заплачено 100896 имперских талеров. Король освободил князя от уплаты налогов с тем, чтобы он вкладывал деньги в строительство и обеспечение вновь прибывающих переселенцев со всей Европы. Управляющий имениями Райнхардт имел также право сдавать земли в аренду. Земли богатели год от года. Приводились в порядок и леса. Особой заботой лесника Штельбогена была берлога последнего медведя Восточной Пруссии около Кумпхена (пос. Зеленцово).

Князем Анхальт фон Дессау в Норкиттене была построена кирха овальной формы по образу кирхи в его родном городе Дессау, а в 1737 году – дворец в Бубайнене, который сгорел во

время Семилетней войны в 1757 году: остались одни подвалы. В Норкиттене был построен замок, где находилось управление имениями и где собирались охотники.

Князь Леопольд умер в 1747 году, а в 1757 году умер и его наследник – любимый сын Леопольд Максимилиан. В 1769 году князем Леопольдом Фридрихом Францем были построены кирха в Пушдорфе и колокольня для кирхи в Норкиттене.

Весь XIX век князья Дессау занимались разведением скота, земледелием, строительством дренажа и другими сельхозработами. Из поколения в поколение земли эти назывались «землями старика Дессау».

БЕРЕЖКОВСКОЕ – ГРОСС-БУБАЙНЕН

Поселок с таким названием входил в церковную общину Норкиттен (пос. Междуречье). Школа, управление и отделение полиции находились в Гросс-Бубайнене, отдел ЗАГСа в Норкиттене. Расстояние до Инстербурга составляло 10,4 км. В поселке также располагалось имение с таким же названием, являвшееся собственностью князя Анхальт фон Дессау.

Название места происходит, очевидно, от древнепрусского слова «бубенен» или «пубенен» либо от литовского «вивеле» – «гремит гром», «место грома», а также «пупа» – «бобы», «знай» – «место, в котором чего-то много находится», т.е. «место бобов».

В 1317 году, при магистре Карле фон Тревири, местность с таким названием вошла в состав Тевтонского орде-

на. 26 июня 1421 года магистр Ордена Кюхмейстер фон Штернберг передает городу Кнайпхофу-Кенигсбергу в качестве награды за доказанную верность Ордену земли в лесу Бубейн или Бубенен, «на той стороне кабаньей ямы, на участке Нарвикен», – 40 гуфов (1 гуф – 16,5га) земельных наделов. Позднее там была основана деревня Пушдорф с церковью (пос.Пушкарево).

В 1539 году поселок с трактиром «Каспар» был назван Бубайненом и отнесен к инстербургскому главному управлению, с 24 января 1617 года курфюрст Иоганн Сигизмунд дает городу Кнайпхофу-Кенигсбергу право открытия трактира в районе Бубайнена, а 22 ноября 1619 года – еще 28 наделов земли.

Согласно контракту от 27 февраля 1721 года князь Леопольд Анхальт фон Дессау купил как свое первое владение в Прусской Литве Бубайнские владения у вдовы Юстины Доротей Бемин, урожденной Клейнин, за 4722 талера 52 гроша и 100 дукатов (275 рейхсталлеров). Имение имело кульмские права. Перед покупкой оно было отдано в залог и после большой чумы в 1709-1710 годах было в плачевном состоянии. Окружной начальник Райнхардт назвал эту местность «сибирской пустыней». Город Кенигсберг, как главный владелец имения, получил, кроме того, 10000 гульденов в качестве компенсации.

В 1732-1737 годах князь построил в Бубайнене дворец – внушительное сооружение из 130 комнат. В летние месяцы здесь останавливались князь и наследный принц Анхальт фон Дессау. В 1858 году наследный принц хотел построить в Бубайнене церковь, но не получил на это разрешения.

Семилетняя война 1756-1763 годов и битва при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 года принесли много горя бубайнским имениям. Русская армия продолжила разрушения по обеим сторонам реки Прегель в середине августа, все деревни были разграблены, фрук-

товые деревья срублены, скот был убит или уведен в лагерь, жители бежали в леса. Дворец был полностью разграблен и так разрушен, что был в середине шестидесятых годов XVIII века полностью снесен.

В 1759-1760 годах арендатором в Бубайнене, Швегерау (пос.Заовражное) и на хуторе Мильхбудэ был окружной начальник Гетткандт. В 1785 году в Гросс-Бубайнене были дворянское поместье и деревня на Прегеле. В ней имелись судоходный шлюз, голландская мельница, где можно было производить масло, муку, крупу, а также распиливать лес. Все это относилось к княжеским поместьям Дессау. В 1815 году Гросс-Бубайнен представлял из себя деревню и поместье с водяной мельницей, где можно молотить муку и пилить лес.

В 1807 году в бубайнских владениях грубо похозяйничала французская военщина. 18 июля 1807 года в Бубайнен прибыла депутация инстербургских граждан к французскому генералу Боману, чтобы просить пощады для города. 1 июля 1812 года Норкиттен стал этапным пунктом для французской армии. Так как много солдат с лошадьми не находило места в окрестных деревнях, были организованы полевые лагеря, один из них – возле Бубайнена. Поля вдоль дороги при этом были уничтожены, все луга были отравлены, все имевшиеся продукты съедены.

При строительстве шоссе в 1820 году возле Гросс-Бубайнена по незначению было разрушено много древних захоронений. Учителю Вайгле удалось найти вновь эти захоронения посреди деревни по обе стороны Райхштрассе-1 (имперская дорога №1), которая соединяла города Ахен и Эйткунен (пос. Чернышевское), – было обнаружено 7 захоронений позднеримского периода.

В 1821-1824 годах благодаря сепарации – освобождению крестьян – деревня стала крестьянской и перестала быть владением князей Анхальт фон

Дессау. С 1875 года домен (имение) сдавалось в аренду. Первый его арендатор – старший окружной начальник Хогрефе. В 1888 году он стал членом Общества старины Инстербурга. За ним следует арендатор Оскар де Мар, который оставался им до изгнания в 1945 году.

ВАЛЬДХАУЗЕН – КЛЯЙН-БУБАЙНЕН

Верхний поселок Бережковского

Районный пункт в Норкиттене, школа в Гайтцунене (пос.Новая Деревня), управление в Вальдхаузене, бюро ЗАГСа в Норкиттене, полиция в Гросс-Бубайнене (Вальдхаузен), от Инстербурга 6,5км. Имение князя Анхальт фон Дессау.

Вальдхаузен («Лесной дом») куплен в 1721 году князем Леопольдом Анхальт фон Дессау в Вальдхаузенском лесу. Относился к лесному участку Вальдхаузен и в 1925 году являлся жилым общины Гросс-Бубайнен.

МЕЛЬНИЦА В БУБАЙНЕНЕ

Шлюз в Гросс-Бубайнене, на мельнице, был сооружен еще в 1723 году и в 1790 году снесен, после того как землю купило государство.

В 1770 году архитектор по строительству мельниц Готфрид Керн заложил большие мельничные заводы. Шлюз был построен из дерева, раньше он был возведен из камней.

22 февраля 1822 года князь Анхальт фон Дессау купил у этого советника мельницу за 10000 талеров, управляющим был назначен инспектор по мельницам Билер из Дессау. В сентябре 1857 года полицейское управление князя Анхальтского располагало предписанием, невыполнение которого влекло за собой наказание. Согласно ему, суда, осадка которых ниже, чем нижний уро-

вень воды в Бубайнском мельничном шлюзе, перед его прохождением должны отгружаться настолько, чтобы не касаться дна шлюза.

В середине 1880-х годов мельница сгорела вместе со всеми соседними зданиями. Нефтехранилища были разрушены, и горящие массы нефти вылились в Прегель. Мельницу не стали восстанавливать, территорию шлюза купило государство, которое снесло шлюзовые сооружения, чтобы лучше регулировать уровень воды в Прегеле и его притоках.

В 1917 году пожар уничтожил поместье, остался только один жилой дом.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

1871 год: деревня и поместье Бубайнен (жилых зданий 46, жителей 610), мельница Гросс-Бубайнен (жилых зданий 11, жителей 142), хутор и кирпичный завод (жилых зданий 8, жителей 122), домики путевых обходчиков (жилых зданий 3, жителей 11); Вальдхаузен – вокзал (ст.Пастухово), Вальдхаузен – главное лесничество и лесные дома Гершенвальде, Кляйн-Бубайнен (верхний поселок), Мильхбудэ, а также Швегерау (пос.Заовражное) – жилых зданий в 1925 году – 85, хозяйств – 193, жителей в 1933 году – 737, мужчин в 1925 году – 369.

В 1871 году все имели прусское гражданство, 879 человек евангельской веры, один католик, 35 христиан, 431 местный уроженец, 218 младше 10 лет, 486 могут читать и писать, 181 неграмотный, 2 слепых, 3 глухонемых, 3 слабоумных, 29 приезжих. В 1905 году – 355 человек евангельской веры, 4 католика, 15 христиан, все указывают немецкий язык как родной, основная площадь деревни – 90га. В 1925 году – 747 человек евангельской веры, 9 католиков.

Площадь земель – 341га, из них 242га пашни, 24га лугов, 7га паш-

ни, 7 усадеб, 40 лошадей, 150 голов крупного рогатого скота, из них 70 коров, 20 овец, 4 свиньи. В 1927 году в Бубайнене было два магазина: «Мануфактурные товары» (владелец магазина Бахерт) и магазин бакалейных

товаров (владелец Гутовски, он же хозяин трактира «Каспар» – здесь сейчас в Бережковском клубе). 17 октября 1922 года деревня и имение Гросс-Бубайнен были переименованы в Вальдхаузен.

СТАРИК ДЕССАУ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

О старике Дессау рассказывают очень много. Иногда это правда, а иногда – выдумки и ложь. Тому, что он умел колдовать, нужно поверить, иначе как еще можно было объяснить то, что он был неуязвим для любой пули? Он мог пройти через любой рукопашный бой с непокрытой головой и ни один волос не потерять.

Или еще: он едет в середине лета на карете, запряженной шестью лошадьми, из Мемеля в Кенигсберг и, так как очень спешит, решает ехать самым коротким путем, через залив. И что вы думаете? Вода держала его так же хорошо, как и самый твердый лед зимой. Это любого заставит задуматься.

За различные заслуги перед государством Пруссия король пожаловал ему имение Норкиттен в северо-восточной части Восточной Пруссии – район, который был заселен в основном литовцами. Старик Дессау был им хорошим и справедливым хозяином. Он умело хозяйствовал, и скоро запущенное имение стало процветать. Но и это удалось ему только потому, что он, как рассказывают люди из этих мест, умел находиться одновременно в разных местах и всегда успевал вовремя.

Однажды в деревне Бубайнен он приказал построить новую мельницу.

На работы он привлек ремесленников из Германии, так как литовцам не очень доверял. Когда после этого однажды попросил работу литовский подмастерье, мастер на мельнице ему грубо отказал. С тех пор работы на мельнице перестали продвигаться вперед, как бы ни ругались мастера и как бы ни старались и ни исходили потом рабочие, трудясь с раннего утра до позднего вечера. А все потому, что литовский подмастерье понимал в колдовстве не меньше, чем высокий господин из замка Норкиттен. Скоро мастер заметил, кому он должен быть благодарен за нанесенный ущерб, приказал позвать подмастерье и дал ему работу. И гляди-ка: стройка стала быстро продвигаться вперед, и скоро мельница была готова и была самой лучшей во всей округе. Когда же подмастерье потребовал выплатить ему заработанное, князь отказал ему презрительно и не дал ни гроша. Это рассердило парня с мельницы, но он сдержался: что бы он смог противопоставить колдовскому умению старика Дессау в его собственном замке? Придет время расплаты, подумал он, и стал ждать подходящего случая.

Он вскоре подвернулся. Когда князь через некоторое время должен был ехать в Кенигсберг, литовский подмастерье поехал за ним, потому что вне

замка – он знал это совершенно точно – старый господин не обладал колдовскими чарами.

В Кенигсберге князь расположился в королевском замке и, куря трубку, высунулся из окна, когда внизу как раз проходил литовский парень. Он мужественно встал перед ним и потребовал выплатить заработок за работу на мельнице. Но старик Дессау его только высмеял. Тогда подмастерье наколдовал ему лосиные рога на голову, которые становились все больше и больше. Князь сначала ничего не заме-

тил, только когда на улицах стали останавливаться и оглядываться ему вслед, он схватился за голову и заметил тогда большие рога. Он очень испугался и хотел быстро вернуться в свои покои, но рога были так велики, что не пролезали в окно. Теперь пришло время смеяться для подмастерья, и князь вынужден был, хотел он этого или нет, выплатить требуемую сумму. И рога с его головы пропали.

С тех пор старый Дессау уже не соглашался меряться в колдовстве с литовцами.

ДВОР ХАГЕН

О доисторическом заселении берегов реки Писсы в районе поселка Каралене, еще ранее Куметшен (пос. Зеленый Бор), известно очень мало. Хотя в некоторых местах на склонах берегов реки, богатой рыбой, были обнаружены «черные пятна», топоры и металлические предметы, наконечники стрел из средних каменных веков, когда уже стаяли ледники и начали образовываться известные теперь реки. О длительном присутствии людей на берегах Писсы свидетельствует также отшлифованный каменный топор из афанита, найденный в захоронении в лесничестве Лаугаллен на глубине одного метра и переданный в музей «Пруссия» в Кенигсберге. О более плотном поселении в каменном веке со слабо развитым земледелием свидетельствуют три найденных в 1937 году захоронения в позе сидя в Краупишкемене (ранее орденский замок Вальков).

Ближайший мрачный лес являлся для людей источником существования. Прусская область Надровия при

влажном климате не давала возможности выращивать большие урожаи, однако, судя по изготовленным здесь оружию и украшениям, надрувы не отставали от более развитых областей Пруссии.

В 1274 году это пространство захватил Немецкий рыцарский орден. Крепость Камсвикус (пос. Тимофеевка) была сильно укреплена с целью обороны и служила убежищем для местных жителей. Немецкий орден понял выгодное положение долины рек Анграпп и Писсы и заложил здесь выдвинутую систему бастионов для защиты основанного в 1336 году Инстербурга. Эта оборонительная система тянулась по восточному берегу реки Писсы до ее слияния с Анграпп. На юге системе замыкал Валькенау (не сохранился), на севере – Двор Хаген. На крутых берегах реки Писсы разросся колючий кустарник на радость ботаникам и орнитологам. Далее в направлении Инстербурга располагались засеки. Был насыпан земляной вал, прикрывавший

местность между рекой Писсой с ее высокими берегами и долиной реки Инстер, и поставлена крепость Кеггау, прикрывавшая замок Инстербург с севера от набегов литовцев. В долине реки Инстер замок Инстербург прикрывал небольшой круглый замок под названием Абшруттен (название происходит от старопрусского «барсук»). Главными после Инстербурга были крепости Камсвикус и Таммов (Тимофеевка). Вся эта прикрытая крепостями территория служила базой для походов Немецкого ордена в тогда еще языческую Литву. Дневной переход конных рыцарей равнялся расстоянию до Двора Хаген. В сообщениях проводников, например Бриоли Никлоса, говорится: «Во Дворе Хаген находился хорошо охраняемый проход для походов на Литву». Однако

небольшое количество защитников не спасло данную местность от нападения литовцев, в результате чего не были восстановлены крепости Валькенау и Камсвикус. Двор Хаген, в отличие от других крепостей, продолжил свое существование даже после поражения Немецкого ордена в 1410 году на полях Грюнвальда.

25 августа 1533 года Двор Хаген был отдан в аренду герцогом Альбрехтом Хансу Рюкерлингу. Грамоту оформил капитан Пайн, государственный служащий, главный настоятель Инстербурга, что и послужило основанием для более позднего создания поселка Каралене (в переводе с литовского «королева»). Для более успешного ведения хозяйства Рюкерлинг был освобожден от всех налогов.

ВОЛОДАРОВКА – ЙОДЛАУКЕН – ШВАЛЬБЕНТАЛЬ

Поселок с таким названием расположен на юге Черняховского района и ведет свою историю со второй половины XVII века. Датой основания поселка можно считать 1651 год, когда наряду с лесничеством и лесопилкой по приказу Великого курфюрста здесь было организовано и охотничье хозяйство. Вызвано это было наличием большого лесного массива, а потребность в основном тогда строительном материале была большой. После эпидемии чумы 1709 года Фридрих Вильгельм I в 1718 году основал на этом месте на реке Швальбе поселок Йодлаукен и заселил его переселенцами из Зальцбурга и Литвы.

В этом же году была возведена кирха с деревянной башней. В 1746 году кирха была заменена на каменную на деньги Фридриха II.

Между двумя мировыми войнами поселок представлял собой живописную картину с красивыми садами, парком на склоне реки и массивными зданиями. В поселке были почта, аптека, две гостиницы, несколько магазинов, школа, свой врач. Население сельского округа Швальбенталь насчитывало 3300 человек.

В 1945 году при наступлении советских войск на Инстербург через поселок проходила последняя эвакуация населения Инстербурга.

КРАСНАЯ ГОРКА – НЕТТИНЕН

У начала оврага, по дну которого струится безымянный ручей, впадающий с севера в Инструч, высится мощный холм, достигающий высоты 15м от уровня воды в ручье. Судя по находкам, можно предположить, что здесь, на месте прусского городища Lethowis, располагалась небольшая орденская крепость, охранявшая западные подступы к находящемуся недалеко замку Инстербург.

(Из книги доктора исторических наук В.И. Кулакова «Дорогами Ульмеригии».)

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

1274. Хронист Дусбург упоминает Неттинен как Леттинен.

1300. На месте разрушенной прусской крепости Немецкий орден строит

крепость Неттинен (крепостной вал можно видеть еще и сейчас).

1514 – 1858. Различные хозяева.

1858. Неттинен покупает владелец конного завода Георгенбург Вильям фон Симпсон и расширяет владения, используя как конные сооружения (20 июня 1879 года он передал в историческое общество «Пруссия» в Кенигсберге многочисленные предметы железного века, найденные в Неттинене).

1898. Неттинен перешел государству как домен (имение).

1914. Проводятся конные турниры в долине реки Инстер. Во время их проведения все шоссе было занято зрителями, которые наблюдали соревнование в бинокли.

1934. Управляющий имением – Эмиль Штуйке. В 1935 году он нашел на полях Неттинена обмотанный кожей кремневый топор железного века.

В Неттинене были и великолепные фазаны.

ЗАГОРСКОЕ – ПЕЛЛЕНИНГКЕН – ШТРИГЕНГРУНД

Очаг над ручьем Штриус

Поселок с такими названиями расположен в 15,7км к северо-востоку от города Черняховска-Инстербурга, на высоком склоне долины реки Инстер. Первое немецкое название, Пелленингкен, происходит от литовского слова *pelėnai* («пепел», «зола») или *pelene* («очаг»), второе, Штригенгрунд, – от названия ручья Штриус, на котором, собственно, и расположен поселок.

Здесь располагалось прусское городище, разрушенное рыцарями Немецкого ордена. К сожалению, название его не сохранилось. Первые крестьяне появились на этом месте в 1539 году, ответив тем самым на призыв герцога Альбрехта заселять земли Надровии, исторической области Пруссии. Поселились они на склоне долины, получив земли. Назвали они это место Штриге.

Загорское – Пелленингкен – Штригенгрунд. Начало XX века.

Переселенцы были из Литвы и немцы с кульмскими правами на владение землями. Так, среди них были: 8 крестьян на положении барщины, 1 кнехт (баграк), имеющий землю в аренде, и 2 свободных рабочих.

В 1607 году было основано поместье Каукерн (пос.Загорьевка) в 3км к северу от Пелленингкена. Им владел Георг фон Манштайн.

В 1626 году деревня имела 10 моргенов земли (1 морген – 0,25га).

С 1677 года деревня называется Пелленингкен.

В 1718 году фон Манштайн основал корчму в Пелленингкене.

В 1732 году сюда прибыли переселенцы из Зальцбурга (Австрия).

В 1757 году во время Семилетней войны в деревне разбили свой лагерь русские войска.

В 1785 году Пелленингкен насчитывал 26 дворов и находился под патронажем короля.

1 февраля 1887 года около Пелленингкена нашли дырявый каменный топор, переданный в музей «Пруссия» в Кенигсберге.

В 1925 году церковная община Пелленингкена насчитывала 536 лютеран и 1 католика, общая площадь земель 509га.

В деревне были врач, аптекарь, почта, сберкасса, магазины: напитков и продуктов питания, бакалейный, мануфактурный.

Связь с Инстербургом осуществлялась в основном через узкоколейную железную дорогу Инстербург – Краупишкен (пос.Ульяново Неманского района).

16 июля 1938 года Пелленингкен был переименован в Штригенгрунд.

Церковная община в Пелленингкене была основана в 1718 году. Первые богослужения проводились в небольшой хижине. По просьбе капитана фон Манштайна король Фридрих Вильгельм I разрешил построить кирху в деревне. В 1725 году под управлением строительного директора фон Унфрида была построена первая кирха фахверковой постройки с деревянной башней. Пиломатериалы были куплены королем. В 1726 году кирха была освящена. Во время наполеоновских войн (1807 год) все самое ценное церковное имущество было зарыто, но по наводке служанки пастора было разграблено. Французы грабили все беспощадно. Например, из 124 коров осталось только 14.

В 1892 году на месте старой кирхи была построена и освящена новая – из обожженного кирпича, которая и сейчас стоит на горе в центре поселка Загорское.

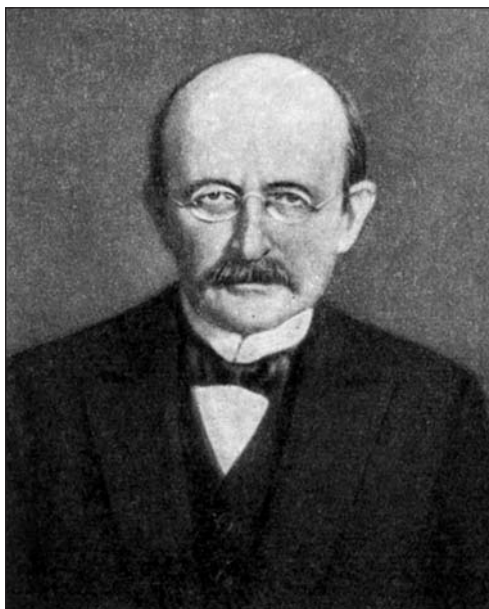
УЧИТЕЛЬСКИЙ СЕМИНАР В КАРАЛЕНЕ

Малая родина большой физики

Родившийся в Виттенберге 15 августа 1774 года Карл Август Целлер был одним из лучших учеников знаменитого педагога Песталоцци. В 1809 году он приехал в Кенигсберг и получил место педагога в королевском приюте у Закхаймских ворот. Но ему не давало покоя полученное у великого швейцарского педагога образование. Целлер был полон идей. Ему удалось найти меценатов, которые выкупили Двор Хаген под Инстербургом и основали здесь учительский семинар Каралене, причем название это место получило от недавно умершей королевы Луизы, всеобщей любимицы германских народов.

Итак, 17 октября 1811 года был основан учительский семинар, начавший свою работу двумя годами позже. Были набраны 25 воспитанников, которые получали начальное образование, а с 17 лет они получали образование сельских учителей, при этом они умели делать крестьянскую работу лучше, чем просто крестьяне. Воспитанники были образованны, физически крепки благодаря прекрасному физическому воспитанию. Полученное воспитание и навыки работы в великолепном саду и на пасеке делали воспитанников уважаемыми людьми на работе в сельской местности. Ни один праздник в Гумбиннене или Инстербурге не проходил без великолепного оркестра скрипачей из Каралене, позднее названного Луизенбергом, опять же в честь незабываемой королевы Луизы. Очень многие учителя после работы в Каралене получали повышение по службе.

И один пример результата жизнедеятельности этой благодатной земли: 23 апреля 1858 года в Каралене родилась Эмма Патциг, вышедшая впоследствии замуж за Вильгельма фон Планка. И 23 апреля у них рождается сын, которого называют Максом. Макс Планк

Макс Планк (1858-1947).

впоследствии стал основателем квантовой физики, давшей миру атомную энергию, о которой он, кстати, говорил: «Нельзя не принимать всерьез опасности самоуничтожения, которая грозит всему человечеству, если какая-нибудь война в будущем приведет к использованию большого числа таких бомб. Никакая фантазия не в состоянии расписать всех последствий этого. 80000 жертв Хиросимы и 40000 жертв Нагасаки – это чрезвычайно настоятельный призыв к миру, обращенный ко всем народам, прежде всего к их руководящим государственным деятелям».

И еще несколько слов о благодатной почве этой поистине уникальной земли, находящейся практически в центре Европы. Ничего просто так не бывает. Оказывается, у Макса Планка был дед, который имел в городе Инстербурге аптеку на площади Альтер Маркт (сейчас пл.Ленина, дом не сохранился) и был при этом аптекарем и физиком одновременно.

Вальтер Гроссе, генерал в отставке

ОН НАСТОЯЩИЙ БЫЛ МУЖЧИНА!

«Инстерказаки» – уланы из Инстербурга

Во время великой реорганизации прусской армии, которую проводил принц-регент, будущий император Германии Вильгельм I, 14 июня 1860 года, был сформирован Литовский уланский полк. Кенигсбергские кирасиры Врангеля (Wrangel Kurassire) и уланы Дона (Dohna Ulanen) выделили для этого по эскадрону, следовательно, с самого начала полк стал подлинно восточнопрусской воинской частью. Его цвета были светло-голубой и синий; однако через 30 лет светло-голубые лампасы были заменены более подходящими белыми.

Половина нового полка располагалась в Инстербурге и Велау (пос. Знаменск). Тогда были еще простые старопрусские времена, и всадники, благо места было в избытке, размещались в квартирах горожан, а лошади – в их конюшнях. Для строевой подготовки в Инстербурге не было другого пригодного места, кроме лежащей в центре города Neuer Markt (ныне Театральная площадь). Обоим эскадронам в Велау в этом отношении было лучше, так как у них в расположении был манеж, сороуженный еще во времена кирасиров, и они могли также использовать расположенную неподалеку «Patersdorfer Palwe» размером в 229 моргенов (1 морген – 0,25га) – историческую местность, которая в XVIII веке так часто видела большие кавалерийские парады прусских королей. В 1865 году произошла смена гарнизона: штаб и три эскадрона были переведены во Фридланд (г.Правдинск), а один эскадрон остался в Велау.

Короткая кампания против Австрии в 1866 году не дала молодому полку никакой возможности самостоятельных

военных действий, но зато принесла всеобщее признание за хорошую службу в дозорах, разведке и охране.

Схожие задачи, но в больших масштабах, поставила Франко-прусская война 1870-1871 годов, объединившая Германию. Эпоха конных атак, решающих исход великих битв, в основном уже прошла ввиду все более возрастающей эффективности огня, но не столь заметные важные задачи ближней и дальней разведки ежедневно предъявляли к всадникам очень высокие требования – необходимы были способность к мгновенному восприятию ситуации и решительность. В то время уланы с их пиками приносили особенную пользу, но при многочисленных столкновениях очень сильно давало о себе знать и то, что они были вооружены только пистолетами. Карабины уланы получили только в 1875 году.

По окончании войны полк при всеобщем ликовании вновь обосновался в своем восточнопрусском гарнизоне. Сорок четыре человека из состава полка были награждены Железным крестом, которым в те времена награждали намного реже, чем впоследствии.

С самого начала уланы 12-го полка отличались очень хорошей верховой ездой, и когда их в армии в шутку называли «Инстерказаками», это, бесспорно, был один из видов признания. Инспектор кавалерии, принц Фридрих Карл, который обычно был скуп на похвалу, был вынужден воскликнуть, восхищенный после одной из инспекций: «Очень браво ездите верхом, уланы! Такой атакой вы одержите победу над любым противником!»

Обучение верховой езде облегчалось еще и тем, что набирали ве-

Уланы 12-го Литовского полка.

ликотепное пополнение, которое, как почти во всех кавалерийских полках в провинции, состояло почти только из добровольцев. Они приходили в Инстербург по большей части из тех местностей, где было много лошадей и где с самого детства крестьянин и лошадь, так сказать, срастались друг с другом. В числе добровольцев, пришедших осенью 1901 года, находился 17-летний крестьянский сын из Тракенена (пос. Ясная Поляна Нестеровского района), который впоследствии прославил верховую выучку этого полка. Это был будущий обер-лейтенант Герхард. На Олимпиаде 1936 года он со своими лошадьми добился двух золотых медалей и одной серебряной.

Уланы с радостью встретили объединение всего полка в Инстербурге, после которого в течение короткого времени гарнизоны Шталлупёнена (г.Нестеров)

и Гольдапа стали единым эскадром. Радость продолжалась недолго. Через 10 месяцев над всей Восточной Пруссией загудели колокола – мобилизация!

Уланы 12-го полка первыми из всех немецких войск уже 14 августа 1914 года перенесли свои штандарты через русскую границу. Это произошло во время первых военных столкновений, при продвижении к железнодорожной линии Инстербург – Ковно, когда была атакована приграничная станция Кибартай. Положение в эти первые две недели войны было очень тяжелым, так как одному кавалерийскому дивизиону противостояло в среднем не менее пяти русских. История полка доносит сведения о многочисленных патрулях и разведках в очень тяжелых условиях. При этом некоторые уланы стали безымянными героями. После битвы при Гумбинне (г.Гусев), при спланированном

преследовании противника на переправе, 20 августа уланам было разрешено провести одну из очень немногих конных атак Первой мировой войны. Это была атака на русские обозы, которые тем не менее имели пехоту, пулеметы и обладали значительной боевой силой. Атака имела полный успех, хотя из-за сильного пулеметного огня полк понес порядочные потери. Только погибших было 2 офицера, 3 вахмистра, один фанен-юнкер и 30 уланов.

Танненберг (Грюнвальд) и битва на Мазурских озерах в полном масштабе поставили перед первым кавалерийским дивизионом важные и требующие всех сил задачи маскировки и преследования. Затем пришли осень и зима, и в бой против дивизиона в северной части Восточной Пруссии были введены еще более превосходящие силы противника, в основном в пешем бою, как 7 ноября в битве при Enzuhnen. После позиционной войны на Анграпп, после очень беспокойных месяцев с непривычной работой штыковыми лопатами и оборудованием позиций, после зимнего сражения на Мазурских островах, после различных небольших атак в Литве пробил подлинный час уланов. Впервые в истории этой войны немецкая кавалерия была объединена в большие соединения и введена в бой. 12-й уланский полк вместе с кавалерийским корпусом принял участие в рейде по охвату противника. Этот рейд продолжался до окрестностей Сморгони. Но боевых сил было недостаточно, чтобы

преградить русским путь к отступлению до прихода немецкой пехоты.

После изнурительных боев 1914-1915 годов наступило относительное затишье: береговая оборона в Курляндии, где русский десант угрожал немецким флангам. Почти два года полк находился на укрепленном для обороны берегу Балтийского моря. Потом были бои за Ригу. Новая задача была по защите Литвы и Эстонии с октября 1917 года до конца 1918 года.

Затем, после подписания Брестско-Литовского мира, оставалась необходимость оградить зерновые районы от большевиков. Эту неблагодарную полицейскую службу полк уланов в числе других войск выполнял с мая 1918 года, в отличие от их товарищей, которые сражались далеко на западе за существование Германии.

С середины зимы 1919 года началось отступление с Украины. 20 февраля войска достигли Просткена (Польша), и двумя днями позже инстербуржцы приветствовали своих уланов, въезжавших в город через триумфальную арку. 22 офицера, 159 унтер-офицеров и солдат отдали свои жизни за Германию. Для кавалерийского полка это были значительные потери.

Памятник, открытый 24 октября 1924 [1926] года на углу улиц Шлосштрассе и Театерштрассе (улицы Замковая и Льва Толстого) около замка – бывших казарм уланского полка, – посвящен памяти погибших однопольчан.

ЧТО ТАКОЕ FFAA? СОЮЗ ЗА ПРИЛИЧНУЮ АРХИТЕКТУРУ

Совершенно понятно, что FFAA – это аббревиатура, а расшифровывается она в переводе с немецкого языка как «Союз за приличную архитектуру». Такой союз был образован людьми творческих профессий в Инстербурге после Первой мировой войны. Однако, в отличие от других многочисленных союзов и обществ, в нём не было ни председателей, ни казначеев, ни секретарей. Просто творчески работающие люди собирались вместе и обсуждали всё, чем они интересовались.

Главной темой общения, конечно, было искусство, но обсуждались также религиозные, философские, литературные, музыкальные и другие темы. Раз в неделю собирались в восемь часов вечера и редко расходились до двух часов ночи. Бывали все по очереди друг у друга на квартирах. Спиртного или съестного почти никогда не было, а чаще всего были новые книги или картины.

Кем же были участники этого оригинального общества? Необходимо прежде всего назвать архитектора Ганса Шароуна (смотрите «Полюс» от 31 декабря 1992 года – 1 января 1993 года, «Его карьера началась в Инстербурге»), который построил в Инстербурге дом на Паркринг (улица и дом не сохранились). Это был первый современный дом в городе, со ступенчато соединенными частями здания, которые держались благодаря полукруглым балконам и бетонному горизонтальному членению. Шароун был инициатором создания этого союза, и он подобрал ему подходящее название. После Второй мировой войны Ганс Шароун стал президентом Академии искусств в Берлине, приобрёл международную известность.

Следующим членом союза был член городского совета по делам стро-

ительства и архитектуры Браш, оказавший большое влияние на образ города. Не только арочный мост через Анграпп с лестницей к Альтер Маркт (пл. Ленина), но и преобразование улицы Буттермаркт в Ульменплатц (район сквера с фигурой оленя), строительство нового рынка и реконструкция Штадтхалле (Дом офицеров) – его труд. Само собой разумеется, что замыслы эти сначала обсуждались в Союзе за приличную архитектуру. Не следует при этом забывать его любезную, милую жену, с цветом лица, белым как молоко, и светло-русыми волосами. Тайком ее называли Ля Палома – «белая голубка».

Третьим в союзе следует назвать правительственного советника по строительству и архитектуре доктора Карла Клауззена, человека неукротимой энергии. Его главными работами были государственные имения Цвион и Георгенбург (пос. Доваторовка, конюшни; пос. Маевка, конюшни и жилые дома для рабочих). В Инстербурге он также перестроил башню Лютеранской кирхи из готической в барочную. После Второй мировой войны Клауззен восстанавливал Оперный театр в Берлине на Унтер-ден-Линден.

Следующей нельзя не назвать Марию Тирфельд, владелицу и руководительницу Инстербургского цеха художественного ткачества. Это была настоящая восточная пруссачка. Побужденная Шароуном, она получила техническое и художественное образование в «Баухаузе» (Высшая школа строительства и художественного конструирования) в Веймаре. Поселившись в Инстербурге, взяла в аренду магазин на углу Вильгельмштрассе – Маркграфенплатц (здание не сохранилось – сейчас сквер у главного здания педколледжа). Здесь стояли ручные ткацкие станки и довольно много девушек обу-

чалось у мастерицы ткачеству, пока другие работали над сюжетами. Госпожа Тирфельд, всегда называвшаяся Мария или Мюри, поставила себе задачу спасти старинный народный промысел – восточнопрусское ткачество гобеленов. В музее Инстербурга в Крефельде находится полноцветная блестящая вещь: восточнопрусский свадебный ковер, на котором изображены жених и невеста во время заключения брака. Позже Тирфельд работала в Академии художеств в Кенигсберге, а после войны – в Гамбурге, где имела большую клиентуру.

Рядом с ней её сестра – госпожа Бартшат, называемая «мадамхен» («дамочка»). Так в Восточной Пруссии называли управляющую хозяйством. Мадамхен была всегда приветлива и уравновешенна.

Художник Пауль Шмоллинг также принадлежал к этому союзу. По профессии учитель эстетического воспитания в Высшем лицее имени Гинденбурга, он стал известным благодаря настенной фреске в актовом зале лицея, а также своим картинам в манере экспрессионизма. В союзе Шмоллинг выполнял макеты из глины. Так, например, макет замка вместе с памятником уланам или макет новостроек между Казерненштрассе (ул.Гагарина) и Данцигер штрассе (ул.Пушкина) по проекту Ганса Шароуна. Наследие Пауля Шмоллинга – его картины – хранятся в музее города Инстербурга в Крефельде. Жена его также была поклонницей современного искусства. Она великолепно вышивала. Ее гобелен с инстербургскими мотивами также находится в Крефельде.

Эта маленькая компания была не одинока в Инстербурге. Художествен-

Репродукция работы художника
Пауля Шмоллинга.

ный союз, официальная организация с дюжиной управленцев, устраивал в городе выставки, поэтические вечера, приглашал известных артистов, художников (Кандинского, например), писателей (Томаса Манна). Постоянно приезжали труппа Нового театра из Кенигсберга под руководством Рихарда Розенхайма, балетная труппа. Руководил Художественным союзом санитарный врач доктор Розенкранц. Настоящим меценатом союза стала супруга профессора доктора Зигеля, главного врача женской клиники Инстербурга. Встречи проходили в Штадтхалле (Дом офицеров), в отеле «Райнишер Хоф» (не сохранился) и в клинике профессора Зигеля.

ПОЛЮС

Рубрика «Былое» в газете «Полюс»

ГЕРБ НАШЕГО ГОРОДА

Маркграф Георг Фридрих фон Ансбах.

Во времена получения городом своих прав вокруг Инстербурга простирались девственные леса. В них нередко встречались медведи, а также лоси и олени. Право на охоту имел только хозяин земли.

Еще герцог Альбрехт, как опытный охотник, предпочитал эту местность. В октябре 1554 года он собственноручно убил большого медведя и подарил

шкуру своему верному слуге и другу Каспару фон Ностицу. На этой роскошной охоте добыча составила 5 медведей, 9 лосей и неизвестное количество оленей.

Страсть к охоте в таком богатом крае увлекла и маркграфа Георга Фридриха. Он часто проводил время в охотничьих угодьях Инстербурга и в самой крепости.

Когда Георг Фридрих наконец дал Инстербургу права города (10 октября 1583 года), он выразил свою любовь к охоте тем, что увековечил медведя и охотника в изображении герба города.

В грамоте написано так: «Мы хотим городу Инстербургу дать собственную печать, которую следует употреблять для заверения необходимых документов... А именно – белый щит, в нем снизу зеленая гора, на ней черный медведь стоит на всех лапах, а по обеим сторонам внутри щита две латинские буквы: “G” и “F” (т.е. инициалы Георга Фридриха). Сверху щита – грузная фигура, изображающая охотника, который в руках держит рожок. И все это окрашено в соответствующие цвета». По этим указаниям была изготовлена старейшая печать. С течением времени она была стилизована и упрощена. Дата «1583» в нижней части изображения зеленой горы также была помещена позже. Это год основания города.

Инстербург. Центральная часть города. Аэрофотосъёмка 1930-х годов.

КАКИМ БЫЛ ИНСТЕРБУРГ ДО ВОЙНЫ?

Инстербург – 35 метров над уровнем моря, районный город с населением 42 тысячи жителей на берегу реки Анграпп, которая в двух километрах на северо-западе сливается с рекой Инстер, образуя реку Прегель. Главный город старопрусской провинции Надрауэн (Надровия). Город построен в холмистой местности на просторной площади. Поражает прекрасный план нового строительства. Центр восточнопрусского коневодства и животноводства. Аукцион крупного рогатого скота. Международный турнир верховой езды. Большой гарнизон, порт Прегель (1926), текстильная промышленность, машиностроительный завод, мельничное дело, торговля лесоматериалами, зерном, лошадьми. Сельскохозяйственное общество.

Железная дорога. Восточный (главный) вокзал на юго-востоке го-

рода. Вокзал узкоколейной железной дороги, он же городской железнодорожный, конечная станция Прегельтор (около нынешнего мясокомбината).

Гостиницы. «Дессауэр Хоф», Людендорфштрассе, 2 (ул.Железнодорожная), – 70 комнат на 85 человек, гараж, ресторан; «Райнишер Хоф», Альтер Маркт, 7 (ныне пл.Ленина), – 35 комнат на 40 человек, ресторан, гараж; «Дойчес Хауз», Гинденбургштрассе (ул.Ленина), – на 26 человек, ресторан; «Монополь», Гинденбургштрассе, 61/62, – на 20 человек, гараж, ресторан; «Шварцер Адлер», Гинденбургштрассе, 48, – на 24 человека, ресторан.

Рядовые гостиницы. (Все на Гинденбургштрассе) – «Банхофс-отель» (30 человек); «Цум редлихен Пройссен» и «Зюйддойчер Хоф» (по 10 комнат на 20 человек, гаражи). За городом детский дом отдыха «Каралене» (пос.Зеленый

Бор) и санаторий с лечением грязью «Вальдфриден». Дом молодежи на Казерненштрассе (ул.Гагарина) – вход с Беловштрассе (ул.Спортивная).

Рестораны (вне гостиниц). «Ратскеллер», Эрнст-Зир-платц (внизу, за нынешним «Детским миром»); «Гезельшафтхауз» городской театр (около парка); «Цур Хютте», Вильгельмштрассе, 1 (ул.Пионерская); «Тиволи», Нойер Маркт (Театральная пл.).

Кафе. «Альт Виен», Гинденбургштрассе (угол ул.Ленина и Спортивной), с проведением концертов; «Дюнкель», Вильгельмштрассе, 30 (угол улиц Пионерской и Крупской, сейчас обувной магазин); «Мюле», Кенигсбергерштрассе (ул.Калининградская).

Автобус. Городские линии от вокзала:

№1 – в Шприндт (ныне пос.Кирова);

№2 – Нойер фридрих (новое кладбище, ул.Гагарина);

№3 – Фрауэнклиник (женская клиника, ул.Курчатова);

№4 – Георгенбург (пос.Маевка):

№5 – Цигельтор (Кирпичные ворота) (ул.Победы).

Линии от Альтер Маркт (пл.Ленина):
через Георгенбург и Попелькен (пос.Высокое) на Меляукен (пос.Залесье Полесского района);

через Флюгплатц (аэродром), Дидлаккен (пос.Тельманово) и Едлаукен (пос.Володаровка) на Жальгиррен.

Почтамт – ул.Вильгельмштрассе (сейчас баня).

Банки

Немецкий банк, Гинденбургштрассе, 82;

Дрезденский банк, Гинденбургштрассе, 10;

Восточнопрусский банк, Вильгельмштрассе (ул.Пионерская).

Купальни:

Пляж Цигер, городской бассейн.

Фотография:

Геххардн, Форхештрассе, 12 (ул.Калинина);

Фрерихман, Беловштрассе, 3 (ул.Спортивная).

Стоянки автомобилей:

Вокзал, Нойер Маркт (Театральная пл.);

Маркграфенплатц (Церковная пл.);

Альтер Маркт (пл.Ленина);

Вихертштрассе (ул.Советская).

Кино:

«Капитоль», Нойес Лихтшпильхауз (кинотеатр «Ударник»).

Театр:

Немецкая зимняя сцена.

Спорт:

новый стадион на берегу реки Ангерапп;

ипподром в Георгенхорсте;

охотничий турнир.

ИСТОРИЯ

Инстербург находится в старой прусской местности Надровия. На этой же земле находилось главное языческое святилище Ромове. Первые письменные упоминания – в старинных документах в 1400-1410 годах. Почти через 200 лет получил городские права – в 1583 году, крепость построена в 1336 году. В 1347, 1414, 1590, 1657 и 1690 годах были пожары и войны, после которых город из пепла возрождался к жизни. В Инстербурге с 1642 года жила до своей смерти [?] вдова королева Швеции Мария Элеонора. Во время Первой мировой войны, с 24 августа по 11 сентября 1914 года, – главная квартира 1-й русской армии. Анхен из Тарау жила много лет в Инстербурге, где нашла убежище у своего сына священника, умерла в 1689 году (мемориальная доска на жилом доме по Прегельштрассе, 17,

сегодня ул.Прегельная). Инстербург – место жительства писателей Вильгельма Иордана (род. в 1819) и Эрнста Вихерта (род. в 1831).

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

От вокзала, прямо пересекая узкоколейную железную дорогу, на углу Людендорфштрассе и Вильгельмштрассе, находится гостиница «Дессауэр Хоф»; во время битвы под Танненбергом (1914) – штаб-квартира русской армии под командованием великого князя Николая Николаевича и генерала Ренненкампа, а затем резиденция германского командования «Ост» Гинденбурга и Людендорфа. Далее – по главной торговой улице города Гинденбургштрассе (ул.Ленина) и Альтер Маркт (пл.Ленина). В северо-восточной части площади – Лютеркирхе (кирпичная постройка 1612 года) с башней в стиле барокко, высотой 62м. Внутри немецкий ренессанс работы инстербургца Михаэля Цайгермана (около 1650), резной алтарь, деревянные скульптуры XVII века, красивые эпитафии. (Кирха не сохранилась.)

От Альтер Маркт на север по Мюленштрассе (ул.Партизанская) к замку, основанному как крепость Ордена в 1337 году [?] (сейчас здание суда). Из его 4 башен сохранилась лишь одна – Пайнтурм. В замке – музей древности со старинными орудиями пыток. Перед узкой южной стороной замка – Шлосстайх (Замковый пруд), северное продолжение малого паркового Гавенштайх, на восточной стороне которого

расположен Гезельшафтхауз (сейчас городской театр). Здесь, у Шутценталь (название парка), за террасообразными скверами, – памятник «Германия» (Б.Цитман, 1881) в честь погибших за объединение Германии в 1870-1871 годах (на постаменте этого памятника сейчас стоит бюст Ленина).

По Паркринг (не сохранилась) и Корнштрассе (ул.Тольятти) – мимо почтамта, далее мимо памятника основателю германского экономического общества Шульце-Делитчу (скульптор Арнольди, 1911). Далее – мимо Реформатской кирхи (архитектор Фридрих Адлер, 1890) назад к вокзалу.

Пригороды

1. К замку Георгенбург (по железной дороге или автобусом), основанному в 1350г. Немецким орденом (до 1525г. резиденция Замландского епископа). С 1903г. – Государственный конный завод с 200 племенными жеребцами (клеймо: 2 лосиных рога). В орденской крепости – администрация завода. Городской театр фруктовых садов.

2. Через Ангерапп и Шприндт в долину реки Инстер и далее в Лосиный лес.

3. На восток от города по городской железной дороге в Таммовишкен к крепостной горе Камсвикус (времена Немецкого ордена).

4. На юг по Аугусташтрассе (улицы Курчатова, Чапаева) автобусом к Инстербургскому лесу.

5. На запад к грязелечебнице «Вальдфриден».

По материалам «Путеводителя по Восточной Пруссии» издания 1930 года.

ИНСТЕРБУРГУ – 408 ЛЕТ

408 лет назад, 10 октября 1583 года, крепость Инстербург и находившийся у ее стен поселок Шпарге получили городские права и герб из рук маркграфа Георга Фридриха фон Ансбаха. Краткую историю города, изложенную в книге Августа Амбрассата «Провинция Восточная Пруссия» (Кенигсберг, 1912), в переводе с немецкого предлагаем жителям нашего города Черняховска-Инстербурга.

Год, в котором построен Инстербург, нельзя назвать с точностью, обычно за год основания принимают 1336 год. Раньше здесь стояла языческая крепость Унзетрапис, разрушенная в 1256 году. Место, на котором она возвышалась, заключается обоими рукавами Чернуппе и Ангерапп. Поначалу крепость Ордена была деревянной; когда она переделана в каменную, установить невозможно. Вначале во главе крепости был комтур с конвентом, позже, с 1347 года, в Инстербурге появляются только наместники. Здесь Орден собирался для набегов на Литву. В 1376 году крепость была сожжена литовцами, в 1457 году – поляками. Но вскоре она была восстановлена. Во времена Ордена здесь стояла только казарма. Она образовывала так называемый «Дом Инстербург». По четырем

углам крепостной стены стояли прочные башни. До настоящего времени сохранилась только одна – северо-западная. В 1500 году проводилось расширение крепости. В соответствии со вторым Торуньским мирным договором поселение, расположенное рядом, именуется городом, хотя права города еще не имеет. В 1642 году королева Мария Элеонора Шведская нашла приют в Инстербургском замке до 1648 года. В 1808 году в замке размещался верховный земельный суд. Собственно Дом Инстербург в 1881 году был превращен в казарму, там и до сегодняшнего дня (имеется в виду 1912 год. – *Ред. рубрики*) находятся уланы.

Вблизи крепости еще в давние времена возникло поселение, деревня Шпарге. В 1544 году был организован район Инстер, который 10 октября

1583 года получил от маркграфа Георга Фридриха права города. Во время войн со шведами, которые вел Великий курфюрст, незваными гостями Инстербурга были русско-шведско-польские войска. В 1655 году в него вошли русские и обратили жителей города в бегство. Татары, которые добрались до Георгенбурга, оставили Инстербург в покое. В 1690 году пожар разрушил большую часть города. В 1702 году здесь была образована реформатская община. Она в основном состояла из французов и швейцарцев. Чума 1709 года почти опустошила Инстербург. Во время Семилетней войны город захватили русские. Марш французов через город в 1812 году, как и война, тоже принес городу значительный урон. 17 июня 1812 года сюда прибыл Наполеон и обосновался в доме №3 на Генеральштрассе (ныне ул.Пионерская. – *Ред.*). В это время его адъютант Даву остался в замке Георгенбург.

От городских ворот ничего не осталось. Из интересных старых зданий следует упомянуть три дома на северной стороне Альтер Маркт (пл.Ленина) вблизи церкви. Трактир «Зеленая кошка» на Шлоссштрассе, трактир Пангервиц на противоположном берегу Ангералп. Те, кто не смог разместиться в замке, устраивались в Пангервицкруг. Альтер Маркт, Гольдапер штрассе (ул. Ленина) образуют старую часть города.

Церковь на Альтер Маркт не принадлежит к временам Ордена, а построена якобы в 1610-1612 годах. Ее башня высотой 62 метра. Внешний вид не производит особого впечатления, но зато поражает внутреннее убранство. Особенно выделяются алтарь и кафедра. Два ряда деревянных колонн несут на себе богато украшенный свод, имеются деревянные фигуры апостолов (1658). За церковью находится Музей старины, который был открыт в начале 80-х годов прошлого века и имеет значительные коллекции, прежде всего литовской старины. Старая, расположенная между Ангералп

и Гавенштайх (пруд в парке) часть города имеет замок и Альтер Маркт, Шлосстайх (Замковый пруд). Пруды окружены променадами и вносят приятное разнообразие в картину города.

Границу между новым и старым городом приблизительно образует Райтбанштрассе (ул.Калинина). На этой улице расположена гимназия, картины в которой относятся к значительным достопримечательностям города. Это настоящие картины, написанные художниками Кенигсбергской Академии художеств, на них изображены сцены из «Одиссеи». На Нойер Маркт (пл.Театральная) красивым, удачным образом расположен Гезельшафтхауз (городской театр) с великолепными скверами. К этому саду примыкает городской парк с романтическими берегами долины Чернуппе. На особенно выгодном месте размещается «Кригерденкмаль». Он воплощает образ Германии и открыт в 1885 году. Памятник выполнен скульптором Б. Цитман. В городском парке также находится бюст бывшего бургомистра города Корна, который много сделал для развития Инстербурга и этого парка. Наиболее красива улица в новой части города – Вильгельмштрассе (ул.Пионерская). На ней находится стройное здание Кредитного объединения. На углу Райтбанштрассе и Вильгельмштрассе в июне 1911 года был открыт памятник Шульце-Делитчу. Создатель этого памятника – скульптор Ханс Арнольд.

На Маркграфенплатц (Церковная площадь), в центре новой части города, заложенном во время юбилейных торжеств по случаю 300-летия со дня основания, в 1890 году начато строительство Реформатской церкви. Эта церковь была построена в новороманском стиле по планам Адлера и своей башней в 60 метров господствует над всем городом. Не менее видна издали стройная башня католической церкви и массивная водонапорная башня, которые относятся к украшениям города. Недалеко от этой башни начинаются

овраги, которые тянутся вдоль берега Ангерапп и дают возможность для великолепных прогулок. На противоположном берегу возвышается гора с тюрьмой, построенной в 1835 году, и прядильней.

О росте города Инстербурга говорят следующие цифры: 1819 год – 5097 жителей; 1864 – 11659; 1895 – 23544; 1910 – 31677. Этот относительно быстрый рост объясняется тем, что Инстербург является центром плодородного района и имеет выгодное естественное положение. Город является узловым пунктом пяти железнодорожных путей и многочисленных узкоколеек. Здесь пересекается также большое количество важных шоссе и, наконец, располагался многочисленный гарнизон, также способствовавший росту города. Торговля и промышленность в Инстербурге очень оживленные. Из промышленных предприятий следует упомянуть пивоварни, а также кирпичные заводы.

В числе знаменитых инстербургцев – Вильгельм Иордан (родился 8

ноября 1819 года на Прегельштрассе, 18/19), который сделал себе имя в немецкой литературе своими «Нибелунгами». Эта поэзия написана в стиле городских рифм. Иордан сам читал свои сочинения и достиг при этом большого успеха. Он известен также как переводчик «Илиады» и «Одиссеи».

Эрнст Вихерт (родился 11 марта 1831 года на Обермюленштрассе, 1) относился к сословию судей. В последние годы был судебным советником в Берлине, где и умер 21 января 1902 года. Его исторические романы, действие которых происходит на родной земле («Генрих фон Плауэн», «Великий курфюрст в Пруссии», «Тилеман на дороге») пользовались успехом. Лучшее всего проявился его талант рассказчика в «Литовских историях».

Пауль Шленгер (родился в 1854 году в семье аптекаря) после окончания университета стал редактором. Он был страстным борцом за новых поэтов и особенно выступал в защиту Ибсена и Герхарда Гауптмана.

АРХИТЕКТОР ИЗ ИНСТЕРБУРГА

11 ноября 1970 года, незадолго до завершения 91-го года жизни, умер архитектор Эмиль Кадерайт. Он принимал участие в строительстве многих зданий нашего города. Это его собственный дом на углу Альберт-Штади-штрассе и Иорданштрассе (угол улиц Гвардейской и Комсомольской, дом не сохранился), казарма для кавалерийского полка №1 (левая сторона ул.Гагарина от ул.Ипподромной до железной дороги), казарма пулеметной роты в конце Казерненштрассе (ул.Гагарина) справа. Новостройки в ансамбле гарнизонного лазарета (больница на ул.Тухачевского), пять домов в районе Кёнигс-эк (ул.Спор-

тивная), лесопилка Брауншвайг (база горторга), кирпичный завод Кадшун и башня Бисмарка. Кроме этого, расширение пристройки к ратуше, надстройка к почтампу (сейчас баня), а также здания за пределами города. На стыке веков его мастерская и склад находились на Вильгельмштрассе (ул.Пионерская) рядом с домом священника Реформатской кирхи. Позднее на этом месте была построена женская ремесленная школа (ныне средняя школа №2).

Когда 26 августа 1914 года русские войска заняли Инстербург, их заложниками стали Эмиль Кадерайт, портной Август Блюдау и торговец Карл Эфа,

добровольно предложившие себя на это опасное мероприятие. Позднее Кадерайт сам стал солдатом, заболел лихорадкой и был демобилизован для восстановления Восточной Пруссии в 1916 году. После тяжелой инфляции 20-х годов Эмиль Кадерайт и его фирма принимали участие в строительстве женской ремесленной школы, здания рынка (1927), в расширении здания суда (жители Черняховска знают это здание под названием «гестапо»), а также в строительстве множества частных домов.

В 1933 году Кадерайт начал работы по осушению лугов в долине реки Инстер за водопадом до Георгенбурга (пос.Маевка). Позднее он получил заказы на строительство казарм в Инстербурге, Тильзите, Ангербурге и Гердауэне (пос.Железнодорожный).

С 1927 года по 1933 Э. Кадерайт был обер-майстером гильдии каменщиков и столяров. В 1924 году стал депутатом городского совета. Во время

Второй мировой войны являлся заместителем руководителя местного отделения технической помощи (сейчас эта организация оказывает так называемую гуманитарную помощь).

После войны судьба забросила Эмиля Кадерайта в советскую зону оккупации, где, по его рассказу, он работал столяром, строителем, пастухом.

Попав на «запад», Эмиль представился как архитектор, но сначала пришлось работать каменщиком. Завести свое дело ему уже не удалось. В 1956 году Кадерайт переехал к своей дочери в Штутгарт. Здесь он принимал участие в работе группы инстербуржцев.

В нашем городе еще сохранились здания, в которые вложен труд этого человека. Проходя мимо них, мы должны помнить, что построил их человек самой созидательной профессии – Архитектор. Имя этого человека – Эмиль Кадерайт.

По материалам журнала «Инстербургский дневник».

ЗААЛАУ (КАМЕНСКОЕ)

Так называется небольшой поселок в 20 километрах от г.Черняховска, расположенный в северо-западном направлении на одном из притоков Прегеля (Преголи).

Сейчас трудно сказать, почему переселенцы назвали его Каменское. Возможно, из-за руин некогда грозной крепости, построенной в 1393 [?] году хохмейстером Немецкого ордена Конрадом фон Валленродом (прототип героя поэмы польского поэта А.Мицкевича «Конрад фон Валленрод»).

Вначале крепость называлась Залав. Это название происходит от греческого «золов», то есть «остров». В этом месте небольшая речушка как бы делает большой остров. Во времена языческих прусов здесь находилась крепость Востополо.

После захвата этой земли Немецким орденом ее получил Замландский капитул (совет при епископе). Крепость Заалау, сначала деревянная, впервые упоминается в 1376 году. Сообщается, что литовцы в этом году напали на район Велау (Знаменск), Инстербург, Георгенбург и Заалау, разрушив их. Но уже в 1390 году крепость строят из камней. Сооружение соответствовало типичной орденской постройке. Запруженная речушка была превращена в озеро, которое было естественной защитой крепости с востока. Была построена водяная мельница. Но в летнее время озеро часто высыхало, поэтому были сделаны еще три запруды и, соответственно, три озера.

Крепость с флигелем имела внутренний двор прямоугольной формы, размером

Ворота замка Заалау.
Довоенная фотография.

42 на 46,5 метра. Она окружена сильно укрепленными стенами. Посредине двора находился колодец. К крепости примыкали хозяйственные постройки.

Основное здание с южной стороны имело размеры 40 на 12,5 метра и состояло из слегка сдвинутых от центра ворот с примыкающими к обеим сторонам флигелями. Построено здание из обожженного кирпича, основание – из полевых камней. Имелся высокий гранитный цоколь. Снаружи толщина стен 2,5 метра, внутри – 1,9. Трехэтажное сооружение имело арочные окна, под которыми был опоясывающий фриз (декоративный орнамент). Двухскатная крыша – со стропилами из дуба, которые сохранялись более 500 лет. Со стороны двора находилась деревянная галерея, которая одновременно служила входом в главный этаж. По обоим концам здания располагались отдельные фронтоны с нишами. Рядом с порталом, который имел внутреннюю поднимающуюся решетку, в наружной стороне имелись две высокие ниши. На втором этаже было расположено пять помещений: часовня с ризницей, зал для собраний, покои над воротами и спальня. Несмотря на неоднократные реконструкции, еще сто лет назад под штука-

туркой можно было обнаружить красивый настенный орнамент.

С западной стороны к главному флигелю примыкала конюшня с мощной наружной стеной из полевых камней выше человеческого роста. Арочные ниши с находившимися под ними бойницами оживляли 38-метровую внешнюю стену западного крыла, к которому примыкала пристройка в форме башни. Там же находились ворота в форбург. Под углом к основному зданию, видимо, находилась и кухня. За крепостными стенами в XVI веке была пристроена пивоварня. Она также имела пристройку в виде башни, а позднее снабжена большими воротами.

С восточной стороны была сильная стена со многими нишами и целым рядом бойниц. Южнее крепости возник поселок с церковью, мельницей и двумя трактирами.

В Семилетнюю войну (1756-1763) русские использовали церковь и дом священника под лазарет и при отступлении сожгли оба здания. Впоследствии русский губернатор приказал выделить древесину для строительства церкви.

После сильной эпидемии чумы 1709-1711 годов тысячи крестьянских дворов опустели. Во время совместной поездки в район, наиболее пострадавший от чумы, короля Фридриха Вильгельма I и князя Леопольда король рекомендовал последнему приобрести эти земли и помочь обнищавшему населению в восстановлении сельского хозяйства.

С начала XIV века бывшая крепость Домского капитула Заалау стала принадлежать Пруссии, и еще около 1900 года ее представитель жил в основном здании крепости. К этому времени сохранилось только южное крыло. В северном крыле размещались пивоваренный и винокуренный заводы. От восточной крепостной стены оставались лишь отдельные части с зубцами.

В 1939 году в Заалау проживало 725 человек.

Сейчас от крепости остались лишь руины.

Геннадий Разумный.

ЕГО КАРЬЕРА НАЧАЛАСЬ В ИНСТЕРБУРГЕ

К 100-летию со дня рождения немецкого архитектора Ганса Шароуна

Во время Первой мировой войны в Восточной Пруссии было разрушено более 30 тысяч зданий. Сотни тысяч людей остались без крова. Восстанавливать нужно было как можно быстрее – это было национальным вопросом номер 1. У каждого города и района Восточной Пруссии имелся в то время город-шеф в Германии, который брал на себя финансирование восстановления и строительства новых зданий. Были созданы строительные советы, которые контролировали проекты архитекторов. Таких архитекторов было направлено в Восточную Пруссию почти пятьсот.

К группе молодых архитекторов принадлежал и Ганс Шароун [Шарун] (родился в 1893 году в Бремене). После учебы в Королевской высшей технической школе в Берлине-Шарлоттенбурге и военной службы он попал в Восточную Пруссию. С 1 апреля 1918 года Ганс Шароун работает как свободный архитектор в государственном бюро по строительству, руководит которым Пауль Крухен. Сначала Шароун восстанавливал разрушенные во время войны хутора, общинный дом в Каттенау, Ноткирхе в Вальтеркемене (пос. Ольховатка Гусевского района), а также строил дома под одной крышей с хозяйственными постройками. Позднее он проектирует и строит в городе. Вот что говорит о Гансе Шароуне архитектор Нильс Ашенбек: «Шароун строил жилые дома для работников ткацкой фабрики (сейчас это АО «Черняховскмебель», дома были построены на Прегельторштрассе, ныне ул. Ленинградская. – Г.Р.), они напоминают скромные жилые дома, которые появились в период восстановления. Он использует форму крыши с 1-2 дополнительными плоскостями, оштукатуренные серые фасады, свет-

лые окна, слуховые окна в виде люка. В Инстербурге он возвел и доходные дома на Паркринг («Парковое кольцо» – эта улица начиналась от ул. Садовой против ул. Тольятти и шла к парку. После войны не сохранилась. – Г.Р.). Здания явно свидетельствуют о его стремлении к модерну. Выступающие вперед балконы получают легкую динамичную форму. Эти жилые дома стали подготовкой к стилю застройки микрорайонов в 20-х годах. Ряд домов на Паркринг уже похож на здания, которые позднее он построил в Берлине».

В 1925 году Шароун был приглашен Оскаром Модем в Академию искусств и ремесел в Бреслау. С 1926 года он открыл вместе с П. Крухеном и А. Радингом строительное бюро в Берлине. Со следующего года Ганс Шароун концентрирует свое внимание исключительно на Берлине, где он жил и работал до дня своей смерти – 25 ноября 1972 года. За свою жизнь Шароун занимал многие влиятельные должности: руководитель отдела по строительству жилья при магистрате Берлина (1945-1946), профессор факультета архитектуры Технического университета в Берлине (1946-1958), руководитель Института строительства в Немецкой Академии наук в Берлине (1947-1950), член Академии наук (с 1955), президент Академии искусств (1955-1968).

К 100-летию со дня рождения Ганса Шароуна в Академии искусств была открыта выставка набросков, акварелей, эскизов, проектов, диорам из наследия архитектора. Когда гости Берлина и его жители слышат имя Шароуна, то в первую очередь вспоминают о здании филармонии, государственной библиотеки, построенной уже после его смерти. Шароун построил в Берлине жилые дома,

Новая ратуша. Архитектор Ганс Шароун. 1927 год.

виллы, школы, микрорайон Зименштадт, для порта города Бремена – Немецкий музей кораблей, в Вольфсбурге – городской театр, в Бразилии – здание посольства Германии и многое другое.

В честь 100-летия издана книга «Ганс Шароун – архитектор Германии». Ее автор, Гюнтер Кюне, резюмирует: «Ганс Шароун – это явление в архитектуре при всех его противоречиях».

И сегодня жители нашего города могут увидеть творения великого архитектора. Это всем известное здание «Детского мира» и Дома книги (построенное как ратуша в 1927), это улица Элеваторная, которая называлась Бунте

Раие («Пестрый ряд»; 1920). Это и дома напротив кладбища на ул.Гагарина. Ганс Шароун разработал в свое время план перспективной застройки Инстербурга, план оформления Нойер Маркт (ныне Театральная площадь), спроектировал кабаре-театр «Тиволи» (1919), на месте которого сейчас находится жилой дом с кафе «Юность» на первом этаже.

Кроме строительства Шароун организовал в 20-х годах культурное общество, которое пропагандировало современное искусство, например приезд В. Кандинского со своими картинами, о котором так широко мы узнали совсем недавно.

НОВАЯ РАТУША В НОВОМ СТИЛЕ

Кто не знает из жителей нашего города Черняховска здание, где совсем еще недавно находился магазин «Детский мир» и где расположена городская библиотека? Однако мало кто знает о том, что это здание входит в список памятников архитектуры.

А вот почему? Ответ на этот вопрос будет ясен из дальнейшего рассказа.

По нынешней улице Калинина вплоть до середины прошлого века проходила городская черта старого города Инстербурга. На рубеже веков на месте, где стоит сейчас «Детский мир»

(для удобства читателей в дальнейшем будем его так называть), стояло здание отеля под названием «Кронпринц» с большим садом, в котором можно было не только посидеть за столиком с кружкой пива, но и послушать духовой оркестр, игравший по вечерам в специально построенном для этого павильоне. Остатки этого сада еще и сегодня можно видеть – это детская площадка детсада по улице Госпитальной.

В двадцатых годах назрела необходимость постройки новой ратуши (здания городской администрации). Дело в том, что старая ратуша на площади была мала, и даже после пристройки нового корпуса (сейчас железнодорожная больница) помещений для городских служб не хватало.

В 1927 году был объявлен конкурс на строительство так называемой новой ратуши. Победу одержал старый знакомый жителей города Ганс Шароун. С 1918 по 1925 год он работал в Инстербурге свободным архитектором. Им построены жилые дома на теперешних улицах Элеваторная, Гагарина, Разина и других. Для того времени это было новое в архитектуре. По сути дела, это такие же квартиры, в которых мы тоже сейчас живем, так называемые «малометражки». С 1955 года Шароун становится президентом Академии искусств в Западном Берлине и много строит, например здание Государственной филармонии, библиотеки в Берлине, Музей моря в Бремене и т.д. Одним словом, это большая величина в мировой архитектуре XX века. Но вернемся в наш город. Здание новой ратуши было построено по проекту Ганса Шароуна в так называемом «новом» стиле.

В ратуше расположились: строительный отдел, отдел подземного строительства и полиция по надзору за строительством, топографический отдел, управление кладбищ, садов и парков, отдел записи актов гражданского состояния, городское полицейское управление, криминальная полиция («Крипо»),

адресное бюро и другие отделы. На первом этаже 6-го подъезда располагались управа канцелярии, регистратура и кассы по платежам в городское управление. Бюро по транспорту – троллейбусу и продаже билетов – в подъезде № 4.

Два больших светлых зала («Детский мир» [ныне магазин «Макс»]) использовались как выставочные. Например, известно о выставке газовых и электрических приборов для домохозяйек. В подвалах здания находились котельная и бомбоубежище.

Однако самым лучшим и популярным заведением новой ратуши был ресторан «Ратскеллер», разместившийся в специально для этого построенном подвальном помещении под выставочными залами со входом от площади Ульменплатц (сейчас автостоянка со сквером и скульптурой оленя).

Несмотря на то что помещение было подвальное, в нем были окна и благодаря росписям на стенах на тему отдыха ресторан производил впечатление светлого, просторного помещения. По свидетельству очевидцев, «Ратскеллер» был вне конкуренции среди подобных заведений в городе.

После войны в здании был госпиталь, а уже в 1946 году в помещении ресторана работали гастроном и столовая. Магазин «Детский мир» был организован много позже.

И еще один интересный факт. До войны в помещении, где сегодня «Океан» (ставший просто гастрономом) [теперь Расчетно-кассовый центр Управления «Межрайгаз»] находился магазин для художников. Владелец его был директор электростанции Отто Леке. Его запатентованное изобретение аппарата для снятия светокопий – «OLI» – было известно далеко за пределами Германии.

Не каждый город имеет здания, построенные великими архитекторами, поэтому и находится здание на улице Калинина под охраной государства.

ФРИДА ЮНГ

В нашем городе есть место, которое называется «Фрида». Это район старого немецкого кладбища в конце улицы Гагарина. Рассказывают, что когда мужики хотели выпить, то шли на это кладбище и распивали там на одной большой плите, где по-немецки было написано «Фрида Юнг». С тех пор, дескать, и стали называть этот район «Фрида». Ну что же, хоть такая память, и то хорошо.

Мало кто знает теперь в нашем городе, что на центральной аллее Инстербургского кладбища была похоронена восточнопрусская поэтесса Фрида Юнг. 14 декабря 1930 года на месте захоронения было поставлено надгробие с ее барельефом из бронзы, созданное скульптором профессором Германом Брахертом.

После войны кладбище было расчищено и там оборудовали городской парк культуры и отдыха. Правда, после протеста со стороны Германии парк был переведен, но кладбища как такового там уже не было.

Кто же такая Фрида Юнг? Она родилась 4 июня 1865 года в пос.Ки-

аулкемен, округ Гумбиннен, в семье учителей. Там она провела детство и юность. Судьба отняла у нее мужа и ребенка. У нее было плохое здоровье, но некоторое время Фрида работала воспитателем в детском саду. Все же ее призванием были лирика и проза. Своими небольшими, полными доброты произведениями она нашла признание в широких слоях общества и смогла наконец оборудовать маленький дом по своему вкусу в поселке Буддерн, округ Ангербург (сейчас Польша). Два года спустя война вновь сделала ее бездомной. Свое 60-летие Фрида Юнг отметила в Инстербурге. В ее честь город провел торжества в зале ратуши.

В 1929 году болезнь приковала поэтессу к постели. Профессор Зигель провел успешную операцию в женской клинике. Казалось, что она выздоравливает, но заболевание гриппом дало осложнение на сердце. 14 декабря 1929 года Фрида Юнг скончалась. В честь поэтессы школа для девочек получила имя Фрида-Юнг-шULE (сейчас это здание почты; построено в 1872).

Фрида Юнг

* * *

Медленно падают снежинки
И покрывают все дороги,
И звон колоколов
Предвещает новый день.
Над заснеженными башнями
Реют облака,
Но никакие шторма
Не смогут задержать
Благословение Господне
И его дух над святым домом,
И раздастся колокольный звон.
Становится спокойней над землей,
И тебе станет спокойно,
Беспокойное человеческое сердце.

Перевод В. Михейлиса.

Ульменплатц. Слева, в перспективе, – Генеральштрассе, ведущая к Альтер Маркт.

ГЕНЕРАЛЬШТРАССЕ И НАПОЛЕОН

Генеральштрассе (ул.Пионерская от ул.Госпитальной до пл.Ленина) очень часто меняла название. Во времена герцогства в Пруссии она называлась Копинхенштрассе («Кроличья»), затем Шлосстайхштрассе, т.к. она вместе с Шпритценштрассе и Тайхгассе вела к пруду, называвшемуся Шлосстайх («Замковый пруд»). Позднее она была переименована в Командерштрассе, т.к. здесь в XVIII веке в доме на углу Линденштрассе проживал командир кавалерийского полка, и, наконец, она стала Генеральштрассе.

Многое указывает на то, что вышеназванный дом был когда-то Копинхенкруг («Кроличьим кабаком»), который герцог Альбрехт в 1565 году сдал в аренду городскому писарю Гансу Рюкерлингу. Этот парень был найден замурованным при разборке дома на Гинденбургштрассе, 85. Останки Рюкерлинга демонстрировались в музее Общества древностей в замке. В 1714 году здание упоминается в инвентаризационной описи как городской

дом офицеров, т.е. жилой дом командира здешнего полка.

В 1812 году оно было гостиницей, в которой поселились высшие офицеры Наполеона при их походе на Россию. Затем это был отель «Дойчес Хауз». После Первой мировой войны здание перешло во владение Хайзеля, который его переоборудовал под магазин по продаже кожгалантерейных товаров.

Особый интерес для истории дом №3 на Генеральштрассе может представлять как резиденция Наполеона. Император прибыл сюда в 5 часов вечера. Его приветствовали звоном колоколов и башен церкви. На Кенигсбергерштрассе (ул.Калининградская от места до площади) и Генеральштрассе стоял почетный караул.

Наполеон въехал в открытом экипаже, окруженном блестящим эскортом, и остановился перед домом №3, принадлежавшем полковнику фон Бюльтцингелевену. Плащи и шляпы были покрыты пылью, заметна усталость

императора, казалось, что у него плохое настроение. Вскоре он исчез с дежурным офицером в доме, перед которым выставили пост из двух гвардейцев. Потом Наполеон выехал, осмотрел левую кухню, которая была сооружена на месте будущего театра, челны на Прегеле, прибывшие сюда с большим количеством муки и продовольствия.

Наполеон назначил аудиенцию лишь нескольким лицам. К ним принадлежал и проповедник реформатской общины Ламберт, добившийся для чле-

нов своей общины уменьшения расходов по расквартированию французов.

Спальня императора находилась на втором этаже, и окна выходили на юг. Место, где стояла его кровать, якобы еще долго было заметно по желтым гвоздям на полу, красным шторам и бронзовому орлу, оставленным там. После того как император сделал смотр войск у Нойендорф (Новая Деревня), он отправился со своей свитой в Гумбиннен (Гусев).

Вильгельм Обгартель

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В ИНСТЕРБУРГЕ

В понедельник, 10 октября, городу исполнилось 411 лет. Хотелось бы рассказать, каким он был до войны. Давайте совершим прогулку по зимним улицам города, каким его увидел один из жителей в феврале 1932 года...

Приехав на главный вокзал, мы пойдем по Гинденбургштрассе (ныне ул. Ленина) к центру города. Яркий солнечный зимний день придает Инстербургу праздничный вид. Первые троллейбусы ездят по городу, они еще не вытеснили окончательно санные упряжки с веселыми колокольчиками. Но, чтобы выйти на Гинденбургштрассе, нужно подождать, пока, дымя и грохоча, пройдет к Гумбиннер штрассе (Гусевское шоссе) и дальше – в Шприндт – поезд городской узкоколейной железной дороги.

Длинная, с оживленным движением Гинденбургштрассе – одна из главных улиц города. Здесь расположены большие торговые предприятия, фабричные конторы, рестораны, ремесленные мастерские, а также издательство «Остдойче Фольксцайтунг». На этой же улице стоит католичес-

кая церковь, финансовое управление, здание центрального сельскохозяйственного управления. У кафе «Старая Вена»* мы сворачиваем на Белов- и Казерненштрассе (ул. Спортивная и Гагарина). Там сразу же перед нашими взорами возникает мощная водонапорная башня. Слева от нее возвышается красное здание окружной больницы (завод «Карат»). Далее, налево и вниз, идет Брауэрайштрассе – «Пивоваренная улица» (ул. Заводская). Она ведет к Объединению инстербургских пивоваренных заводов, которые принесли Инстербургу известность как городу пива. Пиво сорта «Инстербургер Доппельпильз» было известно и любимо далеко за пределами Восточной Пруссии.

Дальше мы проходим мимо прекрасного жилого района Кёнигс-эк – «Королевский угол» – по оврагу к стадиону и к низине с летним открытым театром, выходим к всемирно известному ипподрому. Трибуны и другие сооружения, которые больше используются летом, недели сейчас великолепный зимний наряд. Только с ближайшего катка доносятся радостные

крики молодежи. Мы огибаем ипподром и выходим на Казерненштрассе (ул.Гагарина). Слева – Новое кладбище, которое, благодаря прекрасному состоянию и современному благоустройству, относится к городским достопримечательностям. По правой (если идти к центру города) стороне улицы стоят старые и новые казармы, по левой – в основном жилые дома. Очень заметно здание школы Песталотци (теперь школа №1). От Казерненштрассе ответвляются несколько улиц: Артиллери-, Иордан-, Вихертштрассе (ул.Тухачевского, Комсомольская и Советская). За ними – Шлентер-, Штади- и Луизенштрассе (ул. К.Маркса, Гвардейская и Тельмана). Это все улицы с большими жилыми домами.

Отсюда по главной улице мы спускаемся к площади Альтер Маркт – «Старый Рынок» (пл.Ленина). Здесь городская жизнь пульсирует сильнее, чем где бы то ни было. Над площадью, как символ города, возвышается построенная в 1610 году Лютеранская церковь с башней в стиле барокко. Внутри мы видим чудесный алтарь, церковную кафедру и часовню для крещения, также в стиле барокко. К особенностям кирхи относятся росписи на потолках, фрески на хорах на библейские темы и ряд картин из истории Восточной Пруссии.

Вид с лестницы рядом с домом священника заставляет остановиться. Взгляд устремляется вдаль над рекой Анграпп, где как раз идет заготовки льда, на живописные дома Пангервиц (район ул.Ленинградской), на Иорданшуле (школа имени Иордана; сейчас разрушающееся здание бывшего штаба рядом со старым кладбищем).

На самой площади заслуживают внимания многие старые дома с красивыми фронтонами, старая ратуша, гостиница «Райнишер Хоф» («Рейнский Двор»), здание «Роте Апотеке» («Красная Аптека») и многочисленные магазины.

Дальше мы идем по Мюленштрассе («Мельничная улица»; ныне Партизанская), по мельничной дамбе, по Шлосштрассе (ул.Замковая) на Герихтштрассе («Су-

дебная улица»); теперь Дачная), не забыв заглянуть в старинный замок. Замокский двор и сейчас выглядит, как в средние века. В помещении замка расположился местный суд, а в главном здании на Замокской улице – краеведческий музей.

От его стен открывается вид на Театерштрассе (ул.Л.Толстого). Здесь очень оживленное движение по мосту через Анграпп, мимо газового завода, очистных сооружений, бойни, через Георгенбург (пос.Маёвка) на Тильзит.

Отсюда можно пройти к порту. Построенный в 20-х годах, канал позволяет судам доходить до Кенигсберга.

Но мы идем мимо Замокского пруда, где молодежь катается на коньках и санках, по Герихтштрассе, минуя ресторан, старинные дома, здание судебного управления, бросаем взгляд на Зирштрассе (ул. Калининградская), которая протянулась в направлении Кенигсберга. От нее направо отходит Уланенштрассе (ул.Чайковского), названная так из-за стоявших на ней уланских казарм. Сейчас на этой улице находятся школа Людвига Яна (детский сад №8) и судебная тюрьма.

Мы пересекаем Зирштрассе и идем по Цигельштрассе («Кирпичной улице»; ныне ул.Победы) мимо старого домика таможенников, Меланхтонкирхе (разрушена и перестроена). Цигельштрассе переходит в Норденбургер Штрассе (ул.Победы за железнодорожной линией; Норденбург – пос.Крылово). Ранее улица носила название Цигельтор («Кирпичные ворота») из-за множества кирпичных и черепичных заводиков. После постройки аэродрома здесь возник новый жилой массив.

Сворачиваем на Кляйнбанштрассе («Узкоколейная улица»; ныне Железнодорожная), проходим мимо пожарной охраны, электросетей, парка, где стоит памятник «Германия» (на его постаменте теперь бюст Ленина у прокуратуры). Через туннель поворачиваем на Аугушташтрассе (ул.Курчатова), которая проходит мимо Народной школы для мальчиков и девочек (школа №4), окружной женской клиники и

солдатского кладбища к городскому лесу и лесничеству.

Вернувшись на Туннельштрассе (ул.Туннельная), мы пересекаем Гартенштрассе (ул.Садовая) и выходим на Маркграфенплатц («Площадь маркграфа»), где возвышается могучая Реформатская церковь (Свято-Михайловский собор) и находится лицей Гинденбурга, названный так в память о том, что во время Первой мировой войны здесь находился его штаб.

На Вильгельмштрассе (ул.Пионерская), перед зданием специализированной школы для девочек (школа №2) [гимназия №2], поворачиваем налево, в сторону Ульменплатц («Площадь вязов»; теперь сквер около «Детского мира»). Проходим мимо банков, главного почтамта (сейчас баня), сворачиваем на Форхештрассе (ул.Калинина), идущую к рынку. Эта улица – центр культурной жизни города. Здесь находятся два учебных заведения – школа имени Фриды Юнг (сейчас почта) и Государственная гимназия (здание Черняховской

администрации). Актный зал гимназии с настенными росписями на темы гомеровской «Одиссеи» – это достопримечательность высшего ранга. Здесь наряду с гимназическими праздниками проходят общегородские вечера музыки и поэзии.

Еще одним центром культурной жизни города служит также Штадтхалле («Городской зал»; ныне Дом офицеров). В нем проходят праздничные представления союзов и гильдий, часто выступают с концертами из Кенигсберга и Берлина, устраиваются выставки художников.

Мы заканчиваем нашу прогулку, прошло уже два часа. Свежий зимний воздух возбуждает голод, да и стаканчик грога не повредит. Впечатлениями о прогулке мы делимся в ресторане на Обермюленштрассе («Верхнемельничная улица»; начало ул.Садовой).

По городу гуляли:

Отто Хаген (1932 год),

Геннадий Разумный,

Марина Терехина (1994 год).

ПУСТЬ КАЖДЫЙ РОКЕР ВИХОФЕРА ПОМНИТ

Традиционная пуговица и шнурок сопровождали одежду человека независимо от веяний и реформ в моде. Лишь век двадцатый внес новизну в рутинный процесс одевания-раздевания.

Крутизна и удобство современных туалетов во многом определяются тем, что они снабжены простыми и эффективными «липучками» и «молниями».

«Липучки» рождены в недрах НАСА – американского аэрокосмического агентства – как причиндал скафандра. Удобство было оценено американскими производителями и завоевало рынок спортивной одежды и обуви.

А где изобретена застежка-«молния»? Та «молния», без которой немислима сейчас ни куртка рокера, ни женская куртка, ни джинсы, ни... Попробуйте представить – исчезли все «молнии»!

Автор этого всемирно известного изобретения последние двадцать лет прошлого века жил в Инстербурге, преподавал в средней школе, потом переехал в Берлин, где и умер 24 января 1902 года.

Звали его Карл Роберт Вихофер. Его преподавательская деятельность определила характер некоторых его изобретений. Первое зарегистрированное в патентном бюро изобретение носило название «Учеб-

Карл Роберт Вихофер.

ный аппарат». Предназначен он был, судя по его описанию, для того, чтобы облегчить занятия для детей, особенно чтением и письмом, поддержать их зрение. Аппарат был куплен правительством и рекомендован школам. Насколько глубоко вошел аппарат в школьный быт, сказать трудно, но интересно то, что он был запатентован не только в Германии, но и в Англии, в Америке, во Франции.

Следующее изобретение – «Свинцовый эластичный держатель для перьев или чертежных карандашей» – также во многом адресовалось школам.

Застежка-«молния» запатентована в Берлине, в Императорском бюро по выдаче патентов, 5 апреля 1889 года под номером 49251.

Еще одно изобретение Вихофера, «застежка-кнопка», к сожалению, не закреплено патентом и сохранилось лишь в подробном описании автора. «Нет пророка в своем отечестве...» Эти евангельские слова относятся не только к России, как мы привыкли считать.

Большие расходы на патентование и связанные с ними поездки, особенно за гра-

ницу, высокая стоимость изготовления моделей приводили К.Р. Вихофера к необходимости продавать права на изобретения.

Так, изобретенное им «Автоматическое, безопасное, моментальное сцепление для железнодорожных вагонов», судя по записям дочери изобретателя Элизы, нашло применение не в Пруссии, а в Америке.

О старшей дочери изобретателя, пользуясь случаем, стоит упомянуть особо. Элиза Вихофер родилась в Инстербурге 9 ноября 1879 года, закончила здесь же Высшую женскую школу. Работала всю свою жизнь, в частности учителем языка в Южной Африке, в Берлине переводчицей и секретарем. В этом же качестве она работала в американском посольстве с разными дипломатами. Одним из них был Джон Фостер Даллес.

Но отцовская страсть к изобретательству передалась и Элизе. Она запатентовала некий «светящийся амулет» и по-женски практичный «чулок с запасной ступней». Фабриканты отклонили последнее изобретение, распознав в нем угрозу розничной торговле.

Как и глава семейства, все члены семьи Вихофера закончили свои дни в Берлине. После кончины в 1973 году младшей дочери Франциски все документы изобретателя перешли по наследству ее кузине, уроженке Георгенбурга Элизе Донке. Как явствует из рассказа о Карле Роберте Вихофере, который написал для журнала «Инстербургер Бриф» ее муж, Альфред Донке, наследница планирует передать патентные свидетельства и другие документы «инстербургским властям», с тем чтобы они сохранились для потомков.

Каждый «вж-ж-жик», издаваемый вашей молнией, – еще один повод вспомнить о том, как часто наш город бывал в прошлом первым, как много замечательных людей дал он своей стране и всему миру...

**По материалам журнала
«Инстербургер Бриф».
Публикацию подготовили
Г. Разумный, М. Терехина,
Д. Сечкин.**

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК И.Д. ЧЕРНЯХОВСКОМУ

7 ноября 1948 года был открыт первый памятник генералу Черняховскому. Вот как это было. Вот рассказ немецкого военнопленного, который работал над проектом памятника, утвержденным в Москве, а затем его и построил.

«Для изготовления барельефа погибшего генерала Черняховского была в наличии только небольшая паспортная фотокарточка. Сначала я изготовил барельеф из глины, который после утверждения служил основой для мраморного барельефа. Я использовал белую мраморную плитку с кладбища. Памятник должен был стать обелиском высотой 5 или 6 метров в черном граните. Использовались могильные плиты, которые мы привозили с различных немецких кладбищ. Я еще хорошо помню, как однажды мы поехали на грузовике в Кенигсберг, чтобы найти подходящий материал. В окрестностях Инстербурга больше не было пригодного материала. Втроем мы (военнопленные) соорудили затем на Привокзальной площади памятник Черняховскому. Торжественное открытие было назначено на 7 ноября. Лагерный портной должен был изготовить для меня выходной костюм, так как я должен был присутствовать в день открытия. Из администрации пришло приглашение, которое утвердил офицер политотдела. Это было здорово. Вместе с русским бургомистром я мог присутствовать при демонстрации. Обелиск был открыт под звуки государственного гимна. Во время последующего обеда депутаты произносили речи. Мои работы упоминались снова и снова, и мне оказывали почести. Перед супом подали, как обычно, водку в больших стаканах.

Городское управление вызвало меня через несколько дней после открытия памятника: предусматривалось соорудить памятник воинам согласно проекту русс-

кого профессора искусств. Он приехал из Москвы и с помощью городской переводчицы обсудил со мной все планы.

Из руин здания банка и молочного завода на Гинденбургштрассе (ул.Ленина) сотрудниками городского управления был доставлен нужный материал. Изготовить нужно было плиты из ракушечного известняка для обрамления памятника, две большие гранитные плиты для надписей, советскую звезду для верха памятника из белой мраморной могильной плиты».

В том же 1948 году была сооружена «Доска Почета» работы того же военнопленного.

«Временное рабочее место было уже готово. Мне показали эскизы «Доски Почета». Все вместе выглядело как памятник высотой около 5 метров. Большое количество надгробных плит из мрамора и гранита с немецкого кладбища было материалом для обработки. О работе с камнем я не имел представления. Но, как гравера по металлу, это задание меня заинтересовало, так как давало возможность работать без надзора. Теперь мне надо было обработать гранитный камень. Сначала я должен был удалить надпись, это ведь была могильная плита.

Теперь ежедневно я был занят выполнением на гранитной плите размером 100 на 60 сантиметров русской эмблемы: земного шара с серпом и молотом в виде барельефа. После работы ходил в сопровождении русского надзирателя к лагерному кузнецу, которому отдавал все сломанные резцы. Через каждые два-три дня ко мне приходил бургомистр. Для «Доски Почета» по обеим сторонам надо было изготовить колонны и многое другое. Но эти работы требовались в белом мраморе. С помощью переделанной нами шлифовальной машины мы изготовили колонны из надгробных плит».

Геннадий Разумный.

Инстербург. Штадтхалле (Городской зал; ныне Дом офицеров).

ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Городской зал [Штадтхалле] в Инстербурге носил это название только в последние годы перед Второй мировой войной. Намного известнее он был, в том числе за пределами города, как «Общественный дом» [Гезельшафтхауз].

История этого здания отражает изменения общественной жизни, начиная с середины прошлого века.

Ряд городских прудов, построенных для мельницы еще рыцарским Орденом, протянулся долиной на юг между замком и центром города. Один из прудов – Гавенский – был местом зимних развлечений.

Когда горожане больше, чем раньше, стали стремиться на свежий воздух, члены обновленной гильдии стрелков построили в 1843 году в долине стрелковый тир и посадили деревья на окрестных склонах, которые позже превратили долину в парк с извилистыми дорожками. С тех пор это место называется Шютценталь (Долина стрелков).

Хроникер пишет в 1860 году: «Вместительная ресторация рядом с

кегельбаном увеличивает удобства для членов союза и гостей, ажурный балкон, который встроен в Зеленую гору, гарантирует прекрасный отдых».

В 1862 году гильдия стрелков построила на вершине холма большой Дом стрелков, который сохранил это название и тогда, когда в 1874 году город приобрел Долину стрелков и расширил ее под руководством рачительного бургомистра Корна и с помощью Союза по благоустройству.

Стрелки в 1880 году перенесли свой тир подальше от города, и только Дом стрелков остался здесь как место общения союзов и в качестве театрального зала, после того как здание театра рядом с замком сгорело.

Самому Дому не суждено было долго жить, так как в 1880 году он тоже сгорел, прежде чем добровольная пожарная охрана успела вмешаться.

Но вскоре появилось новое здание, прочное и вместительное. Денег не сэкономили, даже пригласили для строительства Общественного дома художника из Кенигсберга. Его звали де Ври,

он написал несколько пестрых картин для вытянутой веранды, «причем бравые инстербуржцы больше восхищались яркими, смелыми цветами, чем изображениями». Из залов и коридоров можно было попасть в сад за долиной, где проходили концерты певческих союзов на Троицын день, а также концерты военных оркестров. Самыми важными из проходивших тут событий были: праздник провинциальных певцов, различные выставки, и особенно праздники и костюмированные балы перед Первой мировой войной, такие как «Рейнская ярмарка» и другие.

И после мировой войны, несмотря на время нужды, Общественный дом строился и расширялся. Уже в 1918 году сад рядом стал современным концертным местом, с дорожками и скамейками для отдыха. Нельзя сказать, что стоимость этого сооружения, как и многих других, во время инфляции покрывалась продажей столбов и фурнированных дубов из городского леса.

Таким образом, через новый рынок, граница которого обозначалась вытянутым рыночным залом, подходили ко входу с колоннами, проходили га-

лерею, выставочный и концертный зал, далее через веранду – в парк Долины стрелков. В «Зале верхнего света», который специально предназначался для собраний и приемов, стены украшались картинами из истории Инстербурга работы художника Эдуарда Бишоффа.

Заказ украсить стены росписью 15 на 20 метров профессор Бишофф получил в 1936 году. Он выбрал в качестве основного материала казеин, получаемый из молока. Такая техника использовалась еще со времен рыцарского Ордена.

Чертежи для настенных изображений в инстербургском Городском зале подтверждают точное отображение таких исторических деталей, как сбруя, одежда, униформа и оружие. Для помощи в работе профессор привлек своих учеников из Кенигсбергской Академии искусств.

Кроме росписи по сухой штукатурке в Городском зале, Бишоффу в Инстербурге принадлежит и фреска «Воскресение» в построенной городским мастером Ройтером капелле Шприндта.

**Публикацию подготовили
Г. Разумный, М. Терехина.**

Инстербург. Городской парк в Долине стрелков.

РЕКОЮ ЛИЛОСЬ ЗНАМЕНИТОЕ ПИВО

60 лет назад в Инстербурге (с 28 августа по 4 сентября 1938 года) состоялся последний на территории Восточной Пруссии международный конный турнир, так называемая «Инстербургская неделя». Его международный характер был подчеркнут участием в турнире сильной польской команды и спортсменом Италии. Эти состязания были последней репетицией для немецкой сборной перед Олимпийскими играми 1940 года, которые впоследствии не состоялись.

Программа, как всегда, была очень разносторонней: от военных состязаний, скачек по пересеченной местности в Тракенене (ныне пос. Ясная Поляна Нестеровского района) и скачек с препятствиями до показательных номеров.

В день открытия, в воскресенье 28 августа, было исключительно тепло. На стоянке и на площадке для поло было около 800 автомобилей. Городские троллейбусы доставляли все новые толпы зрителей к кассам. При входе их встречала бронзовая фигура лошади по имени Констанция работы Кубарта. Близлежащие рестораны работали на полную мощность. Рекою лилось знаменитое инстербургское пиво. У касс тотализаторов задолго до старта работа кипела вовсю. Тысячи зрителей, среди которых были знатоки и любители конного спорта, с нетерпением ждали начала состязаний на турнирном поле, которое талантливо построил отставной полковник Эрих Вельки. Он же был организатором и душой Инстербургского турнира.

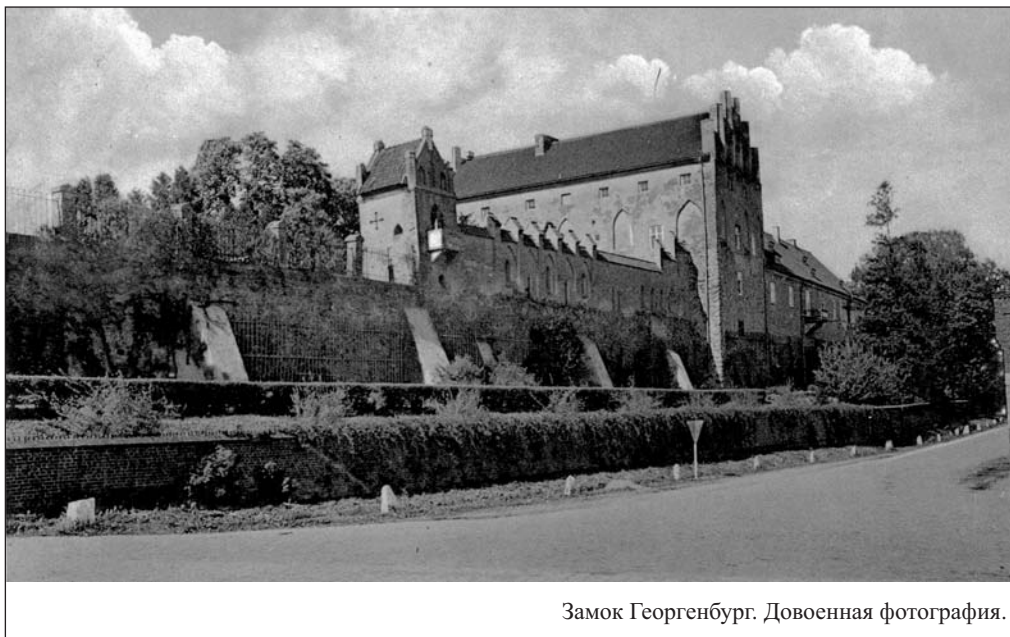
Главным действующим лицом «Инстербургской недели» стала, конечно же, лошадь тракененской породы. Вот как описывается эта порода в одном из довоенных изданий: «Благодаря красоте и гармоничности всего сложения корпуса тракененские лошади особенно ценятся женщинами-наездницами. Кроме красивого экстерьера, эта лошадь отличается легкими и благородными движениями. Благодаря прекрасному и благородному виду, благодаря выразительной голове, жгучим глазам, гордой постановке шеи и лоснящейся коже тракененская лошадь получила репутацию самой красивой парадной лошади мира».

Турнир начался только после прибытия командующего военным округом и гауляйтера Восточной Пруссии. Распорядитель турнира, типичный прусский аристократ в цилиндре, подал сигнал, после чего с судейской башни раздался звук трубы. Первым выехал всадник на белой лошади, отбивая дробь на барабанах. За ним появилась группа всадников-трубачей. Так началась «Инстербургская неделя».

В этом турнире победила команда Польши. «Большой приз Восточной Пруссии» получил капитан Ломбардо ди Кулия (Италия) на Урбинате. Призерами также стали подполковник Брикман (Германия) на Бароне IV и капитан Теме (Германия) на Нордланде. «Большой приз принцессы Фридерике» взял комендант подполковник Дреус (Восточная Пруссия) на Зигмунде.

Геннадий Разумный.

Замок Георгенбург. Довоенная фотография.

ЗАМКИ ГОРОДА

Наш древний город богат историческими памятниками. Многие здания в сутолоке сегодняшнего дня нами воспринимаются просто как напоминание о старых стенах города. Мало кто задумывается об их историческом прошлом. Но в последнее время оно все больше не дает покоя, как ни странно, молодым жителям города. По просьбе читателей нашей газеты мы начинаем знакомить черняховцев с богатым историческим прошлым. И первый рассказ – о древних замках города.

На территории нашего Черняховского района находятся остатки трех замков Тевтонского ордена. Это руины замка Инстербург (контора РСУ на ул.Замковой), Заалау (пос.Каменское) и Георгенбург (пос.Маевка). Сегодня – рассказ о замке Георгенбург, лучше всех сохранившемся не только в нашем районе, но и во всей Калининградской области.

Замок Георгенбург сооружен магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпрوده приблизительно в 1350 году из полевых камней в форме квадрата. Впервые крепость упоминается в 1364 году Вигандом фон Марбургом: «Третья колонна литовского войска на обратном пути из Велау (Знаменск. – Уточнение

автора), где они разорили, сожгли имение, церкви, направилась к дому епископа, называвшемуся Георгенбург». Это сообщение подтверждает, что замок был построен для епископа Замландского и был его собственностью вплоть до 1525 года. В 1364 году во время поста литовский князь Кястутис напал на крепость. Повторное нападение он совершил в 1376 году. Иоганн фон Пусилге (Линдеблатт) далее сообщает, что в 1403 году Витольд неожиданно напал на Георгенбург и из-за слабости гарнизона легко занял его. Замок упоминается в грамоте от 1429 года, в которой свидетелем является Мартин – священник Георгенбурга. Отсюда следует, что еще в 1429 году в Георгенбурге была церковь. Затем Георгенбург перешел в герцогское владение (1525). Власть

находилась в руках капитана. Через Георгенбург проходила старая дорога из Инстербурга в Рагнит (г.Неман), которую регулярно использовал герцог Альбрехт (основатель Кенигсбергского университета) во время своих поездок к брату Вильгельму в Курляндию. Первую остановку он обычно делал в Георгенбурге.

В 1656 году в Георгенбург ворвались татары под предводительством польского полководца Гонсиевского. Они превратили в руины всю местность, 30 молодых мужчин и множество домашних животных забрали с собой как добычу. Позднее под Георгенбургом был найден железный татарский шлем, который, как свидетель тех времен, до 1944 года находился в инстербургском музее. Дважды [?] крепость была занята шведами: в 1643-1648 годах, во время Тридцатилетней войны, и в 1679.

В 1739 году король Вильгельм I отобедал в саду Георгенбурга, который был сдан в аренду фон Лольхефелло. Во время Семилетней войны, в 1756 [1757?] году, Андрей Тимофеевич Болотов, находясь в составе русских войск, в своих записках сообщает: «В последний день, т.е. 31 июля, подвинулись мы к городу (Инстербургу. – *Уточнение автора*) ближе и стали в разбитом между Инстербургом и другим, напротив его лежащим, городом Георгенбургом, лагерем и стояли тут как сей, так и последующие оба дня, т.е. 1 и 2 августа». И далее: «3 числа определено было место единственное для переправы через реку Инстер, текущую между Инстербургом и Георгенбургом. Сия река хоть и небольшая, но принужденно было делать мост и перебраться через нее не скоро было можно. И так поставлен был лагерь по ту сторону оной, подле замка Георгенбург».

После войны 1812 года замок приобрел купец Хейно из Инстербурга. Через несколько лет имение с замком перешло во владение семьи Симпсонов, выходцев из Англии. За выдающиеся заслуги по разведению лошадей Симпсоны получили дворянское звание. После смерти главы семейства в 1899 году имение купило Прусское государство за три миллиона марок. Переход во владение государства вызвал многочисленные изменения. Обновленная крепость стала служить квартирой директора конного завода «Инстербург». Для служащих и работников были построены красивые жилые дома, 200 жеребцов завода размещены во вновь построенных, очень практично оснащенных, длиной в несколько сот метров, конюшнях. Рядом сооружен ипподром. С 1903 года конный завод имел свой водопровод. Позади так называемого двора замка располагался великолепный парк, который был окружен двухметровым кирпичным забором, прекрасные клумбы, два пруда, фонтан...

Сейчас парк запущен, замок разрушается, и только конный завод продолжает выращивать племенных жеребцов тракененской породы, как и 50, и 80 лет назад.

Предвидя вопрос о дате «1264», которая некогда украшала ворота замка, скажу, что в том году рыцари Тевтонского ордена впервые пришли на это место, а уже в 1274 году война с пруссами была закончена.

В подготовке материала использована книга А. Беттихера «Памятники культуры Восточной Пруссии». Кенигсберг, 1895.

Геннадий Разумный, председатель Черняховского совета содействия Советскому фонду культуры.

Запад России

*Литературно-художественный и публицистический
журнал калининградских писателей*

ПЯТЬ ПАМЯТНИКОВ ГЕНЕРАЛУ ЧЕРНЯХОВСКОМУ

В городе Черняховске, названном в честь дважды Героя Советского Союза генерала армии Ивана Даниловича Черняховского, на Привокзальной площади стоит памятник. Оно и понятно, в городе должен быть памятник тому, в честь кого он назван. Именно поэтому еще в 1948 году, когда город лежал в руинах, было принято решение такой памятник поставить. Для этой цели были привлечены, как ни странно, немецкие военнопленные, имеющие профессиональные навыки. Ими был сделан проект, который прошел утверждение в Москве. Рассказывает один из авторов памятника: «Для изготовления барельефа погибшего генерала Черняховского была в наличии только небольшая паспортная фотография. Сначала я изготовил барельеф из глины, после утверждения он служил основой для барельефа из мрамора. Я использовал белую мраморную плиту с кладбища. Сам памятник должен был стать обелиском высотой 5 или 6 метров в черном граните. Использовались могильные плиты, которые мы привозили с различных кладбищ. Я хорошо помню, как однажды мы поехали

на грузовике в Кенигсберг, чтобы найти подходящий материал. В окрестностях Инстербурга больше не было пригодного материала. Втроем мы соорудили затем на Привокзальной площади памятник Черняховскому. Торжественное открытие памятника было назначено на 7 ноября. Лагерный портной сшил для меня выходной костюм, офицер политотдела утвердил приглашение для меня. Вместе с русским бургомистром я мог присутствовать при демонстрации. Обелиск был открыт под звуки русского национального гимна». Вот так распорядилась судьба. Вчерашний враг построил памятник советскому генералу, смертельно раненному немецким снарядом.

Позднее обелиск был заменен на памятник-бюст на том же месте. «Мужественное лицо генерала спокойно, оно как бы озарено внутренним светом, взгляд устремлен вперед, он весь – порыв и движение. Таким – решительным, энергичным, волевым предстал полководец в изображении скульптора», – писал о памятнике местный журналист Н. Белан.

Ты шагнул в бессмертие гордо,
Встал на бронзовый пьедестал.
Посмотри, каким славным городом
Черняховск обновленный стал...

На такие строки вдохновил этот
памятник местного поэта.

9 Мая 1977 года при многочисленном стечении населения города, гостей и воинов местного гарнизона был торжественно открыт новый памятник генералу Черняховскому. Полководец представлен в полный рост, в распахнутой шинели, без головного убора. Скульптура возвышается на постаменте из красного гранита. Взгляд генерала устремлен на запад. Туда, куда шли его войска. Авторы памятника – скульптор Б. Едунов и архитектор М. Насекин – специально для этого предложили реконструировать площадь. На этой площади имени Черняховского начинаются все праздники города, сюда приносят цветы молодожены.

Главный памятник генералу Черняховскому на его могиле в столице Литвы имеет трудную судьбу. В октябре 1991 года под наблюдением дочери

генерала, Неонилы Черняховской, офицеров и генералов Советской Армии рабочие разобрали гранитные плиты, открыли могилу. Прах полководца был перевезен в Дом офицеров, где с ним простилась общественность. Сам памятник работы скульптора Н. Томского был отправлен в город Воронеж – на родину Ивана Даниловича Черняховского. Перезахоронен полководец в городе Москве на Новодевичьем кладбище со всеми воинскими почестями.

В отличие от требований правительства Литвы, другой сосед – Польша чтит память о генерале Черняховском. Недалеко от города Пененжно, где был смертельно ранен генерал, стоит ухоженный обелиск с барельефом Ивана Даниловича.

...Ваш командир
Стоит на правом фланге.
За смерть в бою
Он лишь повышен в ранге,
Из генералов выйдя в города.

Геннадий Разумный.

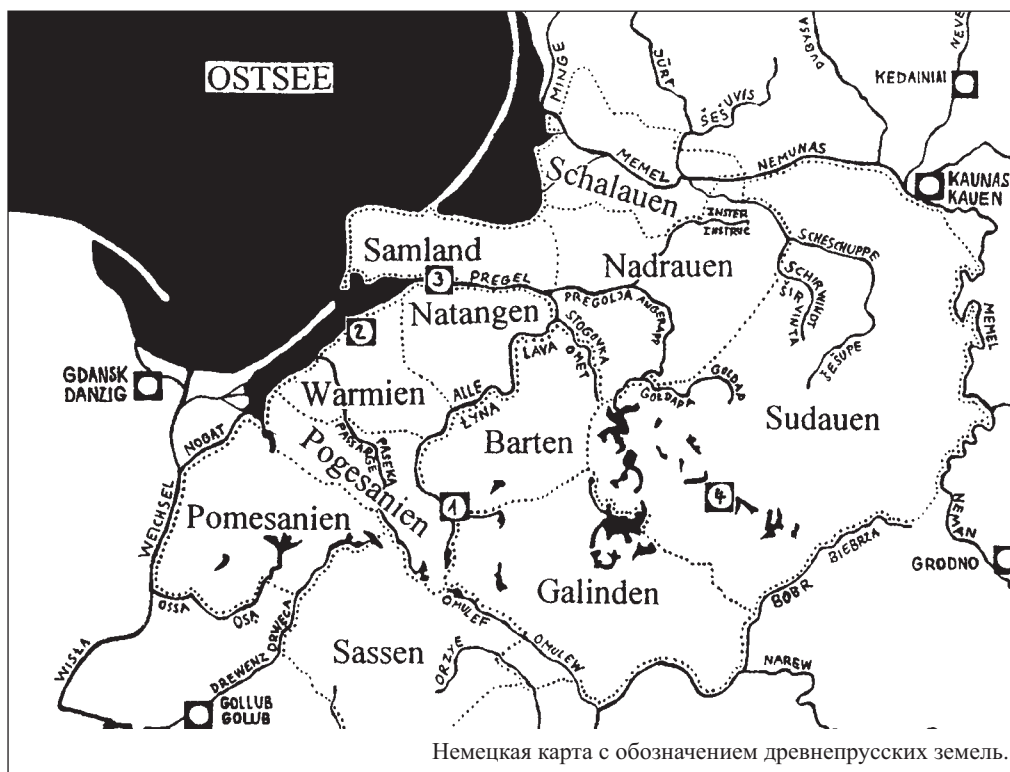
МОЙ ГОРОД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАДРОВИЯ

Центральная часть Калининградской области – Черняховский район – в раннем средневековье являлась западной частью земли Надровия. Основные события ранней истории Надровии связаны с борьбой пруссов с крестоносцами в середине XIII века.

Древнейшие сведения о пруссах представлены в «Прусской хронике» Симона Грунау, опубликовавшего свой труд в 1526 году. Он базировался на данных Петра из Дусбурга и на не дошедших до нас рукописях прусского епископа Христиана Оливского. В начале XIII века, крестя пруссов, Христиан общался с их языческими жрецами, передававшими ему древнейшие местные сказания. Вся эта информация суммирована в книге Марциана Мариниуса «Хроника магистров прусских», изданной в Торне в 1582 году. Вот некоторые выдержки из этого труда.

ГЛАВА 7

О смерти Вейдевута, короля прусского, и назначении на царство его сына и об участии остальных сыновей

«Года 573 Вейдевута, король прусский, имел преклонные года, ибо жил 116 лет, умыслил для спокойствия поделить землю между своими сыновьями. Для этого собрал всю шляхту и господ прусских, которых ознакомил с тем, что первый сын Саймо назван господином прусским. К святому дубу, туда, где находились их боги, собрались все, а Криве Кривейто, их высочайший епископ, забив козла, принес богу огненную жертву за грехи всего народа.

Затем был призван на собрание первородный сын королевский Саймо, которому отец сказал: «Дорогой сын, клянись милостивыми богами нашими, воздай с подобающим боголюбием, что нашему Криве Кривейто обязан ты послушанием, будешь воздавать ему достойные почести, а богов наших и Криве Кривейто с его слугами вместе с братьями своими станешь оборонять от врагов, чтобы как в здоровье безопасны, так и чести не посрамлены были, и в достатке чтобы не потерпели, и чтобы умножались, и начатая набожность множилась!» На что Саймо, первородный сын королевский, ответил: «Клянусь под страхом бога моего Перкуна кары, который пусть убьет меня своим огнем, если всего того, что ты сказал, не исполню». Сказал ему Криве Кривейто: «Положи руку свою на голову отца своего и коснись дуба своих всемогущих богов». Тогда король Вейдевута и Криве Кривейто в присутствии всей шляхты проговорили: «Будешь ты уже властителем земли Гойко и Немо».

Таким же образом и с подобными церемониями другие сыновья короля получили определенные им надель. «Надровия, четвертая земля, – от Над-

ра (сына)... То есть имена сынов Вейдевута, владыки прусского, и уделы их, то есть землицы, от их имен названы».

Более подробная информация о первом легендарном властителе Надровии содержится в древнейшем своде прусской устной традиции – в тексте Симона Грунау: «Надро, четвертый сын Видевута, присягнувший, как и его братья, получил страну между реками Преголла, или Скара, Бойки и Куртоно (то есть между Преголей, Путиловкой и Швентойей), и он взял ее и в ней построил укрепление, названное Стаймло, и назвали страну Надровией, и является она сегодня по большей части пустой и заросшей, ибо мощью Тевтонского ордена уничтожена была, и не захотели крестоносцы вновь ее отстраивать, дабы надровиты против них воевали и с другими соседними народами на них нападали. Этот Надро был убит литовцами по воле Кривайто, так как Надро назвал своей женой дочь Брутена (верховный жрец) перед своим Криве Кривайто, как рассказывали вайделоты, призывая богов, однако другие вайделоты и он (верховный Криве) не согласились, ведь они хотели назвать его женой дочь брата Апелес Литфо, и по их воле обе пошли в темницу, а Надро был пойман воинами Литфо в Бойки и умерщвлен».

В следующих письменных источниках сведения более достоверны, ибо составлялись в основном современниками упоминающихся событий.

На завершающем этапе третьего прусского восстания, длившегося с 1260 по 1283 год, Надровия подверглась сокрушительному разгрому. Отступавшие сюда из западной части прусской территории местные ополчения в 70-х годах XIII века терпели одно поражение за другим. Этот период борьбы пруссов за независимость излагается орденским летописцем Петром из Дусбурга в написанной в 1340 году «Хронике земли Прусской» следующими словами:

ГЛАВА 135

«После ухода этого правителя (графа Дитриха фон Мейсена, орденского военачальника) натангов, как никогда, обуял страх. Нигде не было настолько потаенного места, где бы они чувствовали себя в безопасности. Вот почему случилось так, что, когда Генрих Монте (Геркус Монтас), вождь их, с некоторыми союзниками ушел в леса и остался один в шатре своем, в то время как товарищи его пошли на охоту, к этому месту неожиданно подошли братья Генрих из Сконеберга, комтур Кристбурга и Хельвик из Гольтбаха с несколькими воинами, и при виде Генриха Монте они обрадовались и, схватив его, повесили на дереве и повешенного пронзили мечом». *(Было это в Надровии, где сейчас расположен поселок Междуречье.)*

ГЛАВА 175

О войне с надровитами и крещении многих из этой земли

«В год от Рождества Господня 1274, когда погезаны, вармийцы, натанги, барты и самбиты (пруссские народы) вернулись к единой святой Церкви и дали, как водится, заложников, чтобы впредь не предпринимать ничего противозаконного, но смиренно подчиниться вере и власти братьев, магистр и братья, радеющие о расширении пределов христианских, вооружились против племени надровитов. Ведь после того как Тирско, отец Маудело, возглавлявший замок в Вилове (ныне Знаменск), со всеми примкнувшими к нему подчинился вере и братьям, многие властительные и знатные люди из Надровии пришли постепенно к братьям со всей челядью своей и, возродившись в источнике крещения, оставив идолов, служили живому богу Иисусу Христу».

ГЛАВА 176

О взятии двух замков земли Надровия в волости Ретовы (1274 год)

«Брат Конрад из Тирберга, магистр, учитывая благоразумие и верность этих надровитов и то, что из-за ухода земля Надровия потеряла значительные силы, послал брата Теодорика, фогта земли Самбийской, и войско с ним в упомянутую землю Надровия. Они, войдя, разорили область Ретовы огнем и мечом и, пройдя дальше к двум замкам упомянутой волости, после долгого сражения, разгоревшегося между ними, наконец с Божьей помощью взяли их оба и, убив и взяв в плен многих людей, замки вместе с предместьями предали огню; они захватили столько добычи из коней, скота и прочего добра, что едва могли все унести». *(Этим «замкам», видимо, соответствуют городища Синявино и Журавлево Гусевского района.)*

ГЛАВА 178

О взятии замка Каменисвике (1274 год)

«Затем (после захвата прусского укрепления Каттенава – Отолихия; ныне пос.Фурманово Гусевского района), повернув от него на юго-запад, магистр с большим войском прошел по земле Надровии с огнем и мечом и, придя к замку Каменисвике (пос. Тимофеевка Черняховского района), стоящему на реке Арсе, разместив, как полагается, все необходимое для штурма, он пошел на замок, и с обеих сторон многие были ранены, а так как в вышеупомянутом замке было 200 храбрых воинов, наконец после долгого сражения братья стремительно ворвались и, убив всех вышеупомянутых мужчин, взяв в плен женщин и детей и захватив огромную добычу, самый замок целиком сожгли».

ГЛАВА 179

*Об опустошении земли Надровия
(1274 год)*

«Славно велись против этой земли Надровия многие битвы, которые не описаны в этой книге, ибо было бы чрезвычайно долго повествовать о каждой

Однако, несмотря на разгром и разрушение основных крупных поселений в западной Надровии, пруссы не все были уничтожены и передали своим потомкам устную традицию, в виде легенд просуществовавшую вплоть до XIX века. За это время прусские сказания и были записаны фольклористами.

в отдельности. Вот почему надровиты, хотя до сих пор располагали большой воинской силой и многими укреплениями, наконец, оставив всякую дикость, подчинились вере и братьям, за исключением немногих, ушедших в землю Литовскую; и так вышеупомянутая земля Надровия вплоть до нынешнего времени остается в запустении».

СКАЗАНИЯ

О ХОЗЯИНЕ
ЗАМКА КАММСВИКУС

«Недалеко от Инстербурга, на правом берегу Анграпп, поблизости соединяющейся с Инстером, высится холм – Каммсвикус. Он представляет собой практически неприступный участок суши, его покрывают низкие заросли. Еще сохраняются тут остатки укреплений.

Еще до прихода Ордена здесь возник замок, владелец которого и дал название горе. Об этом Каммсвикусе сказания повествуют как о жестоком и безжалостном человеке, которого его подданные вспоминали с ужасом. Дошло до того, что он свою собственную жену заковал в кандалы и заживо замуровал в подземелье замка. Однако это сделало его еще злее, еще безжалостнее, и преступнее сделалась жизнь в замке, еще злее повел он себя с народом. Это, наконец, вынудило разгневать богов, которые затопили весь замок водой. Однако властительница, погребенная там в подвалах, не нашла себе покоя. Она была осуждена являться в виде

черной коровы. Ее муж в облике черной дикой кошки гнал ее перед собой. Иные рассказывают, что они сопровождалась черным всадником, который постоянно размахивал над ними бичом. Так могли часто их видеть в полночь мчащимися по лесной чащобе.

Сын Каммсвикуса часто защищал людей от гнева своего родителя, однако это стоило ему жизни. В благодарность ему воздвигли памятник. Железный крест, впоследствии найденный и до войны находившийся в кирхе Инстербурга, был изготовлен для этого памятника. Показывали рядом с горой его могилу – камень длиной 25 шагов и шириной 24 шага.

Ночами феи холма осуществляют свое купанье в протекающей рядом реке, однако они не дают себя подслушать во время этого занятия. Если к ним приблизится человек, они скрываются в горе, где обитают в светлых роскошных палатах».

Эта дошедшая до нас легенда о городище Каммсвикус включает в себя весьма разнородную информацию. Первый раздел, повествующий о злом

хозяине замка, навеян скорее всего событиями, происходившими здесь после захвата Надровици крестоносцами.

Часто Орден предоставлял власть на местах витингам – перешедшим на сторону христиан местным представителям знати. В своем угнетении бывших соплеменников они не знали пределов. Железный крест для памятного сыну Каммсвикуса – информация из более позднего времени. Такие надгробия стали сооружать в Пруссии не ранее XVI века. Сказания о феях и мчащихся по лесной глуши в полночь оборотнях – черты позднегерманской мифологии, привнесенной в Восточную Пруссию в начале XIII века переселенцами с запада Германии. Лишь упоминание о том, что феи живут в «роскошных палатах», и данные о расположенном рядом с городищем камне представляют ценность как воспоминания местных жителей о древнем прошлом Камменисвикуса.

Представляет интерес само название городища. «Вик» по-старогермански – «залив», первая часть слова «каммс» по-пруски означает «овца». Логично для XIV-XVI веков восстановить название городища как «Овечий залив» (река Ангерапн здесь делает петлю, ее пойма в наводок заливалась, отсюда и рассказ о затоплении замка). Однако, если учесть то, что городище в VI-XI веках являлось перевалочным торговым пунктом на речных трассах между землями пруссов и ятвягов, логичнее применить к дешифровке его названия лингвистические особенности наименования торговых пунктов эпохи викингов. Используя данные скандинавской лингвистики, характерные для таких археологических объектов, название городища можно перевести как «Торговый пункт», на котором производились либо продавались гребни. Действительно, остатки косторезного производства зафиксированы в культурном слое городища.

КРАСНЫЙ ПЕТУХ

«В Инстербурге имелись Вольные каменщики (первоначально цеховая организация средневековых городских ремесленников, впоследствии превратившаяся в Европе в сообщество масонов). Кто хотел стать Вольным каменщиком, тот должен был вместе со своей кровью продать черту душу. К тому, кто хотел попасть в Вольные каменщики, приходил красный петух и клевал в левую руку, где струилась артерия. Той кровью человек и расписывался под договором с дьяволом. Вольный каменщик мог жить столько, сколько хотел, однако он не должен был желать продолжительности жизни более ста лет».

Эта легенда, без сомнения, возникла в XVI веке, во время возникновения как во всей Европе, так и в Пруссии полуправильных организаций Вольных каменщиков. Они в глазах местного населения наделялись оккультной силой. То, что они таким образом формально перенимали черты древних языческих жрецов, характеризуется упоминанием в этой легенде о красном петухе. По верованиям всех индоевропейцев (в том числе и пруссов), красный петух являлся символом Солнца (у славян «Петушок – золотой гребешок») и приносился в жертву жрецами соответствующему богу Перкунсу.

Обряд этот послужил основой для формирования начал европейской геральдики, восходящей к прусским священным эмблемам X века. Первый герб средневековой Европы – прусский трезубец – является символом принесенного в жертву и обезглавленного петуха.

Другие легенды Надровици, по данным Матвея Преториуса, также повествуют об остатках прусского язычества на этой земле.

ГОДИЧНЫЙ ПРАЗДНИК КОНЯ

«С середины декабря до начала Рождественских праздников, в один из дней, в северных районах Пруссии, на Инстере и Мемеле, отмечается ежегодно повторяющийся Праздник коня. В этот день в декабре снег ложится слоем высотой в полметра и выше.

Лошадей к празднику особенно любовно чистят и хорошо кормят. Случается, что хозяин находит на скотном дворе своего лучшего белого гуся и приносит его в большую горницу. В жилой комнате наливает хозяин в свою питьевую кружку немного пива и выливает его земной богине на пол. Затем наполняет он сосуд и говорит молитву, держа кружку в руке. В этой молитве, в которой родимые прусские боги и христианские святые представлены рядом, просит он Бога охранить лошадей, уберечь их от бескормицы и несчастий в стойле, сохранить их в поле или в поездке.

К Свинто Юргису взывает он, ибо Святой Георгий – особый заступник за весь домашний скот. И просит его, чтобы при виде хорошей лошади, а также хозяйской собаки, стал бы он веселиться и проявлять свою власть так, чтобы с ним не приключилось ничего дурного. В благодарность за это хочет он Святому преподнести тучного гуся. Себе он позволяет опустошить кружку лишь наполовину.

Стоя на коленях, хозяин умерщвляет гуся. Затем пьет он вторую половину пива. И последующую работу – разделку и приготовление гуся – предпринимает сам крестьянин или его старший сын.

В центре комнаты уже лежит половина четверти меры зерна, возвращенная на землю, и рядом с ней – красиво убранная приготовленная половина лошади. И сено вокруг

уложено наподобие венка. Горшок с готовым гусем и требуемым хлебом ставится сверху.

Из освященного источника в доме наливает он не более чем на три глотка в осененную крестным знаменем чашу, возносит молитву за все живое на своем дворе и пьет до дна.

Затем он совершает нечто удивительное: он глубоко вдыхает и сопит, фыркает и ржет, как горячий конь. Это для пруссов хорошая забава. Знающие мужи лукаво ухмыляются и пытаются без обмана ее продолжить. Однако подражание бывает не всегда удачным. Тот, кто сопение и ржание искусно воссоздает и добавит еще какой-нибудь сопутствующий звук наподобие стука подков, получает большое одобрение.

Вновь наполняется деревянная кружка, и подносится она старшему сыну. Он стоит коленапреклоненно, как и остальные мужчины, перед своим отцом. Важно, что все это делается с подобающей серьезностью. Так идет сосуд по кругу, пока все не напьются.

И еда принимается коленапреклоненно. При этом нужно еще раз основательно выпить. Характерно, что каждый пьет из чаши так, чтобы за три глотка оставить ее пустой.

Только здесь кончается официальная часть праздника, однако можно еще остаться и пить за столом – обычно для этого имеется лишь ключевая вода, возможно и молоко. Однако не исключен и глоток водки.

Скоро уже сообщает крестьянин, что время идти в постель, ибо пиво оказывает свое действие. Последнее питье – единственная налитая наполовину чаша, всегда идущая от одного к остальным, – должно еще раз вызвать, к всеобщему удовольствию, подражание ржанию коня. И этим завершается конский праздник этого года...»

АВГУСТ 1938 ГОДА

Рассказ

Поезд «Берлин – Инстербург» отправлялся с вокзала Шарлоттенбург в 19.54. В спальном вагоне, где я разместился, никого не было, хотя в поезде было довольно много пассажиров, в основном военные. Были слышны разговоры о лошадях. Оно и понятно, поезд едет в город, в котором послезавтра начинается знаменитый конный турнир. Одиночество мое нарушил стук в дверь. В купе вошел довольно полный мужчина, и после обычных в таких случаях приветствий стало ясно, что мой попутчик – восточный пруссак, возвращающийся на родину с продовольственной выставки. При этом обращал на себя внимание акцент говорившего: характерные для восточнопрусского диалекта «р», «ок», «ек». Поезд отошел точно по расписанию. Вскоре и мой попутчик улегся спать.

Поужинав в вагоне-ресторане, я, удобно устроившись, достаю рекламный буклет конного турнира, полученный вместе с приглашением. Читаю: «Город Инстербург основан рыцарями Немецкого ордена в 1336 году. В 1583 получил права города от маркграфа Георга Фридриха. С 1643 по 1648 в Инстербургском замке жила королева Швеции Мария Элеонора. Знаменитая Анхен из Тарау умерла и была похоронена в 1689 году на кладбище Крушкенберг. Первый конный завод был основан в 1787 году. В 1807 в городе начал работать первый городской парламент. В 1839 проведен первый конный турнир в предместье Инстербурга Альтхофе. С 1860 года открыто железнодорожное сообщение с Кенигсбергом. В 1938 году в Гергенбурге на конном заводе насчитывается 258 жеребцов-производителей».

Почти месяц назад мне пришло приглашение на конный турнир от самого гауляйтера Восточной Пруссии Эриха Коха. Интересно, как это им удалось?

Ведь приглашение – всего лишь прикрытие для встречи со связным. Обыкновенная открытка с видом Инстербурга, довольно живописный вид – красивый арочный мост на фоне Лютеранской кирхи, как явствует из подписи. На штампе стоит дата – «27.7.38.12», что означает следующее: первая цифра – день встречи, вторая – месяц встречи + 1 и последние цифры – время встречи. А место встречи изображено на открытке.

Интересно, что там в программе соревнований? Турнир проводится с 28 августа по 4 сентября в Инстербурге и Тракенене. Турнир международный и последний такого ранга для немецкой олимпийской команды перед Олимпиадой 1940 года. Всего было 1000 заявок. В соревновании участвуют наездники Польши, Финляндии, Румынии и Германии. Программа очень разнообразная: от военных состязаний, скачек по пересеченной местности, скачек с препятствиями до показательных выступлений. Однако пора спать.

6.21. Поезд прибывает в Инстербург, и почти все пассажиры выходят. Спросив дежурного по вокзалу, где находится отель «Дессауэр Хоф», выхожу на привокзальную площадь, пересекаю сквер и сворачиваю направо. Навстречу мне мчится маленький паровозик с двумя вагонами. Догадываюсь, что это городская железная дорога. Еще сто метров, как мне объяснили, – и вот мой отель: высокое угловое здание с башенкой. У входа – мемориальная доска, текст которой рассказывает о пребывании в отеле в 1914 году в период с 24 августа по 11 сентября Главного штаба русской армии под командованием генерала Ренненкампа и великого князя Николая Николаевича, дяди царя Николая II. Портье довольно быстро оформляет положенные формуляры на мое имя, вручает ключи, при этом интересу-

На конном турнире в Инстербурге.

ется погодой в Берлине. Видимо, меня выдает мой берлинский акцент. Устроившись, спускаюсь завтракать в ресторан. Прямо напротив моего стола висит фотография тех самых русских генералов. Они сидят в этом же зале за обедом. А ведь я когда-то был знаком с ними. Великий князь вручал мне офицерские погоны накануне Первой мировой войны.

До встречи еще есть время. Узнав опять же у портъе, как пройти к замку, отправляюсь на прогулку. Улица, по которой я иду, называется Вильгельмштрассе. Очень плотная застройка. Дома в четыре-пять этажей в стиле модерн. Напротив большой кирпичи с часами – довольно современное здание какой-то школы. На улицах города много военных. Честно говоря, я пожалел, что не приехал в своем мундире, но правила выхода на связь требуют гражданский костюм. Выхожу на площадь Альтер Маркт, узнаю Лютеранскую кирху. Вдруг ловлю себя на том, что что-то не так. Точно! Это же не автобус сейчас выехал на

площадь, а троллейбус. Здесь, в этом провинциальном городке с населением около 50 тысяч! Даже в Берлине нет такого современного транспорта. Видно, не совсем прост этот город. По Мюлендамштрассе прохожу мимо средневековых домов, и вот он – замок. Перед замком стоит скульптура обнаженного всадника. Читаю надпись: «Погибшим товарищам 12-го полка уланов в Первой мировой войне». В замке музей, в холле которого стоит лошадь, но не настоящая, а чучело. После осмотра музея иду на встречу.

12.00. У арочного моста какой-то мужчина фотографирует кирху. Проходя мимо, слышу: «Не могли бы вы сделать снимок на память – сфотографировать меня на фоне “горбатого” моста?» Слово «горбатый» – ключевое в пароле. Связной знает меня в лицо. Отвечаю: «Этот мост называется Радужный», беру фотоаппарат и делаю снимок. Вот и все. Одновременно происходит обмен информацией.

На следующий день отправляюсь на конный турнир. Перед входом и трибунами над многотысячной толпой развешаются знамена участников турнира. По улице один за другим продолжают двигаться автомобили. На стоянке их, наверное, уже штук 800. У касс толпы народа. Стоит прекрасная погода, и дамы демонстрируют творения искусных портных. Мужчины в основном военные. Рядом с ними дородные помещики из ближайшей округи. Их отличают «теоргины» на лацканах пиджаков – значки союза – и бинокли на груди. Они прогуливаются на площадке перед трибунами, которую здесь почему-то называют «места в седле», толпятся около тотализаторов и в ресторане. Повсюду реклама пива местного производства: «Каждый его знает, каждый его хочет, – “Инстербургское двойное пиво”».

К началу открытия турнира появилась группа военных во главе с генералом. От соседей по местам узнаю, что это комендант военного округа. Следом за ним появился сопровождаемый большой свитой гауляйтер Кох в своей коричневой униформе. Выражение его лица было надменным, как и у многих ранее безвестных, но внезапно пришедших к власти людей. Он намеренно прибыл после командующего, чтобы показать, что представление начнется только с появлением его персоны.

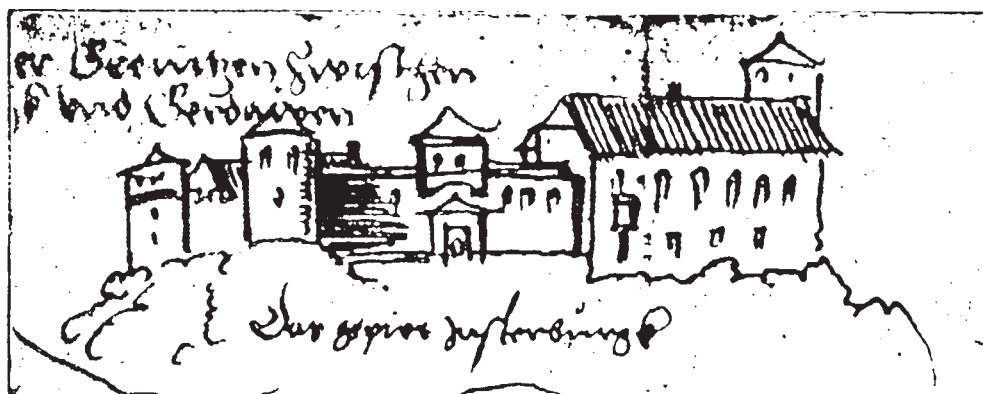
Наконец, главный распорядитель турнира, в цилиндре, типичный восточнопрусский дворянин, поднял руку. С судейской башни прозвучал сигнал трубы. Вдали раздались команды, кавалерийский марш, и

открылась картина, заставившая учащенно биться сердца кавалеристов, кем был когда-то и я. На расстоянии двух корпусов лошади от дирижера, словно сознавая свое достоинство, с гордо поднятой головой шла рысью безукоризненно белая лошадь под всадником, который время от времени отбивал дробь на двух больших барабанах. «Это Гюнтер!» – раздались крики зрителей. За ним двигалась плотная группа трубачей на вороных лошадях. Перед трибунами они перешли на шаг, под звуки марша «Фридрих Великий» трубачи свернули вправо, а белая лошадь перешла на галоп, описала дугу, в то время как всадник отвечал на звук трубы своими барабанами. Зрители неистово захлопали.

В это время земля задрожала под копытами двух эскадронов, которые рысью, с саблями наголо, с бряцающим оружием под звуки польки продефилировали мимо трибун. За ними следовали тяжелый эскадрон, оснащенный тяжелыми пулеметами, и... моторизованный истребительно-противотанковый взвод, который явно не вписывался в конный турнир. После этого на некотором удалении от трибун всадники спешили, и развернулась настоящая перестрелка, были слышны крики «ура» и даже выстрелы пушек, пока, наконец, по сигналу ракеты игра не прекратилась. За ней с большой охотой наблюдали тысячи людей, не зная еще, что ровно через год начнется настоящая война, которую не остановишь ракетой.

Геннадий Разумный.

ЗАМОК ИНСТЕРБУРГ

Местонахождение. Замок Инстербург находится в городе Черняховске Калининградской области на улице Замковой. До 1946 года город носил название Инстербург. Он расположен в центре исторической области Надровия в Восточной Пруссии.

История. Завоевание местности Надровия Немецким орденом произошло в 1270 году. Ведение войны Немецким орденом против языческих литовцев заключалось в захвате вражеской территории и в отражении нашествия литовцев на территорию Ордена. В начале XVI века рыцари не смогли сдержать наступления литовцев при помощи построенных ранее замков. Возникла необходимость заложить в центре Надровии более мощную крепость. Так в 1336 году возник замок Инстербург.

Орден намеревался основать здесь комтурство. Было выбрано место для замка на перекрестке естественных дорог через глухую местность. Это было место, на котором стоял разрушенный в 1256 году языческий город Унзетрапис. Кроме того, здесь был крутой холм на берегу Анграпп, возвышавшийся над широкой долиной реки. На этом месте в 1336 году предприимчивый и сведущий в архитектуре брат магистр

Немецкого ордена Дитрих фон Альтенбург строит крепкий просторный дом из дубовых бревен, обнесенный валом и рвом, и называет его замком Инстербург. Неизвестно точное время превращения замка в каменный.

Первым комтуром (комендантом) замка Инстербург стал брат Херольдус. Однако уже в 1347 году Инстербург был понижен в чине до пфлегеамта (наместничества). В 1376 и в 1457 годах замок разрушался полностью: сначала литовским князем Свердейком, а потом поляками.

О походах на Литву сообщает хронист Виганд фон Марбург. В течение XVI столетия было организовано 11 военных походов, и все начинались из замка Инстербург. В этих походах участвовали рыцари со всей Европы. Так, гостями Инстербурга были: в 1377 году герцог Альбрехт III Австрийский, в 1390 году граф Генри Дерби, позднее король Англии Генрих IV, короли Иоганн Богемский и Людвиг Великий Венгерский, маркграф Карл фон Мерин, граф Вильгельм IV Голландский, граф Гюнтер Шварцбургский, герцоги Бургундский и Бурбонский, а также магистры Немецкого ордена.

В 1466 году, когда был заключен Торнский мир, впервые упоминается го-

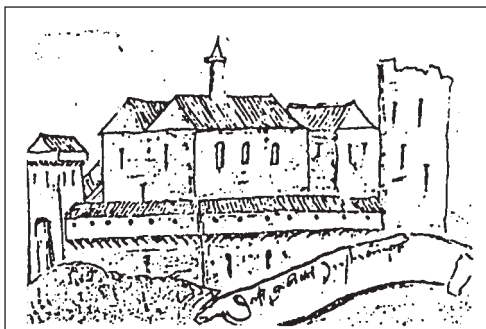
род Инстербург, хотя городом он еще не был. Слободы Хакельверк и Фрайхайт, а также деревушка Шпарге, возникшие у стен замка, постепенно превратились в цветущий поселок, в котором жители занимались земледелием и торговлей.

Когда брат магистр маркграф Альбрехт фон Бранденбург по совету Лютера превратил в 1525 году владения Ордена в светское герцогство Пруссия, управление настоятелей замка Инстербург было превращено в главное управление Инстербурга. Вместо военного стиля жизни, царившего до этого в Доме Ордена, наступил подобный канцелярскому. Вместо одетых в белые плащи рыцарей с мечами по длинным коридорам замка бегали деловитые писари с перьями за ушами. Первым управляющим Инстербурга был Иоганн Пайн. Благодаря его стараниям деревня Шпарге получила права городского поселения 12 марта 1541 года. И только в 1583 году, 10 октября, Инстербург получил привилегию города, герб и печать от маркграфа Георга Фридриха фон Ансбаха.

В XVII столетии замок посетили важные гости. Курфюрст Иоганн Сигизмунд принес здесь присягу на верность наследству. Курфюрст Георг Вильгельм и Великий курфюрст Фридрих Вильгельм неоднократно посещали замок. Во время Тридцатилетней войны в замке Инстербург нашла убежище королева Швеции Мария Элеонора, прожившая здесь с 1643 по 1648 год. Бранденбургская принцесса, дочь курфюрста, она была супругой короля Швеции Густава Адольфа.

Во время шведско-русско-польской войны, в 1655 году, Инстербург был занят русскими, но замок устоял, и только один раз, 1 января 1679 года, он был взят шведами. В 1704 году замок приютил польского короля, бежавшего от короля Швеции Карла XII, со всей семьей и двором.

В 1724 году в замке обосновался придворный суд. В 1727 году крепость

Самый старый из известных рисунков замка Инстербург, датированный 1510 годом.

стала складом фуража, муки и зерна. В ходе Семилетней войны Инстербург стал русским. Для замка эта война имела последствия. Склады, заложенные в ходе войны, остались там и после войны. Во время наполеоновских войн замок был оборудован под лазарет на 200 коек.

В 1878 году, после реконструкции замкового склада, в замке разместились два эскадрона 12-го Литовского уланского полка и находились там до окончания Первой мировой войны. После окончания войны в замке Инстербург открылся музей краеведения Общества древностей, а в форбурге замка остался земельный суд. В музее было двенадцать экспозиций, среди которых коллекции каменного и бронзового веков, собрание могильников, коллекция военных трофеев и оружия, нумизматическая коллекция, интерьер крестьянской избы, церковные предметы, коллекция гербов и флагов, а также собрание по истории Инстербурга. Осенью 1944 года все экспонаты музея были эвакуированы в глубь Германии.

Сам же замок во время штурма 22 января 1945 года сгорел, потом был занят воинской частью, и, наконец, в нем расположилось ремонтно-строительное управление, покинувшее его в 1998 году.

Руины замка Инстербург являются памятником истории и архитектуры федерального значения.

Строительство и назначение. Замок Инстербург состоял из двух частей:

сама крепость и форбург. Каждая часть с внутренним двором, который полностью замыкался окружающими его зданиями. Во времена рыцарей стояла только крепость – «Дом», который состоял из высоких двухэтажных зданий, окружавших внутренний двор квадратом. Вокруг Дома тянулась высокая, толстая, построенная для обороны стена. На четырех углах стены стояли мощные башни, которые не были связаны со зданиями. Юго-восточная башня была больше и выше, чем остальные, потому что в ее конструкцию входили главные ворота с подвесным мостом.

В середине замкового двора находился глубокий колодец, из которого с помощью огромного колеса подавалась вода. Первый этаж Дома, со стенами из булыжника толщиной 6-12 футов, покоился на сводчатых погребках. Входы на первый этаж, в котором располагался гарнизон, были только с внутреннего двора. Снаружи в стенах были только маленькие отверстия для обороны. Над первым этажом находились квартиры братьев Ордена – маленькие, низкие, подобные монашеским кельям, соединенные внутренними круглыми ходами. Только в обоих северных зданиях находились большие, занимающие два этажа помещения с высокими, узкими остроконечными окнами; а именно комната для собраний, общие спальни, комнаты рыцарей и капелла Дома. В башнях находились тюремные камеры, а под ними крепостные темницы. Из северной башни вел подземный ход под крепостным рвом наружу, чтобы, в крайнем случае, гарнизон мог добраться до берега реки и спастись на челнах.

Во время строительства Дома Инстербург он был предназначен для резиденции комтура, поэтому в нем размещался конвент братьев Ордена – а это примерно от 15 до 20 рыцарей, – далее двойное число сводных братьев («серых плащей»), сам гарнизон и обслуживающие братья, – всего около 200 человек.

В 1500 году произошло расширение замка. К крепости с северной стороны кольцевой стены до обеих северных угловых башен была пристроена группа одноэтажных хозяйственных построек, соединенных с двором крепости проездом.

В 1684 году замок Инстербург еще стоял с зубцами и башнями, стенами и подвесным мостом – так, как изображен на рисунке Харткноха. В XIX веке он был уже только с одной башней, без стен. Когда и по какой причине он был перестроен, узнать не удалось. Последняя башня называлась Пайнтурм («Башня пыток»), потому что в ней применялись пытки. На башне находились часы. В конце XVIII века Пайнтурм использовалась под склад пороха.

Северная часть замка претерпела многочисленные изменения в течение всего XIX века. Все помещения были перестроены под нужды суда. Таким замок можно видеть на довоенных фотографиях.

Сегодня замок Инстербург находится в руинах. Остались только два здания форбурга. После Второй мировой войны были разрушены Пайнтурм и северное крыло замка с воротами.

ИЗ РАССКАЗА ВОЕННОПЛЕННОГО

В этой публикации представлены воспоминания бывшего немецкого военнопленного, которые дают возможность узнать о жизни в плену и о взаимоотношениях с населением города, а также о первых послевоенных годах Черняховска.

Итак, я прибыл в Цементный лагерь* в Инстербург. Это было весной 1946 года.

Работа на вокзале была следующая: перегрузка из немецких в русские вагоны военных трофеев. Меня определили в «крановую команду».

Ко мне постепенно вернулись силы. Это помогало легче переносить плен, особенно при тяжелой физической работе.

Смертельно уставшие после смены, мы немедленно засыпали. Нам трудно было справляться с голодом, но на запасном пути стояли вагоны с картофельной мукой и сахаром, и в ночную смену мы могли этим пользоваться.

Для жилья у нашей «крановой команды» был закрытый товарный вагон с временным отоплением, с двойным полом и стенами. Это немного выручало нас. Этим пользовался и персонал охраны.

Был период, когда мы питались только овсяной мукой и отрубями. Возникали рези в животе, температура. Кишечное заболевание с подозрением на тиф дало повод лагерному врачу поместить меня в изолятор. Никому не позволялось меня навещать.

Однажды по громкоговорителю было передано объявление. Искали человека, который мог бы высекать буквы на камне. Обещали дополнительное питание. Я сразу обратил на это внимание и сказал санитару, что хотел бы получить эту работу. Лагерный надсмотрщик, который не нашел никого для этого задания, дал мне понять, что сначала надо выздороветь, а потом уже работать.

Через четыре дня я встал на ноги. После этого за мной ежедневно к лагер-

ным воротам приходил русский сотрудник городской администрации. Временное рабочее место было уже готово, и мне показали эскизы «Доски Почета»*. Все в целом выглядело как монумент высотой около 5 метров. Большое количество надгробных плит из мрамора и гранита с немецкого кладбища было материалом для обработки. О работе с камнем я, правда, не имел представления, но как гравера по металлу это задание меня заинтересовало, так как давало возможность работать без надзора. Теперь мне надо было обработать гранитный камень, и сначала я должен был удалить надпись – это ведь была могильная плита. Годами фамилии оставались в памяти. Теперь все забыто.

Ежедневно я был занят выполнением на гранитной плите (размером примерно 100 на 80 сантиметров) русской эмблемы – земного шара с серпом и молотом в виде рельефа – инструментом наподобие резца, который я изготовил сам с помощью кузнеца. Изо дня в день я обрабатывал камень, используя молот и самодельный резец с надлежащей осторожностью. Рельеф был высотой 5 сантиметров.

После работы, возвратившись в сопровождении русского надзирателя в лагерь, я первым делом шел к лагерному кузнецу, которому отдавал сломанные резцы на заточку. Так проходили месяцы.

Через каждые 2-3 дня ко мне приходил бургомистр в сопровождении переводчицы Анны Баукровиц, немки. При случае я просил помощи, потому что теперь мне надо было браться за выполнение всего проекта: по обеим сторонам памятника нужно было изготовить колонны из белого мрамора, а также сделать многое

другое. В моей лагерной группе был заключенный Вилли Эрих, художник и обойщик по профессии, хороший специалист. С помощью переоборудованной нами шлифовальной машины мы изготовили колонны.

С наступлением зимы стало холодно, и мне дали на заднем дворе маленькую мастерскую, которая отапливалась старой армейской печкой. С гражданским человеком из городской администрации у меня были хорошие отношения. Недовольства не было. Ему было трудно ходить, но он никогда не сказал плохого слова. У меня о нем только добрые воспоминания.

Работа подошла к концу, и мне предстояло вновь трудиться на вокзале. В то время я отравился рыбой. За несколько дней до этого в лагере у кухни стоял едкий рыбный запах. Он исходил из открытой деревянной бочки, доверху наполненной рыбой. На ужин раздали рыбные фрикадельки. Беда началась во время ночной смены: внезапно меня и других сильно затошнило, у многих поднялась температура. Некоторые корчились на полу. Русские охранники заволновались. Офицер охраны немедленно вызвал помощь. На грузовике нас отправили в Георгенбург в лазарет*. Этой участи избежали лагерное руководство и кухонный персонал.

У меня было время для размышлений. Я непременно хотел снова выполнять какие-либо заказы для городской администрации – тяжелая работа на станции была не для меня. Я набросал эскиз памятника Ленину для Привокзальной площади, что снова могло дать мне работу. Густав Ристов сделал затем по моему эскизу нужный проект. Администрация отреагировала: отправила его на утверждение в Москву. Там все поменяли: вместо памятника Ленину утвердили обелиск генералу И.Д. Черняховскому.

Для изготовления барельефа погибшего генерала И.Д. Черняховского была в наличии только небольшая фо-

токарточка из паспорта. Сначала я изготовил рельеф из глины, который после утверждения служил основой для мраморного. Я использовал белую мраморную плиту с кладбища. Памятник должен был стать обелиском высотой 5-6 метров, в черном граните. Использовать предстояло могильные плиты, которые мы привозили с различных немецких кладбищ. Я еще хорошо помню, как однажды мы поехали на грузовике в Кенигсберг, чтобы найти подходящий материал, которого в окрестностях Инстербурга уже не осталось. Втроем мы и сделали памятник генералу на Привокзальной площади.

Торжественное открытие этого памятника было назначено на 7 ноября. Лагерный портной сшил для меня выходной костюм, так как я должен был присутствовать на открытии. Из администрации пришло приглашение, которое утвердил офицер политотдела. Это было, конечно, приятно.

Обелиск был открыт под звуки русского национального гимна. Во время торжественного ужина депутаты произносили речи. Моей работе давалась самая хорошая оценка. Перед супом подали водку в больших стаканах. Вскоре у меня в глазах все двоилось. Обещанием нового большого проекта этот знаменательный день для меня и закончился.

Городское управление вызвало меня через несколько дней после открытия памятника. Предусматривалось соорудить памятник воинам по проекту русского профессора искусств. Он приехал из Москвы и с помощью городской переводчицы обсудил со мной все планы. Впоследствии я видел его еще два-три раза. Из руин здания банка и молочно-завода на Гинденбургштрассе (ныне ул.Ленина) сотрудниками городского управления был доставлен нужный материал (виды на фотографии памятника). Изготовить нужно было плиты из ракушечного известняка для обрамления памятника, две большие

гранитные плиты для надписей, советскую звезду для верха обелиска из белой мраморной могильной плиты. Между тем я научился работать с камнем.

Был январь или февраль. Стояли сильные холода, когда однажды утром ко мне в мастерскую пришли бургомистр со скульптором Марией Вичиковой. Она была представлена мне как только что закончившая Московскую Академию художеств и направленная в Черняховск, чтобы перенимать у меня практический опыт. Я сомневался в том, что такая маленькая и хрупкая девушка в будущем будет работать со мной резцом и молотом. Во время нашей встречи она заварила чай, принесенный с собой, приветливо со мной заговорила, понимая мой «швабско-русский». Она называла меня Бертольдо, а я ее Марией. Целый день мы болтали, движимые любопытством. Она хотела иметь собственную мастерскую, как ей и было обещано. Конечно, о нас начали ходить слухи как среди русских, так и в лагере. На это каждый из нас отвечал достойно. Несмотря на пристальный к нам интерес, мы сделали несколько совместных работ. Почти ежедневно приходили господина из управления, придумывая для нас что-то новое. Мастерская, кстати, была получена. Мария перешла в нее, хотя ежедневно заходила ко мне и показывала задания администрации: проект фонтана со скульптурой, который она смоделировала в уменьшенную величину. Это был «Ребенок с рыбой в руке»*, выполненный просто блестяще. У края скульптурного ансамбля – «Доска Почета». Много места было отведено под детскую площадку.

Но Мария была довольно-таки капризной. Как-то раз она отказалась от совместной прогулки, заявив, что я немецкий военнопленный и не смею ей такого предлагать. Я тяжело это пережил. Позже мне сообщили, что у нее появился друг, от которого она уже ждала ребенка. Возможно, это и стало причиной ее недовольства.

В лагере должна была состояться выставка художников-любителей. Я занимался памятной медалью, с которой изготовил гипсовую модель. Стальные детали медали я вытачивал после работы у себя в лагере самодельными инструментами. На обратной стороне медали была надпись, обрамленная колючей проволокой: «На память о русском плене 1945-1949, лагерь Инстербург». Юнг, наш человек, работавший вне лагеря, попытался пронести первые отливки в лагерь, но офицер политотдела немедленно распорядился изъять медали, а также остальные формы. Меня, как зачинщика, вызвали к офицеру, который устроил мне нагоняй. Я по определенным причинам не хочу передавать подробности этого допроса. Во всяком случае, мне временно запретили работать для города, так как мои деяния расценивались как преступления против СССР, потому что разрешений на медали еще не было. Однако вскоре администрация вскоре вновь проявила активность и освободила меня из «ссылки». Чтобы избежать дальнейших попыток помешать мне в работе, я получил от администрации «свидетельство важности работ», которое освобождало меня от дальнейших трудностей. Это свидетельство впоследствии у меня отобрали.

Для выставки в лагере я изготовил еще и два письменных прибора из белого мрамора. Однажды перед обедом ко мне пришли генерал с бургомистром и поинтересовались, как идет работа. После газетных сообщений прошел слух, что должен быть сооружен памятник русским солдатам. В газете был фотомонтаж памятника и надпись: «С некоторого времени над памятником воинам в Черняховске работает художник-немец». Такая «популярность», однако, приносила мне дополнительный доход от выполнения небольших заказов.

Однажды меня посетил бывший немецкий офицер. Он был медиком и жил ранее, как оказалось, в моем родном

городе. Вместе с русским часовым он перекусил у меня в мастерской. Скорее всего, он был из лагеря Биркенфельд*. Его звали доктор Рем. Во время последнего посещения он выразил надежду, что мы встретимся уже на родине.

Наш лагерный оркестр был просто первоклассным. Я даже пытался через администрацию организовать в городе публичные выступления для немецкого населения. Офицер политотдела разрешил одно выступление. Зал был переполнен – аншлаг. Только поздно вечером мы вернулись в лагерь и несколько дней вспоминали это событие.

После окончания работы над памятником меня хотели обязать продолжить работу на большом русском солдатском кладбище. Трудовой договор два раза приносили на подпись. Работа предстояла немалая – надо было высечь на камне имена 5 тысяч павших русских солдат. Однако я не согласился, так как хотел вернуться домой, и как можно скорее.

Вспоминаю о своих отношениях с Марией Вичиковой. Однажды она пригласила нас с другом сходить с ней в кино. Она зашла за нами в выходной одежде, что было в диковинку по тем временам. В тот же день она предста-

вила нас своим родителям, которые, впрочем, были не особо рады нашему визиту. Ее отец еще как-то мог объясняться с нами на ломаном русско-немецком: он в Первую мировую войну был пленным на угольной шахте в Германии. Мария показала нам свои проекты, эскизы и рисунки, которые мы вместе рассматривали на полу.

От администрации, как и было обещано, я ежемесячно получал пособие, так что мог брать с собой в лагерь немного хлеба, масла и сахара, чтобы поделиться со своими товарищами.

Наконец, лагерь был распущен и полностью переправлен в Москву. Группу, занимающуюся памятниками, доставили на вокзал к локомотивному депо. Наши охранники были настроены миролюбиво, как, впрочем, и население города. Даже в продуктовых магазинах не делалось исключения. У меня еще оставались дела в мастерской, а к сооружению памятника я возвращался уже после основной работы. Я помогал очищать ракушечно-известковые плиты от цемента на обратной стороне. Работу закончили раньше срока. Для дальнейшего продолжения работ подтверждения из Москвы не поступило, и нас отправили в Москву. Но это уже другая история.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ИНСТЕРБУРГЕ

*«Überall dringt Bildung durch –
nur nicht nach Insterburg».*

*«Всюду проникает образование,
но только не в Инстербург».*

Такая поговорка была в обиходе у горожан Инстербурга, свидетельствующая о наличии у оных чувства юмора. Тем не менее система образования в городе была довольно приличной. В адресной книге города (1937) представлены следующие учреждения:

1. Государственная гимназия и высшая реальная школа.
2. Высший лицей имени Гинденбурга.
3. Школа имени Фриды Юнг.
4. Школа для мальчиков.
5. Школа имени Хорста Весселя.
6. Народная школа для девочек имени Вильгельма Иордана.
7. Начальная школа имени Людвига Яна.

8. Школа имени Песталоцци.
9. Парковая школа.
10. Народная школа в Шприндте.
11. Народная школа в Танненберге.
12. Торговая школа.
13. Профессиональная школа для девочек.
14. Сельскохозяйственная школа.

История образования в городе Инстербурге начинается с 10 октября 1583 года. Именно в этот день поселение получило городские права. При содействии церкви и главного управления города первой была открыта школа для мальчиков, получившая в 1593 году статус гимназии. После окончания данного учебного заведения ученик имел право на поступление в Кенигсбергский университет, открытый

в 1544 году. В 1819 году она была преобразована в высшую школу, а в 1839 году – в реальное училище второго порядка. Очередная смена вывески произошла 24 января 1870 года, когда училище было преобразовано в гимназию с реальными классами.

Новое здание гимназии было построено в 1875 году на Райтбанштрассе (сейчас улица Калинина, здание администрации). В этом же году три художника из Кенигсбергской Академии искусств – Иоганн Хайдек, Эмиль Найде и Макс Шмидт – украсили актовъй зал настенной живописью по мотивам «Одиссеи» Гомера. Это были семь больших картин, написанных маслом, а также четыре полотна среднего размера, вывешенных над четырьмя входами в помещение. Во дворе гимназии на Корнштрассе (ул.Тольятти, ДЮЦ) был построен спортивный комплекс гимназии в 1908 году. В этот период в районе стадиона был открыт и школьный сад. Однако 16 января 1942 года в результате пожара гимназия сгорела.

Следующим заметным учебным заведением города был лицей, где обучались исключительно девушки. Комплекс лицея состоял из двух зданий. Сначала в строй был введен дом на Дойчештрассе (ул.Крупской, музыкальный корпус колледжа), а 27 июля 1909 года состоялось открытие нового здания на Маркграфенплац. В настоящее время этот комплекс не сохранился. На этом месте выстроен педагогический колледж. Новое здание лицея в простонародье называлось «Шоколадка». Во время Первой мировой войны в лицее находился штаб немецкой армии под командованием генералов Людендорфа и Гинденбурга. Имя последнего было присвоено данному учебному учреждению после окончания войны. В 1925 году лицейский учитель рисования, Пауль Шмоллинг, написал большую картину в светло-голубых и золотистых тонах, названную «Против солнца». Позировали три абитуриентки лицея: двадцатилетние Лота Ротгенгер,

Анни Пиорек и Эва Кручина. Окончание лицея давало право на поступление в университет без экзаменов.

28 июля 1871 года был заложен первый камень в фундамент школы для девочек имени Фриды Юнг и капсула с текстом о будущей школе, с газетой и монетами. Школа строилась по проекту Беккера. Ее открытие состоялось 11 ноября 1872 года. Располагалась школа на Райтбанштрассе (ныне ул.Калинина, здание почты). В учреждении имелись четыре класса средней школы, два класса в резерве, библиотека, класс природы, учительская, кабинет директора, актовъй зал и небольшая квартира для сторожа. Обучение велось по 9-й класс включительно. В 1929 году школа получила имя поэтессы Фриды Юнг. К этому времени в городе насчитывалось 14000 жителей.

Школа для мальчиков была построена в 1902 году на Альбрехтштрассе (сегодня ул.Суворова, школа №6). Ученики по окончании школы получали девятилетнее образование. В актовом зале имелась уникальная настенная картина, автор которой не известен. К сожалению, в советское время она была закрашена.

Народная школа имени Хорста Веселя была построена в 1904 году. Школа имела два входа и разделительную стену посередине здания, что давало возможность заниматься мальчикам и девочкам раздельно. Поначалу школе было присвоено имя Фридриха Эберта. Одним из директоров школы был Вильгельм Обгартель, историк по образованию, автор книг «История улиц Инстербурга» и «Округ Гумбиннен», в которой описаны быт и хроника северо-восточной части Восточной Пруссии.

Народная школа для девочек имени Вильгельма Иордана, ровесница Лютеранской церкви (1612), неоднократно перестраивалась и находилась рядом с упомянутой церковью на Прегельштрассе (ул.Прегельная). Имя свое получила в честь писателя Вильгельма Иордана, родиной которого был наш город. В 1875 году школа сгорела (вот напасть!) и была в конце концов снесе-

Школа имени Песталоцци (ныне школа №1).

на. В канун Второй мировой войны на Прегельштрассе (сейчас ул. Ленинградская) была построена новая школа имени Вильгельма Иордана (жители Черняховска знают это здание как бывший штаб), которая как школа, в силу ряда причин, не состоялась. В настоящее время здание разрушено.

Начальная школа имени Людвиг Яна, в которой обучались мальчики, была построена в 1866 году на Уланенштрассе (сейчас ул. Чайковского, детский сад №8). Во дворе школы имелся спортивный зал, не сохранившийся до нашего времени.

Школа имени Песталоцци, великого швейцарского педагога, открылась в 1927 году на Казерненштрассе (сейчас ул. Гагарина, школа №1). В актовом зале школы располагалась третья евангелическо-лютеранская церковь. На крыше здания располагалась астрономическая площадка, которая также не сохранилась.

Парковая начальная школа в Шприндте была построена в 1923 году вместе с новым поселком Шприндт и получила имя Герберт-Норкус-шULE.

Народная школа в Танненберге находилась в районе озер на современной улице Чапаева.

Торговая школа построена на рубеже веков на углу Дойче- и Альбрехтштрассе (сейчас станция скорой помощи). В школе обучали торговому делу, машинописи, стенографии, счетному делу и торговле, немецкому языку и правописанию. Девушки составляли основной контингент студентов, юношей обучалось значительно меньше. В качестве факультатива изучалось и поварское искусство, для чего во дворе находилось специальное помещение с кухней.

Профессиональная школа для девочек начала свою работу в 1929 году и была построена по проекту Эмиля Кадерайта. В школе преподавали швейное дело, домоведение, историю государства, поварское дело, готовили домашних учителей. В народе школу называли «Академией биточков» («Klopsakademie»).

Вопреки поговорке, упомянутой в начале статьи, многие горожане стали известными людьми. В частности, инстербуржец Юрген Шмуде, родившийся 9 июня 1936 года, после окончания Боннского университета становится в конце 70-х годов... министром образования ФРГ.

Инстербург. Открытый бассейн.

СПОРТ – ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ

Когда наш город именовался Инстербургом, «отцы города» уделяли пристальное внимание и всячески содействовали развитию спорта в городе, заботясь тем самым о здоровье своих сограждан. Это доказывает наличие в Инстербурге большого количества спортивных сооружений и спортивных союзов (клубов).

После окончания Первой мировой войны, несмотря на сильную инфляцию, городские власти приобрели в муниципальную собственность поместье Ленкенингкен. По предложению директора садового хозяйства города на территории общей площадью 60 моргенов (1 морген – 0,25га) должен быть построен стадион. В 1920 году желаемое осуществилось, и горожане получили в пользование прекрасное спортивное сооружение. В естественной долине реки Ангералп, по ее левой стороне, были построены: главное футбольное поле (70x105м), гаревая дорожка (630м), трибуна, в которой

располагались раздевалки и душевые с горячей водой. Наверху трибуны находился ресторан. Помимо указанного, было построено зимнее тренировочное футбольное поле (90x90м) с четырьмя воротами. Для теннисного клуба, кроме клубного домика, имелись восемь тренировочных площадок и три непосредственно для соревнований. В 1928 году был введен в строй театр под открытым небом в виде небольшого амфитеатра, бассейн (30x50м) с шестью состязательными дорожками и несколькими дорожками, предназначенными для учебных занятий плаванием. Бассейн был оборудован раздевалками, вышкой для прыжков с высоты 1 и 3 метров, водяной горкой, местами для загораения и даже «лягушатник» для самых маленьких.

С южной стороны стадион был защищен высокими холмами. Этот естественный ландшафт также использовался в спортивных целях. В частности, были устроены две большие горки для

катания на санях и лыжах для взрослых и целых пять горок для детей. Но вернемся к бассейну. После войны стадион оказался «в оперативном управлении» 11-й гвардейской дивизии и вплоть до 1968 года, печально известного вводом советских войск в Чехословакию, стадион был в полном порядке. Старожилы города хорошо помнят мероприятия, которые постоянно проводились на стадионе и в бассейне.

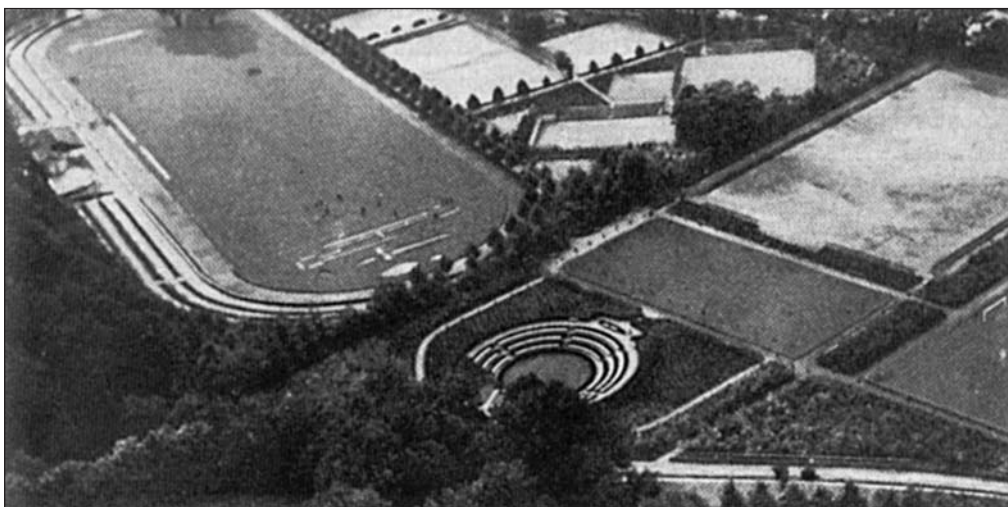
После передачи бассейна городу возникла идея обеспечить оный горячей водой и построить помещения для спортсменов. Для этой цели был подготовлен хороший проект, но начинанию не суждено было сбыться – сегодня мы можем воочию убедиться, что из себя представляет это строительство.

Кроме бассейна, у инстербуржцев были еще две возможности заняться плаванием. В 1924 году была открыта летняя купальня на берегу Ангерапп в районе стадиона, если идти по левому берегу в сторону «Горбатого» моста. Купальня была оборудована лодочной станцией, вышкой, горкой и рестораном. Вторая городская купальня расположилась недалеко от мостов на реке Ангерапп. Жители города знают это место под названием «Белая стенка».

В Инстербурге имелся еще один стадион – «Пруссия». Находился он в конце теперешней улицы Пушкина с правой стороны. Стадион располагался всего на двух гектарах, но это позволило разместить на его площади два футбольных поля, гаревую дорожку (400м), ресторан, здание клуба и душевые. Сейчас на этом поле растет картошка, а на гаревой дорожке делают забеги козы и коровы.

Спортивная жизнь города, однако, не ограничивалась рамками стадиона. В Инстербурге имелся сильный гребной клуб, неоднократно выступавший на больших соревнованиях. В районе «водопада» находился спортивный клуб, в котором хранились байдарки, каноэ и другие лодки. Союз воздухоплавания «Старая Пруссия» располагался на теперешнем аэродроме, а клуб планеристов – в здании сегодняшнего «Водоканала». Полеты планеристов проводились с высот, находившихся возле поселка Ангерлинде (ныне пос. им.Мичурина).

Старейший спортивный клуб города по велоспорту «Адлер» (нем. «Орел») был основан в 1887 году. Участники этого клуба проводили свои соревнования на стадионе и организо-

Инстербургский стадион. Аэрофотосъемка.

вывали шоссейные гонки. Нельзя не упомянуть и о клубе конькобежцев, основанном в 1875 году. Когда выпадала хорошая морозная зима, этим видом спорта занимались на Гавенском пруду в городском парке. Там же на берегу было построено деревянное здание для членов клуба.

Таким образом, в городе Инстербурге успешно действовали следующие спортивные клубы и союзы:

1. Гребной клуб.
2. Теннисный клуб.
3. Клуб лыжников.
4. Женский спортивный клуб.
5. Клуб планеристов.
6. Клуб конькобежцев.
7. Клуб бокса.
8. Союз пловцов.
9. Три гимнастических союза.
10. Три футбольных клуба.
11. Два велосипедных клуба.
12. Клуб игроков в поло.

Основным же видом спорта в Инстербурге был конный. Именно ипподром сделал город известным во всей Европе. Отрадно, что традиции

продолжаются в наше время в виде соревнований на кубок мира «Вольво». К сожалению, ипподрома у нас до сих пор нет, а на месте старого – чистое поле. Лучшей площадки для его строительства трудно было найти. Прежний ипподром – ландшафтный, примыкал к стадиону, однако был отделен от него железной дорогой. Излучина реки Анграпп делала его положение особенно живописным. Почва в этом месте «лежит» на толстой гравийной подушке, что не позволяет грунту раскисать во время дождя. Ипподром был построен по инициативе подполковника Эриха Вельки и считался одним из лучших сооружений такого рода в Европе. На ипподроме находились две трибуны, ресторан, бронзовая статуя лошади тракененской породы «Констанция». Ближе к стадиону, за железной дорогой, располагалось имение Вельки, в котором нашла себе место конноспортивная школа. На этом наше повествование о спортивной жизни Инстербурга можно закончить и сделать соответствующие выводы.

Футбольное поле стадиона в Инстербурге.

Инстербург. Городской парк в Долине стрелков.

ПАРКИ ИНСТЕРБУРГА

Если посмотреть на наш город с высоты птичьего полета, то можно увидеть, что центр города с северо-востока прикрывает долина реки Ангерапп, а с запада – долина речушки Чернуппе. Правда, эта долина известна горожанам больше как городской парк.

Когда-то давно, когда пришли на это место рыцари Немецкого ордена, долины рек Ангерапп и Чернуппе представляли собой непроходимые леса. Решив поставить здесь свою крепость, рыцари выбрали место на высоком холме при слиянии этих рек. Это была необходимость, так как вокруг крепости должен был быть ров с водой. Для этой цели запрудили Чернуппе, возведя дамбу (сейчас это ул. Партизанская). Там же поставили водяную мельницу. Так образовался Замковый пруд. Позже построили еще одну мельницу выше по течению, образовав Мельничный пруд (сейчас его называют «Лётчицкое озеро»). Во

времена рыцарей в этих прудах разводили рыбу, а использовали воду как питьевую вплоть до конца прошлого века, когда в строй ввели водопровод и канализацию (1899).

23 февраля 1660 года вышло постановление об организации в долине Чернуппе стрельбища. С тех пор она получила название «Долина стрелков». В 1843 году была основана гильдия стрелков. Стрельбы проводились на западной стороне Лебединого пруда (в 60-х годах был засыпан после того, как один пьяный там утонул, хотя до этого в пруду купались дети; позднее там была построена летняя эстрада).

Ежегодные стрельбы открывались костюмированным шествием через весь город. К радости народа, они продолжались три дня. Для оркестра и зрителей были построены террасы.

На прудах Замковом и Гавенском (по обе стороны моста на ул. Калининградской) плавали лодки.

При наступлении темноты загорались гирлянды из ламп. В 1862 году был построен деревянный дом гильдии стрелков. В 1880 году построено каменное здание, известное нам как Дом офицеров.

После Первой мировой войны, в 1917 году, в Инстербурге была основана городская служба паркового хозяйства. Возглавлял эту службу директор Хуго Кауфман. К 1925 году было закончено строительство ипподрома, стадиона и кладбища (в конце теперешней улицы Гагарина).

Началась перестройка городского парка. Русло речки Чернуппе было выправлено по возможности. Через него были перекинута бетонные мостики, соединившие две части города. Большого труда людей потребовала очистка и перепланировка Замкового и Гавенского прудов. Первый был немного уменьшен и получил более округлую форму. На берегах были построены променады с лесенками и детская площадка для игр. Второе получило форму, напоминающую гитару. Оба они соединились каналом со шлюзом, над которым был построен новый мост на Кенигсбергер штрассе (ныне мост на ул.Калининградской).

На берегу Гавенского пруда был построен павильон конькобежного спорта. На высоком берегу Чернуппе был поставлен памятник «Мать Германия» (около территории ЮЭС). Внизу, напротив, у лестницы, которая вела к рынку, был поставлен памятник бургомистру Корну.

С октября 1931 года городское парковое хозяйство возглавил главный садовник города Вальтер Фрич. Контора хозяйства располагалась на Камсвикер Вег (сейчас контора благоустройства на ул.Гагарина) рядом с новым кладбищем. Там же была оранжерея, где были собраны растения со всего света, в том числе орхидеи, пальмы и другие, которые не могли жить в нашем

климате. Там же были построены небольшой зоосад и аквариумы. Главным «аттракционом» Вальтера Фрича была большая плантация тутовых деревьев, на которых было разведено около 40000 коконов шелкопряда, из которых, как известно, делают шелк. За эту работу Фрич получил памятную медаль из янтаря на Восточной выставке в Кенигсберге.

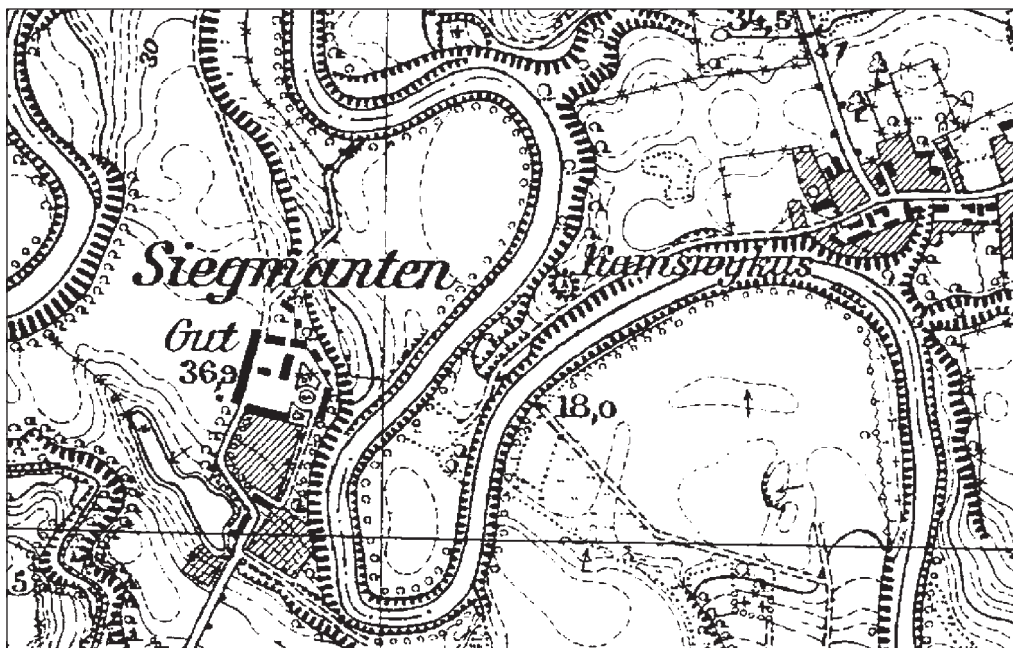
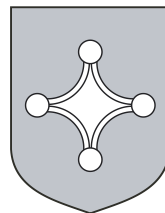
В подчинении главного садовника находились все парки, скверы города и посадка деревьев (всего 6300 штук), руководство оранжерей (800кв.м только под стеклом), 10 лошадей, зоосад, 4 кладбища, бассейн, 2 купальни, стадион и садовый театр, всего же около 400 садов.

В ежедневную заботу Вальтера Фрича также входили:

1. Парковая зона Штраухмюле (Мельничный пруд) и городской лес (за свалкой) – 34га.
2. Главное кладбище (ул.22 января) – 5,1га.
3. Ипподром – 44га.
4. Сад камней (был и такой) – 4,1га.
5. Сад на Иммельманштрассе (ныне ул.Гоголя) – 12,3га.
6. Сад в Шприндте – 8,6га.
7. Кладбище в Шприндте – 11,8га.
8. Кладбище героев (на ул.Чапаева, ныне восстановленное) – 0,6га.
9. Место для парадов за «Горбатым» мостом – 3,5га.
10. 21 площадка для детских игр – 2,9га.
11. 5 школьных садов – 0,6га.

Все это обслуживали 2 техника, 5 управляющих, 1 садовый мастер, 5 старших садовников, 4 смотрителя на купальнях, а также 146 садовников и подсобных рабочих.

Все это было – да быльем поросло. В прямом и переносном смысле.

КАМСВИКУС – ТИМОФЕЕВКА

Если ехать из Черняховска по так называемому «старому» Гусевскому шоссе через поселок Кирова (Шприндт), то в нескольких километрах от города стоит указатель – «Тимофеевка» (нем. Таммовишкен). Проехав через посёлок, упираемся в небольшую гору, которая перегораживает самое узкое место полуострова, который здесь делает река Анграпа (Ангерапп). Это и есть место, где когда-то стояла прусская крепость Камсвикус.

Археологические находки доказывают, что здесь было поселение бронзового века. Правда, стены, сходящие к реке, исчезли, но все-таки основную крепость можно еще узнать по лицевому валу дли-

ной 50 метров со рвом и отделенному еще одним рвом форбургу. Проложенная в XIX веке на восточном конце дорога разрезает замковую гору таким образом, что бывшие строения видны как бы одно над другим.

Прусская крепость Камсвикус располагалась в самом центре прусской земли Надровия и являлась сильнейшей крепостью народа надрувов.

Впервые братья Немецкого ордена пришли в Надровию в 1256 году под командованием комтура Кенигсберга Бурхарда фон Гернхаузена и захватили языческую крепость Унзетрапис (Unsätapis). Есть предположение, что в этом походе принимал участие король Богемии От-

Городище Камсвикус в XIV в. Реконструкция. Рисунок А.Н. Смирнова.

токарь II Пржемыслович, внук кайзера (императора) Фридриха Барбароссы, который считается официальным основателем Кенигсберга. Следуя логике братьев Немецкого ордена, на месте разрушенной крепости должны были поставить сторожевой пост (Wildhäuser).

Следующий военный поход в Надровию был организован в 1273 году под командованием фогта Замланда Дитриха фон Лиделау, следовавшего по рекам Прегель, Анрегапш и Инстер. В этом походе была захвачена и сожжена крепость Надровии на горе Камсвикус под названием «Саминис Вике», в переводе «Каменное жилище».

Следующий поход состоялся в 1274 году под командованием брата Конрада из Тирберга, магистра Немецкого ордена.

Вот что говорит об этом походе Марциан Мариниус в книге «Хроника магистров прусских», изданной в Торне в 1582 году: «Затем, после захвата прусского укрепления Каттенава (также Отолихия, ныне пос.Фурмановка Гусевского района), повернув от него на юго-запад,

магистр с большим войском прошел по земле Надровии с огнем и мечом и, придя к замку Каминис Вике, стоявшему на реке Арса, разместив, как полагается, все необходимое для штурма, он пошел на замок. С обеих сторон многие были ранены, а в вышеупомянутом замке было 200 храбрых воинов. Наконец, после долгого сражения, братья стремительно ворвались и, убив всех мужчин, взяв в плен женщин и детей и захватив огромную добычу, самый замок целиком сожгли».

После основания крепости Инстербург в 1336 году Немецкий орден понял выгодное положение Камсвикуса и основал в 1371 году на месте разрушенной крепости «Haus Tammow» («Дом Таммов»), что превратило его в выдвинутый форпост против литовцев. Возможно, там был Pflieger (настоятель). Во всяком случае, в хронике упоминается сообщение от пфлегера Таммове Иоханна Шенфельда о захвате литовцами Таммове в том же 1371 году. В 1376 году крепость Таммове была превращена в пепел. После очередного набега литовцев, случившегося в 1381 году, три года спустя построили бо-

лее надежное сооружение. Однако после очередного разрушения в 1409 году оно так и не было восстановлено.

В 400 метрах от крепости в 1384 году была основана деревня Таммовишкен. Но еще раньше, в 1371 году, вместе с крепостью был основан второй церковный приход. Первый церковный приход был основан в Альтхофе (пос. Школьный в г. Черняховске), что подтверждает сообщение летописца Виганда при описании военного похода в «Комментариях об Инстербурге» в 1311 году.

В XIX веке на месте крепости праздновали национальные торжества, по всей видимости литовские (в Инстербурге было общество прусских литовцев). Вплоть до начала Второй мировой войны Камсвикус был излюбленным местом для туристов и любителей загородных прогулок. На довоенных немецких картах Камсвикус был помечен как «Alte Heidenschanze», в переводе «языческое укрепление», которое сыграло важную роль в борьбе против язычников.

Есть еще одно прочтение названия «Каминис Вике». Старопрусское «kampe» соответствует немецкому «Flußinsel» – «речной остров», по-литовски «kamras» – также «речной остров».

Вокруг остатков крепости складывались легенды. Вот одна из них.

«Еще до прихода Ордена здесь возник замок, владелец которого и дал название горе. Об этом Камсвикусе сказание повествует как о жестоком и безжалостном человеке, которого его подданные вспоминали с ужасом. Дошло до того, что он свою собственную жену заковал в кандалы и заживо замуровал в подземелье замка. Однако это сделало его еще злее, еще безжалостнее и преступнее сделалась жизнь в замке, еще злее повел он себя с народом. Это, наконец, вынудило разгневаться богов, которые затопили весь замок водой. Однако властительница, погребенная там в подвалах, не нашла себе покоя. Она была осуждена являться в виде черной коровы. Ее муж в облике черной дикой кошки гнал ее перед собой.

Иные рассказывают, что они сопровождалась черным всадником, который постоянно размахивал над ними бичом. Так могли часто их видеть в полночь мчащимися по лесной чащобе.

Сын Камсвикуса часто защищал людей от гнева своего родителя, однако это стоило ему жизни. В благодарность ему воздвигли памятник. Железный крест, впоследствии найденный и до войны находившийся в кирхе Инстербурга, был изготовлен для этого памятника. Показывали рядом с горой его могилу – камень длиной 25 шагов и шириной 24 шага.

Ночами феи холма купаются в протекающей рядом реке, однако они не дают себя подслушать. Если к ним приблизится человек, они скрываются в горе, где обитают в светлых роскошных палатах».

Эта дошедшая до нас легенда о городище Камсвикус включает в себя весьма разнородную информацию. Первый раздел, повествующий о злом хозяине замка, навеян, скорее всего, событиями, происходившими здесь после захвата Надровии крестоносцами.

Часто Орден предоставлял власть на местах витингам – перешедшим на сторону христиан местным представителям знати. В своем угнетении бывших соплеменников они не знали пределов. Железный крест для памятника сыну Камсвикуса – информация из более позднего времени. Такие надгробия стали сооружать в Пруссии не ранее XVI века. Сказания о феях и мчащихся по лесной глуши в полночь оборотнях – черты позднегерманской мифологии, привнесенной в Восточную Пруссию в начале XIII века переселенцами с запада Германии. Лишь упоминание о том, что феи живут в «роскошных палатах», и данные о расположенном рядом с городищем камне представляют ценность как воспоминания местных жителей о древнем прошлом Каменисвикуса.

Представляет интерес само название городища. «Вик» по-старогермански – «залив», первая часть слова – «каммс» – по-русски означает «овца» (это уже тре-

тья версия. – Автор). Логично для XIV – XVI веков восстановить название городища как «Овечий залив» (река Анграпп здесь делает петлю, ее пойма в паводок заливалась, отсюда и рассказ о затоплении замка). Однако, если учесть то, что городище в VI – XI веках являлось перевалочным пунктом на речных трассах между землями пруссов и ятвягов, логичнее применить к дешифровке его названия лингвистические особенности наименования торговых пунктов эпохи викингов. Используя данные скандинавской лингвистики, характерные для таких археологических объектов, название городища можно перевести как «Торговый пункт», на котором производились либо продавались гребни. Действительно, остатки косторезного производства зафиксированы в культурном слое городища.

В продолжение археологической темы заметим, что в Кенигсберге, в музее исторического общества «Пруссия», были находки из Камсвикуса. Так, 28 мая 1869 года владелец поместья Таммовишкен нашел бронзовое кольцо и одну русскую монету 1775 года. От судьи Барнхайма из Инстербурга в музей поступили фрагменты двух бронзовых фибул и одна бронзовая спираль, одна железная фибула (застежка, пряжка) и каменное веретено, найденное в горелой глине. 22 октября 1875 года Браун, владелец отеля в Инстербурге, передал в музей «Пруссия» бронзовое кольцо, две бронзовые пластинки с выщербленными отделками и две маленькие подвески.

Геннадий Разумный.

МУЗЕЙ ОБЩЕСТВА СТАРИНЫ ЗАМКА ИНСТЕРБУРГ

Давайте мысленно вернемся в те времена, когда в замке Инстербург находился музей, известный в городе и за его пределами как Музей Общества старины.

Флюгер Селедочного трактира.

В него вел отдельный вход, который был сделан специально, для большего удобства, со стороны памятника уланам, через проем в мощной стене замка.

Представим себя посетителями Музея. Вот мы поднимаемся по ступенькам, входим в здание, и нас «приветствует» кайзер Вильгельм I, глядящий со старинного полотна, написанного маслом. Так как Музей располагается на первом этаже (так, по немецким обычаям, именуется второй этаж), мы поднимаемся по массивной лестнице. И вот – первый экспонат, который поражает нас своими размерами: это полутораметровый бивень мамонта, найденный на одном из песчаных карьеров Инстербурга. Далее – попадаем в каменный век: перед нами топоры, рубила,

Оружейный зал Музея Общества старины
в замке Инстербург.

наконечники стрел и даже каменный плуг. Все это из раскопок в окрестностях Инстербурга – таких, как Альтхоф и Шприндт. И все это доказательство того, что город строился на месте, где некогда пруссами было основано древнее поселение под названием Унзетрапис. В первом же зале, посвященном пруссам, находятся этому доказательства. Мы увидим и различные предметы утвари, украшения, найденные в местах захоронений и кремации, увидим и реконструкции этих мест.

Следующий отдел Музея даст нам представление о старой кавалерийской армии – такой, какой она была до Первой мировой войны. Здесь имеются образцы униформы и вооружения почти всех восточнопрусских полков. Здесь также находится и большой, изготовленный из меди герб города, который когда-то был укреплен над входом в ратушу.

Потом мы переходим в отдел, расположенный в помещении капеллы, он посвящен церкви: теперь перед нами изображения святых, деревянные иконы, органные трубы, взятые из старой кирхи Инстербурга и датированные 1650 годом. Здесь собрано немалое число картин на дереве художника Цайгермана, расписавшего Лютеранскую кирху, много церковных хоругвей, старинных молитвенников и псалтирей, есть здесь и одна из двух сохранившихся в Инстербурге Библий Мартина Лютера.

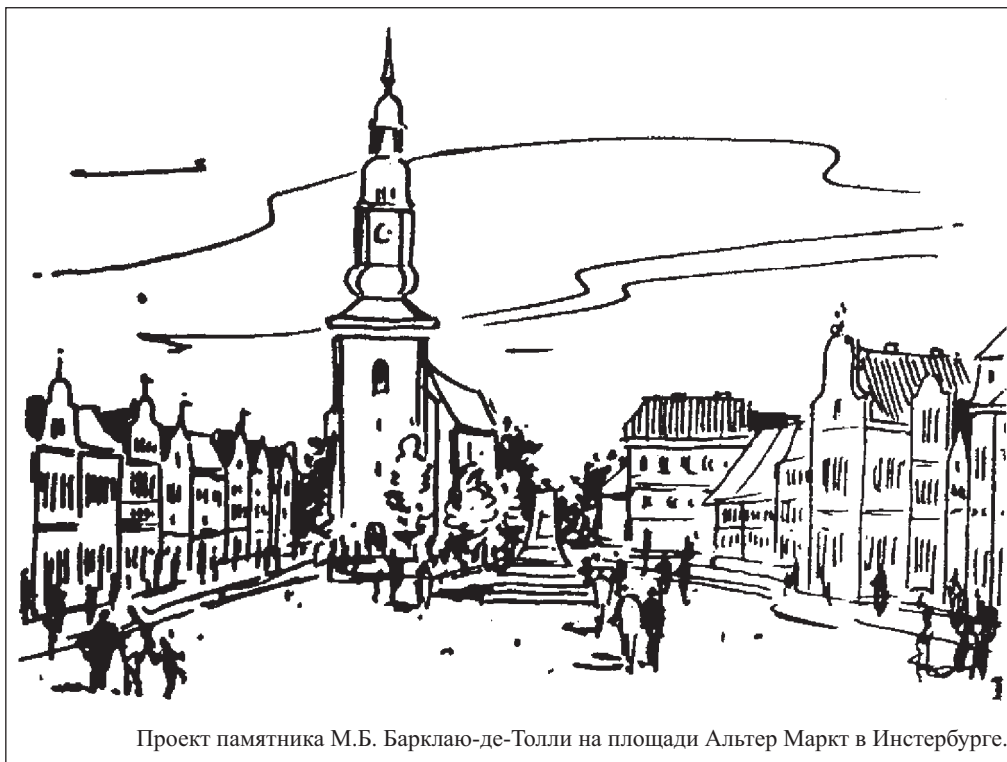
А вот и отдел, который знакомит нас с историей города. Среди многочисленных экспонатов – картины и гравюры с изображениями города и его знаменитых горожан, мебель, напольные и настенные часы, грамоты, печати, свитки, знамена гильдий ремесленников, фамильные книги, чаши, бокалы, ставни.

И наконец мы в последнем отделе, в котором хранится память об обычаях округа Инстербург. Мы видим пары крестьянских костюмов, кресты, деревенскую мебель, домашнюю утварь...

Что же стало с музейными экспонатами?

В 1944 году силами вермахта и под руководством директора Музея Вальтера Гронау и председателя Общества старины Вальтера Грунерта Музей вывозился в Берлин, в Цейххаус. Когда колонны транспорта прибыли на место, то оказалось, что и этот музей эвакуировался. Далее, вероятно, Музей замка Инстербург был перевезен во Фрайбург (в замок). По свидетельствам очевидцев, много ящиков с собой взяли американцы, а потом отдали все на разграбление (еще сегодня на «блошином» рынке можно купить какие-то из музейных предметов). После передачи Фрайбурга Красной Армии музей в его замке был опечатан и в 1951 году передан городу.

Сейчас начался поиск и сбор оставшихся экспонатов Музея замка Инстербург.

Проект памятника М.Б. Барклаю-де-Толли на площади Альтер Маркт в Инстербурге.

ОБЕЛИСК В ЖИЛЯЙТШЕНЕ

В поселке Нагорное (бывший Жилийтшен*, с 1938 года Ландвер), в 8 километрах от Черняховска, несколько в стороне от дороги, на небольшой возвышенности, находится своеобразный памятник – обелиск в память о русском фельдмаршале князе М.Б. Барклае-де-Толли (1761-1818), выдающемся полководце и государственном деятеле.

...25 мая 1818 года. Поместье Жилийтшен. Карета Барклая-де-Толли сделала вынужденную остановку. Михаил Богданович направлялся в Германию на лечение, однако здесь здоровье фельдмаршала сдало окончательно. Он жаловался на сильнейшие боли в груди. Барклая отнесли в ближайший дом, и в этот же вечер он скончался.

В 13-м томе церковных книг регистрации евангелическо-лютеранской общины Георгенбурга (пос.Маевка) отмечено следующее: «Жилийтшен. Блестяще проявивший себя в освободительной бор-

бе Европы русский фельдмаршал князь Барклай-де-Толли умер 25 мая 1818 года по пути в Висбаден, на шестидесятом году жизни, от мочекаменной болезни желчного пузыря и печени»*.

Барон Ф.Ф. Вигель*, совершивший путешествие по европейским странам и пересекший русскую границу 11 мая 1818 года, вспоминал: «Проезжая следующим утром по мосту через Неман, при въезде в Тильзит, взглянул я на место свидания двух императоров, на место, где стоял исторический пост. “Тильзит! при имени его обидном теперь не побледнеет Росс”*, – сказал Пушкин. Пруссаки в это время с нами были отменно услужливы; комиссар советовал нам стараться опередить фельдмаршала (с Барклаем были жена и сын, адъютанты и медики, и шествие его походило на триумфальное), дав свежих, хороших лошадей и записку к соседу своему, комиссару на следующей станции в Остветене, где, по сло-

вам его, Барклай должен был остановиться обедать. Моему нетерпению не было границ, вслух пожелал я, чтобы на дороге наш герой умер и чтобы мы проехали по трупу его. Услышав мои преступные желания, Блудов [спутник рассказчика] даже вскрикнул от негодования. В Остветене комиссар наморщился, почесал затылок, но, видно, товарищ его имел над ним большую силу, он тотчас велел нам дать лошадей. Одной мили [?] не доезжая до города Инстербурга, на левой стороне дороги, увидели мы небольшую мызу и на дворе ее множество карет. Мы заключили из этого, что, верно, больной остановился тут отдохнуть.

Мы намерены были до свету выехать из Инстербурга, но возможно ли это с дамами? Пока, одеваясь, мы пили чай, пришли нам сказать, что фельдмаршал в эту ночь, на виденной нами мызе, скончался и что посланный оттуда приехал заказывать гроб. Меня как по коже подрало: вместо радости почувствовал я угрызения совести, точно как будто желанием своим я уморил его. Однако

Памятник М.Б. Барклаю-де-Толли в пос. Нагорное.

же карета была у подъезда: мы не римские католики и, пожелав добродетельному еретику царствия небесного, пустились в дорогу».

Прусский король Фридрих Вильгельм III отреагировал на эту смерть мгновенно. Он выслал в Жилийтшен почетный караул, и пруссаки сопроводили гроб с телом Барклая до самой русской границы.

На месте смерти М.Б. Барклая-де-Толли на деньги короля Фридриха Вильгельма III был сооружен четырехметровый памятник, который сохранился до наших дней. Автор его — знаменитый немецкий архитектор и художник Карл Фридрих Шинкель.

На обелиске две надписи, на немецком и русском языках: «Достоинному полководцу, проложившему себе стезю славы мужеством и храбростью во многих боях и ознаменовавшемся победами, предводительствуя союзными войсками в войне, освободившей народы в 1813, 1814, 1815 годах».

Прежде чем поставить памятник, нужно было преодолеть некоторые трудности. Владелец имения потребовал за место под обелиск 2 тысячи талеров; такое количество денег не желал тратить бережливый король. Тогда свои услуги предложили жители Инстербурга; они хотели установить памятник на Альтер Маркт (сейчас пл.Ленина). (Проект размещения памятника на площади можно найти в книге «Сокровищница», вышедшей в 1950 году.) Но владелец имения передумал и согласился на сумму 215 талеров 12 с половиной серебряных монет.

Во время Первой мировой войны русская сторона планировала в 1914 году большой праздник у обелиска в память о Барклае-де-Толли (Инстербург с 24 августа по 11 сентября 1914 года был главной штаб-квартирой 1-й русской армии). Но это не удалось осуществить из-за поражения армии генерала Самсонова на Мазурах.

ПОРТРЕТ КАНТА ИЗ ИНСТЕРБУРГА

В Музее краеведения в Инстербурге с 1937 года находился небольшой портрет великого философа Иммануила Канта (1724—1804), написанный маслом. По данным доктора Вальтера Грунерта, написал этот портрет француз Хоратс [Орас] Верне (1789—1863). По другой версии, автором этой картины может быть его отец Чарльз [Шарль] Фредерик Верне (1758—1836). Эта маленькая картина спасена и сегодня висит в одном из помещений Геттингенского университета имени Георга-Августа. До того как она попала туда, картина совершила настоящее путешествие, полное приключений.

Много лет картина находилась в руках одной семьи из Восточной Пруссии. Последним владельцем ее был житель Инстербурга прокурор Берцио. Когда он в 1937 году умер, портрет попал в Музей краеведения Инстербурга и был выставлен в главном зале.

В конце Второй мировой войны, зимой 1944—1945 годов, началась «одиссея» маленькой картины.

Слово Вальтеру Грунерту.

«Когда весной 1944 года в Инстербурге началась нелегальная эвакуация (запрещенная руководством), из многочисленной и ценной коллекции Музея удалось спасти незначительную часть (затем она все равно исчезла). Тогда наш руководитель Музея, Вальтер Гронау, который на короткое время был освобожден от службы для работы в Музее, извлек портрет Канта из рамки и спрятал его в записную книжку. В конце войны господин Гронау участвовал в военных событиях, хотя у него после Первой мировой войны был всего один глаз, и под Прагой попал в плен. Русские произвели обыск пленных и выбросили содержимое его карманов. Один солдат его спросил: «Кто изображен на картине?» Гронау, который немного знал по-польски, сказал: «Дядя». На это русский ответил: «Старый дядя! Можете сохранить».

После страшных недель пребывания в лагере Аушвиц Гронау вскоре был освобожден, попал через Силезию, Бранденбург и Мекленбург в Гольштейн и так спас картину. Там он ее передал профессору Ля Бауме, так как его собственное будущее было еще не определено. Когда мы встретились через некоторое время, профессор Ля Бауме предложил передать портрет Канта в Геттингенское общество друзей Канта. Это произошло в 1949 году. Общество друзей Канта выставило картину в кабинете ректора университета Георга-Августа.

В 1962 году я решил навести справки о дальнейшей судьбе портрета Канта из Инстербурга и тут же получил от ректора Геттингенского университета, профессора доктора Норберта Кампа ответ следующего содержания: «...Портрет Канта из Инстербурга, как и раньше, находится в служебной комнате ректора университета и привлекает внимание многочисленных посетителей университета».

По моей настоятельной просьбе господин ректор разрешил сделать фотографию портрета, по которой можно явно увидеть следы поспешного извлечения картины из ее первоначальной рамки. В надписи под картиной указано на то, что речь идет о временном хранении картины, принадлежащей Музею краеведения Инстербурга.

Мы, жители Инстербурга, обязаны Геттингенскому университету и его ректору за достойное хранение портрета Великого мудреца нашей Родины».

Перевел и подготовил к печати статью Герхарда Килия (Gerhard Kiehl), опубликованную в журнале «Insterburger Brief» (1984, №3/4, март-апрель), Геннадий Разумный.

ИНСТЕРБУРГ

Район и город в провинции Восточная Пруссия, округ Гумбиннен, 73760 жителей (35977 мужчин, 37783 женщин), 1 город, 240 крестьянских общин, 92 поместья.

Город Инстербург, 90 км восточнее Кёнигсберга на реке Ангерапп и Инстер, при слиянии – река Прегель. На ж/д Кёнигсберг – Эйдткунен, Торн – Инстербург (301,2 км), Инстербург – Мемель (146,1 км), пригородная ж/д Инстербург – Лик (118,8 км). В городе городская (узкоколейная) ж/д, районное начальство, окружной суд (высший суд в Кёнигсберге) с 6 судами 1-й инстанции (Даркемен, Гольдап, Гумбиннен, Инстербург, Пилькаллен, Шталлупёнен). Военное интендантство, торговая палата, Имперский банк, командование 37-й кавалерийской бригадой и окружное военное командование. В 1895 году 23544 жителей (11617 мужчин, 11927

женщин), в том числе католиков 438 и евреев 325. В городском гарнизоне 3 батальона пехоты 147-го полка, штаб и 2-й, 5-й эскадроны Литовского полка уланов №12, штаб и 1-й, 2-й, 4-й батальоны полевой артиллерии полка принца Августа Прусского. Почтамт 1-го класса с телеграфом, ж/д почтамт с двумя отделениями и телеграфом. Две евангелистские кирхи, один замок, одна королевская гимназия, реальная гимназия, высшая женская школа, среднее профессиональное училище, провинциальная исправительная тюрьма, знаменитый конный завод, сельскохозяйственная станция, стрелковое общество, значительная торговля зерном, льном и сельхозпродуктами.

Инстербургский замок построен в 1336 году Немецким орденом. В 1583 году получил звание города.

(Энциклопедия «Брокгауз», 1896 год.)

МЕСЯЦ В ШТАБЕ

Воспоминания русского офицера

Автор воспоминаний, Петр Александрович Аккерман, – офицер, перед Первой мировой войной прокурор Виленского окружного суда. В 1914 году добровольцем отправился на фронт, участвовал в боевых действиях в Восточной Пруссии, находясь в штабе генерала Ренненкампа. Вел дневник, в котором описаны боевые действия русской армии в районе Эйткунена, Шталлупенена, Гумбиннена, Инстербурга, Тильзита, Гольдапа, а также быт местных жителей, их отношения с русскими военными.

13 августа двинулся наш обоз. Ночи на 14-е и 15-е, уже в Инстербурге, куда мы приехали в автомобилях, пришлось провести по-походному. Первое впечатление от Инстербурга было трагического свойства. Отступая спешно за город, немцы сожгли мосты по дороге Гумбиннен – Инстербург; это обстоятельство задержало командующего в пути, так как только при нем саперы окончили наведение временного моста, по которому первыми и пошли наши автомобили. Кроме того, в самом Инстербурге немцами были испорчены водокачка, весьма сложного устройства, и электрическая станция.

Штаб командующего разместился в обширном здании гостиницы «Дессауэр Хоф». Съели сквернейший обед и запили его хоть немецким, но на вкус весьма плохим пивом, после чего я пошел бродить по городу. Очень красиво и благоустроено, масса зелени. Отличные постройки; особенно ласкает глаз масса изящнейших особняков по улице, на которой мы живем. Кое-какие магазины открыты; цены не дешевые, но многие купцы, видимо, выехали. Вообще, город кажется будто вымершим, хотя чувствуется, что это только извне. За наглухо спущенными шторами и даже железными решетчатыми жалюзи есть жизнь. Удивительно свойство наших солдат приспособляться. Обойдя несколько улиц, я повернул к гостинице и, не доходя дома два-три, увидел следующую сцену: у ворот одного из особ-

няков стояли две женщины и с ними, оживленно разговаривая, наш солдат; на руках у него хохотал маленький, лет трех, типичный немчик, которого солдат то и дело подбрасывал кверху. Я подумал, что, верно, из немцев, но, подойдя вплотную, убедился в том, что солдат знает по-немецки только слово «gut», которое и повторяет на все лады. Засыпая вечером, решил с завтрашнего дня записывать все впечатления, по мере возможности, ежедневно.

15 августа. Накануне генерал Ренненкампа, сильно рассерженный отсутствием воды и света, приказал назначенному военной властью губернатором города местному жителю доктору Бирфройнду – фамилия удивительная – принять экстренные меры, чтобы было и то и другое. Вместе с тем последовало распоряжение коменданту, штабс-ротмистру С-ву, наобласти за тем, чтобы на следующий день, т.е. сегодня, попытаться привести в действие городскую водокачку. Должно быть, приказание было строгое и сопровождалось действительными угрозами, ибо губернатор очень засуетился. Утром сегодня шли разговоры, что в городе нашлись рабочие-специалисты – техники, и даже два инженера. Все это было положено генералу, после чего комендант в сопровождении губернатора, инженеров, рабочих и двух-трех нижних чинов отправились на водокачку. Я, получив приказание съездить в Вержболово к дежурному генералу, который еще оставался там с частью штаба, пошел в

Железнодорожный мост близ Инстербурга, взорванный в годы Первой мировой войны.

автомобильную роту потребовать себе машину. Прошло около часу, пока я отыскал и дошел до помещения роты, как вдруг слышу звук не то взрыва, не то близкого орудийного выстрела. Возвращаюсь домой и первого, кого вижу, – ординарца графа Р-ра, на котором, замечаю, положительно лица нет. Узнаю от него, что на водокачке произошел взрыв, коим убито семь немцев, наш доброволец, только что приехавший на войну, и тяжело ранены часовой и штабс-ротмистр С-в.

17 августа. Мы остаемся в Инстербурге. И, быть может, не так уж скоро покинем этот крайне неприятный город. Особенно угнетающе действует все то же отсутствие воды и света.

На следующий же или через день после нашего водворения в гостинице я, выйдя из комнаты утром в коридор, заметил, к крайнему своему удивлению, наличие женской прислуги. Пройдя вниз, я убедился в том, что ее немало. Итак, по остроумной ли инициативе хозяина нашей гостиницы или, быть может, по указанию кого-либо из специалистов в женском вопросе – по-

явилось некоторое количество девиц, исключительно молоденьких, и все весьма милостивы. Я думаю, не буду далек от истины, если скажу, что как горничные они были очень плохи, и почти убежден, что такого рода службу им пришлось нести впервые. Вернее, их взяли по набору и с выбором из различных мастерских: белошвейных, от портных и т.п. Ведь этого рода работа, вероятно, почти прекратилась в городе. Непосредственно вслед за появлением этого элемента по всему зданию гостиницы пошли разговоры: пикантно-фривольный обмен впечатлениями и изложение разных ощущений в устах одних и слово осуждения у других. Нет надобности говорить, я думаю, что штабные остались при денщиках, а услугами горничных, и притом самыми разнообразными, пользовалась исключительно свита генерала, как говорили, не только низшие – молодые, но и люди более высоких чинов и почтенного возраста. На меня этот новый уклад жизни произвел удручающее впечатление.

Следует сказать еще два слова об отношении к населению, директивах

на этот предмет начальства и отношении населения к нам. Не помню точно, в Вержболове ли еще или уже по приезде в Инстербург, генерал Ренненкампф объявил в широко распространенных прокламациях, что мы воюем не с мирным населением, а с германскими регулярными войсками, почему население приглашается оставаться на местах, предаваться мирному труду, а при желании может переселяться, что всякие обиды, причиненные нашими войсками жителям, будут строго караться, что за все будет уплачиваться и т.п. Приблизительно таково было содержание объявлений. В результате первоначально было покинувшее жилища население стало возвращаться. Той же гуманностью – не знаю только, насколько она в такой мере полезна для успеха во время войны, – отличался генерал и в отношении городского населения. По-немногу пооткрывались в Инстербурге магазины, поприподнялись ранее глухо спущенные шторы на окнах квартир, на улицах появились прохожие. Давно, верно, инстербургские купцы не торговали так бойко. Все бралось нарасхват, и цены были далеко не низкие. Немцы извлекли пользу и для отсутствовавших торговцев. По распоряжению губернатора были открыты магазины без хозяев. Туда посадили продавцов – вероятно, многих из тех, кто служил в них ранее, – и последние торговали под наблюдением городской милиции, взимая цены, установленные, кажется, городом. Видно было, гуляя по городу, что особых лишений или недостатка жители ни в чем не испытывали. Разве только, судя по большим очередям перед входами в сапожные магазины, можно было заключить, что вопрос обуви обстоит не вполне удовлетворительно. Итак, население относительно благоденствовало, а с позиций нет-нет да и привозили слухи о том, что жители широко практикуют шпионаж и всеми мерами оказывают содействие своим. Особенно поражала меня планомерность линий пожаров. Шли усиленные

разговоры, что поджигают со специальной целью указать своим, где и как двигаются наши войска...

18-21 августа. Часов в пять дня 18-го мне было передано распоряжение везти пакеты от штаба.

Автомобиль шел, как по паркету, набирая скорость. Очень хороши немецкие дороги, даже не шоссе, а проселочные: широкие, без рытвин и ухабов, обсаженные деревьями. К слову сказать, немцы или вследствие быстроты отхода либо по недогадке весьма облегчили задачу ориентировки с местностью, почти всюду оставив столбики с дощечками с надписями местностей, городов, местечек и деревень, вплоть до самых мелких. Впрочем, это обстоятельство могло служить на пользу только при одном условии – знания, хотя бы самого элементарного, немецкого языка.

А все-таки с удивительными удобствами, хорошо живут немцы. Как у них все камень к камню, прилажено, обстругано, подчищено. Ширина и распланировка улиц, тротуары, которые свободно могли бы быть под стать нашим столицам, постройки; везде цветники, сады, скверы; перед особняками палисадники с изящными клумбами; все это производит, надо отдать справедливость, очень благоприятное впечатление. В саду лазарета около артиллерийских казарм, обращенного ныне в госпиталь Красного Креста, – все деревья с дощечками, на которых названия видов растений; видно, все это со старанием и любовью садили и за всем следили и ухаживали не менее, чем в специальном ботаническом саду. Немцы были вынуждены и быстро, и весьма для себя неожиданно бросить город. Это доказывается наличием оставленных огромных запасов, притом самых разнообразных: провиантские склады, весьма обширные, полные до верха соломой, сеном, овсом. Каменный уголь на вокзале навален целыми стенами. В нашей, например, гостинице, в одном из номеров, в шкафу на-

шли полный комплект платья офицера-кирасира: пальто, мундиры, рейтузы, фуражки, каски. В казармах разыскали кучи неотосланных писем. В собрании уланского полка успели только, уходя, составить в одну из комнат мебель, сложить картины, посуду. Щит же, например, с массой на нем самого разнообразного оружия, так и остался висеть, украшая одну из стен вестибюля. Свое серебро, в очень большом количестве и весьма, говорили, красивого вида, уланы сдали в местный Восточный банк. Такое вместе с некоторым количеством золота, как я слышал, извлекли, взорвав с этой целью шкафы и хранилища банка, и отправили в Двинск или Ригу.

Сегодня отправился на почту. По дороге встретил командира нашего авиационного отряда штабс-капитана Т. Он излился в сетованиях на наши непорядки и недочеты. На нашем фронте, по его словам, все сто наличных летчиков отказались летать на аппаратах иных, кроме определенных систем, кажется Вуазена и Моран-Сальнье; однако ничего не вышло. Прислали, правда, пять аппаратов желательной конструкции, но с указанием, что летчикам вменяется летать на тех машинах, которые им дают. Третьего дня днем из Инстербурга полетел на разведку доброволец, один из известных наших авиаторов, А. Должен был вернуться к вечеру, но не прилетел. Все, разумеется, очень встревожились. Наконец, вчера, около часу дня, явился, но без аппарата. По его рассказу, ему пришлось с наступлением темноты опуститься где-то верстах в 25 по дороге на Тильзит. В результате он был вынужден ночь провести у аппарата, а утром возвращаться на лошадях: очевидно, не хватило бензина. Но все же по неопытности А. допустил досадную оплошность: не оставил у аппарата стражи и не взял заложников. Когда приехали затем забрать аэроплан, таковой оказался сильно поврежденным. Аэроплан опустился, как оказалось, около или в самой усадьбе

помещика, поляка по национальности, германского подданного. Было приказано снарядить экспедицию, дабы расследовать дело и применить репрессии в отношении виновных, в том числе и помещика, явно враждебно к нам настроенного. Кстати, должен был быть возбужден вопрос о том, чтобы забрать от него рабочих, жителей русской Польши, которые, будучи батраками в имении, с началом военных действий потеряли возможность вернуться домой и обратились с просьбой помочь им уехать. Не обошлось и без комичного. Так, когда А. опустился, сбежались, разумеется, окрестные жители; и особенно бабы проявили к летчику массу внимания: стоговили ужин, наперерыв предлагали ночлег, а одна из них, по выражению штабс-капитана Т., потом ее увидевшего, «сдобная» немка-солдатка – муж был в германской армии, – делала А. весьма недвусмысленные авансы. Когда А. категорически отверг все предложения, касавшиеся разнообразных удобств, и остался при аппарате, женщины искренне удивились. Закончу запись дня изложением факта, достаточно определенно характеризующего отношение к нам населения. Где-то под Инстербургом двое немцев встретили в безлюдном месте нашего сувалкского поляка, если не ошибаюсь, служащего в военно-наемном транспорте. Они его сильно избили, причем палками перебили ноги. Нашли несчастного солдаты совершенно случайно и привезли сюда – в госпиталь.

Дальнейшие впечатления были:ходящие, бесконечные обозы, все время задерживавшие нас в пути, и пыль, пыль без конца.

В Гумбиннене произошла остановка. Говорили, что останемся здесь надолго; может, переночуем даже. Но генералу подали депеши и, прочтя таковые, он приказал двигаться дальше. Мы прибыли в Сталлупенен в 3 часа дня. Ночь здесь, в тылу, прошла спокойно, хотя спали, приняв все меры предосторож-

ности на случай появления неприятельских разъездов, которые, как говорили, уже пробрались довольно близко.

Согласно срочному распоряжению, с темнотой мы выступили из Вержболово. Почувствовалось тут уже совершенно ясно, что наши дела неважны.

По приезде разложили вещи по вагонам уже готового состава поезда командующего, и после этого началось бесцельное шатание от вокзала к пути, на котором стоял наш поезд, и обратно. Грядущее представлялось нам покрытым мраком неизвестности.

РУССКИЕ В ИНСТЕРБУРГЕ

Из воспоминаний Отто Хагена

Несколько недель спустя после убийства австрийского престолонаследника и у нас в Инстербурге стали заметны признаки надвигающейся опасности. События вдруг стали развиваться очень бурно. 2 августа 1914 года колокола наших церквей объявили о мобилизации. Вы спросите, уважаемые читатели, почему колокола церквей? Ну, с древности церковные колокола не только созывали на молитву, но и предупреждали о грозе и буре, звали на помощь на пожаре и в беде, а также на защиту при приближении врага. А мобилизация для нашей пограничной земли была, безусловно, именно таким случаем.

Когда в пятницу, 21 августа, стало заметно угрожающее положение на фронте, через посыльного было срочно созвано собрание депутатов городского представительства, чтобы принять предусмотрительные меры на случай крайней необходимости. Собралась большая часть этого органа и члены магистрата. Однако принятые решения не были выполнены, потому что на следующий день почти все облеченные ответственностью отцы города и большая часть населения, по преимуществу из высших слоев, бежали. Остались общественные советники городского представительства д-р Бирфройнд, Дитц и Кесслер, бывший председатель городского представи-

Доктор Отто Хаген.

тельства советник юстиции Форхе и еще четверо депутатов. Из чиновников и служащих городской администрации остались немногие, а вот пожарная команда почти в полном составе.

В эти дни через наш город в сторону Кенигсберга постоянно тянулись повозки беженцев из приграничных областей, что еще более усиливало страх среди населения. В воскресенье, 23 августа, через город в направлении на запад прошли также и немецкие войска. Затем в понедельник

на улицах воцарилась оглушительная тишина. Отдельные немецкие кавалерийские части скакали галопом то на восток, то на запад. То и дело тишину разрывали выстрелы, потому что тем временем передовые части русских приблизились к городу. Население в испуге укрылось в своих домах. Около полудня русские прошли через город от Гумбинненского шоссе в сторону Кенигсберга.

Я находился в это время с оставшейся частью своей родни на Цигельштрассе, 4, в доме моего дяди Фридриха Мюллера. Там мы собрались вместе ожидать грозящей нам участи. Некоторое время спустя любопытство выманило моего кузена и меня из подвала. Мы прокрались на угол Зирштрассе, которая в то время еще считалась пригородом. Там мы увидели необычный спектакль. Мимо нас прошел бесконечный поток русских войск, конные и пешие части, многие в беспорядке, другие в безупречной униформе и с наилучшим вооружением. Среди них орудия и конные повозки, нагруженные ящиками с боеприпасами и продовольствием. Когда этот бесконечный поток немного поредел, мы с несколькими нашими родственниками пошли к нашему дому на Форштадт, 34, чтобы по возможности уберечь его от разграбления. В течение всей следующей ночи мы сидели у окна в темной комнате и наблюдали за действиями все еще проходивших мимо русских. Несколько раз запертую дверь нашего дома дергали, но силу не применяли.

Как член городской администрации, я на следующее утро поспешил в ратушу. Моим тогдашним рабочим местом была регистратура и в то же время приемная обер-бургомистра. При моем появлении в ратуше уже находились три советника городского представительства и другие граждане, во главе с очень энергичным д-ром Максом Бирфройндом. Они ожидали приказов оккупационных войск.

Парад русских войск в Инстербурге
5 августа 1914 г.

Русские рассматривали Инстербург как ставку своего главнокомандования, ведь в отеле «Дессауэр Хоф» расположились великий князь Николай и генерал Ренненкампф, поэтому они придавали особое значение тому, чтобы в городе царил определенный порядок. Уже 25 августа 1914 года они назначили д-ра Бирфройнда, известного инстербургского врача, губернатором города. Ему помогли общественные советники городского представительства Кесслер и Дитц, а также оставшаяся небольшая часть чиновников и служащих администрации; к последним принадлежал и я. Активную помощь оказывали также советник юстиции Форхе, хозяин типографии и домовладелец Квандель и торговец Ре. Д-р Бирфройнд оборудовал свое рабочее место в кабинете обер-бургомистра. Он сразу же издал все предписания, которые считал необходимыми. С разрешения русских был организован «отряд самообороны», который, разумеется, без оружия,

должен был заботиться о спокойствии и порядке в городе, разделенном на 21 округ. Насколько это было возможно с оставшимися небольшими силами, была налажена работа городской администрации. Нашлось еще несколько специалистов, которые трудились здесь без усталости, потому что работы был непочатый край.

Самой большой заботой поначалу было снабжение населения продуктами питания. Было предписано открыть все магазины, пекарни, мясные лавки, чтобы в продаже были имеющиеся товары, и в определенные часы продажа должна была производиться по нормальным ценам.

Так как русские через несколько дней предоставили в распоряжение убойный скот, то и в этом отношении хотя не было избытка, но не было и особого недостатка. К тому же в садах и на полях были картофель, овощи и фрукты.

Все алкогольные запасы должны были быть уничтожены, чтобы избежать нарушений сухого закона. Продажа алкоголя на разлив была строго запрещена как для русских, так и для немцев. Правда, это предписание не исключало, что почти везде были надежно припрятаны «резервы» ко дню освобождения, как показали дальнейшие события.

Предприятия бежавших владельцев были официально принудительно открыты, и туда были назначены доверенные лица для управления чужим имуществом. Выручку эти доверенные лица должны были сдавать в городскую кассу.

Все требования и распоряжения русской комендатуры передавались д-ру Бирфройнду, который должен был срочно объявлять о них при помощи плакатов и контролировать их выполнение.

Даже после того как прошел первый шок после вступления вражеских войск, когда все оставшиеся жители

в страхе перед грядущим оставались дома, тяжесть этих дней все-таки сильно давила на нас, тем более что не было никакой связи с внешним миром. Были изданы жесткие приказы, грозившие смертью и сожжением города за любое сопротивление или посягательство на жизнь. С 8 часов вечера до 6 часов утра ни одно гражданское лицо не имело права выйти на улицу.

Присутствие обоих оставшихся священников, Ляйдерайтера (Лютеранская церковь) и Куна (Реформатская церковь), во многом способствовало умиротворению населения.

Чтобы обеспечить безопасность русских, потребовали выставить заложников, сначала это были 3 человека, потом их число заметно возросло. Эти заложники жили в ратуше взаперти, менялись каждые 24 часа и гарантировали своей жизнью лояльность населения. Когда предположительно из одного дома был произведен выстрел, 27 августа был издан приказ, что, если еще раз из какого-нибудь дома будет произведен выстрел, этот дом будет сожжен, после следующего выстрела – все дома на этой улице, а после третьего – весь город. Гражданское население должно было сдать все оружие, тот, кого затем застигнут с оружием, должен был быть казнен. В эти дни русскими был расстрелян немецкий старший лесничий, который в униформе, хотя и без оружия, появился в городе. Но об этом мы узнали только несколько недель спустя, когда русские уже ушли.

Чувство постоянной угрозы не покидало население в течение всего времени оккупации. Это даже при том, что русские солдаты вели себя по преимуществу дисциплинированно, после того как несколько мародеров в первые дни были приговорены главнокомандующим к расстрелу. Относительно хорошее поведение вражеских войск объяснялось, вероятно, тем, что в ставке главнокомандующего были

расквартированы только военнослужащие элитных полков.

Невозможно описать в рамках этого сообщения все события того времени. Следует упомянуть только одно потрясшее всех происшествие, которое могло стать для нас катастрофой. Это был несчастный случай при взрыве на городской водопроводной станции в пятницу 28 августа. Так как специалисты этого предприятия тоже бежали из города, оно работало только временами, потому что у откомандированных туда рабочих отсутствовала квалификация. Русские энергично требовали повысить давление воды настолько, чтобы ею можно было в достатке снабжать и верхние этажи отеля «Дессауэр Хоф». Один русский ротмистр явился на водопроводную станцию, выдал себя за специалиста и потребовал запустить дизельный мотор. По его мнению, это нужно было сделать при помощи баллонов с кислородом и углекислотой. Когда же мотор действительно заработал, давление было столь высоко, что произошёл сильный взрыв. Его жертвами стали работавшие на водопроводной станции инстербургские жители: Коссман, Куны (отец и сын), Кюглер, Плускат, Тобен и Валлат. Д-ра Бирфройнда, который тоже находился на водопроводной станции, отбросило взрывом, но, к счастью, он был только незначительно травмирован. Однако русский ротмистр получил тяжелые повреждения. Из-за этого разразился настоящий ад, потому что русские были убеждены, что немцы намеренно повредили станцию и заложили динамит, что и привело к взрыву машин. Генерал фон Ренненкампф, главнокомандующий русских, пришел в ярость, когда ему передали сообщение о несчастном случае. Естественно, он возложил ответственность за это на «проклятых немцев» и угрожал ужасными карательными мерами, если ротмистр умрет от последствий несчастного

случая. Первым делом нужно было выставить 18 заложников. Так что от состояния ротмистра зависела судьба города и его населения. Если бы он умер, население должно было быть расстреляно, а город сожжен. В окружной больнице доктор Арларт прооперировал пострадавшего ротмистра, состояние которого оставалось тем не менее очень серьезным. В это время д-ру Бирфройнду продолжали угрожать последствиями лично для него и для всего города. Наконец состояние ротмистра улучшилось, и чаша сия миновала нас еще раз.

Глубоко трагичным днем было воскресенье 30 августа 1914 года. Именно в этот день гражданских жертв катастрофы на водопроводной станции хоронили на церковном кладбище при участии почти всего инстербургского населения. Суперинтендант Ляйдерайтер произнес поминальную речь. Вечером того же дня в Лютеранской церкви состоялось что-то вроде «народного собрания», которым руководил суперинтендант Ляйдерайтер. На нем выступили оба священника. Д-р Бирфройнд и советник городского представительства Форхе разъяснили положение города. Все сословные различия и все личные интересы должны были отойти в сторону, и лозунгом стало: «Один за всех, и все за одного!»

В последовавшие за этим дни наступила определенная нормализация повседневной жизни. Ежедневно издаваемые приказы оккупационной власти предъявляли высокие требования к гражданской администрации. Нужно было распределять рабочую силу, транспорт и тому подобное.

Угрожающий характер приняли санитарные условия. Водопроводная станция из-за взрыва вышла из строя. Что это означает, когда в разгар летней жары, какая стояла в те дни, выходит из строя водоснабжение города, легко может представить себе каждый. Электричества тоже не было.

При поддержке русских инженеров водопроводную станцию несколько дней спустя вновь удалось запустить, хотя и не на полную мощность. Все-таки это был прогресс, потому что до тех пор приходилось обходиться колодезной или кипяченой речной водой.

5 сентября русские попы отслужили походное богослужение на Старом Рынке. В завершение состоялся парад, который принимали великий князь Николай и генерал Ренненкампф. Из окна ратуши мы могли наблюдать за этим спектаклем во всех подробностях. Хозяин аптекарского и парфюмерно-галантерейного магазина Р. Готтвальд из квартиры над своим магазином сделал несколько снимков этого русского воинского шоу.

Это сообщение, написанное по воспоминаниям, кажется вполне безобидным по сравнению с ужасными событиями конца Второй мировой войны. Трудно передать, однако, какие драматические сцены разыгрывались изо дня в день в кабинетах губернатора в ратуше. Д-р Бирфройнд оставался в ратуше день и ночь в течение всего времени оккупации. В его кабинете царило постоянное оживление. Очень часто появлялись русские офицеры – говорившие по-немецки или с переводчиком – и предъявляли невыполнимые требования, большей частью с определенными угрозами, если их пожелания не будут выполнены. Д-р Бирфройнд не давал себя запугать. В своей известной, грубоватой манере он бесстрашно выступал против таких посетителей. При этом случалось, что он стучал своей дубовой палкой по столу и громко протестовал, а его длинная борода дрожала от возбуждения. Обычно он имел успех, этот язык русские понимали очень хорошо и в большинстве случаев, притихнув, отступали. Однако мы очень часто опасались за жизнь нашего губернатора, когда его

по какому-нибудь делу вызывали к главнокомандующему.

Случались и забавные сцены. Так, однажды к нашему губернатору привели двух «дам», которые неприлично вели себя в моральном отношении. Вначале их крепко отругали, а потом в заключение вытолкали вон несколькими палочными ударами. Можно было бы сказать, что у нас уже так сильно вошло в практику русское «мелкоуголовное право», но в данном случае это было скорее, скажем так, небюрократическое, экономически выгодное решение вопроса.

Так как телефона не было, послания губернатора отправлялись в «Дессауэр Хоф» с посыльным. Много раз туда ходил и я, со смешанным чувством, потому что в верхней части Вильгельмштрассе встречались только русские. Но письмо можно было отдать и часовым у отеля. Впрочем, все, занимавшиеся официальной деятельностью, носили белую нарукавную повязку с русским штампом, так сказать, в качестве явного пропуска, а также для своей защиты.

Приблизительно с 8 сентября среди наших завоевателей стало заметно определенное беспокойство. После того как над Инстербургом пролетел немецкий самолет, вновь появились угрожающие приказы, в которых речь шла только о расстрелах и сожжении. Фабрика Браше действительно была сожжена в наказание за то, что с нее были предположительно произведены револьверные выстрелы. Повсюду русским чудились предательство, саботаж и шпионаж.

Если до тех пор до нас не доходило никаких известий с немецкого фронта, то в последующие дни просочилось несколько сообщений немецкой армии об изменении положения дел, которые население воспринимало с напряженным вниманием и надеждой.

Беспокойство русских росло с каждым часом. Мы заметили также усиленное передвижение войск. После того как уже 10 сентября стала едва слышна отдаленная пушечная канонада, в первой половине дня 11 сентября шум боя заметно усилился, а вместе с ним и нервозность наших завоевателей. Русские части спешили через город в сторону Кенигсберга, чтобы вскоре после этого вновь появиться в обратном направлении.

На следующий день уже можно было говорить о «шуме битвы». Стал слышен артиллерийский и ружейный огонь на окраине города. Когда боевые действия приблизились к городу, улицы полностью опустели, только время от времени проносились в дикой спешке отдельные русские солдаты, будто ища спасительный выход.

Из ратуши мы могли довольно хорошо наблюдать за развитием событий. Опять возник робкий вопрос, пробил ли уже час нашего освобождения или нам предстоит еще трудные времена. После обеда наступила оглушительная тишина, пока вдруг около 5 часов на Рыночной площади не появился первый немецкий уланский патруль.

Мы устремились вниз, а со всех сторон стекались люди, чтобы поприветствовать наших освободителей. Тем временем в город входили все новые немецкие войска. Население ликовало на улицах, звонили колокола, и у каждого было чувство, как будто теперь закончились все беды и даже сама война. После радостного упоения моей первой мыслью было, что нужно ведь вывесить флаг города. Но положение было затруднительное, так как по распоряжению русских флагшток был демонтирован. Так что пришлось достать хранившийся на чердаке ратуши маркшейдерский шест и употребить его не по назначению – как флагшток. На нем укрепили полотнище флага и вывесили через чердачное окно. В ответ на это снизу раздались возгласы ликования.

Между тем стемнело. Уличного освещения не было, но инстербуржцы не могли и не хотели больше ограничиваться комендантским часом. Мы принесли из парфюмерной лавки Гамма свечи и иллюминировали ими окна ратуши. Наш пример оказался заразительным, и вскоре многие окна квартир на Старом Рынке и прилегающих улицах сияли светом мерцающих свечей. Звонили церковные колокола, люди протягивали друг другу руки и обнимались. У многих глаза были мокрыми от слез радости.

Восторг населения возрастал с каждым часом. У каждого в запасе было еще немного продуктов, фрукты и тому подобное, и он отдавал их, чтобы угостить солдат. Как по мановению волшебной палочки вновь появились и «официально уничтоженные» запасы алкоголя, которые солдаты принимали с благодарностью, хотя алкоголь был все еще строго запрещен. В эту ночь никто из граждан не думал о сне, только вымотанные боями солдаты нашли по квартирам заслуженный покой.

Директор гимназии д-р Люке уже в тот же вечер спонтанно сочинил приветственное послание к нашим солдатам. Его начало гласило: «Кто видел сегодня ликование, когда первый немецкий уланский патруль вновь появился на нашем рынке, как все мы протягивали друг другу руки с глубоким, светлым взором, тот не забудет этого никогда в своей жизни!» Послание завершалось словами: «И у нас на востоке в руках у русских вскоре не останется ни клочка немецкой земли!»

Тридцать лет спустя русские опять пришли и оккупировали наш родной город Инстербург. Нас изгнали, а они остались и находятся там до сих пор. Произойдут ли когда-нибудь перемены? Мы не знаем и, наверное, не доживем до этого. Но часто в наших молитвах и снах мы говорим словами Агнес Мигель: «Дай нам бог не суметь забыть то, что мы так любили!»

Отель «Дессауэр Хоф».

Германн Торнер, владелец отеля «Дессауэр Хоф»

ОТЕЛЬ ПЕРЕЖИВАЕТ МИРОВУЮ ИСТОРИЮ

I. РАЗРАЖАЕТСЯ ВОЙНА

Инстербург находится всего в 61 километре от тогдашней русской границы. Целые кварталы казарм, в которых располагались штабы и части всех родов войск, до начала войны придавали ему облик крупного пограничного гарнизона, а русские офицеры в форме из близлежащих пограничных населенных пунктов, делающие покупки в городе, не были чем-то необычным. Вблизи вокзала, в удобном месте, находится и мой отель, построенный в 1911-1912 годах придворным мастером Остерротом, – «Дессауэр Хоф». Я дал ему это название с любезного разрешения герцога Георга Фридриха Анхальт-Дессауского, ввиду того что в непосредственной близости от Инстербурга Анхальтская династия имеет большие

земельные и лесные владения, а мой родной поселок Гросс-Бубайнен со школой и церковью находился в подчинении герцогского казначейства.

Если еще до войны мой отель, в особенности из-за существующей и поныне «Дессауской комнаты», отличался особой традицией, то первые же события войны придали ему историческое значение, потому что в его помещениях командующий русской армией генерал Ренненкампф впервые потерпел провал своего оперативного управления и вместе с ним крупные неудачи своих войск, так значительно превосходивших нас в численном отношении, и в тех же самых помещениях – всего несколько часов спустя – немецкий полководец, генерал фон Гинденбург, в то время уже победитель сражения под Танненбергом, устроил свою штаб-квартиру до окончатель-

ного освобождения Восточной Пруссии от русских войск.

При близости русской границы начало войны, естественно, особенно сказалось на общественной и экономической жизни Инстербурга. Гарнизон выступил на охрану границы еще после объявления об угрозе военной опасности. В провинции, которую трудно было защищать из-за ее географического положения, требовался призыв не только в ополчение 1-го разряда, но и в части ополчения 2-го разряда. Поэтому сразу же после объявления войны в Инстербурге были созданы и расквартированы многочисленные запасные части и новые формирования.

Мне тоже пришлось отпустить под военные знамена своих военнообязанных служащих, хотя именно теперь мой отель был чрезвычайно загружен работой. Решение остаться в Инстербурге далось мне также нелегко. Ведь вскоре после начала войны не только городские власти, выполнявшие при этом, наверное, какое-то распоряжение сверху, уехали из города, но и многие видные граждане и торговцы со своими семьями покинули его бегством. К тому же Инстербург день ото дня заполнялся беженцами из приграничных районов, распространявшими почти невероятные слухи о жестокости русских войск по отношению к незащищенному населению.

Отчетливо слышная пушечная канонада боев под Гумбинненом и постоянно увеличивающееся зарево вечерами в восточной части ясного летнего неба — хорошо различимое с высокой обзорной башни моего отеля — повышали всеобщую растерянность. Когда же в один прекрасный день стало известно, что наш начальник штаба покинул Инстербург, большинство жителей уже ничто больше не удерживало. Все в панике устремились на вокзал, чтобы как можно скорее с любой оказией выбраться из находившейся в опасности провинции.

Впрочем, несколько успокаивало распоряжение командования гарнизона,

в котором говорилось, что в интересах общества и хозяев не закрывать ни дома, ни магазины, так как дома, оставшиеся без присмотра, могут подвергнуться опасности быть разграбленными и разрушенными входящими в город войсками. Было даже четко предписано после отступления немецких войск принимать русских с гостеприимством. Меня это объявление и призыв офицеров штаба I. АК тоже укрепили в решении не покидать Инстербурга и в любом случае сохранить за собой руководство своим отелем. С каждым днем пушечная канонада слышалась все отчетливее, каждый вечер усиливалось непривычное для нас зарево в восточной части неба. В городе постепенно стало тихо. Даже сформированные запасные части с учетом угрожающего городу положения были переведены в Кенигсберг или в рейх. Поток беженцев иссяк.

Городским властям Гумбиннена, в первые же дни войны перебравшимся в Инстербург, в мой отель, пришлось уступить штабу ведущего боевые действия I. АК под командованием генерала фон Франсуа, который конфисковал отель под штаб-квартиру корпуса. Тем самым Инстербург стал зоной боевых действий. В это же время у меня начались трудности с дальнейшим ведением дел в отеле, а именно в хозяйственном отношении. Хотя я и заключил с комендантом штаб-квартиры корпуса соглашение относительно питания, но, так как из стоимости питания высчитывались деньги за проживание, которых мне поначалу никто не платил, у меня начались большие денежные затруднения. Я мог помочь себе только тем, что предлагал офицерам и солдатам штаба, которых должен был кормить, простую домашнюю пищу, которой все были очень довольны.

В пятницу, 21 августа, штаб I. АК также покинул мой отель, а на следующий день Инстербург оставили и последние части немецких войск. Нас ждало неизвестное будущее.

II. РУССКИЕ ИДУТ

После отступления последних немецких войск в моем отеле тоже стало тихо. Указав на неопределенность, с которой мы столкнулись, я предоставил своему персоналу выбор: оставаться и дальше у меня или – пока не поздно – покинуть Инстербург. Это было вечером 22 августа. Все пообещали остаться у меня. Но, когда я утром 23-го, в прекрасное летнее воскресенье, пришел в свои хозяйственные помещения, все как вымерло. На своем предприятии я встретил только старшего официанта Хенчеля (впоследствии директора отеля), одного ученика официанта, девушку-ученицу и моего 16-летнего сына Вилли. Все остальные ночью сбежали. Оставшиеся же пережили у меня все трудное время. Кроме того, в мое распоряжение поступил один мой друг, инстербургский торговец Хасфордт. Он тоже не покинул меня в трудное время и часто с успехом замещал меня. Моим следующим шагом в это воскресенье был визит в магистрат, чтобы забрать предписания. Практикующий врач, советник медицины д-р Бирфройнд, который принял городские дела после отъезда тогдашнего бургомистра, сразу же включил меня и Хасфордта в сформированный им отряд самообороны и назначил нас для охраны части города, примыкающей к вокзалу. Снабженные удостоверением и белой нарукавной повязкой, мы тут же выступили в свой первый разведывательный обход, и тут я убедился, что вымершим выглядит не только мой отель, но и весь город. В первой половине дня в городе еще можно было встретить отдельные немецкие патрули, последний из них ушел, взяв в плен у отеля «Райнишер Хоф» русского кавалериста.

Когда после обеда я стоял перед своим отелем, по улице, ведущей мимо него, обычно такой оживленной, а теперь в мертвой тишине, вдруг подъехал верхом немецкий саперный ефрейтор и попросился на постой, немного позже

подошел немецкий пехотинец. Я принял их обоих, накормил и устроил с тем условием, что завтра утром они отправятся в путь, чтобы догнать свои части и не попасть в плен к русским. Мне пришлось очень четко разъяснить обоим свою позицию, так как, несмотря на свою немецкую униформу, они не доверяли друг другу. Видимо, каждый принимал другого за шпиона.

В понедельник, 24 августа, около 8 часов утра, в город вступили первые казачьи патрули. Держа карабины наизготовку на коленях, они опасливо всматривались в дома в страхе, что в них начнут стрелять. Потом вверх по Гольдапской улице – впоследствии улице Гинденбурга – прошли сомкнутым строем подразделения всех родов войск. Тут мне, к моему ужасу, пришла в голову мысль, что я не убедился, ушли ли уже немецкие солдаты, которых я приютил накануне. Я послал посмотреть, и действительно, они еще мирно спали глубоким сном. Я быстро велел разбудить их и накормить завтраком. Убедившись, что поблизости от отеля пока не видно ни одного русского, я сказал им, чтобы они бежали к железнодорожному туннелю, а потом шли вдоль рельсов в сторону Кенигсберга, там они еще должны были встретить немецкие войска. Они и ушли, но вскоре вернулись, уже в верхней гражданской одежде, и сказали, что не могут выбраться из Инстербурга, так как русские уже входят в город со всех сторон. Они очень просили меня оставить их у себя. Для долгих размышлений времени не было, и я решил рискнуть. Они получили гражданскую одежду; одного, Теодора Винтига, маленького шустрого паренька из Берлина, я определил слугой, другого, Рихарда Вердехофа, – официантом. Ему, чтобы не бросаться в глаза – он был высокого роста и крепкого телосложения, – пришлось занять место за буфетной стойкой. Их униформу спешно собрали и спрятали на участке соседнего машинного това-

Генерал Ренненкампф (второй слева) со своим штабом на обеде в отеле «Дессауэр Хоф».

рищества так, чтобы никто в отеле не заметил, что здесь находятся переодетые немецкие солдаты.

Прошло опять совсем немного времени, и у нас появился первый русский гость. Это был казачий полковник, которому я должен был показать отель. Когда он все осмотрел, то сказал мне по-немецки, чтобы я никого не принимал, потому что в отеле поселится главнокомандование. Ему самому также выделили комнату, он устроился там, заказал хороший обед и игристое вино. Пока я совершал предписанный мне патрульный обход, а Хасфордт оставался один в отеле, вскоре после полковника пришел какой-то казак и хотел проникнуть в отель. Хасфордт, однако, вытолкнул его за дверь и запер ее. Но казак не испугался, а стал изо всей силы ломиться в дверь и грозился, что будет стрелять. Хасфордт в страхе побежал в номер к казачьему полковнику и сообщил ему об этом происшествии. Полковник тотчас устремился вниз, распахнул дверь, ударил казака по лицу так, что тот скатился с лестницы, и приказал проходившему мимо русскому

патрулю тут же арестовать его. На следующее утро он сказал мне только, что тот «больше не ворвется, он уже спит».

Утром 25 августа прибыл квартирмейстер, чтобы подготовить отель для генерала Ренненкампфа и его штаба. Мне пришлось показать ему все комнаты, и он написал на белых дверях синим мелом имена офицеров, которые будут жить в этих номерах. Меня охватила досада оттого, что он испачкал мелом чистые, белые двери номеров и запретил мне туда входить. Этот человек грубо обругал меня и сказал, чтобы я вел себя спокойно, а то он обойдется со мной иначе. Но я не дал себя запугать, а высмеял его. Когда же я затем показал ему так называемую «княжескую комнату», в которой должен был жить генерал Ренненкампф, он спросил меня, нет ли еще лучших комнат. Я опять не сумел скрыть свою досаду и спросил его резким тоном, получали ли они лучшие комнаты в русских отелях. Он ничего не ответил, но посмотрел на меня высокомерным взглядом и только торжественно произнес: «Ренненкампф».

III. РЕННЕНКАМПФ «ОКАЗЫВАЕТ ЧЕСТЬ» ОТЕЛЮ «ДЕССАУЭР ХОФ»

Главкомандование русской армии под руководством генерала Ренненкампа прибыло в Инстербург еще 25 августа и поначалу разместилось в тогда еще существовавшем отеле «Кениглихер Хоф» (впоследствии «Дойче банк»), вероятно, потому, что этот отель был первым, который ему встретился при вступлении в незнакомый город. Но уже через день Ренненкампф перенес штаб-квартиру своей армии в «Дессауэр Хоф». Во второй половине этого дня в автомобиле подъехали штабные офицеры. Комендант штаб-квартиры армии, полковник граф Шувалов, чрезвычайно любезный господин, который прибыл первым, сразу же представился мне и по-немецки попросил меня поприветствовать прибывающих. Я пошел навстречу его пожеланию и сразу же, в соответствии с его просьбой, велел организовать обед на веранде моего отеля для главнокомандующего и его узкого окружения, приблизительно двенадцати офицеров и высших военных чинов. При этом я впервые увидел Ренненкампа. Несмотря на множество незнакомых людей, которые вдруг окружили меня, я сразу же узнал в нем главнокомандующего. Человек плотного телосложения с высоким лбом, пронизывающим взглядом и бросающимися в глаза густыми, длинными усами. Голову он, однако, брил, что во время его пребывания в Инстербурге ежедневно проделывал парикмахер Шрайбер.

Офицеры русского Генерального штаба, которых можно было узнать по аксельбантам, как я понял из их разговоров, были явно удивлены, обнаружив в Инстербурге такой крупный, хорошо оборудованный отель. Их обрадовал также и прекрасный облик города, они называли его городом цветов. Органы, которым было доверено обустройство штаба, быстро и энергично провели переоборудование моего отеля в штаб-квартиру

армии с ее сложным оснащением. Для узкого окружения главнокомандующего была зарезервирована веранда, в «зале Бисмарка» питалась 2-я смена. Большой ресторан остался в качестве буфета. «Дессауская комната» с отдельным входом из вестибюля была оборудована под почту и телеграф. Вход в отель, где впоследствии стоял бюст Гинденбурга, вначале был закрыт, а потом вновь открыт в дополнение к почтовому центру.

Сначала я должен был присутствовать во время еды. Граф Шувалов, прежде чем были расставлены блюда, взял кусок мяса и дал его мне, чтобы убедиться, что еда не отравлена. Ренненкампф при этом следил за мной и бегло спросил по-немецки: «Господин хозяин, как долго, по-вашему, продлится война?»

Я ответил, что война, наверное, продлится не дольше нескольких месяцев. Но он возразил: «Два года я хочу вести войну». Я подумал и сказал, что в это верится с трудом, потому что на это не хватит денег. Ренненкампф возразил кратким, повелительным тоном: «Мы найдем достаточно денег для войны в Германии». Я остался при своем мнении и промолчал. Не мог же я им сказать, что наши немецкие офицеры сказали мне, что вернутся через две недели!

На следующий день, 27 августа, когда все было распределено, в мой отель въехал также великий князь Николай Николаевич. В противоположность генералу Ренненкампу он был худощавым, высоким мужчиной. Великий князь поселился в так называемой «башенной комнате» на 4-м этаже, оборудованной под рабочий кабинет. Были положены большие плиты, так что получился большой стол, на котором размещался обширный картографический материал. Великий князь, к которому все обращались «ваше высочество», жил очень уединенно и много работал. Он почти все время проводил в своей комнате и почти никогда не ходил в ресторан. Еду, которую он получал с русской кухни, он тоже брал наверх, а прислуживал ему

его слуга. Он держался в стороне от всех мероприятий, кроме крупных официальных обедов, которые устраивал Ренненкампф, и выпивал только в обед и вечером по маленькому стакану светлого инстербургского пива, которое, однако, велел записывать на счет Ренненкампфа.

В официальных обедах, которых было множество, кроме великого князя принимали участие и состоявшие при штабе греко-католические священники, представлявшие собой странное исключение со своими длинными волосами, длинными бородами и длинными, толстыми золотыми цепями на шее, на которых висели распятия. Тогда же присутствовали и сестры милосердия, отнесенные к высокородному русскому дворянству.

Поначалу в моем отеле все шло гладко. Обслуживать из-за недостатка квалифицированного персонала было сложно, тем более что отель был занят сверху донизу. Даже в коридорах и вестибюлях располагались часовые и денщики, во дворе, в палатках, жила охрана конюшни, состоявшая из казаков.

Продуктов вначале было достаточно. Одна торговка предложила мне центнер живых угрей, я взял их у нее, чтобы быть готовым к любой неожиданности. Перед приходом русских я приобрел и домашнюю птицу у уезжавших жителей и у людей, которые думали, что не смогут ее больше держать, а также несколько центнеров мяса, которое было помещено в холодильник. После прихода русских содержать холодильник в рабочем состоянии не удалось, потому что в первое время не было электрического тока. Поэтому вскоре запасы покрылись плесенью, и их пришлось выбросить в компостную кучу. Из-за этого у меня было много работы. То же самое произошло с моими прекрасными угрями. Подвоз воды полностью отсутствовал. Вследствие этого протухла вода в рыбном чане, так что угри погибли. Их тоже пришлось выбросить в компост. Единственное, что у меня оставалось, была птица, для ко-

торой имелось достаточно корма. И это оказалось большой удачей, потому что русские очень любили птицу.

О населении города тоже заботились. Русские распорядились, чтобы деревня снабжала продуктами еженедельные базары и чтобы все магазины оставались открытыми.

Крестьяне поставляли все, что было возможно, так что в магазинах хватало мяса, птицы и масла, и очень дешево. Русские даже подвозили мясо прямо в отель, так что и мой персонал был накормлен. Несмотря на это русские сообщили, что нужно запастись продуктами, потому что наступит трудное время, а заботиться о населении не их дело. Я также закупил много консервов, которые отдавались больше частью даже ниже закупочной цены. Не было только сахара и копченого окорока.

Работа отеля была теперь в общем и целом отрегулирована. По утрам, в 6 часов, должен был быть готов завтрак, во время которого я должен был присутствовать. Сразу же после завтрака все принимались за работу в кабинетах. На обед все собирались опять, тогда приходилось быстро подавать еду. После этого все исчезали, чтобы вернуться только вечером. Я обслуживал узкое окружение Ренненкампфа, а также буфет, в то время как вторую смену кормила по-русски собственная кухня. Для этой цели кухня была разделена, и семь-восемь русских поваров готовили там еду для второго штаба. Вскоре начались первые трудности. Так как русские хозяйничали в одном помещении с моим кухонным персоналом, они вскоре так подружились с девушками, что это затруднило работу, и обслуживание штаба стало задерживаться. Поэтому я потребовал от русских, чтобы они оставили моих девушек в покое и не отрывали их от работы. Указания, которые я давал повышенным тоном, услышал и Ренненкампф и передал мне, чтобы я успокоился.

Я тотчас пошел к нему и объяснил ему ситуацию, он меня спокойно выслу-

шал. Сразу же после этого один офицер был откомандирован для присмотра на кухню, у него был приказ оставаться там внизу целый день. Этому офицеру, капитану, было не позавидовать из-за его поручения, но, так как он, в общем-то, подерживал порядок, я не раз посылал ему для подкрепления водки или коньяка.

Чистота не была достоинством русских поваров. Они всегда брали только самые лучшие куски мяса, все остальное выбрасывалось. Весь мусор сгребался и выносился во двор. Естественно, там вскоре появлялось зловоние, так что русские потребовали от меня все вывезти. С большим трудом мне удалось добиться от магистрата вывоза отходов раз в два дня.

С оборудованием русские обращались крайне небрежно. Каждый день они разбивали несчетное число стаканов и тарелок. Белье расходовалось в невероятных количествах, скатерти они просто разрывали пополам и повязывали себе как фартуки. Точно так же трудно было со снабжением углем. На мою просьбу русские ответили мне, что он им не нужен. Поэтому мне пришлось самому возить уголь с железной дороги на старой почтовой повозке.

С двенадцатью ординарцами, которые должны были обслуживать вторую смену, у меня тоже начались трудности. Они брали из буфета пиво и водку, а рассчитывались потом вечером. Но поскольку они никогда не хотели платить то, что были должны, начинались споры, и из-за этого я каждый день терпел большие убытки. Поэтому мне пришлось обратиться к интенданту, майору фон Бреверну, который спросил меня, сколько мне должны. Я назвал ему долг за этот день, 4 рубля 20 копеек. Он распорядился записать эту сумму на счет казино, но в то же время сказал, чтобы я больше не приходил к нему с такими требованиями. Ординарцы подслушивали этот разговор за дверью, и следствием было то, что с тех пор они стали обманывать меня еще больше.

IV. ЗАБОТЫ И ОПАСНОСТИ

Мой персонал, как уже упоминалось, ушел, за исключением нескольких верных людей. Конечно, я мог справиться с огромной работой по обслуживанию русских клиентов только с соответствующей помощью. Так, я складывал белье в настоящие горы, потому что не было электричества и воды, чтобы использовать расположенную на пятом этаже отеля прачечную. Мне пришлось искать другой выход и устраивать ее в подвале. Естественно, из-за этого мне нужно было тройное количество персонала. С помощью магистрата я, наконец, получил нужных людей. Но едва это чрезвычайное положение было устранено, как возникли новые трудности.

Русское главнокомандование распорядилось, чтобы с 8 часов вечера до 8 часов утра никто не выходил на улицу. Поэтому мои люди должны были до 8 часов уйти домой, так как в отеле для них не было места, а утром после 8 часов они приходили или, скорее, пытались прийти, потому что цепь часовых, окружавшая «Дессауэр Хоф», не пропускала их. Кроме того, я получил четкий приказ лично сообщить магистрату, что никто не имеет права передвигаться в зоне оцепления вокруг моего отеля. Вследствие этого Хасфордту и мне приходилось следить за тем, чтобы приводить в отель подсобных рабочих, когда они подходили к часовым. Это было возможно, так как работавшие в отеле уже были внешне знакомы часовым. Однако при непрерывной работе в отеле не всегда было возможно вовремя забирать моих людей. Поэтому временно часть людей, иногда до половины, не пропускали через оцепление. Тогда они, конечно, уходили домой.

Это приводило к сбоям в работе, и уже появились жалобы. Я попытался в этих условиях получить пропуска для персонала, и меня направили к личному адъютанту Ренненкампа, полковнику фон Гербелю. По его указанию я подготовил список с точными анкетными дан-

ными соответствующих людей. Затем по распоряжению полковника я передал его ротмистру, которому было приказано подготовить пропуска.

Но, когда я вечером попросил его выдать пропуска на руки, он пожал плечами, провел рукой по горлу и лаконично сказал, что так не пойдет, потому что если что-нибудь случится, ему придется отвечать.

В конце концов, после моей повторной настоятельной просьбы, полковник фон Гербель лично выдал мне четыре удостоверения, которые по мере возможности должны были мне помочь.

Пожеланий у русских всегда было много. Так, после прибытия Ренненкампа ко мне подошел граф Шувалов и сказал, что он хотел бы принять ванну. Поскольку из-за отсутствия воды водопровод вообще не функционировал – вероятно, потому, что в казармах русские солдаты (улань, рейтарские егеря, полевая артиллерия, пулеметные подразделения и пехота) непрерывно лили воду из гидрантов – на верхних этажах было невозможно устроить ванны, мне пришлось ванную для персонала в подвале, которая снабжалась горячей водой с кухонной плиты, оборудовать коврами, покрывалами и креслами, чтобы она соответствовала его пожеланию, а меня оставили в покое. Когда я поставил графа в известность об этом новшестве, он проявил удовольствие, но тут же добавил, что о ванной никто не должен знать, это только для него и полковника фон Гербеля.

Видимо, чтобы выразить свою благодарность, полковник фон Гербель остановил меня на следующий день и сказал, что если у меня будут поводы для жалоб, я должен обратиться к нему, так как всем распоряжается он.

Офицеры штаба часто интересовались моим мнением о войне и тем, воюют ли мои сыновья. Тогда я сказал им правду; вначале они приняли озабоченный вид и сказали, что это нехорошо,

что мои сыновья на войне. Но я сделал вид, будто я убежден, что русские, если Россия выиграет войну и потребует себе Восточную Пруссию, будут справедливо управлять Восточной Пруссией и экономические отношения вновь улучшатся. Это чрезвычайно польстило их тщеславию, и они напомнили мне, что цены, которые я сейчас беру, равнозначны чаевым. У меня было чувство, что они хотят расставить мне ловушку, и поэтому я по возможности избегал таких разговоров. Впоследствии они тоже оставили меня в покое.

К возможности воспользоваться помощью полковника фон Гербеля мне пришлось прибегнуть несколько дней спустя. Главнокомандование русских приказало, чтобы цены на еду и напитки не повышались по сравнению с довоенным временем. Однажды вечером интендант барон фон Бреверн потребовал бенедиктина. Обслуживающий официант, а это был один из переодетых солдат, при расчете потребовал чаевых сверх цены. Барон крайне разозлился, вызвал меня и обвинил в том, что я нарушаю указания главнокомандования. Хотя я и видел его насквозь, но сделал вид, что официант допустил ошибку, и попросил у него извинения. Однако он не хотел ничего слышать и объявил, что извинения ничего не стоят, что предписание нарушено, он оштрафует меня за это на 3000 рублей и, кроме того, меня сошлют в Сибирь. Так как я оставался в неведении относительно того, как обернется дело, я на следующее утро пораньше пошел к полковнику фон Гербелю, которому изложил обстоятельства дела, и попросил его о вмешательстве. Он успокоил меня и сказал, что мне ничего не будет. Ничего и не произошло, а барона, который до этого постоянно подходил ко мне с просьбами, мы в течение нескольких дней не видели. Постепенно я научился обращаться со своими необычными гостями, как с офицерами, так и с командой. По вполне понятным причинам мне приходилось избегать столкновений, к тому же у меня

на предприятии все еще находились оба немецких солдата. Мне казалось целесообразным поддерживать завоевателей моего родного города в хорошем настроении, и это было правильно, как показали дальнейшие события. Так что я часто отступал, даже в тех случаях, когда был не согласен.

О достоинствах немецких вин русские имели слабое представление, они хорошо знали только французские шампанские вина. Зато за сигаретами они гонялись, как черт за грешной душой. Поэтому свои немалые запасы я отнес в свою квартиру на четвертом этаже, сложил их в бельевые корзины и тщательно прикрыл перинами и бельем. Каждый день я относил вниз лишь столько, сколько считал необходимым.

Однажды вечером, уже после закрытия, ко мне пришел офицер из 2-й смены и пожелал купить сигарет, но чтобы я предложил ему выбор из лучших, которые у меня были. Я проверил, что внизу у меня только 3 пачки по 100 штук, которые в то время продавались по 10 пфеннигов за штуку. Я выложил их ему и назвал цену, которая составляла в русских деньгах около 10 рублей – рубль в то время стоил примерно 3 марки.

Он возразил надменным тоном, что в России сигареты стоят 1 пфенниг, и ушел.

Сразу же после этого появился один из русских жандармов, которые охраняли по ночам входную лестницу, и сказал на ломаном немецком: «Вот рубль, дай сигарет». Когда я его спросил, какой сорт и сколько он хочет, он ответил: «Дай сигарет, ты знаешь. Какие ни дашь, любые сойдут».

Я все понял и дал ему 300 сигарет на рубль. Потом я посмотрел ему вслед, чтобы убедиться, что он будет делать с сигаретами. И верно, у лестницы стоял офицер и забрал сигареты.

Но случалось и так, что офицеры, просто чтобы придраться, делали всевозможные упреки. Однажды несколь-

ко офицеров вызвали меня в ресторан и пожаловались, что еда слишком дорогая. У меня на языке вертелись крепкие слова, но я вовремя взял себя в руки и ответил с вежливым поклоном: «Пожалуйста, господа, сами определите цену, я согласен». Они больше ничего не сказали, кроме «добре», а после этого уплатили даже больше, чем еда стоила по моим представлениям!

Однако не всегда все было гладко. При штабе состоял один черкесский вахмистр, настоящий великан. Он был штабным ординарцем и со своими людьми день за днем выезжал лошадей штаба Ренненкампфа. Обычно он был очень обходительным и дружелюбным. Однажды – я пошел в соседнее здание – прибежала девушка и, совершенно запыхавшись, сообщила мне, что русские на чердаке и забирают все белье и перины. Я поспешил обратно в отель и на чердак. Там я встретил черкеса с несколькими солдатами, собиравшими белье и перины. Женщину, которая попыталась им воспрепятствовать, они толкнули на пол, та ревела. Положение было чертовски неприятным. Однако я верно оценил ситуацию. Вначале я накричал на женщину, чтобы она убиралась, а потом сказал черкесу, чтобы он взял то, что хочет. Он не заставил меня повторять дважды. Его люди упаковали все, что смогли, а когда они обнаружили также хранившиеся там запасы лука, то тоже сгребли их в мешки. Между тем я завязал разговор с черкесом и сказал ему, что хотя я и согласился с его образом действий, но если у меня не хватит перин и белья, я не смогу выдать новое белье ни великому князю, ни Ренненкампфу и должен буду сообщить, что он его забрал. Лучше бы ему не нарываться на неприятности, а выпить со мной в ресторане по паре рюмок водки за дальнейшее доброе согласие между нами. Кажется, это его убедило. Он сказал пару слов своим людям, которые после этого оставили все на месте, и спустился со мной вниз. Мы выпили водки, и все утряслось.

Однако черкес, по-видимому, не совсем забыл об этом деле. Несколько дней спустя я услышал на кухне громкие крики. Одна девушка сбежала по лестнице и крикнула мне: «Господин Торнер, черкес украл все телячье жаркое!» Я сразу же послал своего друга Хасфордта на кухню, и точно, черкес засунул телячье жаркое в свой вещмешок. Хасфордт крикнул ему, чтобы он тут же отдал жаркое и убирался из кухни. Однако вместо этого черкес схватился за свой револьвер. Хасфордт тут же подскочил к кухонному столу, схватил лежавший там кухонный нож и пошел на черкеса. Тот, видимо, этого не ожидал. Он опустил револьвер, а Хасфордт одним быстрым движением вырвал у него вещмешок с жарким, схватил за руку и, указывая пальцем на дверь, крикнул «Пошел!» Не говоря ни слова, черкес удалился.

В этот раз Хасфордт спас ситуацию. Но при других обстоятельствах дело чуть не закончилось для него плохо. Както один из русских ординарцев пришел в буфет и потребовал для офицера стакан пива. Хасфордт не отдал его сразу, а потребовал вначале заплатить. Солдат сказал, что у него нет денег, и Хасфордт отказался давать ему пиво без денег. Когда же солдат стал шуметь все больше, Хасфордт, который легко выходил из себя, резко плеснул ему пиво в лицо. Шум достиг своего апогея. В возбуждении Хасфордт швырнул стакан солдату в голову, но не попал, а тот выбежал из ресторана и крикнул, что приведет капитана. Вскоре он вернулся с офицером, которому должен был принести пиво, и указал на Хасфордта.

Капитан закричал на Хасфордта: «Ты, собака, почему не даешь пива?» – и, не дожидаясь ответа, ударил Хасфордта кнутом. Но тот отскочил в сторону, так что удар пришелся по никелированному покрытию буфета. Следы от вплетенной в кнут свинцовой пули остались четко видны на толстом никелированном покрытии буфета. Он ударил несколько раз, правда, ни разу не попал. В этот

момент появился я, подошел к офицеру и совершенно спокойно сказал ему, что произошло недоразумение, потому что, если бы дело дошло до драки, мы бы все пропали. С большим трудом мне удалось успокоить Хасфордта. Капитан тем временем покинул поле боя. Слава богу, что никто не заметил этого происшествия. Но Хасфордт настолько пришел в бешенство, что тотчас же пошел за своим припрятанным револьвером. Он хотел, как прокричал несколько раз, пристрелить капитана, если тот вернется.

Счастье, что сразу же после прихода русских я спрятал наши револьверы в конюшнях домов, находившихся напротив, иначе последствия могли быть непредсказуемыми. Русские как раз вскоре после своего прихода издали приказ сдать все оружие. Мы его не выполнили. Целый воз ружей, среди них прекраснейшие охотничьи ружья, был разбит о кромку тротуара перед отелем. Точно так же и боеприпасы к ружьям были приведены в негодность, порох сметен в кучу, собран в емкость, и в конце концов все вместе было затоплено в Замковом пруду.

Реквизиций со стороны русских я тоже не избежал. У меня была очень хорошая лошадь, вороной шести дюймов в холке, которого я до поры до времени тщательно скрывал. Однажды в мое отсутствие русские все-таки обнаружили его и тут же увели. Узнав об этом по возвращении, я очень энергично запротестовал против этого. Мне было не обойтись без лошади на моем предприятии. Мне возразили, что это дело нужно расследовать. Если лошадь соответствует требованиям, то я получу за нее 300 рублей. В то время это были большие деньги, а так как с деньгами у меня было очень туго, эта сумма была бы мне очень кстати. Но дни проходили один за другим, а о лошади я ничего не слышал. Я вспомнил об обещании графа Шувалова и обратился к нему с просьбой уладить все-таки для меня это дело. Он был, по-видимому, не в настроении и отказал мне со слова-

ми: «Замолчите, вам не нужна лошадь!» Тем дело и закончилось, дальнейшие жалобы ни к чему бы не привели.

Среди русских было несколько очень милых людей, которые могли быть очень обходительными. Там был великий князь Константин, очень полный господин, который часто затевал со мной разговор и больше всего любил хорошую водку. Он держал для себя бутылку «Штайнхегера», которым он понемногу делился только с графом Шуваловым. Время от времени он приглашал на стаканчик меня и моего друга Хасфордта. Когда «Штайнхегер» закончился, великий князь получил «Доорнкат», который пришелся ему не меньше по вкусу. Когда он приходил в ресторан пропустить свой утренний стаканчик, я должен был лично подать ему два бутерброда, которые он съедал с большим удовольствием. Хасфордт, видимо, пришелся ему особенно по нраву. Как-то он спросил его, охотник ли он, наверное, потому, что Хасфордт носил на цепочке своих часов как брелок несколько оленьих клыков. Когда Хасфордт ответил утвердительно, он сказал, чтобы тот сразу же после окончания войны связался с ним, в его владениях бьют на охоте многие немцы. Хасфордт, которому доставило удовольствие не разубеждать старика, сказал, что у него нет большего желания, чем это.

Некоторые из русских офицеров тоже были очень доверчивы. Они рассказывали мне о своих поместьях в России. Один из них, ротмистр Олифир, имел свыше 150000 моргенов земли. Он изучал практическое земледелие под Магдебургом, а потом посещал в Германии многие сельскохозяйственные учебные заведения. В его владениях было много сахарных заводов, и во время уборки свеклы, как он рассказывал, у него работало до 5000 человек.

Они часто приглашали Хасфордта и меня выпить с ними. Затем, придя в хорошее расположение духа, они уверяли, что не виноваты в том, что идет война, и что они только вынужденно ведут войну

с нами. Тогда они почти впадали в меланхолию, обхватывали нас и целовали, что отнюдь не доставляло нам удовольствия. Однажды двое из них даже взяли меня под руки, и мне пришлось пойти с ними показать им город. Я воспользовался первой же возможностью, чтобы отделаться от них, потому что такой вид дружбы вызывал у меня опасения. Ну и, кроме того, я должен был находиться на месте.

V. РУССКИЙ СТРАХ

Непосредственно после того, как Ренненкампф поселился в отеле, все подвальные помещения были самым тщательным образом обследованы офицером и несколькими солдатами. Ревизия, к счастью, не потребовалась, так как не было обнаружено ничего подозрительного. На следующий день, когда в отеле поселился великий князь Николай, ко мне сразу же пришел полковник с пятью солдатами с требованием показать ему подвальные помещения. Я объяснил ему, что накануне все уже было осмотрено. Но он возразил, что должен провести осмотр еще раз.

Между тем, во избежание перебоев при разливе пива, я приобрел у оптовика три баллона с угольной кислотой, поскольку предполагал, что оккупация продлится довольно долго. Баллоны с угольной кислотой я велел поставить сбоку от центрального прохода в подвале. Едва мы спустились в подвал, как полковник увидел баллоны и в ужасе закричал: «Это бомбы!» Солдаты сразу же встали в круг, хотя я и пытался объяснить полковнику природу железных емкостей. Он только кричал в возбуждении: «Убрать, убрать!» Так что моему сыну и ученику официанта пришлось вытащить баллоны с углекислотой. «Бомбы» были вынесены из подвала, мы хотели поставить их на террасу, выходящую на Вильгельмштрассе. Но полковник в страхе приказал сложить их на свободном месте напротив отеля. Потом обыскали весь

подвал до последнего уголка, но, естественно, ничего не нашли. Несмотря на мой протест, после этого прислали офицера с несколькими солдатами, которые с помощью моих людей убрали мнимые бомбы за город, в чистое поле.

Несколько дней спустя мой друг Хасфордт сообщил мне, что углекислота в установке для разлива пива на исходе. Случайно в ресторане присутствовал именно тот полковник, который обнаружил «бомбы». Я подошел к его столу и с вежливым поклоном сказал ему, что у меня закончилась углекислота и мне нужна одна из «бомб», чтобы наливать пиво. В ответ он огляделся по сторонам, потом наклонился мне к уху и тихо прошептал: «Возьмите одну, но я об этом ничего не знаю». Тем не менее какой-то офицер был откомандирован вместе с одним из моих людей осторожно принести «бомбу». Разлив пива был обеспечен. Втихомолку мы, естественно, вволю посмеялись над этим страхом русских перед «бомбами».

В другой раз дело чуть было не закончилось не так весело. После вступления русских в город отказала электростанция, так как никто об этом не позаботился. Поначалу я обходился вставленными в пустые бутылки свечами, которые кое-как давали свет. Наконец электростанцию запустили. На башне отеля был стеклянный купол в цветах дессауской династии. В этом куполе была стосвечевая лампа, выключатель которой находился на верхнем этаже. Русские включили эту лампу, когда еще не было электричества. Вечером, после того как была восстановлена электростанция, поднялся большой шум, все повыскакивали из своих комнат и прибежали ко мне с криком: «Купол, купол горит!» Потом – «Дирижабль, дирижабль!» Я испуганно спросил, что случилось. Наконец во всей этой неразберихе я услышал, что наверху в куполе горит свет, а это сигнал для дирижабля, которого, видимо, все очень боялись. Я успокоил возбужденных людей насколько смог, показал им выключатель

и выключил лампу. Моему сыну с двумя солдатами тут же пришлось перерезать электропроводку. Только после этого буря улеглась, и все опять успокоились.

VI. НОВЫЕ ТРУДНОСТИ

Вскоре после того, как русское главнокомандование поселилось в «Дессауэр Хоф», мне сообщили, что командование войсками считает нежелательными офицерские попойки и я должен это учесть. Я оказался перед большой дилеммой, потому что офицеры потребовали от меня даже того, чтобы их обслуживали дамы. Чтобы избежать бесконечных приставаний по этому поводу, в один прекрасный день я выполнил их пожелание. Дамы как раз приступили к своей работе, когда в ресторане появился Ренненкампф. Они подошли и к нему, чтобы спросить, не желает ли он чего-нибудь. Но едва генерал услышал, что дамы взяли здесь обслуживание на себя, он накричал на них: «Что? Бабское обслуживание? Пошли вон!»

Распоряжение по поводу пьянства офицеров после этого было тотчас ужесточено. Шампанское, которое они особенно любили, с тех пор можно было подавать только в пивных стаканах. Бутылки для маскировки тщательно обворачивались полотенцем. Тем не менее ресторан никогда не закрывался раньше 2-3 часов ночи, потому что некоторые столы были всегда заняты офицерами главнокомандования, которые пили свой «стакан пива» и беседовали. Но и это не нашло одобрения у главнокомандующего. Неоднократно ко мне подходил дежурный офицер с замечанием, что генерал не желает, чтобы ресторан был открыт после 12 часов. Я мог только сказать ему, что это не в моих силах, потому что офицеры меня просто не слушаются. Следует издать приказ, потому что я сам, как и мои люди, чрезвычайно нуждались в отдыхе. Но на это генерал Ренненкампф, судя по всему, так и не смог решиться. Так что все осталось по-прежнему.

Труднее всего было содержать в чистоте туалеты. Водопроводная станция, как и электростанция, несколько дней не работала, и последствия были таковы, что туалеты забились, особенно потому, что денщики офицеров выбрасывали туда всевозможные отходы. Сначала я попытался выйти из положения, привозя воду с вокзала, но и это не помогло. Канализация из-за действий русских забивалась снова и снова, и положение стало невыносимым. Когда я однажды вернулся из города, Хасфордт, считавшийся вторым хозяином, сообщил мне, что адъютант великого князя сказал ему, что если я через два часа не дам воду и не позабочусь о том, чтобы туалеты смывались, я получу 100 палочных ударов. Что тут было делать? Можно было ожидать, что русские не станут бросать слов на ветер. Итак, я тотчас поспешил в магистрат, где застал только советника Дитца вместо доктора Бирфройнда. Я обрисовал ему положение дел и попросил предоставить мне в распоряжение цистерну пожарной команды. Но он объяснил мне, что русские ее уже забрали. Я сказал ему, что не позволю так просто отделаться от меня. Если он бросит меня на произвол судьбы, я сообщу об этом, и тогда будет видно, кто получит эти 100 палочных ударов. После этого он наконец-то дал соответствующее распоряжение. Но чаны для воды, которые я получил, протекали, на середине пути от Анграпы до моего отеля они были уже пусты. Тут мое терпение лопнуло. На свой страх и риск я с парой своих людей реквизировал у пожарной команды большую цистерну, и с помощью чаевых мне удалось вовремя навести порядок и избежать угрожавшего наказания. Наконец и водопроводная станция заработала. Но русские не закрывали воду, а поскольку, кроме того, водопроводная станция работала не на полную мощность, водонапорная башня через каждые несколько часов оказывалась пуста.

Из-за небрежности русских в отеле было много повреждений от воды, так

как офицеры оставляли открытые краны, запирали комнаты, и никто не мог войти, чтобы перекрыть воду. Так, однажды комната Ренненкампа была совершенно затоплена, так что вода потоками стекала вниз по лестнице. Вскоре после этого опять появился старший ординарец великого князя Николая и потребовал от меня позаботиться о том, чтобы в распоряжении «высочества» всегда была свежая вода для мытья. Я сказал ему, что это зависит от водопроводной станции, скорее даже от того, что вода не закрывается и что отель, расположенный на высоком месте, и особенно находящаяся на четвертом этаже комната великого князя снабжаются водой только тогда, когда водонапорная башня полна. После чего ротмистру Сергееву, а через него коменданту города было дано поручение пойти на водопроводную станцию и распорядиться запустить ее на полную мощность, с тем чтобы воды всегда было достаточно.

Комендант города в сопровождении д-ра Бирфройнда и городского советника Кесслера пошел на водопроводную станцию. Угрожая револьвером, он вынудил случайно находившихся там людей, которые совершенно не умели обращаться с машинами, запустить водопроводную станцию. Предостережения д-ра Бирфройнда и городского советника он отгнул, пару раз отмахнувшись рукой. Произошло то, что и должно было произойти: манипуляции людей, не имеющих специальных знаний, с машинами привели к сильному взрыву. Люди у машин погибли. Русский ротмистр был опасно ранен, д-р Бирфройнд и городской советник чудом отделались испугом.

Ренненкампа разбушевался. По его приказу теперь вместо бывших 6 было выставлено 18 заложников. Ренненкампа угрожал расстрелять их, если раненый при взрыве ротмистр умрет. К счастью, его крепкий организм выдержал, и он остался в живых.

На следующий день после взрыва я получил от д-ра Бирфройнда послание:

«Я вменяю вам в непреложную обязанность исполнять все пожелания великого князя Николая и, поскольку из-за тяжелого положения с водой вода не всегда поступает на верхние этажи, переселить его на нижние этажи». Я написал в ответ на это письмо пару строк и передал то и другое графу Шувалову с просьбой побудить великого князя переселиться на 2-й этаж. Граф, по-видимому, несмотря на бурные события предыдущего дня, не утратил спокойствия. Прочитав оба письма, он непочтительно сказал: «Если он так долго спал наверху, то может спать там и дальше», – сунул оба письма в карман и пошел своей дорогой.

Для ремонта туалетов я после своего мрачного опыта знакомства с привычками моих незваных гостей нанял рабочего Ваголя, чтобы он заботился о порядке и чистоте в этих уединенных местах. Ваголь немного говорил по-польски и мог таким образом относительно общаться с русскими. Однако, несмотря на неустанные труды Ваголя, грязь у русских не прекращалась. Туалеты постоянно забивались, потому что туда бросали все что угодно. Ваголь из-за этого приходил в ярость и ужасно ругался крепкими польскими словами. Это было не так опасно из-за шума, который он при этом производил, как из-за нелестных выражений, которые он употреблял и которые русские понимали. Конечно, они над этим добродушно смеялись, но при их непредсказуемой натуре нужно было все-таки постоянно держать себя в руках.

Как-то раз грязи опять было особенно много, и Ваголь в ярости крикнул русским солдатам: «У нас свиньи умеют вести себя лучше, чем у вас господа!» Это разозлило солдат. Они сообщили об этом выражении дежурному офицеру штаба.

К моему удивлению, около полуночи потребовали шляпу и палку Ваголя. Сначала я подумал, что офицеры хотят пошутить. Но я испугался, услышав, что они арестовали Ваголя. Кроме того, они взяли с собой и одну из моих девушек-

учениц, потому что она якобы была свидетелем. Это было тем более опасно, что она знала, что у меня все еще работают двое немецких солдат. Хотя я и предупредил ее, как и весь немецкий персонал, не говорить об этом ни одной живой душе, но кто мог знать, сможет ли она держать язык за зубами при продолжительном допросе. А в допросах русские были изощренными и опытными. Это могло для всех нас плохо кончиться, потому что русские, конечно, предположили бы, что оба солдата скрываются у нас с целью шпионажа или даже планируют покушения.

Весь остаток ночи о сне нечего было и думать. В голову приходило все что угодно. При малейшем шорохе я вскакивал. Но ничего не произошло.

На следующее утро девушка-ученица вернулась. Ее только расспросили, слышала ли она ругань Ваголя. Она не слышала, и ее отпустили домой.

Ваголь больше так и не вернулся. Это значит, что он был сослан в Сибирь и там, наверное, и умер.

В другой раз один из двоих немецких солдат, саперный ефрейтор Вердехоф, архитектор по своей гражданской специальности, чуть не довел нас до куда большей беды. Когда я однажды утром пришел в отель, на веранде царил большое волнение. Несколько штабных офицеров, среди них граф Шувалов, казалось, уже ждали меня. В возбуждении они сообщили мне, что у одного из них с веранды была похищена папка с документами. Я уверенно, хотя и в вежливой форме, отверг возможность подозрения, что преступником мог быть кто-то из моего персонала. Позже, когда русские были отбиты, Вердехоф, ставший опять немецким солдатом, рассказал мне, что он действительно взял папку с документами, так как предполагал, что в ней находится картографический материал. Но в ней оказались только пара газет и незначительные телеграммы. После этого он уничтожил папку, чтобы не оставлять никаких следов.

VII. ОСВОБОЖДЕНИЕ БЛИЗИТСЯ?

Из-за русских мы были почти полностью лишены любой связи с внешним миром. О судьбе Восточной Пруссии мы тоже ничего не знали. То, что русские сообщали в своих победных репортажах на плакатах и тому подобном, даже легковверным казалось сильным преувеличением. Вероятно, чтобы произвести впечатление на население, 5 сентября на Старом Рынке [Альтер Маркт] состоялся парад трех гвардейских полков.

Двум полкам пехоты Ренненкампф приказал пройти маршем и мимо отеля «Дессауэр Хоф». Он устроился со своим штабом на свободном месте напротив отеля, и полки четким строем с оркестром промаршировали мимо него. Ренненкампф каждую роту приветствовал по-особому, словами, которых я не понимал, на что солдаты восторженно кричали в ответ свое «ура!».

Во время этого марша я стоял с Хасфордтом на входе в отель и спросил его, что Ренненкампф прокричал солдатам, на что Хасфордт ответил: «Пруссия разбита! Вперед на Кенигсберг!»

Вскоре после этого всем офицерам было приказано собраться в ресторане отеля, где Ренненкампф зачитал им телеграммы о больших успехах в борьбе с немцами, в ответ на что все разразились восторженными криками «ура!». Мы к этому восторженному митингу отнеслись совершенно спокойно, хотя уже слышали от одного еврейского торговца, что русские проиграли крупное сражение. В то время мы еще не знали, что это была битва под Танненбергом.

Во всяком случае, с 6 по 8 сентября в небе над Инстербургом появились немецкие летчики и сбросили листовки, в которых русским солдатам разъяснялось истинное положение дел. Это, несомненно, произвело впечатление, потому что настроение в штабе с этого дня заметно изменилось. Больше не было видно радостных лиц, не слышно шуток, и

офицеры часто собирались группами и беседовали между собой. В ночь с 9 на 10 сентября, около 3 часов – все спали глубоким сном, – вдруг несколько раз подряд раздался ужасный грохот. Мы быстро накинули одежду и выплянули во двор. Там было полно солдат, которые все кричали: «Дирижабль! Дирижабль!» – и вслепую стреляли в воздух.

Как мне впоследствии рассказал владелец поместья Кезвурм-Пусперн, дирижаблем управлял его племянник. У него было задание сбросить бомбы на «Дессауэр Хоф». Вопрос состоял в том, делать ли это, учитывая, что в отеле находились и немцы. Но эти сомнения были отброшены, ведь в конце концов речь шла о том, чтобы уничтожить Ренненкампфа и Николая с их штабами. Но, так как в отеле было затемнение, дирижабль не смог выполнить свою задачу и поэтому сбросил три бомбы на бараки на территории Эрнстфельда. Вскоре волнение улеглось, и опять наступил покой.

Утром – раньше обычного – все было в оживленном движении. Ординарцы сновали туда-сюда, офицеры раздавали приказы. Как я понял потом, великий князь Николай Николаевич уже уехал. Его слуга не пришел, как обычно по утрам, за завтраком. Вскоре мне передали приказ срочно подготовить счета; штаб Ренненкампфа выступает, но вернется через несколько дней. Я постарался сохранить спокойный вид, чтобы не рисковать всем в последний момент.

Где-то между 9 и 10 часами пришли офицеры и оплатили свои счета, поблагодарив за хороший прием. Я предъявил и свой счет за казино, который составлял 1020 рублей. Но мне было сказано, что касса уже пуста, однако они вернуться через несколько дней и заплатят. Этих денег я так никогда и не увидел! Я воспользовался возможностью обратиться к графу Шувалову и попросить его добиться приказа идущим следом войскам, чтобы мой отель не был разграблен. Граф отослал меня, как всегда любезно, к великому князю Константину.

Я изложил ему свою просьбу, и он уверил меня, что я могу быть спокоен, со мной и моим отелем ничего не случится. Русские сестры милосердия тоже пришли и, несмотря на спешку, в которой происходили сборы, мне пришлось дать им с собой еще и открытки с изображением отеля «Дессауэр Хоф».

Наконец спустился Ренненкампф, судя по всему, в самом отвратительном настроении. Я поздоровался с ним и проводил его до лестницы. Он коротко попрощался со мной словами: «До свидания! Через две недели я вернусь». Он резко повернулся и быстрыми шагами пошел к ожидавшему его автомобилю. Дом стремительно опустел. Оставались только два телефониста.

VIII. РУССКИЕ ОТСТУПАЮТ

Вскоре пришли несколько офицеров и сообщили мне, что отель конфискуют для командира дивизии с его штабом, около 30 офицеров. Отель мигом заполнился, все комнаты были заняты, все по 2 и 3 человека. Отель работал непрерывно день и ночь.

Едва я около 4 часов утра отправился спать, как меня опять разбудили. К моему ужасу, вернулся Ренненкампф со своим штабом. Я вновь увидел всех старых знакомых, кроме Ренненкампфа. Тот сразу же прошел в свою комнату, без лишних слов выставил за дверь офицеров, которые там расположились, и лег спать, в то время как остальные устраивались, кто где мог. Даже, не раздеваясь, на диване в ресторане! Мне пришлось в спешке готовить еду, потому что все вернулись ужасно голодные и к тому же явно изнуренные.

Мы считали, что они были отрезаны от своих, и в волнении обсуждали, что из этого может выйти. Однако наши предположения оказались неверными. В 8 часов утра появился вестовой офицер, который желал срочно обратиться к Ренненкампфу. Между тем ко мне подошел граф Шувалов и

осведомился, оплачен ли уже счет за казино. Я ответил отрицательно. Граф попытался успокоить меня, сказав, что они вскоре вернутся, и тогда я получу деньги. Он не любит таких проволочек. «Однако, – добавил он, – жильё должен оплатить магистрат». Чего, конечно, так и не произошло! Воспитанность графа Шувалова была, правда, единственным явлением, потому что, как я обнаружил после отступления русских, у меня пропало множество серебра. Когда впоследствии поезд великого князя Николая был захвачен в Эйдткунене, многое нашлось: ложки, ножи, вилки и большое количество серебряных блюд со штампом отеля «Дессауэр Хоф». Они большей частью были мне возвращены, точно так же я получил обратно из Гумбиннена различные вещи, которые забрали с собой русские.

Наконец в фойе отеля спустился Ренненкампф и принял донесение вестового офицера. Тотчас было приказано подать машины, и в 9 часов все уехали. Ренненкампф коротко приказал: «На Гольдап!» Там они еще смогли проехать, а в 4 часа пополудни город уже заняли немецкие войска.

IX. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Только что расквартировавшийся дивизионный штаб русских убрался сразу же после этого. 11 сентября дом был опять свободен от русских. Улицы Инстербурга были заполнены спешно отступающими войсками.

Во второй половине дня стала слышна канонада. Мы тут же поднялись на башню отеля и увидели оттуда, как немецкая артиллерия вышла на позицию вблизи деревни Кляйн-Бубайнен и государственного владения Козакен и вела огонь через Гумбинненское шоссе. Там, куда попадали гранаты, русские в панике устремлялись в бегство. В направлении на юго-восток, на Дидлакен, тоже было заметно, как русские стрелковые цепи распадались и отходили

на Инстербург. Пребывание на башне показалось мне нецелесообразным, потому что наши войска, обнаружив нас, вполне могли принять нас за русских наблюдателей. Поэтому мы перешли на восточный фронтон, хотя оттуда было видно намного меньше. Мы еще недолго пробыли на новом наблюдательном посту, как услышали громкие крики «ура!». Я промчался вниз по лестнице и побежал к железнодорожному отелю. Было около 5 часов пополудни. У железнодорожного отеля стоял немецкий офицер с приблизительно 50-60 пленными русскими, с которыми он сразу ушел. Едва эта группа немного отошла, прибежал запыхавшийся русский солдат, сунул мне в руки свое ружье и сломя голову побежал вслед за остальными пленными.

Сообщения берлинских газет и рассказ о том, как русские офицеры, в спешке покидая отель, застряли в лифте, – это сказки. Лифт во время оккупации не работал. Точно так же мало общего с правдой имели огромные сапоги Ренненкампа, выставленные в витрине одного кенигсбергского сапожника. Это был просто завлекающий рекламный трюк. Я как можно скорее отправился обратно в свой отель. Там все уже было забито немецкими войсками. Я велел сразу же подавать все, что имелось на кухне и в подвале. От оплаты я отказался. Но наши объяснили, что они ничего не требуют даром, бросили свои деньги на стол, после того как поели и попили, и ушли. Всю ночь напролет в доме было полно наших солдат в серой полевой форме, на лицах которых светилась радость победы. Наконец-то долгожданное освобождение от русских стало фактом. С 24 августа по 11 сентября нам пришлось жить в оккупации! Энтузиазм, подобного которому мы еще не знали, пронизывал нас и не давал сказать усталости. Мы действительно почувствовали, что значит быть немцами и опять свободными.

Х. ПОД ВЛАСТЬЮ ГИНДЕНБУРГА

Во второй половине дня 12 сентября в отеле появились три немецких офицера и объявили мне, что главнокомандование немецкой 8-й армии под предводительством его превосходительства фон Гинденбурга устроит свою штаб-квартиру в отеле «Дессауэр Хоф». Отель конфискуется, он должен быть тотчас приведен в порядок.

С воодушевлением мы принялись за дело. Срочно было привлечено множество рабочих, в том числе и пленные русские, которые еще 24 часа назад чувствовали себя хозяевами. Для его превосходительства фон Гинденбурга была выделена так называемая «княжеская комната», в которой еще недавно жил Ренненкампф. Она подверглась особо тщательной уборке. Гинденбург пишет в своей книге «Из моей жизни» о своем вступлении в Инстербург 12 сентября 1914 года: «В этот день наше главнокомандование вступает в Инстербург, который с 11-го был опять у нас в руках. Итак, я не только мысленно, но и в действительности прибыл по широкой восточнопрусской полевой дороге, мимо наших победоносно шагающих на восток войск и тянувшихся на запад колонн русских пленных, в бывшую штаб-квартиру Ренненкампа. В только что покинутых помещениях странные следы русской полукультуры. Назойливый запах духов, юфти и сигарет не мог перекрыть вони от прочих вещей».

А дальше я привожу событие, которое наш фельдмаршал пережил здесь годом позже и описывает в своей книге: «Ровно год спустя, в воскресенье, возвращаясь с однодневной охоты, я проезжал через Инстербург. На рыночной площади мою машину завернули обратно, так как там должен был состояться праздник в память об освобождении города от русского бедствия. Мне пришлось сделать крюк. “Sic transit gloria mundi!” Меня не узнали».

Мне сообщили, что в предназначенной для Гинденбурга комнате не горит свет. Я поспешил в магистрат и изложил д-ру Бирфройнду свою просьбу выделить мне людей, которые приведут свет в порядок, но, к моему большому удивлению, получил отказ. Я был в большом затруднении, так как не мог найти никого, кто может привести освещение в порядок, и со смешанным чувством ожидал дальнейших событий, особенно так как хотел представить все освободителю Восточной Пруссии в наилучшем виде.

Приветствуемый бурлящим ликованием населения, освободитель Восточной Пруссии и вместе с ней Инстербурга подъехал и сразу же направился в свою комнату. С наступлением темноты меня позвали к его превосходительству фон Гинденбургу, который желал поговорить со мной.

Он поздоровался со мной в своей любезной манере и спросил меня, почему в его комнате не горит свет. Я описал ему как можно более кратко состояние дел и тут же попросил его отдать приказ, чтобы кто-нибудь с электростанции привел освещение в порядок. По лицу Гинденбурга прошла судорога, и он сказал с явным недовольством: «Что, я должен сражаться за вас, а за это вы заставляете меня сидеть в темноте?» Однако на его лице тут же промелькнула улыбка, и он сказал уже почти у порога: «Через полчаса у меня в комнате со светом будет порядок». Это помогло! Не прошло и полчаса, как появились двое запыхавшихся рабочих с электростанции, и через несколько минут освещение было в порядке.

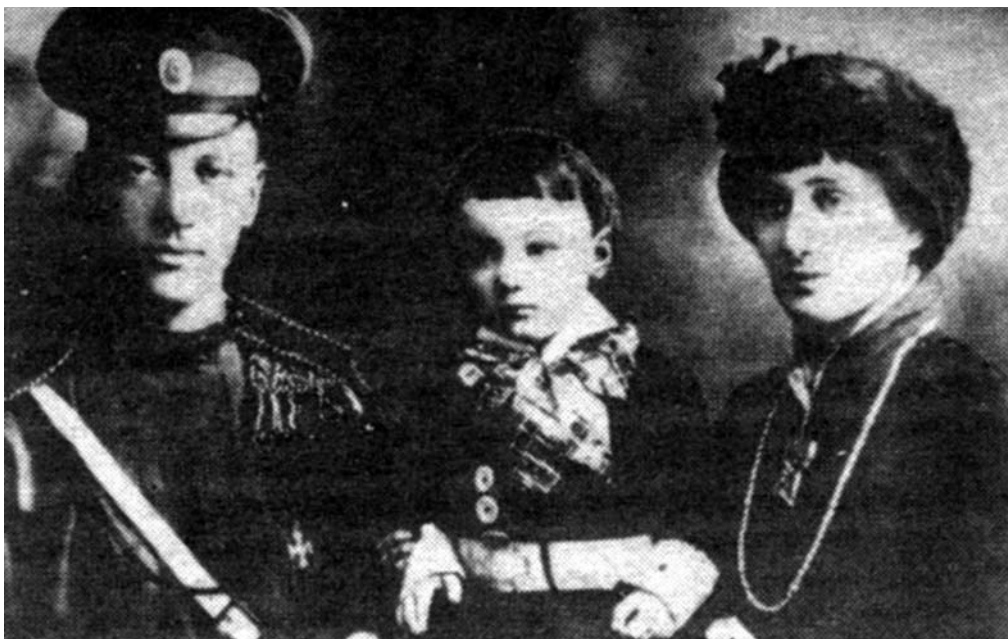
XI. ОПЯТЬ ЦАРИТ ПОРЯДОК

Теперь сразу же был установлен другой порядок. Интендант, ротмистр де ла Круа, сообщил мне, что

главнокомандование берет все на себя. Я с удовольствием объявил о своем согласии, так как все мы были совершенно изнурены после обслуживания русских и рады обрести покой. Поэтому теперь мы готовили только для себя и своего персонала.

Его превосходительство фон Гинденбург питался со своим узким окружением, примерно двадцать человек, в так называемом «кайзеровском зале», впоследствии «зале Бисмарка», в то время как остальной штаб, тридцать-сорок человек, собирался в самом ресторане. «Дессауская комната», при русских оборудованная под почту и телеграф, была переделана в гостиную. Ее убрали коврами и удобными клубными креслами. После ужина Гинденбург и Людендорф со своим тесным окружением и присутствующими гостями отправлялись в этот салон. Обслуживал только один определенный ординарец. Здесь велись и все служебные разговоры. Генерал Людендорф при этом находился в постоянном движении. За час он четыре-пять раз подходил к телефону и часто уходил в бюро, которые размещались в лицее на Маркграфенплатц. Людендорф всегда был чрезвычайно занят и оживлен. Не было ничего, что было бы для него слишком, все равно, днем или ночью. Фельдмаршал жил чрезвычайно просто, и это сказывалось на всей жизни его штаба. Мы тоже видели в нем, его простым образом жизни и его спокойной, четкой манере образец прусского офицера и солдата.

Дни господства русских показались нам кошмаром, дурным сном, о пережитой в котором действительности нам тем не менее снова и снова напоминали не так быстро устранимые следы их «деятельности». Мы вздохнули полной грудью и не хотели никогда больше пережить такое ужасное время.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

На фотоснимках Гумилев часто в армейской форме. Он был русским поэтом, и нет вопроса, почему такой даровитый человек, любимый самой великой женщиной XX века – Анной Ахматовой, очутился на передовой, на позициях против умудренного врага, всего через три с небольшим недели после вступления России в кампанию против агрессивной кайзеровской Германии (последняя объявила войну России 1 августа 1914 года). Россия переходом в наступление спасла в августе 14-го Францию.

24 августа Гумилев зачислен в эскадрон лейб-гвардии уланского полка. Поэт становится добровольцем-разведчиком конного взвода. Он сражался в Восточной Пруссии, под Варшавой, под Гродно, под Владимиром-Волыньским.

Судьба поэта Николая Гумилева оказалась трагичной. Он погиб после войны, на которой не раз рисковал жизнью. С фотографии на нас смотрит не «идеолог империализма», а поэт, на его руках сын, с челкой, глазастый. Рядом – жена, тоже поэт.

Гумилев оставил об этих событиях прозу – «Записки кавалериста», где также речь идет о войне в Восточной Пруссии. Эта часть «Записок...» и предлагается вашему вниманию.

«**П**омню, был свежий солнечный день, когда мы подошли к границе Восточной Пруссии... он навсегда останется в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля... На другой день мы

вошли в разрушенный город, от которого медленно отходили немцы, преследуемые нашим артиллерийским огнем. Хлюпая в черной липкой грязи, мы подошли к реке, границе между государствами, где стояли орудия.

Мы были в Германии.

...Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, рощи, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперед. ...Не это ли и дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?

...Испытал я и шрапнельный огонь. Наш эскадрон занимал В., который ожесточенно обстреливали германцы. Мы стояли на случай их атаки, которой так и не было. Только вплоть до вечера, все время протяжно и не без приятности, пела шрапнель, со стен сыпалась штукатурка да кое-где загорались дома. Мы входили в опустошенные квартиры и кипятили чай. Кто-то даже нашел в подвале на смерть перепуганного жителя, который с величайшей готовностью продал нам недавно зарезанного поросенка. Дом, в котором мы его съели, через полчаса после нашего ухода был продырявлен тяжелым снарядом. Так я научился не бояться артиллерийского огня.

...Предприняли мы однажды разведывательное наступление, перешли на другой берег реки Ш. и двинулись по равнине к далекому лесу. Наша цель была – заставить заговорить артиллерию, и та действительно заговорила. Глухой выстрел, протяжное завывание – и в шагах в ста от нас белеющим облачком лопнула шрапнель. Вторая разорвалась уже в пятидесяти шагах, третья – в двадцати. Было ясно, что какой-нибудь обер-лейтенант, сидя на крыше или на дереве, чтобы корректировать стрельбу, надрывается в телефонную трубку: «Правее, правее!»

...На следующий день противник несколько отошел, и мы снова оказались на другом берегу, на этот раз в роли сторожевого охранения. Трехэтажное кирпичное строение, нелепая постройка средневекового замка и современного доходного дома, было почти

разрушено снарядами. Мы приютились в нижнем этаже на изломанных креслах и кушетках. Сперва было решено не высовываться, чтобы не выдать своего присутствия. Мы смиренно рассматривали тут же найденные немецкие книжки, писали домой письма на открытках с изображением Вильгельма.

Через несколько дней в одно прекрасное, даже не холодное, утро свершилось долгожданное. Эскадронный командир собрал унтер-офицеров и прочел приказ о нашем наступлении по всему фронту. Наступать – всегда радость, но наступать по неприятельской земле – это радость, удесятеренная гордостью, любопытством и каким-то непреложным ощущением победы. Люди молодеватее усаживаются в седлах. Лошади прибавляют шаг.

Справа по три, вытянувшись длинной змеею, мы пустились по белым, обсаженным столетними деревьями дорогам Германии. Жители снимали шапки, женщины с торопливой угодливостью выносили молоко. Но их было мало, большинство бежало, боясь расплаты за преданные заставы, отравленных разведчиков.

Особенно мне запомнился важный старый господин, сидевший перед раскрытым окном большого помещицкого дома.

Он курил сигару, но его брови были нахмурены, пальцы нервно теребили седые усы, и в глазах читалось горестное изумление. Солдаты, проезжая мимо, робко на него взглядывали и шепотом обменивались впечатлениями: «Серьезный барин, наверно, генерал... Ну и вредный, надо быть, когда ругается...»

Вот за лесом послышалась ружейная пальба... Мы поднялись на пригорок и увидели забавное зрелище. На рельсах узкоколейной железной дороги стоял горящий вагон, и из него и неслись эти звуки. Оказалось, он был наполнен патронами для винтовок, немцы в своем отступлении бросили его, а наши подожгли. Мы расхохотались, узнав, в чем дело, но отступающие вра-

ги, наверно, долго и напряженно ломали голову, кто это там храбро сражается с наступающими русскими.

Вскоре навстречу нам стали попадаться партии свежепойманных пленников.

Очень был забавен один прусский улан, все время удивлявшийся, как хорошо ездят наши кавалеристы. Он скакал, объезжая каждый куст, каждую канаву, при спусках замедлял аллюр, наши скакали напрямик и, конечно, легко его поймали... Кстати, многие жители уверяют, что германские кавалеристы не могут сами сесть на лошадь. Например, если в разъезде десять человек, то один сперва подсаживает девятерых, а потом сам садится с забора или пня. Конечно, это легенда, но легенда очень характерная. Я сам видел однажды, как вылетевший из седла германец бросился бежать, вместо того чтобы опять вскочить на лошадь.

Вечерело. Звезды кое-где уже прокололи легкую мглу, и мы, выставив сторожевое охранение, отправились на ночлег. Биваком нам послужила обширная благоустроенная усадьба с сыроварнями, пасекой, образцовыми конюшнями, где стояли очень недурные кони. По двору ходили куры, гуси, в закрытых помещениях мычали коровы, не было только людей, совсем никого, даже скотницы, чтобы дать напиток привязанному животным. Но мы на это не сетовали. Офицеры заняли несколько парадных комнат в доме, нижним чинам досталось все остальное.

Я без труда отвоевал себе отдельную комнату, принадлежавшую, судя по брошенным женским платьям, бульварным романам и слащавым открыткам, какой-нибудь экономке или камеристке, наколов дров, растопил печь и, как был, в шинели, бросился на кровать и сразу заснул. Проснулся уже за полночь от ледящего холода. Печь моя потухла, окно открылось, и я пошел в кухню, мечтая погреться у пылающих углей.

...И в довершение я получил очень ценный практический совет. Чтобы не

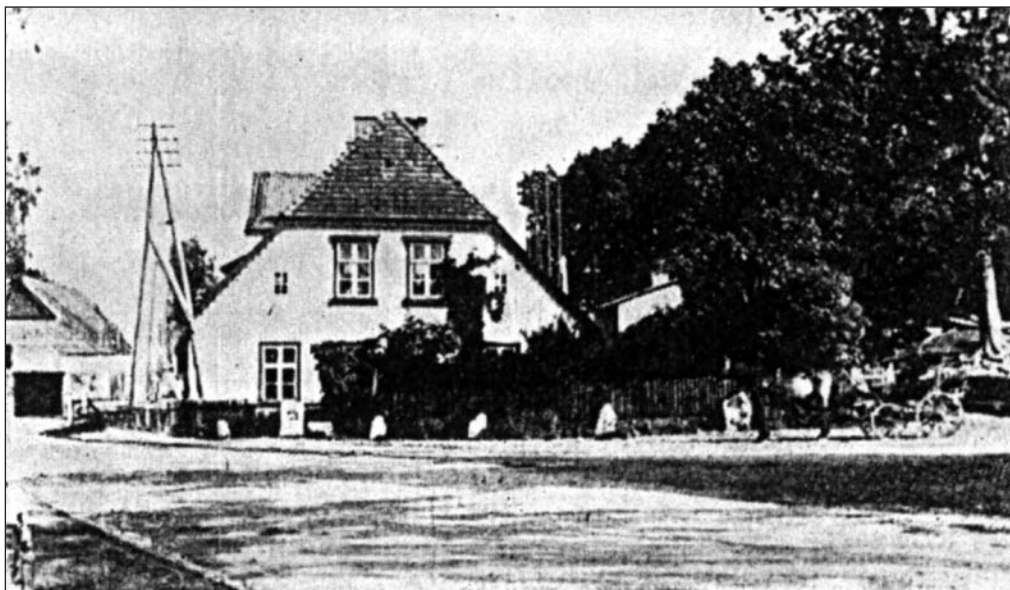
озябнуть, никогда не ложиться в шинели, а только покрываться ею.

На другой день был дозорным. Отряд двигался по шоссе, я ехал полем, шагах в трех от него, причем мне вменялось в обязанность осматривать многочисленные фольварки и деревни, нет ли там немецких солдат или хотя ландштурмистов, то есть попросту мужчин от семнадцати до сорока трех лет. Это было довольно опасно, несколько сложно, но зато увлекательно. В первом же доме я встретил идиотического вида мальчишку, мать уверяла, что ему шестнадцать лет, но ему так же легко могло быть и восемнадцать, и даже двадцать. Все-таки я оставил его, а в следующем доме, когда я пил молоко, пуля впиалась в дверной косяк вершка на два от моей головы.

В доме пастора я нашел лишь служанку-литвинку, говорящую по-польски, она объяснила мне, что хозяева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень меня уговаривала принять участие в его уничтожении. Вообще мне часто приходилось входить в совершенно безлюдные дома, где на плите кипел кофе, на столе лежало начатое вязание, открытая книга; я вспомнил о девочке, зашедшей в дом медведей, и все ждал услышать громкое: «Кто съел мой суп? Кто лежал на моей кровати?»

...Дикие были развалины города Ш. Ни одной живой души. Моя лошадь пугливо вздрагивала, пробираясь по заваленным кирпичами улицам мимо зданий с вывороченными внутренностями, мимо стен с зияющими дырами, мимо крыш, каждую минуту готовых обвалиться. На бесформенной груде обломков виднелась единственная уцелевшая вывеска – «Ресторан». Какое счастье было вырваться опять в простор полей, увидеть деревья, услышать милый запах земли.

...Вечером мы узнали, что наступление будет продолжаться, но наш полк переводят на другой фронт».

НОРКИТТЕН – МЕЖДУРЕЧЬЕ

Здесь когда-то стояли викинги

Там, где река Ауксине впадает в Прегель, началась история поселения Норкиттен. Еще в доисторические времена это место было заселено людьми. Здесь пересекались два торговых пути: в направлении с востока на запад – по судоходному Прегелю, а в южном – по долине реки Ауксине (р.Голубая. – *Прим. ред.*) через Астролицкий лес к солевым источникам при Поннау. В этом лесу был найден сосуд с римскими монетами времен Христа.

На склонах Норкиттена и соседней горы Мангарбен находили не только кремневые топоры и предметы из бронзы, но и вещи, которые свидетельствовали о том, что здесь была стоянка викингов около 800 года от Рождества Христова. На выезде из деревни были найдены меч с набалдашником и две застежки для шали. Викинги останавливались на побережье реки, как об этом свидетельствуют находки. Это место было выбрано для торговли, когда здесь располагалась резиденция прусса Ведна.

Пруссы с удовольствием покупали у людей с Севера хорошее оружие и изящные украшения. Они предоставляли викингам право на торговлю, но не позволяли себя оккупировать.

В 1275 году, почти 300 лет спустя, эта местность была завоевана Немецким орденом под предводительством Конрада фон Тирберга. Оборонительный вал на берегу Ауксине стал резиденцией. После литовских набегов Орден заложил в деревне Норкиттен маленькую крепость – на ее фундаменте позже был возведен замок – и еще один дом на Мангарбене, от которого остались кирпичи орденового стандарта.

За время походов Ордена на восток через деревню прошло множество рыцарей из немецких, французских и английских земель. Вот как сообщает летописец о пребывании Генри Дерби, позднее короля Англии Генриха IV, в 1390 году в Норкиттене: «...Его служащие принесли большую щуку для стола господина».

После 1440 года упоминаются люди свободные и крестьяне. Уже в 1446 году здесь открылся трактир. Из списка тех же лет следует, что в Норкиттене жили 7 свободных людей – это самостоятельные владельцы, которые были обязаны нести военную службу, осуществлять строительство крепостей и платить налоги. Каждый из них имел 4 хакена (1 хакен – 16,5га) земли. Их звали Мертен, Ене, Никлис Штепоне, Вайзуке, Ерге Штоке, Ничше и Мертен Бигутте. Хотя большинство из них называется только по имени, тем не менее очевидно, что зарождаются и фамилии. Еще здесь жили 6 крестьян, которые обрабатывали земли, принадлежавшие рыцарскому Ордену, для себя и платили оброк. Их имена наполовину прусские, наполовину немецкие: Давид, Андрее, Пикко, Ерге, Микеле и Мертен.

После неудачных войн Ордена, которые закончились 2-м Торнским миром 1466 года, Генрих Ройсс фон Плауэн, комтур в Морунгене, своему верному командиру наемников Феликсу Вальдману за его воинские заслуги передал замок Норкиттен рядом с Мангарбен и деревней Свайгрубе, позднее Швегерау (пос. Заовражное). Тогда же была открыта первая церковь, основанная францисканцами из Велау (пос. Знаменск) в 1440 году.

Вальдман оставил после себя вдову Доротею, в девичестве Кайзер. Она владела поместьем до конца своей жизни. В мае 1518 года магистр Ордена Альбрехт дозволил Дитриху фон Шенбергу продать имение или заложить его. Когда новый владелец, фон Мозель, спустя 3 года умер, то на его вдове Барбаре женился секретарь магистра Кристоф Гаттенхофен, получив при этом имение «по состоянию в браке», о чем свидетельствуют документы от 1 октября 1521 года.

Кристоф Гаттенхофен родился в Ансбахе в 1484 году, вместе с герцогом в 1521 году принимал участие в заседании государственного парламента в Нюрнберге, в 1523 году дал толчок к строительству первой мельницы по размолу

древесной массы в Кенигсберге, а также был послом в Данциге. Из-за своей службы он не мог уделять много внимания Норкиттену. Это делал фогт или казначей. После его смерти имение наследовал сын. До 1721 года имение оставалось в фамильном владении Гаттенхофенов.

Не всегда Гаттенхофены жили со своими крестьянами в согласии. Были многочисленные споры по поводу древесины из леса, сбора ягод, лесных яблок и охоты на медведей. В 1578 году главе города Инстербурга было поручено разрешать эти споры, но, поскольку учитывалось дворянское происхождение хозяина имения, чаще тот их и выигрывал. Так, например, спор с трактирщиком закончился тем, что он должен был освободить трактир, потому что без разрешения продавал пиво и скот из Велау. При этом хозяин получил право стрелять под ноги при непослушании. Наказанием для крестьян была конфискация скота и пытка в тюрьме при помощи тисков для пальцев.

Многочисленный род Гаттенхофенов, который породнился со многими прусскими семьями, обнищал в XVIII столетии и прекратил свое существование в 1785 году.

В 1721 году Гаттенхофены разрешили так называемое соискание на свое имущество, и князь Леопольд фон Дессау купил его за 42000 гульденов. С этого начался новый этап в истории деревни. Норкиттен стал частью обширных земель Дессау, которые образцово обрабатывались и внесли огромный вклад в развитие восточнопрусского хозяйства.

Административно Норкиттен принадлежал во времена Ордена к землям Надровии, а после 1525 года стал территориальной единицей города Инстербург. Церковь также подчинялась архисвященнику в Инстербурге. Об облике первого храма ничего не известно. Первого священника звали Лаурениус Вилленберг. Новое здание церкви было завершено в 1600 году. Башня, построенная в 1616 году, выдерживала натиск непогоды

столетие. В 1733 году налетел шторм и бросил ее на крышу церкви, так что вся церковь развалилась и не подлежала восстановлению. Дессау построил новую, в модном тогда стиле, овальной формы в основании. В 1761 году башня была снята и заменена колокольной.

Самой известной семьей пасторов стала семья Иордана, из которой вышел известный писатель Вильгельм Иордан,

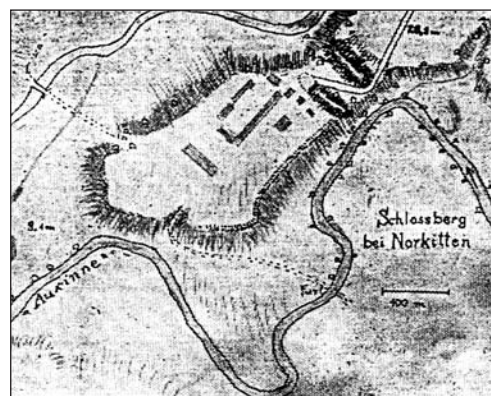
родившийся в Инстербурге. 29 февраля 1908 года в Норкиттене родился Ханс Зимоляйт, художник, окончивший Академию искусств в Кенигсберге.

В 1939 году в поселке насчитывалось 1147 жителей. В Норкиттене были аптека, магазин скобяных товаров, два магазина торговли мануфактурой, гостинный двор, а также фабрика по производству печей, строительная фирма и мельница.

ЗАМКОВАЯ ГОРА У НОРКИТТЕНА

Осенью 1872 года при дренажных работах в непосредственной близости от форверка Шлоссберг, на крутом берегу реки Ауксине (р.Голубая), на глубине 4-5 футов (1,2м) под землей были найдены два нашейных украшения с золотым покрытием, которые также исполняли роль защиты от меча, бронзовый обоюдоострый молоток, длинный острый меч (такой же был найден в 1871 году в Заалау – ныне пос.Каменское), короткий меч (такой же был найден в Лифляндии у Ашраде), два наконечника копья, один из которых отличается тем, что в отверстии ещё находится обугленное дерево и пепел, и наконечник стрелы. Где находятся эти находки – неизвестно. Шейные же украшения хранятся в музее замка города Цербст.

Языческое захоронение располагается по обе стороны дороги, идущей от Мангарбена к северу от Шлоссберга. При вспашке земли здесь были обнаружены черепки посуды, кости, темные лоскуты. Планомерные раскопки дали некоторые разъяснения: есть предположение, что при впадении реки Ауксине в Прегель находилось бывшее поселение викингов. Дело в том, что в Норкиттене еще в 1895 году были най-

Фрагмент карты с обозначением Замковой горы.

дены меч викингов (сломанный) с сохранившимся лезвием длиной 30 см и две черепашки фибулы. Эти предметы пропали во время русской оккупации 1914 года.

Сохранились также и более древние свидетельства торговых отношений, а именно две римские монеты. Также и в лесу Астровишкен, южнее Норкиттена, в 1894 году работники лесничества, производившие земляные работы, примерно на глубине двух штыков на сгнившем дереве нашли две римские монеты: один медный сестерций времени Александра Севера (222-225г. н.э.) и один серебряный динар времени императора Гордиана III (238-244г. н.э.).

ХАНС ЗИМОЛЯЙТ – ХУДОЖНИК ИЗ НОРКИТТЕНА

Будущий художник родился в старейшей семье поселка 29 февраля 1908 года. Его талант к рисованию и черчению выявился уже в детстве. Но родители невысоко ценили «недоходное искусство» художника. Ханс должен был изучить нужную профессию, а именно садовника. Он им стал. И это соединение с природой оказало потом ощутимое влияние на художника.

Выйдя из-под влияния отца, Ханс отправляется в Кёнигсберг, в Академию искусств. Через шесть семестров, в 1931 году, Зимоляйт получил диплом и стал свободным художником.

В известном магазине художественных изделий Тайхерта, рядом с кёнигсбергским Замоквым прудом, у него была первая выставка. Вместе с известными художниками Восточной Пруссии он выставлялся в Зале искусств рядом с башней Врангеля и в зале для коронаций Кёнигсбергского замка.

Во время Второй мировой войны, как и другие, он воевал и по окончании ее попал в лагерь для военнопленных. Освободившись, Зимоляйт поехал в Бремерхафен, портовый город на севере Германии. В здешнем книжном магазине были восхищены его работами и предоставили в его распоряжение витрину для скромной выставки. Так дело пошло дальше.

В Ворпсверде собрались известные художники и создали этой деревушке мировую известность. Ханс Зимоляйт выставлялся вместе с ними. Видное место заняли его картины на большой выставке в Музее рыболовства Бремерхафена. Как член Союза изобразительных искусств Западной Германии Зимоляйт выставлялся в Оранжеере Ганновера, среди картин

было много работ на восточнопруссские мотивы.

Впоследствии художник получил государственные заказы на фрески, мозаику и живописные работы. А такие заказы не получает «первый встречный». Ему же была доверена роспись новой церкви фон Ланген.

На его картинах часто изображена Восточная Пруссия – «Лодки во время штиля», «Пилькоппен на Куршской косе», «Цыганская повозка под дождем».

Вот что говорил о работах Зимоляйта критик одной из газет: «Благоуханные гармонии цветов Японии

могли породить его фантазию. Как грёзы, часто в недвусмысленно тонкой чувствительности, нежно и странно исчезающие в тумане Фата-Морганы, его акварели. Художник становится поэтом. “Гамбургская церковь в ут-

реннем тумане”, “Ландшафт с черемухой” являются доказательством его способностей к акварельной живописи. Хорошо удались работы тушью – “Рыбак на ловле”, “Лодки в Балтийском море”».

ГЕРКУС МОНТЕ

В исторических источниках Геркус Монте упоминается под следующими именами: *Hernikum Monte*, *Henrikus Monte*, *Herkus Monte* и *Henriche der Monte*. Он принадлежал к роду *Montemini* (*Montheminne*), который имел замок Бислейда на берегу реки Безледа (р.Резвая) в 10 км от Багратионовска на польской территории (городище в 2км к юго-западу от пос. Безледы).

Геркус Монте родился в прусском племени натангов примерно в 1220-1230 годах и в древнейших источниках именовался Наттанги Генрикум Монте. Когда крестоносцы захватили его в плен как заложника, то при крещении он получил имя Герникум. В юношеские годы Монте находился в Магдебурге, где обучался вместе с рыцарями. Когда немцы его выпустили на волю, вернулся в родную Натангию.

Когда 20 августа 1260 года началось Великое прусское восстание, Геркус Монте был избран вождем. Применяя приобретенные им в Германии знания военной науки, 22 января 1261 года он разбил крестоносцев при Покарбене (Покарвис, в 2км на юго-восток от более позднего замка Бранденбург, недалеко от замка Лянценберг, где рыцари живьем сожгли приглашенную на «совещание» знать из Вармии и Натангии).

Эта победа вдохновила восставших, и в 1262 году вместе с соседними племенами они осадили Кёнигсберг. Во время штурма Монте был тяжело ранен. Весною 1263 года он руководил походом в Подвислие, захватил город Хелм (Кульм). При возвращении разбил на Любавской земле преследовавшие войска Ордена, при этом погибли великий магистр Гельмерих, маршал Дитрих, 40 рыцарей и много кнехтов.

Под водительством Геркуса Монте большая часть Пруссии была временно освобождена от власти Ордена. В конце восстания Монте действовал с небольшим отрядом в глубине земли Надровия. Летом 1273 года его одного у своей палатки обнаружил отряд комтура из Кристбурга. После пленения Монте был повешен и «для верности» переколот мечом на горе Мангарбис (восточнее современного пос.Междуречье), близ дороги на Заалау (ныне пос.Каменское).

Название горы Мангарбис (Мантгарбис) происходит от слияния слов «Мантас» и «гарбис» (древнепрусское «гора»). Итак, «Мангарбис» – «Гора Мантаса (Монте)».

Такое предположение делается по аналогии: название горы Гланинберг образовано от «Гланас» – имени прусского вождя, казненного на этой горе.

ГЕРКУС МОНТЕ И ХИРШХАЛЬС

Легенда-быль

В один из походов против язычников взяли с собой рыцари однажды юношу-прусса, у которого было больше родственников. Он оказался ловким и отзывчивым, и рыцари обучили его владеть оружием. Более того, они послали его, когда он подрос, на учебу в Магдебург, чтобы воспитать в христианской вере. Его звали Геркус Монте, и был он из благородного прусского рода.

В Магдебурге много сделали для прусского юноши, и больше всех – богатый и предприимчивый господин Хиршхальс, который полюбил его как собственного сына, ни в чем не отказывая. Но Геркусу все-таки пришлось вернуться на родину. Но не для того, чтобы поступить на службу к немецким рыцарям, а чтобы защитить свой угнетенный народ. Он примкнул к прусским воинам и обратил свои силы и знания на борьбу против Ордена*. Когда люди выбрали Геркуса Монте своим вождем, его имя звучало у всех на устах. Пруссы прославляли его за храбрость. Это наводило страх на врагов – братьев Немецкого ордена. Там, где воины Геркуса Монте появлялись, победа была на их стороне, и они наносили большой урон рыцарским войскам.

Орден потеснили со всех сторон, и он вынужден был призвать на помощь в борьбе против язычников рыцарей со всей Европы. В битве при Покарбене Геркус Монте одолел противника. Многие рыцари нашли в этой битве свою смерть, немногие выжили, остатки сдались на милость победителя.

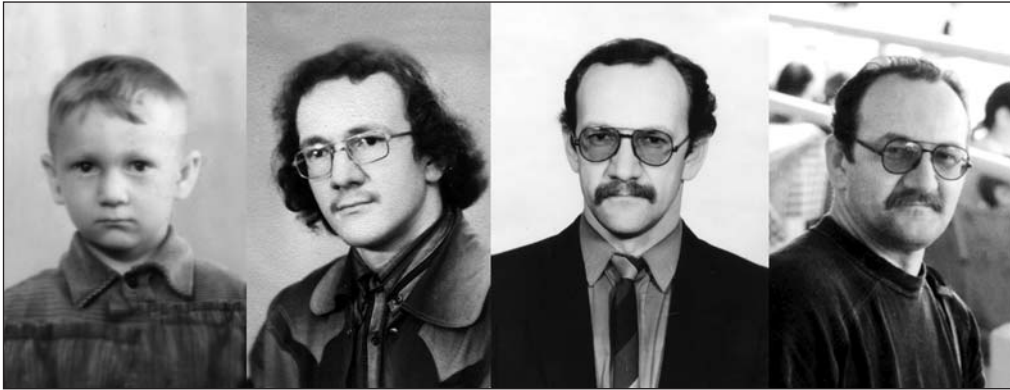
Среди пленных оказался благородный господин Хиршхальс из Магдебурга, в чьем доме жил некогда Геркус Монте и который много сделал для него. Он тоже приехал в Пруссию, чтобы помочь Ордену в его борьбе против язычников. У натангов был старый закон – пленные между собой бросали жребий: кому жить, кому умереть. Смертельный жребий выпал Хиршхальсу. Тут он представился прусскому предводителю его старым другом, надеясь, что тот окажет милость и подарит жизнь. Геркус Монте пожал Хиршхальсу руку и обнял его, так как сердце вождя пруссов и во время войны не стало жестоким. Он вспомнил друга и в благодарность за его добрые дела позволил пленникам еще раз бросить жребий, который вновь пал на Хиршхальса. Когда и в третий раз жребий пал на магдебуржца, Монте объяснил это решением богов.

Тогда Хиршхальс отдался в руки судьбы и сказал: «Если решено, что мне нужно быть убитым, то я не хочу долго упрашивать о пощаде». Боги потребовали жизнь друга, и Геркус Монте ничего не мог сделать для него, но в знак дружбы он позволил сжечь его вместе с оружием и конем.

Со временем победа уходила из рук натангов, их войска были разбиты, а Геркус Монте в конце войны, когда потерял всех преданных ему людей, жил, как беглец, в лесах. Однажды он был пойман рыцарями Ордена. Без суда и следствия они вешали на дубах своих врагов. Таким же было наказание для уличных грабителей...

«И ЭТО ВСЁ О НЁМ...»

Михаил Гусаков

ГЕННАДИЙ РАЗУМНЫЙ. ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО К ДРУГУ

Я встретил Гену Разумного при неожиданных обстоятельствах. В 1992 году В.И. Кулаков уговорил меня провести небольшие раскопки в замке Георгенбург, под Черняховском. Копать вместе со мной должны были местные «любители истории и старины». Это были молодые ребята, некоторые уже закончили истфак Калининградского университета, во главе этой компании стояли Володя Ходюк и Игорь Ерофеев. В конце мая я приехал в город и встретился с ними. Так начались наши трудовые будни. Мы копали за внешней стеной форбурга (предградья), мусору за несколько веков накопилось много, и работы было хоть отбавляй. Буквально на второй день ко мне подошел молодой человек, крепко сложенный, с тонкими усиками, в очках с золотой оправой, с сумкой наперевес. Он отрекомендовался. Это был Геннадий Федорович Разумный, корреспондент местной газеты «Полюс». Через несколько минут разговора я понял, что передо мной стоит незаурядный человек, привлекающий любопытными и оригинальными суждениями. Он выложил мне кипу газет с его статьями и попросил их на досуге прочитать и высказать свое мнение. Замечу, что не часто встречаешь человека, который может отдать, без боязни, свои работы на суд постороннего человека. Я дал согласие. Вечером я вспомнил о них, – правда, в голове ещё продолжал «гудеть» рабочий день. Начал

читать, по привычке перескакивая с абзаца на абзац. Не помню, сколько прошло времени, но я понял, что втянулся в написанное и что написанное мне нравится. Признаюсь, я читатель придирчивый и достаточно искушённый, меня трудно удивить, особенно в области истории. Здесь я – опешил. Всё было точно и безукоризненно сделано. Стал читать всё подряд. Заснул только под утро. На столе лежали прочитанные газеты и гора окурков в пепельнице.

Так с этого дня начались мои долгие разговоры с интересным собеседником, удивительным знатоком истории города Черняховска и Восточной Пруссии – Генной Разумным. Он был моложе меня, но возрастной разницы я не чувствовал. Напротив, было полное ощущение, что это мой коллега или однокашник из «универа», только московского. Надо отдать должное Гене: он обладал личным обаянием и «магнетизмом» и артистизма не был лишен. Он мне рассказывал, что когда-то был большим поклонником театра и много времени проводил за кулисами. Говорил, что и сам поигрывал «на любительском театре», – не знаю, было ли это правдой; возможно, что это была небольшая мистификация, но для меня это не важно. Важно то, что он был человеком увлеченным и увлекающимся. Это замечательные качества, без них нет творчества, и он был неплохим писателем, журналистом и репортером. Его «бесконечная серия»

исторических арабесок в газете «Воскресение» сделала ему имя и принесла успех и признание читателей. Я знаю точно, что его статьи ждали и читали.

Спустя много лет я не удивился, когда он мне предложил участвовать в историко-краеведческом сборнике «Надровия», посвященном истории и людям округа Инстербург. Этому сборнику он отдавал много сил, и именно он стал его последним детищем. Когда-то я с удивлением узнал, что у него не было специального исторического образования, – но какое это имеет значение? Он был настоящим историком и блестяще знал не только историю города Инстербурга, но и историю Восточной Пруссии. То, что он знал историю города досконально, я убедился в наших «путешествиях» по городу. Наши походы были сродни путешествию Джойса по Дублину, описанному в знаменитом «Улиссе», только моим Улиссом был не ирландский писатель Джойс, а Геннадий Разумный. Он водил меня от центра к окраинам и от окраин к центру, в руках у нас были пивные бутылки, и мы «колесили» по городу, обсуждая историю и архитектурные стили. У меня было ощущение, что он знает историю каждого дома, при этом все сопровождалось показом старых довоенных фотографий. Правда, были в его фототеке и фото «постарше», но они из дома не выносились из-за своей ветхости. Я никогда не забуду эти походы. Не скрою, что его любовь к городу передалась и мне. С той поры я привык к тому, что, приезжая в Черняховск, просто хожу без всякой цели и вспоминаю прошлое. И не только свое, но и города.

Сейчас, спустя более чем четырнадцать лет, трудно припомнить что-то «особенно выдающееся» из того времени и тех встреч, которые я

провел в его обществе. Для меня все было удивительно, а подчас просто неожиданно. Не скрою, я многое узнал именно от него, а не из книг. Потом, по прошествии какого-то времени, я удивлялся, уже сидя в библиотеке или архиве, что «это или это» я уже знаю, и знаю от него. По сути, он был моим «лоцманом» в истории Восточной Пруссии и её городов. Не сомневаюсь я также и в том, что память о нем будет жить, и я храню в моем архиве его статьи, его фотографии...

Я работал в замке Георгенбург около шести лет. Все шесть лет мы постоянно встречались и, конечно, говорили об истории. У меня такое ощущение, что часть своих рассказов о каком-нибудь эпизоде местной истории сначала он проверял на мне, а потом отдавал в печать. Может быть, мне это кажется.

В конце 90-х годов у меня был большой перерыв, я не был в Черняховске и области около четырёх лет. И вот я приехал на раскопки в Музей Океана в Калининград в 2001 году. Признаться, думал, что меня забыли. Но какое было моё удивление, когда на Набережной я увидел фигуру крепко сложенного мужчины в белых брюках, идущего быстрой походкой ко мне, – я моментально узнал своего старого друга, Геннадия Федоровича Разумного.

...Прошло три года с момента Гениной смерти. Но я до сих пор не могу поверить, что его нет среди нас. Вот и сейчас, когда я брожу по Черняховску, я кожей ощущаю его присутствие рядом, его дыхание и слышу его слова. Порой вдруг возникает мысль: стоит мне повернуть за дом – и я увижу его непринужденно болтающим с приятелем...

*Москва – Черняховск – Москва.
5 июня 2005 – 20 августа 2006.*

Евгений Калашников

ПРОВОДНИК В ИСТОРИЮ КРАЯ

Мое знакомство с Геннадием Федоровичем Разумным состоялось осенью 2001 года в городе Черняховске, когда наш отряд Деснинской археологической экспедиции, возглавляемый М.Г. Гусаковым, проводил охранные археологические раскопки на месте будущего строительства супермаркета «Вестер». Об этом неординарном человеке

я слышал и раньше, но пути наши пересеклись только в эти дождливые сентябрьские дни. Он, участвуя в раскопках землекопом, рассказывал нам подробно о Черняховске-Инстербурге в целом, и в частности о районе Шпарге, где мы проводили исследования. В выходные Гена устроил нам, людям приезжим и с Черняховском незнакомым, экскурсию с удивительными ис-

ториями о своем любимом городе. Когда наши первичные знания о городе были более-менее оформлены, он перевел внимание на окрестности Черняховска, куда и водил нас в «походы». Каждое новое место сопровождалось занимательными рассказами – и не только историческими, но и зачастую юмористическими. Мы с ним побывали во многих местах, прочувствовав их «не только головой, но и ногами»: в основном это были пешие прогулки, – так он заставил работать нашу механическую память, и эти места остались в душе навсегда. Так же, как и слова: «Историю своего края каждый должен знать в пределах Разумного». А уж этого знания у него было не отнять.

Однажды Геннадий посетовал на то, что, к большому сожалению, Черняховский район на многие годы незаслуженно остался без внимания археологов, а он очень богат археологическими памятниками. Ведь Надровия – это та прусская земля, которая дольше всех сопротивлялась тевтонскому завоеванию, – примером тому может служить городище Камсвикус, известное в исто-

рических хрониках как последний оплот борьбы пруссов. Почему это городище забыто? Может, стоит начать его научные исследования? Так Гена Разумный не только разжег любопытство к городищу Камсвикус, но и утвердил мое желание со следующего года приступить к его изучению. В течение следующих двух лет мы проводили на этом городище археологические работы, вдохновителем которых был Геннадий Федорович Разумный и на которых он присутствовал лично.

Но вот Гены не стало... И как-то и наши работы на Камсвикусе свернулись. Конечно, прекращение их можно было бы оправдать большой занятостью на других объектах, но подспудно чувствуешь, что, если бы Гена был жив, он нашел бы такие слова, такие причины, которые помогли бы преодолеть безмерную занятость и продолжать начатое. И я очень надеюсь на то, что не только интерес к этому памятнику археологии и не только память о Геннадии, но и та любовь к Надровии, которую он привил, в ближайшем будущем вернет нас к продолжению исследования Камсвикуса и Черняховского района.

Игорь Ерофеев

НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ ГЕННАДИЯ РАЗУМНОГО

З апомнилась самая первая встреча с Геной, когда он пришел ко мне домой просто так, без предварительных согласований. Я тогда жил с родителями в доме на площади Ленина, где периодически устраивал вечеринки с «центральной» молодежью, в круг которой входили различные творческие и «околотворческие» люди города. Шел 1978 год, последний более-менее беспечный год СССР: еще не было Афганистана, «всемирной» Олимпиады, которые подкосили большую страну, которая и так еле держалась на ногах. Политикой мы не интересовались, больше стараясь заглянуть за пресловутый «железный занавес». В те годы почти все было «низзя», под гласным или негласным запретом, в том числе рок-музыка, классическое «буржуйское» кино и литература, а также история, не совпадавшая с общепринятой доктриной. Компания обычно собиралась в моей музыкально оснащенной комнате и вела разговор о новых раздобытых рок-альбомах, «подпольных» книгах, религии, ценах на джинсы, батники, шузы, «котлы» и прочую

амуницию, без наличия которой «центральной» не мог считать себя продвинутым. Называли мы свой клан почему-то «гортопом», не имея ничего общего с топливоснабжающей конторой. Время проводили весело. Внедрили первую в городе дискотеку, когда это слово еще было мало кому известно, поигрывали на гитарах песни БГ, Майка, Макаревича и Никольского. Во время одной из таких посиделок и появился Гена, ожививший наше образование новой «фишкой» – он принес с собой «запрещенные», невесть где найденные немецкие открытки с видами Инстербурга и Кенигсберга. Строгая красота не чужих для нас городов впечатлила всех. Особенно поразила открытка, на которой было запечатлено внутреннее убранство Лютеранской кирхи – потом «гвоздилки», взорванной в 1976 году. Впрочем, удивляли не только сами открытки, а основательный комментарий Гены по поводу любого изображенного архитектурного объекта Инстербурга. Имеющийся за окном Черняховск – серый, обшарпанный, чахнувший от своей неухоженности – явно усту-

пал своему предшественнику с шестивековой историей. Только зеленый парковый пояс, обнимающий его потрепанное тело, сохранял образ города, в котором живут люди. Затем Гена стал приносить в «гортоп» немецкие карты, вырезки из газет, негативы и другие материалы. Я бы не сказал, что кто-то из нас разделил его увлечение, — мы продолжали оставаться на позициях потребления музыки и модных вещей. Он же, как мне тогда казалось, был одержим в своих изысканиях, стараясь внушить нам мысль, что наш город интересен даже в таком жалком и изувеченном виде. Эту скрытую красоту кроме него, пожалуй, никто тогда не видел...

От нашего «гортопа» осталось трое, остальные уже не живут. Нет и Гены... А тогда, в начале 80-х, он был полон энергии. В дальнейшем судьба нас развела, хотя жили в одном городе. Иногда встречались на улицах, говорили о разном. Я — традиционно о музыке и книгах, он — об истории края и новых находках. От него я впервые узнал, что в Инстербурге останавливался Петр I, проводил революционную «обработку» пролетарских масс Эрнст Тельман, что здесь имелся один из лучших в Европе ипподромов, что в Инстербурге варили отменное пиво и что в городе жил человек, который изобрел застежку-«молнию». По иронии судьбы, я поступил в Калининградский университет на исторический факультет. Он исторического образования так и не получил, что не помешало стать ему истинным краеведом. В «доперестроечные» времена «обо всем немецком» в университете старались умалчивать, но в городах области появлялись

люди, для которых знание истории края становилось смыслом жизни. В Гусеве таким человеком был Александр Иванов, в Советске — Исаак Рутман, в Черняховске — Геннадий Разумный, оставшийся верным своему делу до конца...

Следующий этап наших отношений пришелся на 1992 год, когда начались раскопки епископского замка Георгенбург, которыми руководил сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН Михаил Гусаков. Это были годы всевозрастающего интереса к немецкой истории и появления в регионе первых ностальгирующих туристов из Германии. Гена, пополняя знания из уст «первоисточников», стал печататься в местной прессе, открывая черняховцам секреты их же города. Общаться с ним было крайне интересно — и не только потому, что он обладал широкой эрудицией, а потому, что он был открытым и располагающим к себе человеком.

Потребовалось еще десять лет, для того чтобы заняться с ним совместным проектом — мы начали выпускать историко-краеведческий журнал «Надровия». Не сказал бы, что работало над выпуском журнала легко. В спорах мы сделали три номера «Надровии», четвертый номер он уже не увидел, хотя его статьи вошли в этот выпуск...

Сегодня, открытый Разумным, Черняховск на глазах меняется к лучшему, оправдывая статус исторического города России, и в этом безусловная заслуга первого краеведа, первым поверившего, что этот город с богатым прошлым ожидает не менее ценное будущее.

Галина Каштанова-Ерофеева

ОН, КАК НИКТО ДРУГОЙ, ЗНАЛ ДУШУ СТАРОГО ГОРОДА...

Памяти черняховского краеведа Геннадия Федоровича Разумного

Имя Геннадия Разумного знают и помнят многие в городе, который не был для него просто местом жительства. По меньшей мере, три десятка лет он посвятил изучению «биографии» Инстербурга-Черняховска, собирая его «портреты» — репродукции старинных гравюр и картин, открытки и

фотографии — и, по крупицам буквально, или, можно сказать, как кусочки мозаики, — упоминания, сообщения о жизни города, о его замках и кирхах, о селениях, его окружавших, о людях, судьбы и дела которых были связаны с этой богатой историей земель. Так постепенно вырисовывался образ края в координатах вре-

мени-пространства и становился все более отчетливым, объемным...

Он родился 4 мая 1955 года в семье первых переселенцев, приехавших в Черняховск в 1947 году, учился в средней школе № 2 (ныне гимназия), срочную службу проходил в Закавказском военном округе, в железнодорожных войсках (говорят, не без гордости вспоминал о том, что служил медбратом). Работал в Черняховском водоканале (еще до армии), на деревообрабатывающем комбинате, окончил Орловский строительный техникум, большую часть своей трудовой биографии проработал оператором котельной установки на КПД (комбинате крупнопанельного домостроения) и какое-то время в отеле «У медведя» (в середине 90-х годов помогал восстанавливать и обустроить здание), сотрудничал также с «Контакт-бюро» – проводил экскурсии для гостей города. А его увлечение, начавшееся в юности с коллекционирования открыток и старых фотографий и переросшее в изучение истории города и края, стало для него смыслом существования.

Геннадий Федорович Разумный был активным членом Ассоциации представителей культуры и искусства города Черняховска (1989-1991; инициатор создания Ассоциации – А.И. Иванова, возглавлявшая тогда отдел культуры Черняховской администрации, председатель – В.П. Осадчий), входил в число учредителей Фонда возрождения духовных исторических ценностей, в который была реорганизована Ассоциация (1991-1992; президент Фонда – С.Э. Попов), являлся председателем городского Совета содействия Советскому фонду культуры. Ассоциация (Фонд) издавала историко-краеведческую газету «Воскресение» (первый номер вышел 23 сентября 1990 года), и Г. Разумный, вместе с В. Михейлисом, В. Ходюком, Г. Гончаровым, Н. Мартыненко, М. Терехиной, Д. Сечкиным и другими членами Ассоциации и добровольными помощниками, занимался подготовкой материалов к публикации; позже, на протяжении более чем десятка лет, он вел одноименную рубрику в газете «Полнос» («Полнос + ТВ»). Благодаря этой просветительской деятельности черняховцы познакомились с фактами из довоенной истории города, в котором живут, узнали о существовавшем прежде в замке Музее Общества старины и об историко-краеведческих изысканиях членов Общества, о легендарном прошлом Камсвикуса и Норкиттена, Георгенбурга и Заалау, о знаменитых выходцах из Инстербурга – писателях Эрнсте Вихерте и Вильгельме Йордане, изобретателе застезки-«молнии» Карле Вихофере, об инстербургских

страницах жизни выдающегося архитектора XX столетия Ханса Шароуна и многое, многое другое. На страницах «Воскресения» публиковались и воспоминания первых переселенцев, восстанавливавших город после разрушений Второй мировой войны, и написанные в далекие 40-е и 50-е стихи молодых черняховцев о своем времени и ощущении жизни. В краеведческой рубрике журнала «Мой город Черняховск» также появлялись материалы Геннадия Разумного. Но ему мало было о прошлом рассказать – он стремился по мере сил и возможностей памяти прошлого сохранить, сознавая, что создания культуры, какой бы она «национальности» ни была, – достояние общее. Так, например, в годы «перестройки» (время, когда дух захватывало от нахлынувшей свободы, время перемен, когда казалось, что можно сделать очень много и очень скоро, – а делать нужно было: здания, доставшиеся этому времени в наследство от былых эпох, ветшали и разрушались без умной поддержки человека), благодаря Фонду и не без участия Разумного, занятой под склад и утрачивавшей облик прежней красоты католической кирхе на улице Ленина было возвращено ее истинное предназначение. Знакока старого города нередко приглашали в администрацию как консультанта по вопросам градостроительства. Еще в 1989 году он установил контакт с Инстербургским землячеством, обосновавшимся в Крефельде и издававшим свой журнал («Insterburger Brief»), в 1990-м он стал его первым гостем из Черняховска. Эти связи упрочивались и расширялись, его имя стало появляться на страницах «Insterburger Brief», а впоследствии черняховский краевед был удостоен звания почетного члена Инстербургского землячества.

Последним детищем Геннадия Разумного стал историко-краеведческий журнал «Надровия», идею и концепцию которого он разработал, а потом воплощал вместе с единомышленниками.

Он мечтал написать книгу...

21 августа 2003 года его не стало...

Упорство в достижении цели и кураж, ненасытная – почти по-детски – любознательность, перекрывавший все, не угасавший до последнего дня интерес к истории края, а главное – глубинная, недекларируемая, но подтвержденная неоднократно делом любовь к своему городу – вот определяющие черты внутреннего облика краеведа и гражданина Геннадия Федоровича Разумного. Когда он ушел, высветился вдруг истинный масштаб того, что он успел сделать. Долгая Память ему – человеку, который, как никто другой, знал душу старого города...

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты печатаются по указанным ниже изданиям местной и региональной прессы. Материалы, выходявшие в свет неоднократно, в настоящем издании приводятся в варианте, который составители сочли наиболее полным. Пояснения относительно понятий, наименований, фактов, упоминающихся в текстах и отмеченных знаком (*), а ниже выделенных курсивом, составлялись Г.Ф. Разумным и публиковались им вместе с материалами. Приводившиеся в публикациях названия первоисточников, имена авторов, а также лиц, переведших материалы с немецкого языка или готовивших их к печати, даны в скобках после заголовков и номеров страниц альманаха, где эти материалы размещены.

Условные сокращения: Вс – газета «Воскресение» (Черняховск); П – газета «Полюс» (Черняховск); П+ – «Полюс-Плюс»; ежемесячный, позже еженедельный (субботный) выпуск газеты «Полюс» (1995-1999гг.); ПТВ – газета «Полюс + ТВ».

ГАЗЕТА «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Страницы истории (стр.9) (предисловие к материалу: Геннадий Разумный); Хроника событий (стр.11). – 1990, №1, 23 сентября.

Памятник культуры (стр.11) (Г. Разумный, председатель Совета содействия Советскому фонду культуры г.Черняховска); **«Анхен из Тарау»** (стр.12) (Г. Разумный). – 1990, №2, 4 ноября.

Об этом не мог мечтать Шинкель... (стр.14) (перевод Владимира Михайлиса, подготовил Геннадий Разумный). – 1990, №3, 9 декабря; 1991, №4, 20 января. *Карл Фридрих Шинкель* (1781-1841) – выдающийся немецкий архитектор и художник; его работы в Берлине – Театр, Старый музей, Новая кордегардия и др.; в Инстербурге – памятник М.Б. Барклаю-де-Толли (1821), тюрьма (1835). ...и **Министерство здравоохранения...** – В январе 1989г., по высказываниям советских властей, поменялось ведомство психиатрических заведений, он перешло от МВД, НКВД к Министерству здравоохранения. В данном случае речь идет о старой тюрьме Инстербурга, которая использовалась как таковая до 1933г., затем до 1945г., из-за отсутствия гигиенического оборудования, в качестве лагеря трудовой повинности. После 1945г. использовалась советскими властями как лагерь для заключенных, тюрьма и т.п. *Построенная немцами в Восточной Пруссии тюрьма...* – Первоначально здание было рассчитано на 400 человек. *В беседе с ним...* – Доклад заместителя государственного секретаря США о результатах проверки советских психиатрических учреждений группой американских психиатров. Департамент по правам человека и гуманитарной помощи от 12 июля 1989г., Вашингтон.

Меланхтонкирхе (стр.18). – 1991, №4, 20 января.

Кант и Юдшен (стр.19) (Петер Верстер // Гумбиннен – Билефельд, 1979. Юбилейный выпуск общества; перевод с нем. Нины Мартыненко; подготовил Геннадий Разумный, Владимир Ходюк). – 1991, №4, 20 января; 1991, №5, июнь.

Замок Инстербург (стр.24) (Фридрих Борхерт // Остройсенблатт, 1985, 2 марта; перевод В. Михайлиса, подготовил Г. Разумный); **Новое о кирхе** (стр.28) (подготовил Г. Разумный); **Наша справка** (стр.35) (Г. Разумный); **Инстербург и...** **Анхен из Тарау** (стр.27). – 1991, №6, сентябрь. *Иоганн Готфрид Гердер* (1744-1803) – немецкий философ и писатель, род. в Морунгене (Восточная Пруссия), окончил Кёнигсбергский университет, ученик Канта. В Инстербурге его именем названа улица (ныне ул.Кузузова), параллельно ей шла Каншттрассе (ныне ул.Виноградная).

22 января, 1945 год (стр.29) (перевод Н. Мартыненко, подготовил Г. Разумный); **Исругис – Инстербург – Черняховск** (стр.31) (из книги В.Шлиаса и Г. Самборы «По Малой Литве», «самиздат», 1983); **История одного памятника** (стр.50). – 1992, №7, январь.

Забитый постамент (стр.33) (Г. Разумный); **Троллейбусы в Инстербурге** (стр.34) (Г. Разумный); **Прусские литовцы** (стр.36) (статья из русской энциклопедии «Брокгауз и Ефрон», т.50, с.623). – 1992, №8, февраль.

РУБРИКА «ВОСКРЕСЕНИЕ»

В ГАЗЕТАХ «ПОЛЮС» И «ПОЛЮС + ТВ»

Епископ из Инстербурга (стр. 37) (Бруно Эверт // Инстербургер Бриф; перевод Марины Терехиной). – П, 1995, №47-48, 27 мая.

Восточнопруссские сказания (стр.38) (Христа Хинце, Ульф Дидерихс. Восточнопруссские сказания, Кельн, 1983; перевод Светланы Недоскиной, подготовил Андрей Козлов). – П, 1995, №47-48, 27 мая; №67-68, 29 июля; №80-81, 9 сентября.

И повторится все, как встарь?.. (стр.40) (подготовил Д. Сечкин; фотоматериалы предоставил Г. Разумный). – П, 1995, №67-68, 29 июля.

Из легенды в баль (стр.42) (Сергей Пронин). – П, 1995, №80-81, 9 сентября. **Художники из Инстербурга** (стр.44) (по материалам газеты «Остройсенблатт»; Геннадий Разумный, Марина Терехина /отдел иностранной литературы и краеведения городской библиотеки). – П+, 1995, №84-86, 23 сентября.

120 лет гимназии Инстербурга (стр.47); **«...Печально за столом сидела...»** (стр.48); **Стихи и песни Фриды Юнг** (стр.49) (Г. Разумный, перевод Г. Гончарова, перевод стихов М. Терехиной). – П+, 1995, №95-97, 28 октября.

Лютеранская кирха в Инстербурге (стр.51) (Г. Разумный, В. Михайлис). – П+, 1996, №1, январь; №2, февраль.

Курс – Инстербург (стр.58) (рассказ военного летчика В.В. Калашникова); **Начало** (стр.58) (рассказ Федора Распоркина о начале наступления в Восточной Пруссии; из книги «Северный бастион»). – П+, 1996, №3, март.

Из Шприндта в Кенигсберг и обратно... (стр.60) (Герда Ениген; перевод М. Терехиной). – П+, 1996, №3, март; №4, апрель; №5, май; №64-65, 27 июля;

№77-78; 31 августа; №95-96; 12 октября; №110, 23 ноября; №117-118, 16 декабря; 1997, №12-13, 1 февраля.

1946-й. Так начиналась жизнь... (стр.70) (Н.Яковлев); **Первый комендант** (стр.71) (А. Зимин). – П+, 1996, №4, апрель.

Наша биография (стр.72). – П+, 1996, №5, май; №64-65, 27 июля.

Рассказ колхозника И. Тюрина из села Каменское (стр.76); **178 лет назад умер М.Б. Барклай-де-Толли** (стр.77). – П+, 1996, №5, май.

Фридрих II Великий. Письмо из провинции (стр.78) (Отрывок из письма Фридриха II Вольтеру; перевод Геннадия Гончарова). – П+, 1996, №64-65, 27 июля.

Замку Инстербург – 660 лет (стр.79) (доклад судьи фон Барена на торжественном собрании Общества древностей Инстербурга, посвященном 300-летию города, 1883; перевод Г. Гончарова). – П+, 1996, №77-78, 31 августа; №95-96, 12 октября; №110, 23 ноября; №117-118, 16 декабря; 1997, №12-13, 1 февраля; №23, 5 марта; №35, 5 апреля; №50, 17 мая; №59, 11 июня; №73, 19 июля; №97-98, 20 сентября. *Полковник де ля Кав* жил в своем имении Дидлакен (пос.Тельманово) и стал позже губернатором Пиллау (г.Балтийск); его род прекратился в 1731г., и владения перешли в собственность государства.

«Отец аистов» (стр.98). – П+, 1996, №77-78, 31 августа.

Профессор музыки Герберт Вильгельми (стр.99). – П+, 1996, №110, 23 ноября.

Барби снова в Инстербурге. Виртуальная история (стр.99); **Свято-Михайловская церковь, бывшая Реформатская церковь города Инстербурга** (стр.101) (рассказ архитектора Фридриха Адлера); **Улицы, аллеи, площади...** (стр.103). – П+, №1-3, 1996, 31 декабря – 1997, 1 января.

История на этикетках (стр. 104) (перевод Г. Гончарова). – П+, 1997, №12-13, 1 февраля.

Искусный ремесленник (стр.104); **«Зеленая кошка»** (стр.105) (переводы Г. Гончарова). – П+, 1997, №23, 5 марта.

Литературные находки (стр.106) (Г. Разумный по «Повести о сильном богатыре Чуриле Пленковиче» В.А. Левшина, опубликованной в книге «Приключения славянских витязей»: М., 1988); **Автор памятника инстербургским уланам** (стр.107) (перевод Г. Гончарова). – П+, 1997, №35, 5 апреля.

Ауловёнен – Ауленбах – Калиновка (стр.108); **Памятник Корну** (стр.109); **Памятник Михелю** (стр.109). – П+, 1997, №50, 17 мая.

Инстербург после битвы (стр.110) (рассказ суперинтенданта Августа Хайдемана из летописи Лютеранской кирхи); **Судьба постаментов** (стр.111). – П+, 1997, №59, 11 июня.

История почты в Инстербурге (стр.112); **Записки, веденные во время путешествия императрицы Елисаветы Алексеевны по Германии** (стр.118) (коллежский советник В.М. Иванов). – П+, 1997, №73, 19 июля.

Лошади Немецкого ордена (стр.114); **«Нет препятствий померяться силами...»** (стр.115); **Конный завод в Георгенбурге** (стр.116); **Семья Симпсонов** (стр.117). – Спецвыпуск рубрики: П, 1997, №84-85, 20 августа.

Замок Георгенбург (стр.120). – П+, 1997, №110-111, 25 октября; №1-3, 1997, 31 декабря – 1998, 1 января; 1998, №15, 7 февраля.

Давид Лушнат (стр.125); **Основание деревни Зеслакен** (стр.126) (доктор Вальтер Грунерт; перевод Марины Терехиной). – П+, 1997, №110-111, 25 октября.

Татарский шлем (стр.128); **Часы** (стр.129). – П+, №1-3, 1997, 31 декабря – 1998, 1 января..

Эрих Дренгвиц (стр.130). – П+, 1998, №15, 7 февраля.

Инстербург и окрестности 120 лет назад (стр.131) (отрывки из книги Л. Пассарге «Из балтийских стран»); **Сожженная синагога** (стр.133). – П, 1998, №38, 4 апреля.

Философ, писатель, педагог (стр.133); **Как Инстербург стал портовым городом** (стр.135) (из архива «Инстербургер Бриф»; перевод Г. Гончарова). – П+, 1998, №62-63, 6 июня.

Улицы нашего города (стр.137) (из архива «Инстербургер Бриф»). – Вс, 1992, №8, февраль; П+, 1998, №62-63, 6 июня, №78-79, 18 июля; ПТВ, №1, 2000, 29 декабря – 2001, 4 января.

Старое кладбище (стр.142); **Альфред Бруст** (стр.143); **Рано утром** (стр.143) (стихотворение Альфреда Бруста; перевод Геннадия Гончарова и Светланы Бондаренко). – П+, 1998, №78-79, 18 июля.

Орденский меч из Симовишкена (стр.144) (Вальтер Грунерт; перевод Геннадия Гончарова). – П+, 1998, №96-97, 5 сентября.

Беспокойная Мария (стр.145); **Городские права Инстербурга** (стр.146); **Башня Пайнтурум** (стр.149). – П+, 1998, №124-125, 28 ноября.

Воспоминания последнего бургомистра Инстербурга доктора Вандера (стр.150) (оригинал хранится в государственном архиве Германии в г.Кобленце, датирован 7 ноября 1952; перевод Г. Гончарова). – П+, №1-2, 1998, 31 декабря – 1999, 1 января; 1999, №16-17, 13 февраля; №51-52, 26 мая; №107-108, 9 октября; ПТВ, 2000, №4, 24-27 января.

Мститель (стр.157) (Г. Разумный). – П+, №1-2, 1998, 31 декабря – 1999, 1 января.

Евангелическо-лютеранская кирха Христа в Инстербурге (стр.158); **Поэт Вильгельм Иордан из Инстербурга** (стр.159); **«Мне тем величье подарили...»** (стр.160) (стихотворение Вильгельма Иордана). – П+, 1999, №16-17, 13 февраля.

Альтхоф (стр.160); **Вилла Брандес** (стр.162). – П+, 1999, №51-52, 26 мая. **Инстербургские узкоколейные железные дороги** (стр.163). – ПТВ, 1999, №6, 24-29 декабря.

Исполнилось 160 лет Инстербургскому конному турниру (стр.166) (По доктору Вальтеру Генцеру). – П+, 1999, №107-108, 9 октября.

Церковная община Дидлакен (стр.169); **Больница Альберта Бирта** (стр.171); **Врата ада?**.. (стр.171); **Герб округа** (стр.171). – ПТВ, №1, 1999, 30 декабря – 2000, 5 января. **Капитан Паин** был первым управляющим Инстербурга во вновь созданном герцогстве Пруссия. За морское сражение у Бархольма получил звание адмирала от герцога Альбрехта. За время своего правления построил 11 церквей.

Прогулки по Инстербургу (стр.173) (Пауль Брок). – П, 1998, №78-79, 18 июля; ПТВ, 2000, №17, 21-27 апреля.

Ханс Орловский (стр.175). – ПТВ, 2000, №17, 21-27 апреля.

Штурм Инстербурга (стр.176) (отрывок из документальной повести М. Альтмана, Н. Жмылева, опубликованной в Черняховской газете «Коммунист» в 1969-1970гг.). – ПТВ, 2000, №4, 24-27 января.

140 лет железной дороге в Инстербурге (стр.179); **Инстербургский комик Роберт Йоханнес** (стр.179) (из архива «Остпроессенблатт»); **Знаете ли вы «Пилькальнер»?** (стр.180) (стихотворение Роберта Йоханнеса; перевод Г. Гончарова и С. Бондаренко); **Тиволи-театр** (стр.181). – ПТВ, 2000, №27, 30 июня – 6 июля. **«Пилькальнер»** – восточнопрусская водка, названная по имени г.Пилькален (ныне пос.Добровольск Краснознаменского района). Водка наливалась в стаканчик, сверху клалась шайба ливерной колбасы, на которую капалась горчица. Выпивалось все это вместе. **Марьелькен** – так в Восточной Пруссии звались девушки.

Знаете ли вы... (стр.181) (из архива «Инстербургер Бриф»). – ПТВ, 2000, №27, 30 июня – 6 июля; №31, 28 июля – 3 августа.

Инстербургское пиво ...самое крепкое (стр.184); **Инстербургцам не надо было стыдиться** (стр.185). – ПТВ, 2000, №31, 28 июля – 3 августа.

А теперь – ни пуха, ни пера (стр.186); **Форштадт** (стр.186); **Нойнишкен – Нойнассау – Привольное** (стр.187). – ПТВ, 2000, №49, 1-7 декабря.

Паренек из Инстербурга (стр.188); **Актёр Траугот Буре** (стр.188); **Писатель Роберт Курпюр** (стр.189); **Немцы о литовцах в Восточной Пруссии** (стр.189) (перевод Г. Гончарова). – ПТВ, №1, 2000, 29 декабря – 2001, 4 января.

Находка филателиста (стр.194); **Архитектор Ханс Хёпкен** (стр.194); **Архитектор Мартин Грюнгер** (стр.195). – ПТВ, 2001, №33, 8-14 июня.

Болотное чудо франа Крюгер, или Как в Инстербурге появилась грязелечебница (стр.196) (1912); **Грязевой санаторий Вальдфриден** (стр.197). – ПТВ, 2001, №90, 28 декабря.

Замок Заалау. То, что было на месте руин (стр.198) (Фридрих Борхерт; из архива «Остпроессенблатт»). – ПТВ, 2002, №4, 18 января.

Гросс-Бубайне (Бережковское): большая история маленького поселка (стр.201); **Старик Дессау из Восточной Пруссии** (стр.204). – ПТВ, 2002, №10, 8 февраля.

Двор Хаген. Откуда есть пошел Зеленый Бор (стр.205); **Красная Горка – Неттинен** (стр.207) (с включением фрагмента из книги В.И. Кулакова «Дорогами Ульмеригии»); **Загорское – Пелленинген – Штригенгунд**: Очаг над ручьем Штриус (стр.207); **Учительский семинар в Каралене**: Малая родина большой физики (стр.209). – ПТВ, 2002, №34, 30 апреля.

Воладарова – Йодлауцен – Швальбенталь (стр.206). – ПТВ, 2002, №81, 11 октября.

Он был настоящим мужчиной! (стр.210) (Вальтер Гроссе, генерал в отставке). – ПТВ, 2002, №44, 7 июня.

Что такое FFAA? Союз за приличную архитектуру (стр.213). – ПТВ, 2002, №67, 23 августа.

РУБРИКА «БЫЛОЕ» В ГАЗЕТЕ «ПОЛЮС»

Герб нашего города (стр.215); **Каким был Инстербург до войны?** (стр.216) (по материалам «Путеводителя по Восточной Пруссии», 1930). – П, 1991, №107, 7 сентября.

Инстербургу – 408 лет (стр.219) (из книги Августа Амбрассата «Провинция Восточная Пруссия»; Кенигсберг, 1912; подготовил к печати Г. Разумный). – П, 1991, №123, 12 октября.

Архитектор из Инстербурга (стр.221) (по материалам журнала «Инстербургер Бриф»). – П, 1991, №154, 24 декабря.

Заалау (Каменское) (стр.222) (Г. Разумный). – П, выходные данные не установлены (материал печатается по вырезке).

Его карьера началась в Инстербурге (стр.224) (Г. Разумный); **Генераль-**

штрассе и Наполеон (стр.228) (Вильгельм Обгартель; подготовил Г. Разумный); **Фрида Юнг** (стр.227) (подготовил Г. Разумный); **«Медленно падают снежинки...»** (стр.227) (стихотворение Фриды Юнг; перевод В. Михайлиса). – П, №1-2, 1993, 31 декабря – 1994, 1 января.

Новая ратуша в новом стиле (стр.225). – П+, 1998, №15, 7 февраля. **Зимний день в Инстербурге** (стр.229) (Отто Хаген; перевод М. Терехиной; подготовил Г. Разумный). – П, 1994, №83, 15 октября.

Пусть каждый рокер Вихофера помнит (стр.231) (по материалам «Инстербургер Бриф»; подготовили Г. Разумный, М. Терехина, Д. Сечкин). – П, 1994, №101, 10 декабря.

Первый памятник И.Д. Черняховскому (стр.233) (Г. Разумный). – П+, 1996, №54-55, 29 июня.

Центр общественной жизни (стр.234) (подготовили Г. Разумный, М. Терехина); **Рекою лилось знаменитое пиво** (стр.236); **Замки города** (стр.237) (Г. Разумный; в подготовке использована книга А. Беттихера «Памятники культуры Восточной Пруссии: Кенигсберг, 1895»). – П, выходные данные не установлены (материалы печатаются по вырезкам).

ЖУРНАЛ «ЗАПАД РОССИИ»

Пять памятников генералу Черняховскому (стр.239) (Г. Разумный). – 1996, №2(16).

ЖУРНАЛ «МОЙ ГОРОД ЧЕРНЯХОВСК»

Надровия (стр.241) (выдержки из «Хроники магистров прусских» Марциана Мариниуса: Торн, 1582); **Сказания** (стр.244). – Мой город, 1998, №1.

Август 1938 года (стр.247) (Г. Разумный). – 1998, №2.

Замок Инстербург (стр.250) (Г. Разумный). – Мой город Черняховск, 1999, №3.

Из рассказа военнопленного (стр.253) (материалы предоставлены Г. Разумным). – 1999, №6. **Цементный лагерь** (3-й пер.Победы, бывшая воинская часть) – до войны предприятие по строительству дорог, фундаментов «Аудис унд Тизнес», после войны – лагерь для военнопленных №6357. **«Доска Почета»** долгое время стояла на углу улиц Спортивной и Ленина. **Пересыльный лагерь для военнопленных в Георгенбурге** располагался на территории конного завода. В замке находился госпиталь для военнопленных. Через этот лагерь прошло более 250 тыс.немцев. **Фонтан** был восстановлен в наше время, но уничтожен вандалами. **Биркенфельд** – пос.Красновка Черняховского района.

ГАЗЕТА «ДВИЖЕНИЕ ПАКЕТОВ»

Система образования в Инстербурге (стр.257) (Г. Разумный). – 1996, №1(1).

Спорт – залог здоровья (стр.260) (Г. Разумный). – 1996, №2(2).

Парки Инстербурга (стр.263) (Г. Разумный). – 1997, №2(4).

ЖУРНАЛ «НАДРОВИЯ»

Камсвикус – Тимофеевка (стр.265) (Г. Разумный). – 2002, №1.

Музей Общества старины замка Инстербург (стр.268) (Г. Разумный); **Портрет Канта из Инстербурга** (стр.272) (Герхард Киль // Инстербургер Бриф, 1984, №3-4; перевел и подготовил Г. Разумный); **Обелиск в Жилейтшене** (стр.270) (Г. Разумный). – 2003, №2. **Жилейтшен**. – Возможно, это название образовано от литовского *szilas* – «язычник»; не исключено, что название местечку дано от имени собственного, например от фамилии Szilei. **М.Б. Барклай-де-Толли** похоронен в родовом имении Бекгоф в Эстонии. **Ф.Ф. Вигель (1786-1856)** – чиновник Коллегии иностранных дел, литератор. **«Тильзит! При имени его обидном теперь не поболеет Росс...»** – Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Наполеон» (1821). В оригинале: «Тильзит!.. (при звуке сем обидном // Теперь не поболеет Росс)...»

Инстербург. Историческая справка (стр.273) (энциклопедия «Брокгауз», 1896); **Месяц в штабе**. Воспоминания русского офицера (стр.274) (П.А. Аккерман); **Русские в Инстербурге** (стр.278) (из воспоминаний Отто Хагена); **Отец переживает мировую историю** (стр.284) (Герман Торнер, владелец отеля «Дессауэр Хоф»); **Николай Гумилев в Восточной Пруссии** (стр.302) (Г. Разумный; фрагменты из «Записок кавалериста» Н. Гумилева). – 2003, №3.

Норикттен – Междуречье. Здесь когда-то стояли викинги (стр.305) (Г. Разумный); **Замковая гора у Норикттена** (стр.307); **Ханс Зимоляйт – художник из Норикттена** (стр.308); **Геркус Монте** (стр.309); **Геркус Монте и Хиршалкс**. Легенда-быль (стр.310). – 2004, №4. **Великое прусское восстание под предводительством Геркуса Монте** происходило в 1260-1274гг. По легенде, казнен он на горе Мангарбен.

«И ЭТО ВСЁ О НЁМ...»

М.Г. Гусаков. Геннадий Разумный. Последнее письмо к другу (стр.311). – Публикуется впервые.

Е.А. Калашников. Проводник в историю края (стр.312). – Публикуется впервые.

И.В. Ерофеев. Находки и открытия Геннадия Разумного (стр.313). – Публикуется впервые.

Г.В. Кашганова-Ерофеева. Он, как никто другой, знал душу старого города... (стр.314). – Балтийский альманах / Калининград, регион. обществ. фонд культуры; Калининградский клуб краеведов / Сост. А.Б. Губин. – Калининград, 2005, №5.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям и любителям истории. <i>Андрей Виноградов</i> 3	Из Шприндта в Кенигсберг и обратно. 60
От редактора. <i>Игорь Ерофеев</i> 4	1946-й. Так начиналась жизнь. 70
Vom Redakteur. <i>Igor Erofeev</i> 5	Первый комендант. 71
О деле Геннадия Разумного. <i>Галина Каштанова-Ерофеева</i> 6	Наша биография. 72
ГАЗЕТА «ВОСКРЕСЕНИЕ»	
Страницы истории. 9	Рассказ колхозника И. Тюрина из села Каменское. 76
Хроника событий. 11	178 лет назад умер М.Б. Барклай-де-Толли. 77
Памятник культуры. 11	<i>Фридрих II Великий</i> . Письмо из провинции. 78
«Анхен из Тарау». 12	Замку Инстербург – 660 лет. 79
Об этом не мог мечтать Шинкель. 14	«Отец аистов». 98
Меланхтонкирхе. 18	Профессор музыки Герберт Вильгельми. 99
Кант и Юдшен. 19	Барби снова в Инстербурге. 99
Замок Инстербург. 24	Свято-Михайловская церковь, бывшая Реформатская церковь города Инстербурга. 101
Инстербург и... Анхен из Тарау. 27	Улицы, аллеи, площади. 103
Новое о кирхе. 28	История на этикетках. 104
22 января, 1945 год. 29	Искусный ремесленник. 104
Исрутис – Инстербург – Черняховск. 31	«Зелёная кошка». 105
Забывший постамент. 33	Литературные находки. 106
Троллейбусы в Инстербурге. 34	Автор памятника инстербургским уланам. 107
Наша справка. 35	Ауловёнен – Ауленбах – Калиновка. 108
Прусские литовцы. 36	Памятник Корну. 109
РУБРИКА «ВОСКРЕСЕНИЕ»	
В ГАЗЕТАХ «ПОЛЮС» И «ПОЛЮС + ТВ»	
Епископ из Инстербурга. 37	Памятник Михелю. 109
Восточнопруссские сказания. 38	Инстербург после битвы. 110
И повторится все, как встарь?.. . . . 40	Судьба постамента. 111
Из легенды в быль. 42	История почты в Инстербурге. 112
Художники из Инстербурга. 44	Лошади Немецкого ордена. 114
120 лет гимназии Инстербурга. 47	«Нет препятствий померяться силами...». 115
«...Печально за столом сидела...» . . . 48	Конный завод в Георгенбурге. 116
Стихи и песни Фриды Юнг. 49	Семья Симпсонов. 117
История одного памятника. 50	Записки, веденные во время путешествия императрицы Елисаветы Алексеевны по Германии. 118
Лютеранская кирха в Инстербурге. . . . 51	
Курс – Инстербург. 58	
Начало. 58	

Замок Георгенбург	120	Ханс Орловский	175
Давид Лушнат	125	Штурм Инстербурга	176
Основание деревни Зеслакен	126	140 лет железной дороге в Инстербурге	179
Татарский шлем	128	Инстербургский комик Роберт Йоханнес	179
Часы	129	<i>Роберт Йоханнес</i> . Знаете ли вы «Пилькальнер»?	180
Эрих Дренгвиц	130	Тиволи-театр	181
Инстербург и окрестности 120 лет назад	131	Знаете ли вы...	181
Сожженная синагога	133	Инстербургское пиво ... самое крепкое	184
Философ, писатель, педагог	133	Инстербуржцам не надо было стыдиться	185
Как Инстербург стал портовым городом	135	А теперь – ни пуха, ни пера	186
Улицы нашего города	137	Форштадт	186
Старое кладбище	142	Нойнишкен – Нойнассау – Привольное	187
Альфред Бруст	143	Паренек из Инстербурга	188
<i>Альфред Бруст</i> . Рано утром	143	Актер Траугот Буре	188
Орденский меч из Симовишкена (1260 год)	144	Писатель Роберт Курпюн	189
Беспокойная Мария	145	Немцы о литовцах в Восточной Пруссии	189
Городские права Инстербурга	146	Находка филателиста	194
Башня Пайнтурм	149	Архитектор Ханс Хёпкен	194
Воспоминания последнего бургомистра Инстербурга доктора Вандера	150	Архитектор Мартин Грюнберг	195
Мститель	157	Болотное чудо фрау Крюгер, или Как в Инстербурге появилась грязелечебница	196
Евангелическо-лютеранская кирха Христа в Инстербурге	158	Грязевой санаторий Вальдфриден	197
Поэт Вильгельм Иордан из Инстербурга	159	Замок Заалау. То, что было на месте руин	198
<i>Вильгельм Иордан</i> . «Мне тем величье подарили...»	160	Гросс-Бубайнен (Бережковское): большая история маленького поселка	201
Альтхоф	160	Старик Дессау из Восточной Пруссии	204
Вилла Брандес	162	Двор Хаген	205
Инстербургские узкоколейные железные дороги	163	Володаровка – Йодлаукен – Швальбенталь	206
Исполнилось 160 лет Инстербургскому конному турниру	166	Красная Горка – Неттинен	207
Церковная община Дидлакен	169	Загорское – Пелленингкен – Штригенгрунд	207
Больница Альберта Бирта	171	Учительский семинар в Каралене	209
Герб округа	171		
Врага ада?...	171		
Прогулки по Инстербургу	173		

Он настоящий был мужчина!	210	ГАЗЕТА «ДВИЖЕНИЕ ПАКЕТОВ»	
Что такое ФФАА? Союз за приличную архитектуру	213	Система образования в Инстербурге	257
РУБРИКА «БЫЛОЕ»		Спорт – залог здоровья	260
В ГАЗЕТЕ «ПОЛЮС»		Парки Инстербурга	263
Герб нашего города	215	ЖУРНАЛ «НАДРОВИЯ»	
Каким был Инстербург до войны?	216	Камсвикус – Тимофеевка	265
Инстербургу – 408 лет	219	Музей Общества старины замка Инстербург	268
Архитектор из Инстербурга	221	Обелиск в Жилийтшене	270
Заалау (Каменское)	222	Портрет Канта из Инстербурга	272
Его карьера началась в Инстербурге	224	Инстербург	273
Новая ратуша в новом стиле	225	Месяц в штабе	274
Фрида Юнг	227	Русские в Инстербурге	278
<i>Фрида Юнг.</i> «Медленно падают снежинки...»	227	Отель переживает мировую историю	284
Генеральштрассе и Наполеон	228	Николай Гумилев в Восточной Пруссии	302
Зимний день в Инстербурге	229	Норкиттен – Междуречье	305
Пусть каждый рокер Вихофера помнит	231	Замковая гора у Норкиттена	307
Первый памятник И.Д. Черняховскому	233	Ханс Зимоляйт – художник из Норкиттена	308
Центр общественной жизни	234	Геркус Монте	309
Рекою лилось знаменитое пиво	236	Геркус Монте и Хиршхальс	310
Замки города	237	«И ЭТО ВСЁ О НЁМ...»	
ЖУРНАЛ «ЗАПАД РОССИИ»		<i>Михаил Гусаков.</i> Геннадий Разумный. Последнее письмо к другу	311
Пять памятников генералу Черняховскому	239	<i>Евгений Калашиников.</i> Проводник в историю края	312
ЖУРНАЛ «МОЙ ГОРОД ЧЕРНЯХОВСК»		<i>Игорь Ерофеев.</i> Находки и открытия Геннадия Разумного	313
Надровия	241	<i>Галина Каптанова-Ерофеева.</i> Он, как никто другой, знал душу старого города	314
Сказания	244	ПРИМЕЧАНИЯ	316
Август 1938 года	247		
Замок Инстербург	250		
Из рассказа военнопленного	253		